

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

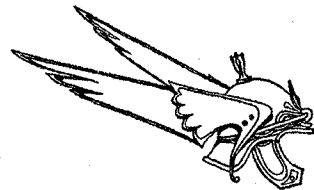
ТОРИР

РЫЖЕБОРОДЫЙ

Майкл
Резник

Он не знал,
какой ценой
ему достанется
победа!

Сказание о Торире

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ТОРИР

РЫЖЕБОРОДЫЙ

Майкл Резник

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США

Р 34

РЫЖЕБОРОДЫЙ

РОМАН

Иллюстрация на обложке
Никиты Андреева

- © John Boardman. «The testament of snefru», 1961
- © Ray Capella. «The Lion's bridge», 1963
- © Fritz Leiber. «When set fled», 1961
- © C. L. Moore. «Black god's kiss», 1961
- © Gardner F. Fox. «Kathak of the Magic Sword», 1969
- © J. Jakes. «Devily in the walls», 1963
- © M. Resnic. «Red Beard», 1969

Резник М.

Р 34 Рыжебородый: Роман / Пер. с англ. — СПб.:
Терра—Азбука, 1996. — 432 с.
ISBN 5-7684-0079-6

Великий воин-варвар Рыжебородый Торир Донахью всю свою жизнь борется против дьявольского колдуна Гарета Кола, задумавшего уничтожить Людей и решившего заполнить землю ужасными Уродами. Страшную цену придется заплатить Рыжебородому, чтобы сорвать планы чародея...

Кроме того, в книгу включены повести К. Л. Мур, Джона Джейкса и Гарднера Фокса — непревзойденных мастеров героической фэнтези.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0079-6

Глава 1

Донахью не был приспособлен к жизни.

Конечно, Гарет Кол понял это, только взглянув на него. Да и остальные Уроды сразу узнали об этом.

Когда малышу исполнилось девять лет, он с ножом подкрался к своему брату и отрубил обе его головы. Скорее всего, судя по записям, он превратился в самого молодого убийцу среди Уродов. Еще до того как ему исполнилось десять лет, поймав в одном из Туннелей Джуклия Крейна, Донахью окрасил кровью свою дубинку. Это случилось на следующий год после убийства брата.

А Гарет Кол не только разрешил ему жить, но и решил дать малышу возможность показать себя. В пятнадцать лет подросток возглавил рейд на Ступицу и вернулся с дюжиной окровавленных голов, подвешенных у пояса. Прошел еще почти год, прежде чем юный рыжеволосый убийца решил счистить с них остатки плоти.

Торир Донахью устраивал набеги на Ступицу и Побережье еще дюжину раз за столько же лет и был проклят миллионы раз по ту сторону бесплодных земель.

Донахью и сам много раз посылал проклятия, большинство в адрес Гарета Кола. Юноша не выкрикивал их громко, но ругался от души. Кол знал об этом...

Донахью сплюнул на песок, вытер слюну с грубых красных волос бороды и посмотрел вверх. Над его головой кружило неземное существо, похожее на птицу, с огромными кожистыми крыльями, оставляющее в кильватере огненный след. Оно безумно закудахтало, устремилось вниз к реке, а потом повернуло на запад.

— Убери отсюда свои проклятые игрушки! — взревел Донахью, глядя вслед существу.

— В чем дело? — поинтересовался златовластый юноша, стоявший рядом с ним.

— Ни в чем, — пробормотал Донахью. — Я только сказал Гарету Колу, что он может сделать со своими проклятыми чудовищами.

Юноша закрыл глаза и повернулся в сторону Туннелей.

— Гарет сказал... Тебе нужно помнить, что птицы скажут нам, когда нападут Норманы.

— Когда мне понадобится его помощь, я ее попрошу! — фыркнул Донахью, показав, что не желает разговаривать на эту тему. Он снова посмотрел на реку. Донахью не нужны были изрыгающие огонь существа. И без них он знал, что Норманы двинутся через реку, как только ее затянет туман. Существовал еще и большой туннель. Норманы однажды, несколько лет назад, воспользовались им. Ни один из них не вернулся домой... Донахью прикинул, где окажутся Норманы, когда выйдут из тумана. В трехстах, может быть, в трехстах пятидесяти ярдах от того места, где он стоял. Военные корабли Норманов не смогут преодолеть это расстояние

меньше чем за пять минут, особенно если в них полетят тысячи стрел.

Донахью снова повернулся к юноше.

— К Рету, ждать этих птиц! Обратись к Крагу и скажи ему, пусть глянет сквозь туман, если сможет.

Юноша еще крепче сжал веки.

— Краг говорит, что снаружи слишком много света. Он ничего не видит.

— Тогда скажи ему, пусть возвращается в Туннели. У нас есть дела поважнее, чем защищать слепого трехглазого Урода.

Юноша кивнул.

Донахью снова осмотрел свою армию. Норманы будут соблюдать тишину, будьте уверены, но это им не поможет. Его-то Уроды — Донахью сморщился от этого слова — могут вести десять лет войну, не сказав ни единого слова. За исключением его самого.

Огромный альбинос неторопливо подошел к Донахью, моргая розовыми глазами и держа руку так, чтобы защитить их от солнца. Альбинос остановился перед Донахью и внимательно посмотрел на него.

— Ну? — требовательно произнес Рыжебородый.

— Я забылся, — медленно произнес альбинос. Донахью, нахмурившись, посмотрел на него. — Норманы будут здесь через минуту.

— И откуда, Рет подери, у тебя взялась такая уверенность? — спросил Донахью, хоть и знал ответ.

— Я... я не знаю. Я каким-то образом почувствовал.

— Все, что я чувствую, так это только жажду, — заявил Донахью.

— Гарет говорит, чтобы ты прекратил ругаться, — сказал юноша, приоткрыв глаза.

— Ты скажи Рету, что, когда он научится вспарывать Людям животы, как остальные Уроды, я стану слушать его приказы... и не раньше! — проревел Донахью.

Сзади неожиданно появилось крылатое существо. Оно ринулось вниз к Рыжебородому, безумно крича и оставляя за собой огненный след. Донахью скользящим движением сорвал дубинку с пояса и метнул ее прямо в морду приближающейся твари.

Существо исчезло.

— Прекрати играть со мной в эти идиотские игры, — проревел Рыжебородый, потрясая кулаком в сторону Туннелей, — или я вырежу твое сердце, раньше чем наступит ночь!

Ответа не было, и, удовлетворившись, он повернулся назад, к альбиносу.

— Иди к Джереми и Брину и скажи им, чтоб подлетели к краю тумана. Я хочу точно знать, где высадятся Норманы.

— Да, — ответил альбинос и собрался уходить.

— Ты можешь никуда не ходить, — остановил его юноша. — Поговори с ними мысленно.

— Кто тебя спрашивал? — прорычал на него Донахью. — Ты делай, что тебе говорят, и не суй свой нос куда не надо.

Юноша наконец полностью открыл глаза.

— Ты можешь не любить Силу, — спокойно сказал он. — Один Рет знает, почему ты ненавидишь ее, но задумайся о ее возможностях и используй ее.

Донахью пристально посмотрел на юношу, начал было говорить что-то, но задумался и

снова уставился на реку. Юноша опять закрыл глаза.

Должно быть, прошла лишь минута или две. Так сказал альбинос: а он никогда не ошибается. Рет побери! На их землю посягали Норманы, и Донахью защищал ее с пестрой смесью Уродов и преступников. Он прошептал проклятие себе под нос и, выловив большое насекомое из бороды, раздавил его ногтями и выбросил.

Уроды-Летуны нырнули в туман и вскоре неожиданно вынырнули из него в десяти футах над водой. Джереми поднял одну из своих рук, показывая, что атакующие под ним, а Брин единственным своим пальцем показал на то место, где Норманы выйдут из тумана.

За спиной Рыжебородого появилось пылающее существо с огненным хвостом, и Донахью с холодной яростью посмотрел на него.

— Гарет, убери свою тварь отсюда! Я не дитя!

— Не говори так громко, — вежливо попросил златовласый юноша. — Гарет и так услышит тебя, а Норманы по крикам узнают, где мы их поджидаем.

— Если ты откроешь свои проклятые глаза, то и сам увидишь Норманов. Тогда нам проще будет защищаться, — проворчал Донахью.

— Ты же знаешь, с закрытыми глазами я принесу больше пользы, — ответил юноша, по-прежнему не открывая глаз.

— Больше пользы! — взорвался Донахью. — Ни один из вас не стоит ломаного гроша, включая Гарета Кола! Вы — пустое место. Компания Уродов!

Юноша, которому еще не исполнилось и ста лет, слабо вздохнул.

Неожиданно зазвенели тысячи луков, и Донахью услышал, как дюжина Норманов закричала от боли и удивления.

— Я сказал, чтобы вы ждали моего приказа! — взревел взбешенный Рыжебородый.

— Но Джон сказал нам, что приказ отдан, — ответствовала одна из голов Джубала.

— Приказ не отдан, пока ты не услышишь его от меня лично! — прогремел Рыжебородый.

— Мы убили шестнадцать Норманов, — печально сказал златовласый юноша, — и еще полдюжины утонуло.

Донахью, недослушав его тираду, уже внимательно изучал вражескую армию. У Людей оказалось восемь кораблей. Все они были достаточно маленькими, чтобы ими могло управлять человек десять, а другие пятнадцать могли вести ответный огонь.

Норманы начали обстреливать холмы, которые служили домом народу Донахью, из арбалетов и нескольких маленьких катапульти. Один камень упал слева от Рыжебородого, раздробив голову альбиносу.

— Стреляйте в ответ! — закричал Рыжебородый, отойдя, чтобы забрать у мертвого альбиноса дубинку.

Но до того как был исполнен его приказ, следующий залп Норманов ударил в Уродов Донахью, разметав их строй.

— Попроси Гарета помочь нам! — закричал Джубал, и все три его головы закивали в знак согласия.

Донахью ответил неразборчивым проклятием.

— Мы не хотим умирать! Пусть колдун поможет нам! — взмолился Джубал.

Донахью швырнул камнем в левую голову Джубала. Тот вовремя пригнулся, вздрогнув, когда камень просвистел у него над ухом.

— Я тут команду! — взревел Рыжебородый. — Если кому-то это не нравится, пусть скажет сейчас, прежде чем Норманы высадятся!

— Мне это не нравится, — ответил златовласый юноша.

— Я достаточно натерпелся от тебя, Джон! — фыркнул Донахью. Он положил руку на рукоять меча, но прежде чем вытащил его, стрела глубоко вошла в плечо юноши.

— Пригнитесь, вы, проклятые дураки! — зарычал Донахью, распластавшись на земле. — Следующий залп может перебить всех вас.

— Следующий что? — удивился юноша, до сих пор не открывающий глаз.

— Рет поberi! Ты что, ничего не чувствуешь?

— Чувствую что?

Рыжебородый посмотрел на него, раскрыв рот от удивления.

Норманы уже отошли от воды футов на пятьдесят, когда Донахью встал во весь рост.

— За мной! — проревел он, вытаскивая меч и устремляясь вниз, к воде.

За ним последовала его армия. Однако не все из Уродов бежали, некоторые летели, другие неслись вприпрыжку, часть съехала на животах, а Раал просто исчез, растаял в воздухе и появился на берегу впереди всех.

Норманы высаживались и шли вперед, чтобы мечами, стрелами, копьями и странными, похожими на крюки кинжалами (они прибавили их к своему и так столь обширному арсеналу совсем недавно) встретить орду Рыжебородого.

Донахью выбрал самого здорового Нормана, Человека, выглядевшего его родным братом, и приблизился к нему. В фехтовании Рыжебородого не было особого мастерства, не было артистизма в движении его ног, только сила и еще раз сила. Донахью исторг поток проклятий, когда оценил силу своего противника.

Но неожиданно Рыжебородый заметил брешь в защите врага. Сжав огромный меч двумя руками, Донахью занес его над головой и обрушил вниз. Капли крови и мозга забрызгали ему лицо. Урод остановился, чтобы вытащить клинок из тела. На это потребовалась вся его сила.

Потом Донахью снова раскрутил меч над головой, прыгая, словно обезумевший дервиш. Он услышал, как Брин закричал, прося помощи, взглянул вверх и увидел, что Летун камнем несется к земле.

— Упади на одного из Норманов! — закричал Рыжебородый. — В любом случае ты погибнешь... Забери с собой одного из врагов!

Но Брин сделал вид, что не слышит, или, возможно, он был слишком далеко, чтобы услышать. Мгновением позже Летун врезался в песок и замер. Ручеек крови потянулся из его уха.

Битва на берегу бушевала еще несколько минут. Потом Норманы начали потихоньку возвращаться на свои корабли. Донахью искал Джереми. Тот стоял, бессмысленно уставившись на реку.

— Не стой, ты, проклятый язычник! — Рыжебородый сплюнул. — Лети и подпали их корабли! Отрежь им пути отступления!

Джереми медленно повернулся к Донахью, ничего не сказав.

— Ты не понимаешь? Мы можем отрезать их от кораблей!

Джереми любезно улыбнулся и снова слепо уставился на реку.

Донахью повалил его одним ударом, потом вытащил дубинку. Он готов был прикончить Летуна.

Чтобы поджечь корабли Норманов, Рыжебородому нужен был огонь. Но как раздобыть его? Слишком мало времени, чтобы искать кремь или достаточно сухое дерево.

Снова к Донахью с небес спустилось огненное существо, и один из огненных шаров упал у ног Урода.

— Именем Рета, нет! — закричал Донахью. — Я сделаю это без тебя!

Он топнул, опустив ногу в сандалии на огненный шар. От боли с его губ сорвалось еще одно проклятие, но Донахью не убирал ногу, пока пламя не погасло.

Потом, сунув меч в ножны и заткнув за пояс дубинку, он нырнул в гущу схватки. Не больше чем пятьдесят ярдов отделяло его от вражеских кораблей. С криком, который должен был докапаться даже до Гарета Кола, Рыжебородый врезался в толпу Норманов.

Без меча он оказался беззащитен, но занятые руки слишком замедлили бы его движения... а замешкайся он, его тут же убили бы Норманы. Донахью, внешне походивший на Людей, хотел пробежать сквозь ряды врагов, до того как Норманы поймут, кто он такой на самом деле.

Первые тридцать ярдов дались легко. Он сбил с ног двух Норманов, стоявших на его пути, прежде чем они успели пустить в ход свои кривые кинжалы. Теперь только один Человек преграж-

дал ему путь, но этот Норман приготовился к схватке.

Донахью знал, что, если потратит время на уловки, другие Люди набросятся на него, так что он наклонил голову и во все легкие проревел проклятие, собираясь всей своей массой обрушиться на Человека. Норман шагнул в сторону, заноса изогнутое оружие, целя Донахью прямо под ребра.

Несясь вперед, Рыжебородый извернулся, почувствовал, как что-то металлическое разрывает его бок, услышал треск материи и раздираемой плоти... а потом путь оказался свободен. В следующее мгновение он был на ближайшем корабле.

Даже не взглянув, сколько Норманов гонится за ним, Донахью потянул якорь. Тот держался на металлической цепи. Тогда Рыжебородый переключил свое внимание на паруса. Он мог срезать их, но Норманы нападут на него до того, как он покончит с первым из кораблей... С другой стороны, на каждом корабле заготовлена дюжина весел, на тот случай, если ветер будет встречным.

— Хорошо! Давай сюда! — закричал он в пустоту. Мгновением позже снова появилась огненная птица. Она метнула огненный шар к его ногам.

Донахью окунул в пламя деревянную рукоять своей дубинки, дождался, пока огонь разгорится, а потом бросил дубинку в парус.

Ветер подхватил огонь, взметнул его вверх, и через мгновение главная мачта ярко пылала. Донахью подошел к краю палубы, перепрыгнул на следующий корабль и повторил процедуру.

К тому времени как Норманы, задыхаясь, добрались до своих кораблей, семь из них горели, и Донахью поджигал последний. Когда огонь по-

бежал по оснастке последнего корабля, стрелы зажужжали над головой Рыжебородого, и он бросился в воду, вынырнув лишь в тридцати ярдах от корабля. Спасаясь от стрел, Урод поплыл вдоль берега.

Его меч оказался слишком тяжел для того, чтобы с ним можно было плавать, и Рыжебородый, расстегнув ножны, бросил его. Потом, наполнив легкие воздухом, он снова исчез под водой.

В этот раз он вынырнул уже на мелководье и побрел вдоль берега, возвращаясь к своей армии, которая осталась в нескольких сотнях ярдов дальше по берегу.

Он остановился подобрать оружие, а потом подошел к Джону, который так и не вынул стрелу из плеча.

— Какие у нас потери? — спросил Рыжебородый.

— Погибло двадцать девять Уродов, — ответил златовласый юноша. — И все они могли остаться в живых.

— Открой глаза, — проворчал Донахью. — Посмотри, что происходит вокруг тебя. Корабли Людей горят. Ни один Норман не доживет до конца дня.

— Гарет мог бы сделать это, и не погиб бы ни один Урод, — сказал юноша. Его глаза остались закрытыми.

— Рет тебя поберей! — огрызнулся Донахью и повернулся к своим воинам: — Возвращайтесь на холмы! Расстреляйте Норманов издалека.

Отступление получилось неуклюжим и гротескным, но скоро те, кто остался в живых, оказались в безопасности за баррикадами и засыпали беззащитных Норманов дождем стрел.

Когда последний из Людей упал на песок мертвым, Донахью повернулся к юноше.

— Скажи Гарету, что мы вернемся домой через два часа, — приказал Рыжебородый.

— Он знает.

— Скажи ему!

Рыжебородый пришел в ярость. Он спустился вниз на пропитанный кровью пляж, вытащил меч и обезглавил самые большие и самые уродливые из трупов. Потом, подсунув палец под ремень, он заткнул за пояс волосы отрубленных голов и надежно привязал их.

Огненное существо парило над ним, внимательно наблюдая за его работой. Донахью искал камень, нашел и запустил в огненную птицу. Существо ударило кожистым крылом, отбивая камень, но тот все же задел ее по черепу, оглушив.

А в Туннелях, положив руку на затылок, застонал колдун.

Глава 2

Гарет Кол поднялся со стула и потянулся. Сделано это было скорее всего без всякой задней мысли. Колдун был всего пяти футов ростом и, потянувшись, лишь подчеркнул этот факт. Он зачесал густую копну светлых волос со лба назад и посмотрел на дверь.

Рыжий Торир Донахью... Гарет следил за перемещениями Рыжебородого большую часть часа и точно знал, что у того на уме... хотя Кол порой колебался, можно ли назвать трясину сырых, простодушных эмоций Донахью *умом*.

Рыжебородый подошел к двери, и Кол приказал часовому пропустить его.

— Я должен приколотить твою шкуру к стене! — проревел Рыжебородый.

— Искренне сомневаюсь, что ты сумеешь это сделать, — печально ответил Кол, — хотя, без сомнения, можешь попытаться.

Пальцы Донахью коснулись дубинки.

— Я предупреждаю тебя, Гарет! Держись от меня подальше. Если тебе не нравится, как я управляюсь с твоей армией, найди кого-нибудь другого... но не вмешивайся!

— Отвечая на твой вопрос, скажу, что не могу оставить без внимания то, как ты командуешь своими воинами, варвар.

— Тогда оставь меня в покое и сам командуй своей армией.

— Если я оставляю тебя в покое, твои соплеменники прикончат тебя.

— Мои соплеменники! — воскликнул Рыжебородый. — Мои соплеменники! Они — пустое место, Уроды!

— Бедный варвар, — покачал головой Кол, едва сдержав ростки злобы, и стараясь говорить тем же тоном. — Так или иначе, любой из них стоит больше, чем дюжина таких, как ты. Можешь ты летать, как Джереми? Или видеть сквозь стены, как Краг? Или...

— Или упасть, уснув, как Джереми, в пылу битвы, или ослепнуть от дневного света, как Краг? — презрительно сказал Донахью. — Может кто-нибудь из них метнуть дубинку или махнуть мечом без моих напоминаний и тычков? Могут они изнасиловать женщину? Рет их побери! У нас даже есть несколько таких, кто затрясется и помрет, если я плесну на них водой! Тех,

кто на самом деле чего-то стоит, можно сосчитать по пальцам. Остальные и выглядят-то недоносками. Что может Джубал с тремя головами, кроме как спорить сам с собой до изнеможения каждый вечер? А как насчет Кейта? Что может он делать с одной ногой и четырьмя руками? А ты... дунуть, плюнуть — и пустое место останется! Ветром унесет...

— Я так не думаю, — печально ответил Гарет Кол. — *Я сам вызываю ветер.*

— Да, — фыркнул Рыжебородый. — Ты вызываешь ветер, создаешь огненных птиц и безумных чудовищ. Ладно, можешь пугать других, но ты не испугаешь Рыжего Торира Донахью!

— Я никого не пугаю, — поправил Кол. — Но это не значит, что не могу.

— Если ты обладаешь такими разрушительными силами, почему ты не уничтожил Норманов? — проворчал Донахью.

— Это было бы слишком тривиально, — вздохнул Кол. — Я бы мог позаботиться и устроить дела и с тобой, и с Норманами, но это вещи слишком незначительные. У меня так мало времени, а ты, надеюсь, сам скоро поймешь, как красивы женщины Норманов, и разберешься, может ли Краг видеть при дневном свете.

— Если тебя это не волнует, так не вмешивайся.

— Ты понимаешь, что мы могли бы победить, не потеряв ни одного Урода? — спросил Кол. — Грязное вышло дельце. Сколько людей погибло?

— Я потерял меньше тридцати Уродов и убил четыре сотни Норманов, — защищаясь, ответил Рыжебородый.

— Ты не ответил мне, — заявил Кол.

— Я не терял никаких *Людей!* — фыркнул Донахью. — Я потерял тварь, летающую по воздуху, и гиганта с обесцвеченной кожей, еще Урода, ползающего на животе... а не *Людей!*

— Урод, который ползал на животе... как ты деликатно выразился... мог передавать и принимать мысли на расстоянии в пять тысяч миль, — заметил Кол. — Ты, варвар, не можешь сделать этого на расстоянии и в пять дюймов. Брин мог летать в тумане. Это он сказал тебе, где точно находятся Норманы, собирающиеся атаковать. Ты можешь подняться в воздух хоть на дюйм?

— Кто разбил проклятых Норманов? — взбесился Донахью. — Кто изрубил их в куски и сжег их корабли?

— Кто дал тебе огонь? — возразил Кол. — Ты не можешь ничего сделать без моей помощи. С другой стороны, если бы ты был хоть чуть-чуть практичнее, ты заставил бы Раала телепортироваться на палубу и развести там огонь. Это избавило бы тебя от этого, — прибавил колдун, показав на глубокую рану в боку Донахью.

— Если ты можешь все сделать лучше, чем я, почему бы тебе самому не возглавить Уродов? — спросил Донахью.

— Мне и пришлось так сделать.

— О чем ты говоришь? — возмутился Рыжебородый. — Я отдавал приказы!

— Но ты никогда не задумывался, почему Уроды слушаются тебя? Ты даже не интересовался, о чем они говорят у тебя за спиной?

— Они ничего не говорят.

— Ничего такого, что мог бы ты услышать, — согласился Кол. — Но ты же понимаешь, ты внешне точно такой, как те, кого они хотят убивать.

— Предполагаю, ты тоже очень похож на Нормана.

— Если говорить честно, да.

— Ты только держи свой нос подальше, и я докажу тебе, что Уроды станут слушаться кого угодно. Они все — безмозглые твари.

— Боюсь, ты будешь разочарован. Они слушаются тебя лишь потому, что я им приказал.

— Ты — лгун!

— Я? Почему, думаешь, они исполняют твои приказы... потому что ты носишь на поясе человеческие головы? Ты задумайся, почему Уроды до сих пор тебя не убили? Возьми прошлую неделю, когда ты изнасиловал Марию, — (тут Донахью тихо выругался). — Ты в самом деле думал, что я не знаю об этом? Или ты думал, что она не могла позвать на помощь, раз ты рукой зажимал ей рот? Твои подвиги остались безнаказанными только потому, что я так приказал!

— Рет, что за мир! — в ярости взревел Донахью. — Почему вокруг меня одни Уроды!

— Это мир, в котором ты — низшее существо, — сказал Кол. — Будь благодарен за то, что тебе позволено жить. И более того, поблагодари меня за то, что я позволил тебе жить, когда даже твои родители хотели убить тебя после рождения.

— Я не знаю, кто мои родители, — заявил Донахью. — По крайней мере никто из тех, кто живет в Туннелях, не признался в этом.

— Не совсем так. Никто в Туннелях не говорит, кто твои родители, но некоторые из нас знают. Я, например. Джон. Но ведь ты отлично знаешь, что мы не хотим рождаться нормальными.

— Что, Рет поberi, в этом такого важного?

— Я-то думал, ты из тех, кто должен знать.

— Почему это?

— Потому что для нас ты — чужак. Ты — не Урод.

— Не понимаю, о чем ты говоришь... Кто мои родители?

— Ты в самом деле хочешь узнать?

Донахью задумался. Что, если его отец Джубал, или Джереми, или даже Джон?

Или еще хуже... его отец — Гарет Кол?

— Нет, — пробормотал наконец Рыжебородый.

— И я думал, нет. В любом случае, Уроды единодушно решили, что ты должен быть предан смерти, но я запретил им убивать тебя.

— Ты еще пожалеешь об этом, — злобно пообещал Рыжебородый.

— Я никогда не испытываю сожаления, — заметил Кол. — Я знаю, что когда-нибудь ты станешь неопеним для меня.

— Точно! — согласился Донахью, взявшись за голову, висющую у него на поясе, и нежно похлопав по ней. — И только что я это подтвердил.

— Ты еще ничего такого не сделал, — уточнил Кол. — Как я сказал, ты мог выиграть битву без потерь. Живя в Туннелях, ты за свою жизнь убил больше двухсот Уродов. Однако ты не сделал ничего, чем стоило бы гордиться.

Донахью внимательно посмотрел на Кола.

— Не смотри на меня так удивленно, варвар. Я не завидую твоей жажде крови. Она была в тебе с рождения, и она никогда не исчезнет. Я знаю это и предвижу, чем все кончится. Тем не менее однажды наступит день, когда ты мне будешь нужен. Только благодаря этому ты до сих пор жив.

— Я скорее умру, чем стану помогать тебе! — прошипел Рыжебородый.

— Посмотрим, — ответил Кол с загадочной улыбкой.

— Зови своих чудовищ прямо сейчас! — заводясь, бросил вызов Донахью.

— Они будут здесь, когда понадобятся мне... и они не чудовища, ты знаешь.

— Не вешай мне лапшу на уши.

— Разве ты не думал, что сам можешь казаться чудовищем, скажем, Джубалу? Ведь у тебя только одна голова, и ты не можешь летать, не можешь читать мысли, и...

Он не стал продолжать, потому что Рыжебородый поднял стул и метнул в Кола. До того как стул попал в цель, огромная упругая паутина сверхъестественным образом появилась в воздухе между варваром и колдуном, поймала стул и отшвырнула его назад, в лицо Донахью.

Рыжебородый перестал улыбаться и схватился за дубинку.

— Не советую, — печально сказал Кол. — Ты можешь этого не понимать или не принимать, но мы нуждаемся друг в друге.

— С каких это пор ты нуждаешься во мне? — утрюмо спросил Донахью. — Почему не в Джоне, Джереми и остальных?

— Я не хочу рассказывать тебе это, — ответил Кол. — Но очевидно, нет ничего такого, что могли бы делать другие, а я не мог. Во мне собраны таланты всех Уродов, и я сильнее всех их, вместе взятых.

— Тогда, во имя Рета, почему ты не уничтожишь Норманов?

— Как я говорил тебе раньше, у меня есть более важные дела... и, с другой стороны, они мне не мешают.

— Не мешают? — взорвался Рыжебородый.

— Да. Кроме того, они раньше тут жили.

— О чем ты говоришь?

— Столетия назад, я выгнал их из Туннелей, — ответил Гарет Кол.

Глава 3

Обозлившись, Рыжебородый покинул Туннели. Через три дня скитаний, он заблудился в густом тумане и возненавидел колдуна еще сильнее.

— Будь, к Рету, прокляты кости Гарета! — пробормотал он в тысячный раз и в тысячный раз опасливо взглянул на небо, чтобы убедиться, что Гарет в отместку не послал одну из своих огненных птиц.

Но нет, Гарет так не сделает. Злиться, кому-то мстить — на него это не похоже. Смутно и только через несколько лет Рыжебородый оценил утонченную хитрость Гарета Кола. Огненные птицы? Никогда. В его духе послать против Донахью ветры с пылью. Они не так сильны, чтобы повредить Рыжебородому, но достаточно сильные, чтобы он отступил.

Рыжебородый подобрал сухой лист, раскрошил его в массивной ладони, потом позволил ветру унести пыль. Он знал, что в своих поселениях Норманы держат собак, и не хотел, чтобы ветер донес им его запах.

Донахью снова посмотрел вперед, проклиная туман. Рет побереи! Сейчас он *должен* находиться в пятидесяти ярдах от Норманов, но до сих пор он не видел противников. Рыжебородый положил руку на рукоять меча и осторожно стал пробираться вперед.

«Ты только взгляни, Гарет. Взгляни и увидишь, что я могу сделать в одиночку!»

Рыжебородый крался вперед. Он то и дело останавливался, пытаясь сообразить, сколько Норманов может скрываться впереди. Хотя это не важно. Не было и не будет Норманов, которые могли бы пережить встречу с его мечом. Невольная дрожь прошла по телу Урода, когда холодный, сырой воздух коснулся его кожи.

Донахью скитался три дня, высматривая Норманов. Он хотел утопить свою злость в крови Людей. Отправившись прямо в сторону Ступицы, он не сомневался в своих силах... и пусть Рет поможет любому Человеку, который окажется у него на пути. Донахью не нужен Гарет Кол или кто-то еще, для того чтобы помогать убивать Норманов. Рет поberi, он снова докажет это мерзкому колдуну — Повелителю Уродов.

Низкое рычание слева неожиданно привлекло внимание Рыжебородого. Он начал было вытаскивать меч, но решил, что скрежещущий звук меча, выходящего из ножен, будет слишком громким, и вместо этого снял с пояса дубинку. Еще один рык достиг ушей Донахью, но из-за слишком густого тумана Урод не мог разглядеть, откуда исходит звук.

Вдруг огромная масса шерсти, зубов и костей обрушилась ему на спину. Донахью выругался, потрянул могучими плечами и почувствовал, как собака отлетела в сторону, но лишь для того, чтобы мгновением позже метнуться к его горлу. Он вытянул левую руку, схватил зверя за шею и стал дубасить его по голове, которая оказалась пробита с первого удара и быстро превратилась в липкое желе. С проклятием Донахью отшвыр-

нул тело собаки и быстро огляделся, высматривая Норманов.

Почему, услышав звуки краткой, но яростной схватки, они не захотели помочь своему любимцу? Рыжебородый не смог разглядеть в тумане ни одной фигуры. Где Норманы? Может, они спокойно ожидают исхода поединка, не уверенные, кто окажется победителем: человек или зверь? Или Донахью ошибся и заблудился в тумане?

Сжав руку на рукояти дубинки, Донахью сделал несколько шагов в ту сторону, откуда прибежала собака, и увидел лагерь Норманов: единственная палатка рядом с тусклым янтарем маленького костра.

С криком, предназначавшимся для того, чтобы испугать противника, заставить застыть от страха, он бросился на парусиновое жилище, мечом прорезав в боковой стене отверстие, и прыгнул в дыру.

Палатка оказалась пуста. Однако догорающий костер, так же как собака, доказывал, что Норманы где-то рядом. Должно быть, они спрятались, выжидая, пока Донахью не отправится дальше. Ну, он не станет валять дурака и не позволит так легко обвести себя вокруг пальца. Рыжебородый оставил Туннели, чтобы снова доказать Гарету Колу, что без посторонней помощи сумеет пробраться в центр Ступицы, и сможет убить больше Норманов, чем вся армия Гарета, и изнасиловать больше женщин, чем Уроды могут себе представить, и, Рет поberi, он так и сделает!

Рыжебородый отогнул полог палатки, встал у кострища, где, как он надеялся, Люди смогут его увидеть.

— Выходите! — подобно грому прокричал он в туман. Потом медленными движениями отстегнул пояс с ножнами, дал им шумно упасть на землю. — Видите? Мне не нужно оружие, чтобы справиться с такими, как вы! Теперь покажитесь!

Он стоял не двигаясь, выжидая. Туман был густым, но Донахью мог видеть на добрые двадцать футов. Его закаленные в битвах мускулы напряглись. Он сжал кулаки так, что ногти глубоко впились в ладони. Облизывая губы, он представлял, что почувствует, сдавив пальцами шею Нормана. Скоро он доставит себе такое удовольствие.

Потом Рыжебородый услышал какой-то шорох. Звук был очень тихим, словно крошечная веточка сломалась за спиной Урода. Но веточки не ломаются по собственному желанию, так что Донахью медленно согнул ноги, готовый тотчас отпрыгнуть в сторону. Звук раздался, возможно, футах в сорока. Донахью знал, что услышит и увидит, если кто-то подойдет к нему ближе чем на двадцать футов. Следовательно, человек пока осторожно подкрадывался, держась на приличном расстоянии. Ну, пусть он будет так осторожен, если хочет, но как только до него можно будет дотянуться...

Стрела с глухим звуком вошла в плечо Рыжебородого. Он как подкошенный рухнул лицом вниз, потрясенный и опасно раненный. Удар о землю вышиб из него дух. Могучий Урод потерял сознание.

— Хороший выстрел, Элстон! — раздался ликующий голос.

— Успокойся парень, — угрюмо ответил другой Норман.

Донахью медленно приходил в себя. Он попытался подняться, встать лицом к своим противникам, но обнаружил, что не может, и повернул голову, пытаясь разглядеть приближающиеся фигуры врагов сквозь красный туман боли.

— Это Кол?

— Такой удачи не будет, — ответил тот, кого звали Элстон. — Думаю, мы поймали его верного слугу.

— Я не слуга Кола! — прошипел Рыжебородый, безуспешно пытаясь сфокусировать зрение. Нога в сапоге вынырнула из ночи, ударила его в челюсть, перевернув на бок.

— Заткнись, Донахью! — отрезал человек по имени Элстон. — Мы очень хорошо знаем, кто ты, и тут тебе сильно не повезло. Что ты делал здесь, так далеко от обители неуловимого мистера Кола?

— Не так уж и далеко, — проскрежетал Рыжебородый. — Кол и здесь может убить вас, если только пожелает.

— В самом деле? — удивился Элстон. — Тогда почему бы тебе не позвать его на помощь?

— Не... доставлю ему... такого... удовольствия, — пробормотал Донахью.

— Ладно, Майкл, — сказал Элстон, — что ты скажешь... прикончим его здесь или возьмем с собой?

— Принимая во внимание его способности, я предложил бы убить его на месте, — ответил человек, которого звали Майкл, — но из-за стрелы в плече он не сможет рубить головы еще несколько дней, а мы можем что-нибудь у него выведать.

— Если Гарет Кол не доберется до него раньше, — мрачно заметил Элстон.

— Ты и в самом деле думаешь, что его власть может простираться так далеко? — скептически спросил Майкл.

— Трудно сказать. Я никогда не думал, что Уроды могут создавать настоящих чудовищ из воздуха, однако я видел, как Кол делал это.

— Тогда как же мы поступим с нашим другом? — спросил Майкл, показывая на Рыжебородого. — Если мы собираемся взять его в плен, а не убивать, нам лучше остановить кровотечение.

— Точно, — согласился Элстон, присев на корточки рядом с неподвижной фигурой. Осмотрев Рыжебородого, он тихо присвистнул. — Посмотри-ка на шрамы, которые носит этот парень! Черт, если он выжил от таких ран, эта стрела для него словно булавочный укол!

— Такая рана пустяк для этого Урода, — уверенно заявил Майкл, — но я думаю, он потерял около кварты крови.

— Ладно, хватит болтать, — сказал Элстон. — Время заняться делом. — С этими словами он нагнулся, схватился за древко стрелы, уперся ногой в ребра Рыжебородого и потянул.

— Неприятная рана, — заметил Майкл, когда его спутник наконец вытащил стрелу.

— Неприятная, — угрюмо согласился Элстон.

— Но выглядит-то этот Урод как один из нас, — заметил Майкл, рассматривая Донахью. — Одна голова, две руки, две ноги...

— Предполагаю, что изредка Уроды бывают и такими.

— Просто удивляюсь, — заметил Майкл. — Ты уверен, что он, как и мы, не обладает волшебной силой?..

— Сомневаюсь... Скоро мы все узнаем.

— Думаю, ты прав, — пожал плечами Майкл. — Бери за руки, отнесем этого Урода в палатку. Там его и свяжем, да еще нам придется сделать парусиновые носилки.

Когда Люди подняли и потащили Донахью в палатку, Урод очнулся. Его левая рука напряглась, и, раньше чем Люди поняли, что пленник пришел в себя, тот обрушил кулак в пах Майкла. Молодой человек согнулся от боли и застонал, но, прежде чем Донахью сумел вырваться на свободу, Элстон резко шлепнул ладонью по кровоточащей ране Урода, и снова Рыжебородый рухнул наземь.

— С тобой все в порядке, Майкл? — спросил Элстон. Майкл, постанывая, слабо кивнул. — Ладно, — продолжал Элстон, поднимая сухую ветвь и прижимая ее к ране Донахью, — больше мы не сделаем *такой* ошибки.

— Кто вы? — проскрежетал Рыжебородый, пытаясь вывернуться из-под палки.

— Я — Барон Элстон Страмм, а молодой человек, которого ты едва не кастрировал, Майкл Дрейк. Разве наши имена что-то значат для тебя?

— А должны? — пробормотал Донахью.

— При всей своей скромности, должен ответить утвердительно. Видишь ли, мы вдвоем убили почти столько же тварей твоего племени, как ты — нашего.

Рыжебородый пробормотал неразборчивое проклятие.

— Они — не мое племя!

— Да? — хихикнул Страмм. — И я уверен, ты никогда не слышал о Гарете Коле.

— Когда-нибудь я убью его, — ответил Рыжебородый. — После я убью тебя.

— Ты, кажется, съехал с катушек, — беззаботно заметил Страмм. — Сомневаюсь, что тебе удастся хоть кого-то убить.

— Увидим, — ответил Донахью. Его глаза пылали, словно раскаленные угли.

— Ты дружелюбный парень, разве не так? Удивляюсь, как твое племя так долго терпело тебя.

— Я уже сказал тебе: Уроды — не мое племя.

— Конечно. Но ты не лучше их и ничем от них не отличаешься.

— Теперь все в порядке, — сообщил Дрейк, подходя. Он повернулся к Донахью. — Я отплачу тебе за это, Урод, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни!

— Как ты назвал меня? — фыркнул Рыжебородый.

— Я назвал тебя Уродом, — ответил Майкл Дрейк. И изо всех сил ударил Донахью.

Глава 4

— Он просыпается.

— Так это и есть пресловутый Рыжий Торир Донахью. Пфи! Воняет от него так, словно он год не мылся.

— Да уж... удивляюсь, как он выжил после такой раны.

— Он еще пожалеет об этом.

Донахью медленно открыл глаза. Он лежал на спине, его руки и ноги были привязаны к койке. Воздух был сырым и затхлым. Рыжебородый огляделся, поморгал и увидел, что находится в большой каменной комнате. Маленький ручеек воды сбегал по стене прямо за его

головой к затхлой, дурно пахнущей луже на грязном полу. Донахью показалось, что он слышит, как где-то справа скребется какой-то мелкий грызун.

Над Рыжебородым, глядя на него с почти ученой беспристрастностью, стояли Страмм и другой Норман, которого Рыжебородый не знал. Сейчас у Донахью впервые появился шанс рассмотреть лицо Страмма. Человек этот был высок, почти так же высок, как Рыжебородый, но намного стройнее. Его черные волосы были коротко подстрижены и отступали залысинами на висках, оставляя замечательный чубчик. Два темных глаза, выступающий вперед крючковатый нос и тщательно ухоженная козлиная бородка дополняли картину.

Другой человек, одетый в типичный для Норманов мундир из ткани и кожи, был светловолос и не обладал яркой внешностью, если не считать глубокого шрама, бегущего со лба к уголку рта.

— С добрым утром, Урод, — насмешливо сказал Страмм. — Верю, что спал ты крепко.

Донахью посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Я расцениваю твоё молчание как согласие, — продолжал Страмм. — А теперь ты ответишь на некоторые вопросы.

— Это ты так думаешь, — проворчал Донахью.

— Я *знаю*, — ответил Страмм, наклонившись к раненому плечу Рыжебородого. Легонько нажав на край раны, он заставил кровь потечь снова. Донахью застонал, и Страмм надавил сильнее. — Я могу давить столько, сколько хочешь. Теперь ты будешь благодарен?

Донахью сердито кивнул.

— Хорошо. Господин, стоящий рядом со мной, — Барон Джеральд Рислер. Он попросил разрешения присоединиться к нашему маленькому собранию, а так как мы обнаружили тебя на его территории, мы подумали, что это будет правильным дипломатическим ходом. Я думаю, сначала ты расскажешь о том, что делал на его землях?

— Высматривал Норманов, — с открытым вызовом в голосе заявил Рыжебородый.

— В самом деле? Умоляю, скажи, кто такие Норманы?

Донахью повернул голову и плюнул на пол.

— Давай, давай, — приказал Страмм, плашмя хлопнув кривым мечом по плечу Урода. — Такой ответ нас не устроит. Хотелось бы услышать что-то более определенное.

— Это тот единственный ответ, который ты получишь! — взревел Донахью, плюнув снова и попав на сапог Страмма.

— Интересных воинов Гарет создает в этом году, — сухо заметил Рислер.

— Гарет Кол не создавал меня! — фыркнул Рыжебородый. — Я никогда не нуждался в нем раньше и не нуждаюсь сейчас!

— Ты говорил много подобных вещей прошлой ночью, когда мы взяли тебя в плен, — заметил Страмм. — Почему?

— Это не ваше дело!

— Повторим, — объявил Страмм, снова хлопнув плоской стороной меча по плечу Донахью. — Если ты не любишь Гарета Кола, почему ты командовал его армией... и более того, чем ты занимался, когда мы взяли тебя в плен?

— Я сказал тебе: я высматривал Норманов.

— А теперь, если ты не хочешь, чтобы я и вовсе отрезал тебе руку, скажи мне, кто такие Норманы.

— Ты — Норман.

— Только я? — выпрашивал Страмм.

— Нет. Все вы.

— Все кто?

— Каждый, кто не живет в Туннелях.

— А те, кто живет в Туннелях... как ты называешь их?

— Я называю их отбросами! — огрызнулся Донахью, пристально глядя на стоячую лужу и тараканов, копошащихся вокруг нее.

— Если ты выживешь и вернешься к своим друзьям-отбросам, — сказал Страмм, — то можешь передать своему возлюбленному мистеру Колу, что мы зовемся *Нормалами*, а не Норманами.

— О чем это ты говоришь? — спросил Рыжебородый.

— Тут я задаю вопросы, Урод. Теперь скажи, почему ты охотишься на нас?

— Чтобы убивать вас, — ответил Донахью, удивленный вопросом. — Зачем еще мне охотиться на Норманов?

— Почему ты был один? — спросил Рислер. — Мы знаем, что ты — генерал Кола. Где его армия?

— Чтоб ее Рет разорвал!

— Рет? — повторил Рислер. — Что...

— Джеральд, я думаю, мы можем потратить годы, пытаясь разобраться в его жаргоне, — перебил Страмм. — Давай вернемся к главному.

— Но если Рет где-то поблизости... — запротестовал Рислер.

— Дай мне до тебя добраться, и ты узнаешь, где это, уж точно! — зловеще сказал Донахью.

— Вижу, — заметил Рислер, его глаза метали молнии. — А Рет, я думаю, сокращение от «Гарет».

— Так, кажется, — согласился Страмм, ударив мечом по огромному таракану, пробежавшему по краю кушетки Рыжебородого. — Продолжим, Урод, — сказал он, снова поворачиваясь к Рыжебородому. — Почему ты пришел сюда один?

— Убивать Норманов.

— Тогда почему ты не привел свою армию? — настаивал Страмм. Он ткнул Донахью мечом. — Я быстро теряю терпение. Я надеюсь на честный ответ, без всяких там уверток.

— Я хотел показать Гарету Колу, что не нуждаюсь ни в нем, ни в его Уродах, чтобы убивать Норманов! — Донахью завертел головой, так как кончик клинка приблизился, замерев у его горла.

— Ты, кажется, как и мы, страстно относишься к Колу. Почему?

— Не твое дело!

Клинок чуть опустил, и Донахью почувствовал, как тот проколол его кожу.

— Меня не волнует, что вы сделаете со мной! — выплюнул он. — Оставьте в покое Гарета Кола! Я занимался этим без него, вы понимаете?

— Он защищает Кола? — печально спросил Рислер, наблюдая, как тонкая струйка крови потекла по горлу Рыжебородого.

— Не думаю, — сказал Страмм, передвинув меч. — Как я упоминал, он, кажется, не испытывает к нему великой любви.

— Тогда почему он сражался на его стороне? — спросил Рислер.

— Не знаю. Спроси его, — ответил Страмм.

— Ты слышал вопрос, Урод? — сказал Рислер. — Если ты ненавидишь Кола, как ты говоришь, почему ты служил ему?

— Потому что я и Норманов тоже ненавижу! — взревел Донахью.

Страмм сел на койку рядом с Рыжебородым, схватил густую бороду и потянул, приподнимая голову так, чтобы смотреть в лицо Донахью.

— Послушай меня, — сказал он медленно, осторожно выговаривая каждое слово. — Наказание за проникновение на наши земли — смерть. В твоем случае смерть будет медленной и пытки максимально болезненными. Если ты каким-то образом хочешь избежать этого, то лучше расскажи нам все, что знаешь о Коле прямо сейчас.

— Кол! — сплюнул Рыжебородый. — Кол! Будь проклят этот колдун. Я — тот, кто уничтожал ваши армии, а не Кол!

— У меня больше нет времени на твою манию величия, — вздохнул Страмм. — Ты скажешь мне, в чем слабость Кола или умрешь.

— Откуда мне знать, что вы все равно не убьете меня? — ответил Донахью, вздрогнув, когда капля воды упала с потолка прямо ему на веко.

— Ниоткуда... но ты знаешь, что случится, если ты откажешься отвечать. С другой стороны, если ты ненавидишь Кола и вполосину так сильно, как уверяешь, ты будешь рад нам помочь.

— Я убью его сам, — проворчал Рыжебородый. — Я не нуждаюсь в вашей помощи.

— Сейчас ты нуждаешься в любой помощи, от кого бы она ни исходила, — заявил Страмм. — Итак, в чем же слабость Кола?

— У него нет слабостей, — угрюмо ответил Донахью.

— Каждый человек имеет слабости, — возразил Страмм. — Ты пытался обнаружить их?

— Каждый день.

— Есть ли у него пороки? — сказал Рислер.

— Никаких.

— Нет слабостей и нет пороков? — насмешливо сказал Страмм. — Ты говоришь о нем так, словно он почти бог.

— Я не знаю ни одного Нормана, придумавшего, как предъявить ему счет, — отрезал Рыжебородый.

— Правда, — признался Рислер. — Фактически никто из нашего поколения и не видел его... а если и видели, то не вернулись, чтобы рассказать об этом.

— Однако каждый человек должен иметь уязвимое место, — упорствовал Страмм. — Если нет, то почему же он не стер нас с лица земли? Ответ только один, Урод. Он не может...

— Меня зовут Донахью, а не Урод.

— Твое имя будет таким, как я скажу, — ответил Страмм, проведя еще одну красную линию вдоль горла Рыжебородого. — Тебе задали вопрос, отвечай, Урод.

— Я не знаю. Колдун говорит, что он слишком занят.

— Слишком занят чем?

— Не знаю.

— Может быть, он не может посылать свои создания на большое расстояние? — предположил Рислер. — Его сила ослабевает с расстоянием?

— Нет, он может добраться до вас, если захочет, — уверенно сказал Донахью.

— Если он может добраться до нас, то может добраться и до тебя, — заметил Страмм. — Почему он этого не сделал?

— Никто из вас... — Клинок снова сделал порез, в этот раз более болезненный. — Потому что он ждет, чтобы я попросил его. Он наслаждается, глядя, как ты втыкаешь в меня этот меч.

— Почему он оставил тебе в живых? — спросил Страмм.

— Потому что я нужен ему.

— Зачем?

— Больше никто не может командовать этим стадом Уродов, которых он называет армией.

— Этого мало, Урод. Ты что-то недоговариваешь, — заметил Страмм. — Гарет Кол не нуждается ни в тебе, ни в ком-то еще, чтобы те сражались за него, — Донахью покраснел, но молчал, и Страмм продолжал: — Отсюда вопрос: в чем проявляется твоя особая сила?

— Дай мне подняться с этого ложа — и увидишь! — пообещал Донахью.

— Я не говорю о твоей силе. Что еще ты можешь делать из того, в чем нуждается Кол?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — заявил Рыжебородый.

— Мы знаем, что он умеет летать; он может читать мысли и еще бог знает что. В чем твоя особенность? За какие достоинства ты стал командовать его армией?

— Я — единственный из них, у кого не тонка кишка сделать это!

— Мы проверим, какой толщины твои кишки, когда разбросаем их по полу, если ты не найдешь лучшего ответа.

Донахью зло посмотрел на Страмма. Он напрыгнул, но обнаружил, что ремни, стягивающие его тело, по-прежнему крепки, и откинулся назад на койку, морщась от боли в плече. Снова на его лицо упала капля воды.

— *Ладно*, — спокойно сказал он.

— Что? — спросил Страмм. — Я не расслышал тебя.

— *Ты победил*, — вздохнув пробормотал Рыжебородый.

— «Ты»? Ты имеешь в виду Рислера?

— Нет, я не имею в виду Рислера. Я имею в виду Гарета Кола, будь он проклят!

— Ты думаешь, он слышит тебя? — упорствовал Страмм.

— Я знаю.

— Он почти в двухстах милях отсюда.

— Он может быть хоть на луне, и будь он проклят! — фыркнул Донахью.

— И ты думаешь, что он придет помочь тебе?

— Подожди и увидишь, — предвкушая, сказал Донахью.

Неожиданно кто-то рассмеялся. Страмм повернулся и увидел огненную птицу, парящую в шести футах над землей. Она открыла клюв и заговорила голосом Гарета Кола.

— Тебе придется долго ждать, варвар, — сказала она и исчезла.

Глава 5

Совет Баронов собрался в просторном обеденном зале замка Джеральда Рислера. Над равниной поднялся туман, но холодное мерцание луны проникало в освещенную свечами комнату. Пять

человек сидело вокруг стола, в то время как их рыцари и землевладельцы выстроились вдоль стен, застыв, полные внимания. Пять человек, которые держали судьбу Человеческой расы в своих руках...

— Я категорически против этого, — заявил Страмм. — Не думаю, что нам стоит обращать на это внимание.

— Согласен с Элстоном, — сказал Майкл Дрейк. — Пятнадцать лет мы ловили Рыжебородого, а теперь ты хочешь снова вернуть ему свободу.

— Не свободу, — уточнил Барон Алдан Пович. — Не свободу, Майкл. Я не думаю, что Джеральд подразумевал именно это. — Самый старший из собравшихся Баронов, Пович тем не менее выглядел самым впечатляющим, возвышаясь даже над Донахью. Но Дрейк всегда удивлялся, слыша его речь с мягким сюсюканьем, и удивлялся всякий раз, когда ему сообщали, что Пович проводит большую часть времени не на поле брани, а в своих садах.

— Конечно, я имел в виду не совсем это, — фыркнул Рислер, сидящий во главе стола, — и ты знаешь это, Майкл. Я просто пытаюсь подвести нас к логичному решению.

— А это логично: выпустить Урода на свободу, чтобы он убивал Людей? — требовательно, с горячностью спросил Дрейк.

— Я предполагаю сделать совсем не это, — сказал Рислер, пытаюсь сохранить мягкость и сдержаться. — Все, что я знаю: Донахью по-своему ненавидит Гарета Кола, и я не вижу, почему мы не можем это использовать.

— Откуда ты это знаешь? — спросил самый молодой из Баронов — Эндрю Крастон. Еще в

детстве его ослепила одна из огненных птиц Гарета Кола. Он был не из тех Людей, кто прощает. — Откуда ты знаешь, что это не демонстрация, «дымовая завеса» для того, чтобы использовать каждый промах, который ты совершишь?

— Я не знаю этого, черт побери! — взорвался Рислер. — Но думаю, мы рассмотрим эту проблему со всех сторон.

— Есть только одно решение, — холодно сказал Крастон. — Убить Урода. — Потом, словно эта мысль пришла ему в голову слишком поздно, он добавил: — Медленно.

— Минутку, — вмешался Пович. Он наклонился вперед, и от его огромного тела на деревянный стол легла ужасная тень. — Что бы мы там ни делали, мы должны действовать единодушно. Джеральд внес предложение. Я предлагаю выслушать его.

— Благодарю, — сказал Рислер. — Сейчас, как я вижу, есть три главных вопроса. Первый: почему Донахью пришел сюда один? Второй: на самом ли деле он ненавидит Кола и, если так, почему? И третий: почему Кол не освободил его? Если, особенно в последних двух случаях, ответы меня удовлетворят, я откажусь от своего предложения.

— На первый вопрос легко ответить, — сказал Дрейк. — Он пришел сюда убивать Нормалов.

— Это не слишком хороший ответ, Майкл, — заметил Страмм. — Вопрос не о том, какова его цель. Я думаю, мы все согласимся с этим. Почему он пришел один? И если то, что он враждует с Колом и хотел доказать свою самостоятельность — правда, тогда почему он выбрал хорошо

охраняемый район? Почему не какой-нибудь малолюдный форпост?

— Потому что Донахью вспыльчивый эгоманьяк, — ответил Дрейк. — Ты помнишь, как он нашел нас, Элстон. Первое, что он сделал, — разоружился и собрался драться с нами голыми руками. Рыжебородый мог отправиться в центр Ступицы и даже не подозревал бы о том, что может потерпеть поражение.

— Майкл, кажется, ты воспринимаешь происходящее слишком эмоционально, — просюсюкал Пович, запалив большую трубку и выдохнув сильно вонючий дым. — Твои наблюдения согласуются с этим заключением, Элстон?

— Возможно, — уклончиво сказал Страмм.

— Тогда перейдем ко второму вопросу, Джеральд, — сказал старик, усердно выдыхая дым.

— Я повторю его, — сказал Рислер. — На самом ли деле Донахью ненавидит Гарета Кола?

— Как ты можешь ответить на такой вопрос? — с негодованием фыркнул Дрейк. — Как ты можешь быть уверен?

— Если бы он ненавидел его, был бы он генералом Кола? — насмешливо поинтересовался Крастон.

— Я думаю, вы подходите к этому не с той стороны, — воскликнул Страмм. — Майкл прав, когда говорит, что нет способа проверить заявление Донахью. Я думаю, мы можем, в виде аксиомы, принять, что он говорит правду, и попытаться представить себе, почему он и Кол — враги.

— Для этого нет никакой причины! — равнодушно сказал Дрейк. — Если не считать Кола, Донахью самый могущественный человек среди Уродов.

— Разве этого не достаточно? — резко спросил Пович. — Разве второй среди Уродов может получить истинное удовлетворение от своего положения?

— Может, и так, — заметил Дрейк, — но никто не станет свергать Кола.

— Откуда ты знаешь? — неожиданно спросил Страмм. — Откуда ты знаешь, что происходит в этих Туннелях.

— О чем ты говоришь, Элстон? — удивленно спросил Дрейк. — Ты видел его. Разве он показался тебе кем-то вроде Гарета Кола? У этого Урода нет ничего, кроме мускулов. Он выглядит как один из нас.

— Так же как Гарет Кол, — заметил Рислер. — Вот почему они и оставили его в живых в первый момент.

— Я согласен с Джеральдом, — сказал Страмм. — Донахью не сбежал, значит, в нем нет никакого колдовства.

— Рыжебородый мог бы убить тебя в один миг, — настаивал Дрейк. — Однако ты остался невредимым. Донахью даже не пытался защититься с помощью колдовства.

— Может быть, он мог читать мои мысли и понял, что я блефую, — сказал Страмм. — Или, возможно, ему необходима лишь доля секунды, чтобы убить меня, он выжидал до последнего мгновения, не желая показывать нам свои силы, которые хотел сохранить в секрете.

— Пусть все обстоит именно так, — сказал Пович, выпуская огромные кольца дыма и одновременно разговаривая. — Но даже тогда, Элстон, это не объясняет появления Донахью в землях Джеральда. Что он делал там?

— Тут я согласен с Майклом, — сказал Страмм. — Я верю, что он охотился на нас.

— Тогда мы приходим к противоречию, — продолжал Пович. — Как человек, который по силе равен Гарету Колу, позволил поймать себя и едва ли не убить, не прикончив ни одного из нас?

— *Может быть, он хотел быть пойманным?* — заметил Крастон.

— Что? — недоверчиво воскликнул Дрейк.

— Может, он хотел быть пойманным, — повторил Крастон. — Как можешь ты быть уверен, что это не часть какого-то плана Гарета Кола... или даже самого Донахью? Откуда ты знаешь, что колдовские силы нельзя заморозить на какое-то время, чтобы мы решили, что их и вовсе не существует?

На мгновение наступила тишина, нарушаемая лишь зловещими криками совы за окном. Бароны обдумывали заявление Крастона.

— Ты еще на что-то способен, Эндрю, — сказал наконец Пович. — Я раньше никогда не рассматривал такую возможность, но если Гарет Кол послал его сюда и позволил, чтобы его поймали, то я не знаю, почему он так поступил.

— Я знаю, — решительно сказал Дрейк. — Он посчитал, что один из нас станет предполагать, как Рислер, что Донахью может оказаться полезнее живым, чем мертвым. Потом он, возможно, приказал Донахью вести себя так, словно они не ладят, в надежде, что мы построим идиллический план, как мы, кажется, и сделали.

— Майкл прав, — сказал Крастон. — Нами манипулируют, словно шариками наперсточник. Кол дергает за ниточки, и мы ведем себя точно так, как он хочет.

— А что, если Донахью, а не Кол стоит за всем этим? — пыхтя трубкой, просюсюкал Пович.

— Какая разница? — спросил Крастон. — Результат тот же самый. Мы пляшем под дудку Кола.

— Не уверен, — возразил Страмм, задумчиво глядя через огромное окно во тьму ночи.

— Но все сходится! — запротестовал Дрейк.

— Необязательно, — возразил Страмм. — Самое первое: такое объяснение годится только в том случае, если ты приписываешь Колу силу предвиденья, в том числе и того, как будет протекать наша встреча, или быть может ты считаешь, что он контролирует наши мысли. Я не совсем убежден, что он столь уж изощренный колдун. Если бы он обладал такой властью, то это проявилось бы задолго до нашей встречи с Донахью. Допуская это, надо признать, что каждое слово Донахью, сказанное нам, — ложь и пытки, которые мы устраивали ему, проходили с его или с Кола согласия. Я не могу с этим согласиться. Как я говорил раньше, я верю в то, что Донахью говорил правду, когда сказал, что хочет убить Гарета Кола. И даже если Донахью сам обладает силами, сравнимыми с силами Кола, — продолжал Страмм, ожидая реакции остальных Баронов. — Я думаю, заключения Майкла ошибочны. Не забывайте: мы видели, как Донахью делал совершенно глупые промахи — промахи, за которые он мог заплатить жизнью. Время от времени мы берем в плен его солдат и знаем их мнение о возможностях и способностях Донахью. А теперь мы посмотрели на Рыжебородого вблизи, и в его поведении не оказалось ничего, чего бы мы не знали о нем. Если бы он владел какой-то

силой, то попытался бы хитрить... Более того, я думаю, мы можем оценить всю важность сложившейся ситуации. У нас в тюремной камере под этой комнатой находится человек, который испытывает такое же отвращение к Гарету Колу, как и к нам; который не представляет достаточной угрозы для Кола, потому что Кол может разделиться с ним, когда только пожелает; человек, который может быть обработан таким образом, что перейдет на нашу сторону.

— Значит, ты, как и Джеральд, предлагаешь вернуть ему свободу? — с жаром спросил Дрейк.

— Да, до определенного предела, — ответил Страмм. — Как я понимаю, Джеральд предложил, чтобы мы освободили Донахью и шпионили за ним, для начала посмотрев, станет ли он снова сражаться с нами или отправится сражаться с Гаретом Колом.

— По сути так, — согласился Рислер. — Хотя я, кажется, прибавил, что главной причиной такого решения стало появление существа Кола прошлой ночью. Совершенно очевидно, что Кол не сделает попыток защитить или освободить Донахью. Он хочет, чтобы мы убили Урода. Если так, я хочу, чтобы Донахью жил.

— Могу поспорить, это как раз то, что Кол ожидает от тебя услышать, — сухо сказал Крастон.

— Могу поспорить, что это не так, — продолжал Страмм. — Но такое возможно, поэтому я не согласился с планом Джеральда.

— Значит, ты на нашей стороне! — с триумфом воскликнул Дрейк.

— Нет, Майкл. Мне хотелось высказать собственные возражения против предложения Джеральда, как я и сделал, и предложить собственную идейку — другую.

Дрейк зло взглянул на него, но ничего не сказал.

— Я думаю, в плане Джеральда нет главного, — продолжал Страмм. — Мы не получаем никакой выгоды от того, что взяли в плен Донахью. Если он предаст и снова нападет на нас, нам нужно будет снова брать его в плен... и в этот раз нам может так не повезти. Если, с другой стороны, он вернется к Колу, то существует две возможности... Первая: Рыжебородый был здесь как шпион Кола. Если так, он может теперь опознать Майкла, Джеральда и меня. Теперь он сможет узнать в лицо всех Баронов и, вероятно, хорошенько изучил местность... Вторая возможность в том, что он отправится сражаться с Колом. Если так, он проиграет, потому что Кол, без сомнения, великий колдун и мог бы убить его много раз за последние день или два. А если Донахью проиграет, мы опять не получим ничего. Между прочим, я думаю, если мы отпустим его, то можем не следить за ним. Если Рыжебородый вернется к Колу, наши Люди не смогут последовать за ним, и мы не узнаем, что случится... Я думаю, Майкл и Эндрю в равной степени ошиблись. Я не вижу никакой выгоды и в том, чтобы убить Донахью.

— Ты серьезно? — вспыхнул Дрейк.

— Да, — заметил Страмм. — Если Донахью в самом деле имеет силу, которая делает его соперником Кола, мы не должны убивать его. Согласны? — Тут все согласно кивнули. — В лучшем случае такая попытка будет стоить нам нескольких жизней. Если, с другой стороны, Донахью можно с легкостью прикончить, тогда все что мы сделаем — уьем генерала, который мог нам дать важную стратегическую информа-

цию, какую мы бы и получили, если бы он остался жив.

— Ты указал на проколы во всех наших планах, — засопел Пович, выдыхая густые клубы темно-серого дыма. — Может, ты скажешь, что у тебя на уме.

— Судовольствием, Алдан, — сказал Страмм, поднявшись.

Когда он закончил говорить, Дрейк в ярости вскочил со своего места.

— Элстон, — завопил он. Его голос эхом прокатился по большой комнате. — Если бы я не знал о том, как ты воевал с Уродами раньше, я назвал бы это предательством!

— Я назову это предательством в любом случае, — холодным, спокойным голосом объявил Крастон.

— Рассмотрим преимущества моего плана, — спокойно сказал Страмм. — Не считаясь с тем, кто такой Донахью, и с его желаниями, мы получим возможность проникнуть в цитадель Кола.

— И там нас перережут! — закричал Дрейк.

— Если так, то нас зарежут намного ближе к цели, чем мы когда-либо были раньше. Разве вам не надоело наблюдать за тем, как год за годом наши соплеменники гибнут на Побережье?

— В конце концов, там у них есть хоть какой-то шанс, — выкрикнул в ответ Дрейк. — То, что ты предлагаешь, — верное самоубийство.

— Может, и нет, — сказал Рислер. — Если Донахью говорит правду, то рассуждения Элстона верны. И даже если Донахью *обладает* какими-то силами, мы не узнаем об этом, до тех пор пока он не использует их так, как мы хотим, чтобы он их использовал.

— Говорю вам, это — безумие! — настаивал Дрейк. — И я со своей армией не стану в этом участвовать!

— Ладно, пусть так и будет, — пожал плечами Пович, лениво выбивая трубку о ручку кресла. — Мы станем действовать вместе или не станем вообще.

— Минутку, — сказал Рислер. — Думаю, план Элстона — единственный, который обладает неким здравым смыслом, и я готов принять в нем участие. Пусть Майкл остается дома и дуется, если хочет, но я присоединяюсь, даже если мне придется отправиться в поход в одиночку.

— Вычеркните и меня, — попросил Крас-тон. — Если я соберусь совершить самоубийство, у меня на уме будут какие-нибудь личные мотивы. Я говорю: убить Донахью, и чем скорее, тем лучше.

— Давайте поставим вопрос на голосование, — предложил Рислер.

Все взгляды устремились на Повича. Сюсюкающий старик в данной ситуации обладал решающим голосом. Он нервно оглядел собравшихся, потом снова пыхнул трубкой, опалив пальцы.

Через мгновение Майкл Дрейк и Эндрю Крас-тон, разозленные, гордо покинули комнату, и единодушные в Совете Баронов было утеряно навсегда.

Глава 6

Донахью раздражали его оковы. Его раненное плечо затекло. Таракан, большой и влажный, переполз через край ложа, прополз через грудь Рыжебородого, а потом отправился блуждать в

его бороде. Донахью почувствовал, как он подобрался к свежим порезам на горле. Урод не знал, что делать, но насекомое беспокоило его словно посланец Рета. С ворчанием Донахью перевернулся на бок, однако прогнать насекомое не сумел. Не в силах совладать с тараканом, пленник попытался игнорировать насекомое и, переполненный злостью, стал рассматривать сырой каменный потолок.

Неожиданно Урод резко прижал подбородок к груди и позволил себе победно улыбнуться, когда почувствовал, как тельце твари превратилось в мягкую массу. Останки таракана повисли на шее Донахью, но на это можно было внимания не обращать. Пленник снова откинулся назад, еще больше расслабился и, словно загнипнотизированный, уставился на крошечную каплю воды, которая сползала по стене в нескольких футах над его головой.

Он пробыл один больше суток, без пищи и без воды. Движения его рук и ног были ограничены ложем. Много раз начинал он молить Гарета о помощи; и каждый раз после тщетной молитвы начинал ругать Гарета Кола, становясь все более и более свирепым, в то время как час проходил за часом. Все выглядело так, словно Гарет решил оставить Рыжебородого гнить в сырой норе Людей, пока Донахью не исправится и не покается. Ну, это-то не сработает! Может, Рыжебородому удастся схватить какого-нибудь Нормана за руку... Рано или поздно они ведь развяжут его — в этом Донахью был уверен. Если бы Люди захотели убить его, они не стали бы так тянуть.

Или они все-таки убьют его? Может, они ждут, наблюдая, станет ли Гарет спасать его,

если, конечно, Гарет *может* спасти его на таком расстоянии?

Гарет уже доказал, что может прислать свое создание в темницу, если пожелает.

А Норманы не собирались пугать Донахью. Они видели его в битвах слишком часто, чтобы не верить в то, что Рыжий Торир Донахью может чего-то испугаться. И если Норманы собирались пытать его, то они долго могли бы совершенствовать на нем свое искусство.

Итак, пытки тут ни при чем, как и убеждение страхом, и это не проверка сил Гарета Кола. Даже если бы Донахью охватил самый сильный приступ скромности, чего и в помине не было, он бы все равно не догадался, что Люди просто забыли о нем...

И тогда его убогие мысли вернулись к первоначальному вопросу: чего ждут Норманы?

Минутку! Минутку. Они что-то говорили. Страмм и Майкл Дрейк и даже Рислер. Что это было за слово? *Урод!* Гарет тоже использовал его. И кто-то, один из Норманов, хотел узнать о его силе, так словно он один из банды уродцев Гарета.

Да, так оно и было! Но тут Донахью оказался в безвыходном положении, потому что не знал, истинного значения слова «урод». Когда Дрейк и другие использовали его, оно звучало как оскорбление... но если Гарет тоже использовал его, даже называл так себя, тогда, быть может, это слово означало что-то еще, что-то намного более важное.

Хорошо это или плохо? Донахью не знал, хотя надеялся, что плохо, потому что Гарет называл его «Уродом в резерве», а Гарет никогда не ошибался. Мысль о Коле, самодовольном и недосы-

гаемом в Туннелях, прислушивающемся к его мыслям и насмехавшемся над ними, снова вызвала у Донахью приступ жажды крови. Его мыслительный процесс, хрупкий в лучшем случае, застопорился, и Рыжебородый яростно задержался в своих узах, ревя как бык.

Сколько его продержали здесь, Донахью не знал, но наконец дверь открылась и вернулись Страмм с Рислером.

— Успокоился, я вижу, — заметил Страмм.

— Чего вы ждете? — спросил Донахью, тяжело дыша от напряжения.

— Я не знаю, чего ждать, — был ответ. — Вот почему я оставил тебя в таком положении.

— И что теперь? — поинтересовался Рыжебородый.

— Теперь я решил сделать тебе одно предложение, — сказал Страмм.

— Я не стану иметь дела с Норманами!

— Подожди, пока не выслушаешь... и к тому же следует говорить — Нормалы. Тебе хотелось бы оказаться на свободе?

— Ха!

— Я имею в виду именно то, о чем говорю. Я развяжу тебя. Рислер с луком и стрелой с отравленным наконечником присмотрит за тобой, так что я не делаю ничего безрассудного, возвращая тебе свободу.

Рислер шагнул назад и наложил стрелу на тетиву лука, в то время как Страмм мечом разрезал путы Рыжебородого. Донахью спустил ноги на пол и начал массировать запястья. Его глаза остановились на Страмме, и он зловеще приподнялся.

— Осторожно, — предупредил Рислер, одновременно натягивая тетиву. Донахью повернулся к нему нахмурившись и снова сел.

— Так-то лучше, — сказал Страмм. — А теперь за дело. Я освободил тебя, потому что ты не чувствуешь особой привязанности к Гарету Кола.

— Я хотел бы оторвать ему голову, вырезать его сердце... и когда-нибудь я так и сделаю! — взвыл Рыжебородый.

— И ты считаешь, что тебе удастся? — спокойно спросил Страмм.

— Что ты затеваешь? — спросил в ответ Рыжебородый, глядя на сатанинские черты собеседника.

— Скажу в свое время, — ответил Страмм. — Никто из наших людей не был в цитадели Кола... точнее, никто из тех, кто попадал туда, не вернулся.

— Будь ты проклят, твоя правда! Они не вернулись! — гордо сказал Рыжебородый.

— Ты, с другой стороны, возможно, знаешь Метро так же хорошо, как любой другой, кроме Гарета Кола.

— Метро?

— То место, где вы живете.

— Ты имеешь в виду Туннели?

— Да, Туннели. Мы не знаем, что Гарет Кол может делать, по крайней мере не все его способности. Но даже если ты не знаешь границ его силы, ты наверняка лучше знаком с ним, чем мы.

— Что ты затеваешь? — повторил Донахью.

— Ты ненавидишь Гарета Кола, ведь так? — спросил Страмм.

— Да.

— Больше чем кого-либо и чего-либо еще?

— Да.

— Ненавидишь в достаточной степени, чтобы повести армию против него?

Донахью тяжело вздохнул и тупо уставился на Страмма. Он почесал свою лохматую голову, вздохнул снова, запрокинул голову и засмеялся.

— Давай говорить прямо. Ты хочешь, чтобы я...

— ...возглавил нападение на цитадель Гарета Кола.

— Ты, должно быть, шутишь?

— Есть только одна вещь, относительно которой я никогда не шучу. Это — Гарет Кол.

— Откуда ты знаешь, что я не заведу вас в ловушку?

— Сейчас я этого не знаю... но узнаю до того, как тебе будет вверена армия.

— Какое-то безумие! — сказал Рыжебородый больше для себя, чем для Страмма. — Вообразите... Рыжий Торир Донахью возглавляет набег на Туннели! — Он снова засмеялся.

— Подумай об этом, — сказал Страмм.

И Донахью так и сделал. Он подумал о том, каково это будет — сжать белую шею Гарета Кола; подумал о том, как встряхнет крошечное тело Кола так, чтоб мозги Повелителя Уродов, взболтавшись, разбились о крышку черепа; подумал о голове Гарета Кола, которая будет висеть у него на поясе, привязанная за локон светлых волос. И еще Рыжебородый представил себя предводителем армии, которой можно отдавать команды; которая может передвигаться лишь по земле и воины которой чувствуют боль, когда меч или стрела оставляют на них свою отметину. Все вместе выглядело приятно. Потом Донахью подумал о Гарете Коле, наблюдающем, как он разговаривает с Страммом, и мысленно смеющимся.

ся над тем, как Рыжебородый предвкушает его смерть.

— Я поведу армию! — проревел Рыжебородый. Рислер аж подскочил от неожиданности, когда вопль Донахью разорвал тишину.

— Ладно, — сказал Страмм. — Но, думаю, нам лучше обсудить все детали.

— Когда я могу начать? — перебил Донахью.

— Когда я почувствую, что могу доверять тебе, — ответил Страмм. — И когда мои Люди пойдут за тобой. Для этого потребуется не месяц и не два. Должно пройти достаточно времени, чтобы они свыклись с мыслью, что их поведет Урод, пусть он даже выглядит как Человек.

— О чем ты говоришь? — требовательно спросил Донахью.

— Теперь ты должен и сам догадаться, даже если еще не знаешь, — сказал Страмм.

— Я ничего не знаю.

— Я могу преподать тебе маленький урок истории, — сказал Страмм, садясь на край ложа.

— Истории?

— Да, истории... рассказать столько, сколько сочту нужным. Почти тысячу лет назад была война — война совершенно мерзкая. Сомневаюсь, что она длилась уж очень долго. Мы понятия не имеем о том, какое оружие использовалось, но, очевидно, его было достаточно, чтобы разрушить почти все на поверхности Земли.

— Земли? — тупо повторил Донахью.

— Мира... в котором мы живем. Не обращай внимания. Только поверь мне, почти все погибли. Цивилизация была стерта в порошок за несколько часов, если те записи, что есть у нас об этом конфликте, правильны. Честно говоря, я не могу представить столь могущественного оружия, но я

не думаю, что есть какая-то разница, шла война часы или годы. Остается факт: такое случилось. Все, или почти все, на поверхности планеты были убиты.

— Чепуха, — взорвался Рыжебородый. — Если бы это было правдой, нас бы тут не было!

— Ты забегаешь вперед, — сказал Страмм. — Как я говорил, все на поверхности планеты были убиты, быстро или медленно, без разницы. Однако не все находились на поверхности. Некоторые — настоящая горстка по сравнению с миллионами погибших — находились *под землей*.

— Что?

— Под землей, — повторил Страмм. — Война, как оказалось, не была такой уж неожиданной. Многие сумели спрятаться в пещерах или каких-то убежищах. Они подождали несколько лет, прежде чем выйти на поверхность и сформировать основу ныне существующей цивилизации.

— Какое отношение это имеет к Гарету... или ко мне? — спросил Рыжебородый, не совсем уверенный, что его не обманывают, рассказывая стародавнюю сказку.

— Я подхожу к этому, — терпеливо сказал Страмм. — Ты знаешь, что нет места лучше защищенного, чем система Метро.

— Что, Рет побери, ты называешь Метро?

— Это тяжело объяснить, возможно, потому, что мы сами не очень ясно себе это представляем. Насколько мы знаем, это — система подземного движения транспорта. Поезда — какой-то тип повозки — перевозили Людей из одного места в другое по подземным Туннелям.

— Туннели! — воскликнул Донахью, забыв свои сомнения. — Туннели и есть — Метро!

— Точно. Одна группа Людей нашла убежище от опустошений войны в Метро. Но им не так уж повезло. Я не знаю, какого рода оружие использовалось в той войне, но точно: как только его пустили в ход, даже воздухом стало нельзя дышать. Пещеры и убежища имели собственный воздух и были полностью отрезаны от внешнего мира, а Метро — нет. Там было слишком много входов и выходов, слишком много вентиляционных шахт, чтобы эффективно защищать от отравленного воздуха. Воздух странно подействовал на выживших. Словом, он стал причиной значительных изменений, которые в конечном счете привели к появлению самых невероятных Уродов!

— Снова это слово! — проревел Рыжебородый. — Что такое «Урод»?

— Необычное существо. Человек, который чем-то отличается от своих родителей и своих товарищей. Обычно Уродов убивали, так как они легко отличимы от нормальных детей... ты знаешь, три головы, нет глаз и тому подобное. Люди в Туннелях, как ты называешь Метро, оставались там, они не хотели иметь дело с выжившими нормальными, которые тоже вернулись на поверхность. А после того как сменилось несколько поколений, обитатели Туннелей решили, что *избавились* от Уродов... Они ошиблись... Видишь ли, нет способа, чтобы понять, Урод перед тобой или Человек, если создание нормально физически. Возможно, что как раз так колдун и родился...

— Гарет Кол! — воскликнул Донахью.

— Правильно. Годы он, как казалось, ничем не отличался от других Людей, кроме того, что, возможно, выглядел чуть более болезненным. Что

мы знаем точно: его сила пришла к нему постепенно. Он даже не понимал, кто он такой, до тех пор пока ему не исполнилось тридцати, хотя мог догадываться после того, как в возрасте двадцати пяти лет перестал стареть... Он родился в руинах старого города, называемого Чикаго, и, после того как способности его достигли той силы, что имеют сейчас, он оставил свой дом и начал искать других, вроде него самого. Он никого не нашел... Метро Нью-Йорка — ваши Туннели — было последним местом, которое он обследовал. Именно там он решил устроить штаб-квартиру и постепенно прогнал всех Людей, живущих под землей... в том числе и моих предков... В конце концов Люди забрели в руины какого-то города, некогда имевшего круглую форму, который уже заняло несколько других выживших семей. Город теперь называется Ступица, но со временем мы узнали, что раньше он назывался Бостон... Мы начали новую жизнь на этой земле. Изредка мы устраивали рейды на другие города Нормалов, беря пленников и заставляя их работать на полях. Время от времени Гарет или, точнее, чудовища из ада, которых Гарет собрал воедино, появлялись и воровали наших женщин. И только сотню лет назад мы поняли, что он делает с украденными женщинами.

— И что же?

— Он использует их для размножения адского отродья.

Донахью выглядел удивленным.

— Ты не понимаешь? — спросил Страмм. — Он использует их для того, чтобы плодить армию Уродов!

— В этом-то Гарет преуспел, — усмехнулся Рыжебородый.

— Не думаю, — возразил Страмм. — Иначе, почему же он до сих пор не уничтожил нас? Мы начали войну с ним, когда наконец открыли, что он делает с нашими женщинами. Если он и в самом деле занят именно тем, что демонстративно выставляет напоказ, почему он не завоюет мир при помощи армии Уродов?

— Уроды-то ему не нужны, — сказал Донахью, без желания признавая этот факт. — Он может уничтожить Ступицу в две секунды, если захочет.

— Тогда почему он не делает этого? — резко спросил Рислер.

— Вы его не волнуете, — ответил Рыжебородый.

— Мы не волнуем его? — повторил Рислер недоверчиво. — Тогда почему он посылает против нас армии?

— Если бы он захотел уничтожить Ступицу, он бы сделал это сам.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал Рислер.

— Я не знаю ответа, — заявил Донахью.

— Тогда давай попробуем задать другой вопрос, — сказал Страмм. — В чем *твоя* сила?

— У меня ее нет.

— Тогда почему ты возглавляешь его армию?

— Я лучший воин, который есть у него, — Донахью сделал паузу, получившуюся значительной, потом поправился: — Я *единственный* Человек, который у него есть.

— Почему он не уничтожил тебя, как других Нормалов? — упорствовал Страмм.

— Я не Норман! — прогремел Рыжебородый.

— Ну, ты и не Урод, — сказал Страмм. — Так кто же ты такой?

— Я — Рыжий Торир Донахью! — закричал он, задышавшись наполовину в ярости, наполовину в муке. — Вот кто я такой. Я — Рыжий Торир Донахью, и я не какая-то проклятая пешка! Ни ваша, ни Гарета, ни кого-то еще! Я пришел сюда убивать Норманов, потому что я хотел этого, и если я поведу вашу армию против Гарета Кола — это будет мое решение, а не ваше!

— Никто иначе и не говорит, — печально согласился Страмм. — Мы только пытались вычислить, почему Кол держит под рукой малого вроде тебя.

— Малого?

— Урода, если хочешь.

— Я не Урод! — проревел Рыжебородый.

— Для Кола и его слуг ты — Урод, — сказал Страмм. — Ты такой же чужой для них, как Кол для нас. И тем не менее он доверил тебе командовать своими вооруженными силами. Почему? Ты знаешь что-то, что может повредить ему, если он прогонит тебя?

— Нет.

— С другой стороны, — прибавил Рислер, — если бы Донахью представлял опасность, Кол убил бы его.

— Правда, — согласился Страмм. — Подойдем к проблеме с другой стороны: если мы не знаем, как ты можешь навредить Колу, давай подумаем, чем ты можешь помочь нам. Что ты знаешь о Туннелях?

— Я знаю там каждый дюйм, — ответил Донахью.

— Даже Туннели Кола? — спросил Страмм. — Нет, забудем об этом. Конечно, он знает. Можешь ли ты появиться там незамеченным?

— Невозможно, — ответил Донахью.

— Какая армия тебе нужна, чтобы быть уверенным в победе?

— Какая польза от этого разговора? — с яростью взорвался Рыжебородый. — Кол увидит нас за многие мили. Даже густой туман надолго не спрячет корабли.

— Тогда мы не станем использовать корабли, — сказал Страмм.

— Что ты предложишь мне... добираться вплавь? — презрительно спросил Донахью.

— Ты слышал о Голландском туннеле? — спросил Страмм.

— Нет.

— Ты ходил по огромному туннелю, заканчивающемуся стеной валунов?

— Да.

— Это — Голландский туннель. Мы перегородили его более столетия назад, чтобы остановить отряды Уродов. Он патрулируется?

— Не в этом дело.

— Что ты имеешь в виду?

— Гарету не нужны солдаты, чтобы увидеть, кто идет. Он ведь колдун. Так же как Джон и несколько других.

— Конечно, — согласился Страмм, ударив кулаком по раскрытой ладони другой руки. — Я так и знал.

— Значит, невозможно появиться там незаметно? — спросил Рислер.

— Невозможно, — согласился Донахью.

— Это значит, что Кол приготовится, какие бы предосторожности мы бы ни предприняли, — продолжал Рислер.

— Вот это я и пытаюсь тебе сказать, — прорычал Рыжебородый.

— А если он *приготовится к твоему приходу*, — продолжал Рислер, — его армия тоже будет наготове.

— Я смогу разгромить его Уродов, — уверенно сказал Донахью.

— Спорный вопрос, — возразил Страмм, — но не в этом суть дела. Вопрос: сможешь ли ты разгромить Гарета Кола?

— Дай мне дотянуться до него и...

— Забудь об этом, Урод! — фыркнул Страмм. — Ты будешь пытаться дотянуться до него своими руками всю жизнь, и это не принесет тебе ничего хорошего. Если Кол вступит в битву, а рано или поздно он должен будет так поступить, перед тобой встанут те адские чудовища, которые он создает силой своего разума. Ты их должен будешь победить.

— Бесполезно, Элстон, — сказал Рислер. — Мы будем пытаться уничтожить их еще многие поколения. Ничто не сможет повредить им.

Страмм мгновение внимательно смотрел на него. Потом выражение его лица смягчилось, плечи опали, и он проговорил:

— Конечно, ты прав.

— Да пошел он к Рету! — прошипел Донахью.

— Что?

Изображение огненной птицы вспыхнуло в мозгу Рыжебородого. Человек... он сам... стоял на омытом кровью берегу, недавно срезанные головы висели на его поясе. Он поднял камень и швырнул его в огненную птицу... и существо закричало от боли.

— Да пошел он к Рету! — повторил Донахью. — Дайте мне возможность, и я покажу вам ремень сплетенный из внутренностей Гарета Кола!

— Ты что-то вспомнил! — возбужденно сказал Страмм. — Что?

— Это мой пропуск из вашего проклятого города, — усмехнулся Рыжебородый. — Я скажу вам, когда мне захочется... *если* захочется!

Казалось, Страмм мгновение раздумывал над словами пленника.

— Хорошо, Урод. Кажется, мы сможем доверять друг другу.

— Точно, — согласился Донахью, поднимаясь на ноги и потягиваясь. — И так как я уйду отсюда через несколько недель, я хочу иметь место, где смогу жить. Уединенную обитель.

— Уединенную?

— Именно так. Не хочу, чтобы кто-нибудь заглядывал в содержимое моей головы... или глазел на меня.

— Ты получишь то, что просишь, — пообещал Страмм.

— И еще, — продолжал Рыжебородый, стряхнув раздавленное насекомое с шеи. — Я не в настроении тренировать вашу армию с пустым желудком... и пустой кроватью.

Глава 7

Она была простушкой.

Ее звали Алата Дрейк, и, хотя она была не совсем уродливой, она была далеко не хорошенькой. Это не имело большого значения, хотя однажды так расстроило ее, что с тех пор она стыдилась смотреть в зеркало.

Это случилось давным-давно, до того как она поняла, что когда ты — дочь Алдана Повича, никто не скажет о том, что ты недостаточно кра-

сива. И когда она вышла замуж за Майкла Дрейка — тут же ставшим членом Совета Баронов, никто тем более не смел упомянуть об этом у нее за спиной, так как Майкл Дрейк был не столь забывчив, как ее отец.

Существовало много вещей, которых Дрейк не забывал. Хотя в этом едва ли была вина Алаты, но муж обвинял ее в том, что женился на ней по расчету, и не касался ее со свадебной ночи, которая была четыре года назад. Он не любил общаться со старым Повичем, отчасти из-за женитьбы и отчасти потому, что Пович считался номинальным главой Совета Баронов. А совсем недавно Дрейк стал приходить в ярость при упоминании об Элстоне Страмме. Он проклинал Страмму за то, что тот сохранил жизнь Донахью и убедил Повича и Рислера выделить Уроду солдат. Так как на Совете он вынужден был вести себя пристойно, он вымещал гнев на Алате.

Сейчас она сидела одна в своей спальне, равнодушно расчесывая свои длинные, черные волосы. Когда-то она мечтала, чтобы ее волосы ниспадали длинными, льющимися локонами, но они оставались кудрявыми и непокорными. Обычно она носила их зачесанными вверх, закрывая шалью или шарфом, но в своих личных комнатах давала им свободно струиться до талии, в надежде, что, если их часто причесывать, они каким-нибудь образом превратятся в «копну славы», о которой Алата мечтала с давних пор.

Алата отсутствующим взглядом смотрела из окна вниз на улицу. Та была как обычно пуста, потому что Дрейк никогда не видел причины выставлять стражу вокруг замка, если его нет дома. Он не мог придумать причину, по которой кто-то может возжелать его жену, но сделал замок как

можно доступнее, на тот случай, если кто-то все же захочет украсть ее. Однако, к его разочарованию, никто не собирался этого делать.

Алата подумала об охраняемом коридоре на третьем этаже замка. Она никогда не была там, но знала, так же точно как собственное имя, что Дрейк держит там женщину. Так же точно она знала, что там не одна женщина. Баронесса не порицала мужа. Ведь он женился на ней по одной простой причине: хотел получить Баронство. Она послужила этой цели, и Майкл Дрейк не видел, как в дальнейшем можно ее использовать. Раньше она предполагала, что муж убьет ее, но, пока Пович имел силу, Дрейк заботился о ее здоровье или, по крайней мере, делал вид.

Что касается Алаты, она давно подчинилась сложившейся ситуации. Однажды, много лет назад, был молодой человек — юноша с золотистыми волосами и стройным, крепким телом. Алата никогда не разговаривала с ним, потому что он был простым воином, а она — дочерью Барона. Каждый день она выдумывала новые уловки, чтобы увидеть его, когда он патрулировал землю ее отца, и однажды вечером упала ему в объятия, притворившись, что споткнулась в темном коридоре. Теперь она краснела, когда вспоминала, как бесстыдно вела себя в тот вечер; но румянец оставался, когда она вспоминала ощущение его рук, обнимавших ее в тот миг, когда он ставил ее на ноги. Потом однажды он отправился на битву с Гаретом Колом, и она никогда больше не видела его. Говорили, что Донахью носил его голову на своем поясе.

Но тогда Алата была молоденькой, томящейся без любви девушкой. Теперь она стала женщиной и со вздохом выполняла свои женские обязаннос-

ти, праздно думая о том, что муж ее может скоро вернуться, но ничуть из-за этого не волнуясь.

А мысли Майкла Дрейка в этот миг были далеко от дома и очага. Пович созвал новую встречу Совета Баронов в последней попытке убедить Дрейка и Крастона поддержать поход Донахью. Крастон наотрез отказался приехать. Дрейк согласился только при условии, что Донахью будет присутствовать, чтобы ответить на вопросы.

Три недели прошло с того времени, как Бароны взяли его в плен, — недели, за которые Рыжебородый сделал очень мало. Он лишь удовлетворял свои различные желания. Наконец, под настоятельным нажимом Страмма, он занялся подготовкой армии.

Процесс подготовки оказался относительно прост. Страмм, Пович и Рислер — каждый выделил ему по две сотни солдат. Рыжебородый выстроил их в линию, быстренько прогулялся туда-сюда вдоль строя и заявил, что готов к битве. После этого Пович устроил встречу Баронов.

Дрейк вошел в огромный зал замка Повича, только когда Страмм и Донахью уже появились.

— Что сказал Крастон? — спросил Страмм, опустившись на подоконник.

— Ничего, — ответил Пович, зажигая свою неизменную трубку. — Боюсь, он в самом деле не явится на это представление.

— Не велика потеря, — заявил Рыжебородый, полусидя, полулежа на огромном деревянном кресле. — Я не понимаю, почему ты настаиваешь, чтобы он присоединился к нам, — прибавил он, приветствуя Дрейка непристойным жестом.

— Попридержи язык, Урод! — отрезал Дрейк.

Донахью засмеялся и потянулся за кубком вина. Он осушил его, вытер несколько заблудившихся капель с бороды и повернулся к Повичу.

— Так о чем будет речь? — неожиданно требовательным голосом спросил он.

— О приближающейся войне с Гаретом Колом, — ответил Пович.

— Мы готовы, — усмехнулся Рыжебородый.

— Отлично, — заметил Рислер. — Когда ты начнешь тренировать людей?

— Тренировать их? Мы готовы сражаться прямо сейчас! — таким был ответ Донахью.

— Но без сомнения ты должен выработать какую-то стратегию! — запротестовал Пович, шепелявя заметнее, чем обычно. — Ты же не собираешься просто вломиться в Метро, надеясь на лучшее!

— Да, у меня есть стратегия, — спокойно ответил Донахью. — Моя стратегия — убить Гарета Кола.

— И это все? — недоверчиво спросил Пович.

— Это все, что вы должны знать, — уточнил Рыжебородый, подойдя к Страмму и забрав у него его кубок с вином.

— Элстон, — сказал старый Барон, — я думаю, нам лучше подробно обсудить эту важную деталь. Когда я проголосовал за тебя и Джеральда, у меня сложилось впечатление, что мы обсудим план нападения, сможем посоветоваться и внести разумные предложения.

— Никто не будет мною командовать! — очень важно заявил Донахью.

— Никто и не пытается это делать, — равнодушно сказал Рислер. — Все мы хотим знать, как ты собираешься разгромить Кола.

— А через две секунды после того как я скажу тебе, Дрейк, тыпустишь стрелу мне в сердце, — ответил Донахью.

— Почему ты уверен, что я не сделаю чего-нибудь другого? — спросил Дрейк, впервые подав голос.

— Перво-наперво, — сказал Рыжебородый, — никто, кроме меня, не знает, как сражаться с Гаретом Колом. И второе, у тебя кишка тонка убивать Летунов.

Дрейк покраснел и положил руку на рукоять меча.

— Убери руку, или это будет последний меч, который ты обнажишь! — проворчал Рыжебородый, глядя на него.

— Попридержи язык, Урод! — прорычал Дрейк. Рука его не двигалась.

— К Рету вас обоих!

— Успокойся, Майкл, — сказал Пович. — Не давай ему завести тебя. Это всего лишь его обычная манера разговора.

— Тогда его нужно поучить манерам, — сказал Дрейк.

— Если даже меня кто-то и поучит, — взревел Донахью, — то не тот человек, у которого кишка тонка сражаться с Гаретом Колом!

Страмм внимательно наблюдал за Донахью и Дрейком, готовый встрять, если потребуется. Наконец он решил, что пора, и шагнул к Донахью, собираясь взять Рыжебородого за руку и оттащить его от Дрейка.

Мгновением позже он лежал на спине, захлебываясь теплой, соленой кровью, в то время как три его зуба оказались выбиты.

— Держись подальше, Норман! — проорал Донахью.

— Кто-нибудь дайте ему меч, — сказал Дрейк, обнажив клинок.

— Мне не нужно оружие, чтобы сражаться с Норманами! — взревел Донахью.

— Я помню то, что ты говорил раньше, Урод, — ответил Дрейк с холодной улыбкой на губах.

Рыжебородый наклонил голову и бросился на молодого Барона, словно бык. Дрейк сделал шаг в сторону, вытянул меч и зацепил им руку Донахью. Рыжебородый почувствовал, как стальное острие разорвало его кожу. Он метнулся в сторону, и меч, пропахав борозду по всей длине руки Урода, вылетел из руки Дрейка и, громко зазвенев, упал на пол.

Донахью повернулся к Дрейку и, скривившись, выдал поток проклятий. Потом Рыжебородый вытянул огромную руку, сжал шею Барона, оторвал его от земли и впился другой рукой в лицо Дрейка. Когда он убрал руку, от носа Дрейка ничего не осталось, кроме бесформенной массы раздавленного окровавленного хряща.

Дрейк слабо сопротивлялся, пытаясь высвободиться из захвата Донахью. Рыжебородый освободил его на мгновение, но тут же обхватил его тело могучими руками и сжал его. Дрейк слабо помахал руками, потом неожиданно напрягся. Раздался громкий треск, и Донахью отшвырнул труп на пол, ворча от отвращения. Даже Люди, скрученные спазмами смерти, не выглядели так уродливо, как труп Дрейка.

Рыжебородый вызывающе посмотрел на оставшихся Баронов, приготовившись к их атаке. Но Пович и Рислер лишь молча посмотрели на то, что недавно было Майклом Дрейком. Страмм с трудом поднялся. В руке у него был меч.

— Я бы советовал тебе стоять там, где стоишь, — сказал он Донахью. — Могу уверить, что меня ты так легко не прикончишь.

Что-то подсказало Донахью, что Барон говорит правду и будет опасным противником, даже если Рыжебородый завладеет мечом Майкла Дрейка. Поэтому Урод сделал так, как Страмм сказал ему. Напрягшись, он замер, ожидая, что случится дальше.

— Ну, джентльмены, — продолжал Страмм, не сводя глаз с Донахью, — теперь мы, кажется, столкнулись с другой проблемой.

— Говорю: убить его! — горячо объявил Рислер. — Эндрю и Майкл были правы... мы должны были уничтожить его в тот самый миг, как схватили!

— Чепуха! — резко заявил Страмм. — Донахью по-прежнему наша единственная надежда победить Гарета Кола. И на тот случай, если ты забыл: Майкл достал оружие первым. Урод сражался голыми руками.

— Правда, — удивился Пович. — Но ты понимаешь, что это значит, Элстон?

— Возможно, — ответил Страмм. — Но я предлагаю, чтобы мы отложили суд до тех пор, пока не вернемся из Метро. Тогда мы сможем вынести решение.

— Решение о чем? — спросил Рыжебородый.

— Ты поставил нас в неловкое положение, — объяснил Страмм. — Согласно нашим законам, любой человек, кто убьет бездетного Барона в честном сражении, получает добытое в битве.

— Что это означает?

— Это означает, что ты можешь получить все его привилегии и владения. Однако твоё положение в лучшем случае очень странное, —

Страмм сделал паузу, а потом повернулся к Рислеру и Повичу: — Я предлагаю посмотреть, как он поведет себя в битве против Кола, прежде чем выносить решение относительно этого случая.

— Согласен, — сказал Пович. Потом, повернувшись к Донахью, добавил: — Ведь ты на самом деле не хотел убивать его.

— Я не слышал ничего о том, чтобы кто-то говорил ему не убивать меня! — фыркнул Рыжебородый. Он наступил на труп, словно его и не было, и принялся искать другую чашу с вином. Неожиданно он усмехнулся. — Так я завладел тем, что имел он? У него была жена?

— Заткнись! — раздраженно приказал Уроду Страмм.

— Я взгляну на нее, после того как прикончу Гарета, — объявил Донахью.

— Что мы станем делать с Майклом? — спросил Рислер, словно заипнотизированный глядя на перекрученное тело.

— Пусть гниет в земле, потому что все, чем я могу еще его напутствовать, — проклятье, — заявил Рыжебородый, осушил кубок и вышел из зала.

Глава 8

Это были скучные похороны. Долгие, скучные, наполненные помпезностью и церемониальностью. Один за другим Бароны говорили над могилой; все, кроме Рислера, были красноречивы. Донахью то ли был раздражен, то ли просто игнорировал происходящее. Страмм все время внимательно наблюдал за Уродом, боясь, как

бы не случилось повторного несчастья и у землекопов, роющих могилы, снова не появилась работа.

Пович говорил бесконечно, оплакивал своего зятя часа три, с легкостью повторяя дважды или даже трижды одно и то же, и церемония продолжалась бы еще дольше, если бы милосердная природа не решилась заявить о себе громом, молниями и дождем, которые в конце концов заглушили речь старика и разогнали плакальчиков по домам.

Рыжебородый сопровождал трех объединившихся Баронов (Крастон, не выдержав, уехал намного раньше, так и не дождавшись, когда старик Пович закончит говорить) в замок Повича. Даже варвар Донахью удивленно вытаращился при виде яркой зелени, обрамляющей самое старое и великолепное из поместий Баронов. Куда бы Донахью ни посмотрел, он видел лишь яркие клумбы цветов любых воображаемых форм и цвета. Два десятка аккуратно выложенных камнями дорожек вились среди них. Местами их затеняли огромные цветущие кусты. Землю устилали экзотические мхи и лишайники, сверкавшие каплями недавно прошедшего дождя.

Интерьер замка, выдержанный в стиле неброской роскоши, выглядел таким же простым, как и в обители Рислера, но при близком рассмотрении оказался уникальным и самобытным. Однако простота была отличительным признаком здания и его обстановки, точно так же как и самого Повича. Необычная мебель, заботливо украшенная резьбой, была из самого лучшего дерева, но сделана просто, для того чтобы быть удобней. Ни один предмет не нарушал гармонию. Даже массивный стол в обширном обеденном

— Будьте вы прокляты, он — прав! — глядя в потолок, сказал Рыжебородый.

— Но, Элстон...

— Послушай, Алдан, — сказал Страмм. — Успех или провал нашего рейда зависит от способности Донахью пробиться через физические и психологические линии обороны Кола и того, сможет ли Рыжебородый уничтожить его. Я не вижу, почему смерть Майкла должна увеличить или уменьшить наши шансы. Если Донахью смог бы одержать победу неделю назад, он сможет и сейчас; а если нет, то я сомневаюсь, что смерть Майкла увеличила его силы и поможет ему в деле убийства Кола.

— Я знаю все это, — запротестовал Пович. — Только я не думаю, что наши люди последуют за ним в Метро. Я сомневался и раньше, а теперь после убийства Майкла я в этом уверен.

— Мы пойдем с ним, — сказал Страмм. — Ведь твои люди пойдут за тобой.

— Я так и предполагал, — недовольно проворкотал Пович.

— Ну, я могу гарантировать, что мои люди за мной пойдут, — сказал Рислер.

— Пока они будут получать приказы от меня, мне все равно, за кем они станут следовать, — воскликнул Рыжебородый.

— Мы еще ничего не решили, — осадил Урода Рислер.

— Я обещаю, что они выполнят любой разумный приказ, который ты отдашь, — сказал Страмм. — Если же твое понимание разумности приказов значительно отличается от наших, мы симпривизируем.

— Ты думаешь, нам стоит предпринять еще одну попытку уговорить Эндрю, чтобы он присо-

единился к нам? — спросил старик между затяжками трубки, которая у него постоянно гасла в этот день, и Страмм с любопытством посмотрел в его сторону.

— Слишком жирно будет, — фыркнул Рислер, подойдя к ряду книг, взяв одну из них с полки и с отсутствующим видом полистав ее.

— Я склонен согласиться с Джеральдом, — сказал Страмм. — Очень сильно сомневаюсь, что Эндрю присоединится к нам.

— Кому нужен этот слепец? — спросил Донахью. — Он только под ногами будет мешаться.

— Что нам нужно, так это символ единства Баронов, — раздраженно сказал Пович. — Хотя не могу представить, как кто-то вроде тебя может это понять.

Донахью внимательно посмотрел на старика, но ничего не сказал. Когда стало очевидно, что наступившая тишина нарушена не будет, он отвернулся от Баронов и начал мерить шагами мозаичный деревянный пол. Это помогло ему снять напряжение, потому что по натуре своей Рыжебородый был деятельным человеком, а теперь все чувства говорили ему, что движение — самый быстрый способ расслабить напряженные нервы и мускулы. Он сделал глубокий вдох. Комната пахла разными сортами дерева, и Донахью радовался этому так же, как Пович, любивший цветы, наслаждался цветочными ароматами. Донахью снова прошел мимо трех Баронов, потом подошел к окну и выглянул наружу. Цветы не были для него такой уж редкостью, но так как в Туннелях ничего не росло, Донахью видел цветы, только когда воевал. Он любил их запах, но изобилие яркого цвета било ему по глазам. Своей красотой цветы вызывали в Донахью не удивление, а

простое детское удовольствие от того, что он нашел множество красивых штучек, приковывающих его внимание. Наконец, оторвав взгляд от цветов, Донахью повернулся к Баронам. Рислер с глупым видом перелистывал другую книгу, Пович занялся своей трубкой, которая постоянно гасла, а Страмм с любопытством смотрел на Рыжебородого.

— Если ты еще не до конца справился со вспышкой гнева, то, наверное, ты с удовольствием проводишь меня назад в мой замок на обед, — сказал Страмм.

— Обед? — повторил Рыжебородый. — А что потом?

— Ты голоден?

— Да.

— Тогда какая разница? С другой стороны, я не верю, что наша дискуссия приведет к какому-нибудь плодотворному решению.

— По крайней мере ты еще поговоришь с Эндрю? — спросил Пович.

— Почему я? — ответил Страмм. — Я и Крастон не такие уж близкие друзья. Если честно, я мог бы даже сказать, что мы держимся друг от друга на определенном расстоянии.

— Это лишь подчеркивает то, что говорить должен ты, — сказал Пович. — Если заговоришь ты, Эндрю будет знать, что это не просто жест, а серьезное предложение примирить наши разногласия.

— Все верно, — вздохнул Страмм. — Не то чтобы я чего-то добьюсь, но сделаю это из уважения к тебе, Алдан.

Он и Донахью встали и отправились в шестимильную прогулку к замку Страмма. Бароны часто разъезжали на лошадях (или, скорее, на

тех животных, в которых превратились лошади) или нанимали своего рода рикш для путешествий между поместьями, но Страмм предпочитал пешие прогулки, и в Донахью, как ни в ком другом, он нашел великолепного спутника для таких развлечений.

Они молча и быстро шли по дороге. Редкие сломанные плиты бетона выглядывали из грязи, но большая часть древней дороги была неотличима от бесчисленных тропинок, окружающих владения Страмма. По пути им не попалось ни одной резиденции, так как все Бароны, кроме Крастона, жили на ободке Ступицы, но то тут, то там виднелись следы древних поселений: фундаменты, древние сточные трубы, и только миновав границу имения Повича — простые каменные очаги и дымоходы — все, что осталось от домов, которые существовали сотни лет назад.

После того как они прошли около трех миль, Донахью повернулся к своему спутнику и неожиданно спросил:

— Почему, Рет возьми, есть такие, кто повинуются слепому человеку?

— Я надеюсь, что не этот вопрос беспокоит тебя все время, — улыбнулся Страмм.

— Ты не ответил.

— Разве не ответил? Ну, как ты знаешь, Эндрю — Барон. Тут у нас нет человека, который один всеми бы командовал, как у вас ваш Гарет Кол или как в Спренгфилде — их Канцлер. Пять Баронов — сейчас четыре — всегда правили вместе. Это хорошо по многим причинам, потому что останавливает любого, стремящегося приобрести слишком большую силу и злоупотребить ей. Нет, мы не то чтобы не

пытаемся приобрести силу, сам понимаешь, но не похоже, чтобы один из нас добился успеха в этих попытках.

— Что останавливает Человека от того, чтобы собрать самую сильную армию и взять то, что он хочет? — спросил Рыжебородый.

— Очень логичный вопрос. Ты удивляешь меня, Урод, — Страмм сделал паузу, потом продолжал: — Базис нашей политики основывается на методе вербовки наших армий. Каждый из нас может забрать в армию на три года каждого пятого мужчину, в течение которых мы должны платить ему и содержать его иждивенцев. Естественно, в каждый призыв все Люди, которых мы получаем в армию, совершенно определенно не военные, и в таком случае обстоятельства сильнее нас.

— Но опытный генерал может получить преимущество в битве, — запротестовал Донахью. — Я доказывал это много раз!

— В конкретной битве — да. Но в Ступице всегда нечетное число Баронов. Когда-то их было трое, а еще раньше — семь. Неважно, сколько. Самое важное, что Баронов — нечетное число, и невозможна такая битва, где один генерал мог бы что-то изменить.

— Что останавливает тебя от нападения, скажем, на Рислера? Это будет равный бой.

— Равный бой нельзя выиграть. Тому, кто выигрывает, без сомнения, придется ассимилировать армию проигравшего и его собственность, а тогда остановить его будет трудно. С другой стороны, Эндрю и Алдан могут и не вмешаться, если начнется битва.

— А что, если они решат поддержать другую сторону?

— Тогда армия Дрейка станет решающим фактором, и та сторона, которую она выберет, выиграет. Из-за этого число Баронов должно уменьшиться до трех, если предположить, что ты или кто-нибудь еще вовремя не примет титул Майкла, и тогда мы снова окажемся в ситуации, когда ни один из Баронов не сможет победить двух других.

— А что останавливает Баронов от того, чтобы собраться вдвоем и напасть на третьего? — спросил Рыжебородый.

— Сознание того, что победа не стоит риска. От такого маневра никто не выиграет, но менее ловкий политический и военный игрок из пары потеряет все. Может, это выглядит слишком просто, чтобы быть практичным, и кажется слабым регулятором, но система проработала тысячу лет или около того, а прагматизм — окончательный тест для любой политической системы.

— Интересно, — заметил Донахью, совсем заскучавший от таких умных разговоров. — Как же это сработает в случае с Крастоном?

— Кажется, я немного увлекся. Извиняюсь. В любом случае необходимо, чтобы мы действовали по возможности вместе. Система, которую я только что описал, кажется рабочей, но это не значит, что она не прошла нескольких тестов и не была подтверждена кровью бесчисленных тысяч воинов. Видишь ли, она не позволяет использовать силу для достижения цели, но, с другой стороны, не может остановить попытки этого добиться.

— Не могу уследить за мыслью...

— Я пытаюсь сказать, что, как только начнется битва, Эндрю Крастон останется единственным Бароном в Ступице. Он сможет полностью контролировать все законы, всю коммерцию и Лю-

дей... и те, коль так случится, вольются в его армию.

— И ты хочешь сказать, что ты и Пович думаете, что Крастон попытается захватить Ступицу, пока мы сражаемся с Гаретом? — удивился Рыжебородый.

— Возможно. Он ведь может, особенно если нас не будет достаточно долго и наши Люди засомневаются, не разбил ли нас Кол. А даже если Крастон и не попытается, его отказ участвовать в кампании расскажет всем о том, что между нами возникли серьезные разногласия. Среди Людей появятся различные клики, оказывающие внимание кому-то из нас, и если они обретут достаточную силу, то мы окажемся втянутыми в гражданскую войну, которой никто не хочет. — Он сделал паузу, довольный собой. Теперь если кто-то спросит Донахью, Рыжебородый даст правильный ответ.

— Тогда тебе лучше немного надавить на Крастона, — согласился Донахью. — Я тоже могу приложить руку, если ты хочешь.

— Ты имеешь в виду помочь кулаком, не так ли?

— Что-то в таком духе, — был ответ.

— Я думаю, что даже ты не станешь применять физическую силу по отношению к слепому, — сказал Страмм.

— Я слишком много ставлю на кон.

— Ты имеешь в виду Кола? Мне казалось, ты говорил, что можешь победить его с несколькими сотнями людей.

— Могу, — ответил Донахью. — Но я теперь Барон, как любой из вас. И я хочу быть уверенным, что мой замок, моя армия и моя женщина будут в целости и сохранности к тому времени, как я вернусь.

— Вся хитрость в том, чтобы вернуться, — заметил Страмм. — Надеюсь, ты применишь для этого все свои умственные способности.

— Об этом не беспокойся! — фыркнул Донахью. — Когда я доберусь до Гарета...

— Да, я знаю, — перебил его Страмм. — Ты задушишь его, или что-то в таком духе. Тем не менее вначале ты должен подобраться к нему, чтобы до него дотянуться.

— Я выполню свою часть работы! Ты только присмотри, чтоб этот Крастон не остался один.

— Я свое дело сделаю, — сказал Страмм, и сам удивляясь, как лжет с таким убеждением.

Глава 9

Комната была холодной и темной, и Страмм с трудом нашел дорогу к стулу. Он бывал тут раньше, когда здесь было лучшее освещение, и знал, что Крастон нарочно затемнил комнату, чтобы досадить ему. Когда его глаза приспособились к почти полному мраку, он с удивлением заметил длинные ряды древних книг, кипами сложенные вдоль стен. Отсутствие на них пыли подразумевало, что слепой Барон держит одного или даже нескольких слуг для того, чтобы те читали ему вслух каждый вечер.

Страмм откинулся назад и потянулся. Он и не предполагал, что Крастон ждет его здесь. Слепой Барон слишком любил политические игры. Он подождет, пока Страмм не начнет беспокоиться, и так рассчитает время своего прихода, чтобы появиться как раз после того, как настроение Страмма даст трещину и он перего-

рит. Страмм улыбнулся. В этом, в конце концов, не было ничего нового. С того дня, когда одна из огненных птиц Кола ослепила Крастона, самый молодой из Баронов посвятил всю свою жизнь политике в Ступице. Хитрой политике, будьте уверены, но эффективной. Крастон всегда был разумным, а потеря зрения, казалось, намного усилила его дедукцию. «Возможно, ему больше нечего делать в мире, лишенном солнца, — размышлял Страмм. — И по этой причине Эндрю Крастон отточил свой разум и инстинкты до остроты бритвы».

Страмм не смог побороть усмешку, когда вспомнил, как Крастон впервые продемонстрировал свою политическую проницательность перед Советом. Страмм тогда пытался давить на других Баронов, говоря о необходимости введения тарифов на различные сельскохозяйственные товары, импортируемые из соседних городов Нормалов, поскольку из-за этого часто падали цены на местный товар. Крастон, руководствуясь собственными мотивами (возможно, он вкладывал в это свои деньги), был против налога. Три других Барона находились в нерешительности, но, подумав, поддержали позицию Страмма, в первую очередь, из-за молодости Крастона и его предположительной неопытности. Крастон уяснил это за несколько минут, и, позволив Страмму убедить себя, в конце рассуждал о тарифе Страмма страстно и нелогично. Он оставил так много пробелов в своих рассуждениях, что, когда пришло время голосования, Рислер, Пович и Дрейк высказались против тарифа, а Страмм и Крастон согласились с ними, заинтересованные в том единодушии, которое искал Пович. Никто кроме Страмма не заметил, что Крастон манипулировал

Советом точно так, как замыслил. В тот день Страмм понял, что рано или поздно слепой Барон станет могущественной силой, противостоящей Совету.

Страмм уже начал беспокоиться и решил попрактиковаться в играх Крастона. Медленно пройдясь по комнате, Страмм передвинул стулья, бокалы, столики лишь на какую-то долю градуса так, чтобы доставить неудобство слепому Барону. Потом, удовлетворившись, он сел на жесткий, деревянный стул, сложил руки на груди и стал ждать. Наконец, когда он решил, что прошло уже с полчаса, он услышал приближающиеся шаги.

— Элстон? — донесся из коридора голос Крастона.

— Здесь, — сказал Страмм, начиная подниматься, чтобы приветствовать хозяина, но потом, подумав, остался сидеть.

— Я извиняюсь за то, что заставил тебя ждать, — сказал Крастон, закрывая за собой дверь. — Что я могу для тебя сделать?

— Ничего, — ответил Страмм, наблюдая, как слепой Барон пробирался к другому стулу.

— Ничего? — повторил Крастон смущенным голосом. — Так, значит, ты пришел снова попытаться заполучить мою армию для нападения на логово колдуна, согласно твоему безумному плану?

— Это как раз то, зачем я здесь, — признался Страмм. — Однако, как я вижу, ты едва ли отнесешься ко мне с благосклонностью. Я пришел, чтобы помочь тебе.

— Интересно, — сказал Крастон, ощупывая бутылку ликера, — слышать, как добровольная гибель армии может принести какое-

то преимущество, — он удовлетворенно улыбнулся, когда его руки наконец нашли бутылку. Затем таким же образом он стал искать бокал и наполнил его, не пролив ни капли.

— Никто не просит вас приносить в жертву свою армию, — терпеливо начал Страмм. — Вам нужно лишь послать две сотни людей в качестве поддержки.

— В качестве, будь все проклято! — фыркнул Крастон. — Не думаете же вы, будто я не знаю о том, что никто не пошлет больше двух сотен?

— Я имею в виду то, — спокойно продолжал Страмм, — что ваших людей, вместе с отрядами других Баронов, будет достаточно для того, чтобы разгромить Кола, если в самом деле его можно разгромить. Наш единственный шанс на успех связан с Донахью и тем, что он знает (или думает, что знает) о слабостях Кола.

— Тогда зачем вообще кого-то посылать? — требовательно спросил Крастон. — Почему не послать одного Донахью? Или он знает ответ, или не знает. Если знает, то выиграет без всякой помощи, а если не знает, посылайте хоть в два раза больше солдат, и из этого, черт возьми, не выйдет ничего хорошего.

— Я согласен с тобой в том, что в борьбе против самого Кола армия значения иметь не будет, — сказал Страмм, — но если Кол выйдет вперед своих Уродов, тогда Донахью нужна будет защита. И мы сможем доставить его как можно ближе к Колу, что бы он там ни задумал.

— Выпей, Элстон, — неожиданно сказал Крастон, протягивая Страмму высокий бокал с ликером. — Хорош?

— Да. Очень. Из чего он сделан?

— Перебродившие яблоки. Звучит отвратительно, — усмехнулся Крастон. — Плюс немного лимонной кожуры и еще несколько других компонентов. Я думаю производить его в большом количестве и заработать на этом.

— Ты разве не пытаешься сменить тему разговора? — спросил Страмм, сделав еще один маленький глоток варева.

— Не совсем, — ответил Крастон. — На самом деле, я только делаю разговор таким, чтобы ты захотел открыто поговорить о деле.

— Я считаю, что так и делаю.

— Тогда начнем, Элстон, — раздраженно заговорил слепой Барон. — Можем мы перестать в игры играть?

— Эндрю Крастон отказывается хитрить? — насмешливо сказал Страмм. — Я в это не верю.

— Зачем ты на самом деле пришел сюда, Элстон? — резко спросил Крастон.

— Потому что я сказал Алдану и Джеральду, что сам сделаю последнюю попытку воссоединить Совет.

— Меня не волнует, что ты сказал им. Я хочу правды.

— У тебя отсутствует здравый смысл, Эндрю.

— Я думаю, что он есть, — ответил Крастон, сделав еще один маленький глоток из прозрачного бокала. — Элстон, давай выложим наши карты на стол, ладно?

— Начинай, — предложил Страмм. По его развалившейся позе не было заметно, как он ментально мысленно напрягся.

— Во-первых, я ничуть не сожалею по поводу того, что Урод убил Майкла Дрейка. Тот вынул

дил Донахью, и теперь у каждого из нас будет больше силы и земли.

— Если Донахью не оставит их себе, — заметил Страмм.

— Он не захочет, — сказал Крастон. — Я представлял себе, что ты понимаешь это, не так ли, Элстон? Уверен, что ты не собираешься оставлять его в живых после атаки на царство Кола?

— Абсолютно точно, Эндрю, — заговорил Страмм. — Именно так я и собирался сделать. Если Донахью ошибается в том, что может уничтожить Кола, то как мне кажется, Кол или Уроды разберутся с ним. Если, с другой стороны, Рыжебородый в самом деле сможет убить Гарета Кола, тогда я сильно сомневаюсь, что наши Люди смогут уничтожить его, даже если я прикажу это сделать.

— Лично я считаю, что он такой же Нормал, как ты или я, — заявил Крастон.

— Склонен согласиться с тобой, — сказал Страмм. — В конце концов, я не заметил у него никакой силы. Однако невозможно отрицать, что у него есть шансы свернуть Гарета Кола.

— В чем тут выгода для тебя лично? — спросил Крастон.

— Боюсь, я не совсем понимаю тебя.

— Смотри, Элстон, — сказал Крастон. — Я думаю, мы искренни друг с другом. Дрейк мертв, Рислер — дурак, а в Повиче нет ничего кроме жира и табака. Гарет Кол не представляет для нас непосредственной угрозы, и ты, однако, берешь Рислера и Повича с собой сражаться с Гаретом. Почему? Твоя цель в том, чтобы после битвы, кроме тебя и меня, не осталось других Баронов?

— И такое возможно, — признал Страмм, — но я ничего подобного не планирую.

— Ты достаточно умен, чтобы понимать, что ты и я — единственные Бароны, которые тут него-то стоят, — упорствовал Крастон.

— Если ты придерживаешься такого мнения, да, я понимаю это. Если честно, я часто удивлялся, почему ты не пошлешь ко мне наемных убийц или не попытаешься вместе со мной устроить заговор.

— Обе эти мысли приходили мне в голову, — ответил Крастон с улыбкой. — Но они совершенно неприемлемы. Я очень сомневаюсь, что ты окажешься в такой ситуации, что тебя можно будет убить, или даже если тебя убьют, то с места твоего убийства не протянется след ко мне. Что же до заговора между нами, я не сомневаюсь, что он бы сработал, но тогда ты остался бы единственным Человеком, которого я считаю равным себе в таких вещах, и я не смог бы тебе доверять. Между прочим, это не подразумевает, что я не захочу, при известных обстоятельствах, свергнуть Совет Баронов. Я сделаю это, но тогда, когда наступит благоприятное для меня время, и стану действовать по собственному усмотрению. Это удивляет тебя?

— Не совсем, — ответил Страмм. — На самом деле, я удивлен, что твои рассуждения в этом направлении еще не претворены в жизнь.

— А теперь, если правила игры не изменились, почему ты в самом деле пришел сюда? Определенно ты знал, что я не дам ни согласия, ни армии на твою несчастную кампанию.

— Я пришел услышать это от тебя, — сказал Страмм. — Я не сомневался, что ты откажешься

помочь нам. Меня просто интересовало, почему ты отказываешься.

— Боишься, что я заграбастаю все Баронства, пока вы воюете с Уродами? — усмехнулся Крастон.

— Такое тоже возможно, — сказал Страмм. — Так же как союз с Гаретом Колом.

— Я стану помогать Человеку, который ослепил меня? — засмеялся Крастон. — Перестань, Элстон.

— Это только предположение, — ответил Страмм. — Я уверен, что могу выдвинуть и другие...

— Поспеш, ведь ты хочешь поскорее закончить неприятный разговор? Я же слишком занят, чтобы тратить время на догадки и предположения.

— Все правильно, — сказал Страмм неожиданно очень беззаботно. — Давай подойдем к моим гипотезам с другой стороны. Ты знаешь, Майкл рано или поздно все равно сцепился бы с Донахью, и, делая так, он понимал, что Донахью убьет его.

— Продолжай.

— Ты считаешь, что из-за смерти Майкла, особенно после того как он сам на нее напросился, мы стали слишком неповоротливой компанией, чтобы атаковать логово колдуна и вернуться. В сущности разумный человек, ты сомневаешься, что можно достичь соглашения, которое я предлагаю, именно из-за того, что Донахью не Урод или, по крайней мере, не обладает достаточной силой, чтобы представлять опасность для Кола. Поэтому ты считаешь, что наша битва будет проиграна, а это делает тебя, ничего не меняя, самым могущественным человеком в Ступице. И,

я могу прибавить, командующим основной частью наших армий.

— Очень хорошо, Элстон, — заметил Крастон. — В самом деле очень логично.

— Очень просто, — сказал Страмм. — Так как план этот очевиден, как дважды два.

— И ничего похожего на такой план нет ни у Алдана, ни у Джеральда, — засмеялся Крастон. — И даже я, несмотря на то что он очевиден как дважды два, долго не мог разглядеть его.

— Хорошо, — сказал Страмм, поднимаясь. — Я не стану больше отвлекать тебя от твоих дел. Я только хотел удостовериться, правильно ли я думаю.

— Минутку! — воскликнул Крастон, тоже поднимаясь.

— Да? — спросил Страмм, повернувшись к нему.

Крастон широким шагом прошел через комнату к двери. Его шаги были уверенными, его поведение — поведением зрячего человека. Уже у двери, он повернулся к Страмму. Крастон казался совершенно расслабленным, однако Страмм видел, как дрожат мускулы у него на шее, словно Крастон готовился защищать свою позицию у двери любой ценой.

— Конечно, ты понимаешь, что мы не закончили, — наконец заговорил слепой Барон. — Фактически, мы пока только на полпути. Ты можешь стоять или сесть, как хочешь. Лично я хотел бы присесть. Ты можешь не спешить и устроиться удобно, так как я верю: ты пришел, чтобы погостить у меня чуть подольше.

Крастон отошел от двери и сел на стул с жесткой спинкой.

— Все в порядке, Эндрю. Что дальше?

— Теперь мы попробуем вычислить, почему после всего того, что ты сказал (а это правда), ты собираешься напасть на Гарета Кола.

Страмм откинулся назад и скрестил руки на узкой груди.

— Ты вычислил это, Эндрю, — сказал он. — Я уже понял.

— Очевидно, ты надеешься на победу, — сказал Крастон. — Даже если у тебя отсутствует чувство самосохранения, ты никогда не дашь всем Баронствам попасть в мои руки. Также совершенно очевидно, что армия в шестьсот человек не имеет никаких шансов разгромить чудовищ и Уродов Кола. Ни ты, ни Алдан и Джеральд — ни один из вас не обладает достаточной смелостью или смекалкой, чтобы выиграть битву. Тем не менее вы рассчитываете на ненависть Донахью к Колу.

— Достаточно разумно, — заметил Страмм, хлопнув в ладоши и наблюдая за выражением лица Крастона, когда раздался неожиданный звук. — А теперь, после того как ты узнал мои планы, думаю, я могу покинуть тебя.

— Не совсем так, Элстон, — продолжал Крастон. — Это может вычислить любой ребенок. Я же хочу узнать, почему ты веришь, что Донахью может уничтожить Кола.

— Я не уверен в том, что он может, — ответил Страмм.

Крастон на мгновение прикрыл веками невидящие глаза, а потом продолжал:

— Верю тебе, Элстон. Очевидно, если бы Донахью был уверен, что уничтожит Кола, он сделал бы это давным-давно... или дело в том, что он не желает убивать Кола, а тогда он и сейчас служит ему.

— Вполне возможно, — согласился Страмм.

— Тогда почему ты рискуешь жизнью, очень легко отказываешься от нее, отправляясь на битву с Колом?

— Может быть, я лишь рассматриваю альтернативы, — сказал Страмм. — Что, если Донахью разгромит Кола без моей помощи? Где я окажусь тогда?

— Во многом в том же положении, что и сейчас, — ответил Крастон. — Незавидная возможность. Нет, ты слишком умен, чтобы рисковать без хорошей на то причины.

— Может, я всего лишь патриот.

— По этой причине? Твое положение со смертью Кола значительно не улучшится. Ведь сам Кол никогда не покидал своей цитадели. Если бы мы не атаковали Метро, то, возможно, всегда жили бы в мире.

— До тех пор, пока Кол не решил бы, что его армия Уродов достаточно сильна, — сказал Страмм.

— Черт возьми! — взорвался Крастон. — Он в них не нуждается. Разве не ты говорил мне, что он появился в камере Донахью?

— Всего лишь одна из его огненных птиц.

— А камера была максимально безопасной. Нет, Элстон, я боюсь, что тебе придется придумать другую историю.

— Не мне, Эндрю, — с улыбкой сказал Страмм. — Я знаю, почему я делаю. Если ты хочешь понять это, ты должен восстановить всю историю.

— Думаю, если ты подождешь минуту или две, я так и сделаю.

— Каким образом?

— Отброшу все лишнее, — сказал Крастон. — Использую дедукцию отрицания. Для начала,

боюсь, я говорил о патриотизме как о возможной причине твоих действий. Нет человека, обладающего таким, как у тебя, разумом и политической силой, который может быть столь слепо патриотичен, хотя тебе и хотелось бы, чтобы в это поверили окружающие. И так как (как я уже упоминал) Кол не нуждается в Уродах для того, чтоб проникнуть через нашу оборону, я вычеркиваю «целесообразность с военной точки зрения» из списка. Ты не совсем уверен, что Донахью сможет сделать то, что он сказал, и, значит, ты не просто хочешь примкнуть к победившей стороне с определенной целью. Так как жизнь и смерть Кола мало значат для тебя, это тоже можно вычеркнуть.

— Очень логично, — заметил Страмм. — Кажется, ты отбросил все возможные причины моего поведения.

— Не совсем, — ответил Крастон. — Думаю, ключевое слово, которое я использовал, было «риск». И это есть как раз оно — «риск». Экцентричность этой кампании непропорционально большая для Человека вашего положения; следовательно, награды могут быть как велики, так и неожиданны.

— Ты болтаешь бесконечно, — с раздражением сказал Страмм.

— Потерпи еще немного, Элстон, я почти закончил. Давай подумаем вместе и попытаемся представить, из-за чего тебе выгодно будет рисковать жизнью.

— Говори прямо.

— Я скажу. Очевидно, ты должен чувствовать, что Донахью может победить Кола. С другой стороны, это не более чем самоубийство, и я не могу поверить, что ты склонен ставить свою

жизнь на кон просто так. Если же выиграет Донахью, что это принесет тебе и что не получат остальные Бароны?

— Просвети меня, — попросил Страмм.

— Должен ли я? Я считаю, что это до боли очевидно. Ты, без сомнения, договоришься с Донахью или еще каким-то образом окажешь влияние на него, чтобы он таки победил Кола, и между вами — союз окончательный. Рыжебородый оставит тебя править Ступией, в то время как ты отдашь ему... — Крастон сделал паузу, почесав голову.

— Да, Эндрю? В то время как я отдам ему, что?

— Я не уверен... но я представляю себе, что и эта часть твоего плана скоро откроется.

— Нет, потому что твоя логика ошибочна. Я думаю, очевидно, что, если Донахью мог бы победить Кола, ему не нужен был ни я, ни кто-то другой. Фактически, мы просто поменяем рационального супермена на иррационального.

— Правда, — задумчиво сказал Крастон. — Тогда может быть единственная альтернатива: ты собираешься убить Донахью, когда он уничтожит Кола.

— Конечно. Ты знаешь, Эндрю, иногда я удивляюсь путям, которыми ты подходишь к правде, настолько они кружные.

— Но этого недостаточно, — упорствовал Крастон. — Очевидно, ты уверен в смерти обоих — и Кола, и Донахью... но это — желания и остальных из нас. В этом нет личного, нет персонального выигрыша для тебя.

— Ты разочаровал меня, Эндрю. Ты сразу понял, что я не стану рисковать жизнью, если это

будет выгодно тебе так же, как мне, и оказался не в состоянии проследовать по собственной цепочке рассуждений.

— Вздор! Ты как открытая книга, Элстон. Если тебе удастся убить обоих — Кола и Донахью, ты, без сомнения, сможешь убедить Повича и Рислера свергнуть меня, так как я единственный из Баронов, кто возражает тебе. Пович — старик, который и так скоро умрет, Рислер — дурак, а умри Донахью, Алата согласится со всем, что ты предложишь.

— Так вот в чем суть, — печально сказал Страмм.

— Твой план не сработает, и ты знаешь это.

— Мне хочется знать, почему ты считаешь, что все случится именно так?

— Перво-наперво, ставлю тысячу к одному, утверждая, что ты не выживешь. Совсем не похоже на то, что Донахью сможет убить Кола, а если он и сделает это, не верится, что после этого ты сможешь убить его. Если даже тебе все это удастся устроить, могу уверить тебя, я приготовлюсь и смогу сохранить свое Баронство, что бы ты там ни выкинул.

— Об этом тебе нечего беспокоиться, — заметил Страмм.

— Я ожидал, что ты станешь мне врать.

— Я не сказал ни слова лжи. Это ты строил предположения, а не я.

— Увы, я мог где-то и просчитаться. Если твоя единственная цель — власть, то тебе все равно не удастся в одиночестве править Ступицей! Более того, я должен добавить, что мои гипотезы только отчасти верны.

— Ну, — с легкостью сказал Страмм. — Лучше хоть что-то, чем ничего.

— Ты в замешательстве, — заявил Красстон. — Ты пришел сюда явно для того, чтобы уговорить меня следовать за тобой, однако ты не имел представления о самом простом аргументе. Фактически, ты сделал все, что в твоих силах, для того, чтобы я не поддерживал тебя. Почему?

— Боюсь, ты стал фигурой, которая ставит себя вне Совета Баронов. Скажи, что я должен ответить остальным? Ты сможешь нам или собираешься сидеть здесь и ничего не делать?

— Конечно, я останусь здесь, — сказал Красстон. — Вы все будете убиты, и потом мотивация ваших действий станет вопросом совершенно академическим.

— Возможно, — согласился Страмм. Он подошел к двери и мягко отодвинул Крастона в сторону. — Но не рассчитывай на это.

Глава 10

Страмм устал.

За последние два дня он прошагал добрую сотню миль и верил: единственное, что удерживало его на ногах, — отвращение при мысли о том, что придется спасовать перед Донахью. Страмм вытер пот со лба и посмотрел на шагающего впереди Урода. Однако Рыжебородый не выказывал признаков усталости, хотя было очевидно: по крайней мере половина из шести сотен солдат его армии с радостью рухнула бы на землю и отказалась бы маршировать дальше, если бы у них только возникла мысль, что это им сойдет с рук.

Армия достигла входа в старый Голландский туннель, и Страмм стал мысленно перебирать

планы и альтернативные решения. Он не мог подавить усмешки, когда вспомнил о визите в обитель Крастона. Слепой Барон был «чересчур умным». Он отгадал большинство причин как породивших желание Страмма войти в цитадель Кола, и назвал причины по которым хотел остаться в Ступице. Но он слишком спешил, слишком путанными были его мысли. Всюду ему мерещились заговоры и увертки — ах, будьте уверены, созданные Страммом, — но это отвергало очевидные решения.

Страмм ступил на поваленное бревно, потом остановился, смахнув муравья со своего сапога. Необходимо было держаться в стороне от дороги, чтобы Кола не предупредили об их появлении слишком рано, но не из-за этого ли разозлился Донахью, потащивший армию через все эти проклятые препятствия в лесах и полях? Они потеряли пару людей Повича в зыбучих песках в начале дня, а сам Рислер едва мог видеть из-за опухоли от укуса пчелы, ужалившей его в веко. Не было дороги и не было способа поднять дух воинов перед встречей с предположительно непобедимым врагом.

Страмм продирался через заросли колючих кустов, сыпля проклятиями. Маленькие иголки кололи его тело. Пытаясь этого не замечать, он мысленно вернулся к своему разговору с Крастоном.

Слепой Барон был прав в главном: шансы на то, что их военная кампания не удастся, были астрономическими. Где Крастон ошибался, так это в предположении, что выгода от успешного исхода битвы сделает риск приемлемым.

Крастон, конечно, ошибался. Кол никогда не оставит Манхеттен, чтобы атаковать Ступицу или

любой другой город Нормалов, и безрассудно храбрый поступок принести в жертву невероятно большое состояние и могущество, просто предположив, что однажды колдун может изменить свою политику и повести армию Уродов в бой против Баронов.

Нет, именно комбинация обстоятельств убедила Страмма войти в Метро. Ни один довод не мог перевесить вероятность поражения, но когда все складывалось вместе, получалось достаточно преимуществ, чтобы заставить странное выглядеть сказочным. Не невозможным, а сказочным.

Во-первых, возможно, Донахью в самом деле наступит на ахиллесову пяту Кола. «Это было бы не слишком хорошо, — нахмурившись подумал Страмм, — но с такой возможностью нельзя не считаться. Если так случится, тогда победа окажется полной и никто не погибнет, но.... А если победа над Гаретом Колом произойдет в результате совместных действий, тогда появится возможность изменить политическую структуру Ступицы». Страмм был самым популярным и влиятельным Бароном, что сомнений не вызывало. Несколько общественных комментариев касательно характера одного из Баронов, которому не хватило храбрости присоединиться к походу против Кола, и, как хорошо бы ни приготовился Крастон к нападению, он окажется совершенно неспособным отбить атаку психологическую. Он не утратит контроля над своей армией, но его влияние исчезнет, и, без сомнения, он будет готов сдаться объединенной армии остальных Баронов.

Со смертью Дрейка и свержением Крастона два других Барона не окажутся для Страмма

большой проблемой. Пович пусть доживает тот краткий отрезок жизни, что остался ему, в мире и уединении, заботясь о своих садах, в то время как Рислер — Барон, которым легче всего манипулировать. Таким образом Страмм добьется власти бескровно, скрыв свой удачный ход и не выгляды домогающимся этой самой власти.

К тому же все дело в безопасности Ступицы. Страмм был согласен с Крастоном в том, что Донахью едва ли был более расположен к дружеским отношениям, чем Кол, и в любой момент готов был возглавить вторжение. Однако те колдовские силы, которые мог иметь Донахью (а Страмм не был убежден, что Рыжебородый обладает какими-то силами), не могли уж слишком сильно превышать силы Кола. Без Кола Донахью станет в два раза слабее. Если же Рыжебородый никаких сил не имеет, армия Уродов не сможет причинить больше вреда, чем армия враждебных Нормалов.

В этом и он, и Крастон сходились во мнениях. Они также согласились, что ныне Кол вел себя значительно менее враждебно, чем Донахью. Но Крастон не мог заглянуть далеко вперед и увидеть великое желание Страмма поменять местами Кола и Рыжебородого. Кол, по причинам, известным только ему одному (или только ему самому и его спутникам-Уродам), очевидно, проводил колдовские эксперименты, для которых периодически требовались женщины-Нормалы. И хоть Страмм даже не мог предположить о цели таких экспериментов, он знал: их успех принесет Нормалам лишь вред. И более того, он знал, что Донахью, у которого не хватит ума даже для того, чтобы скрестить двух псов, останется единственным предводителем колдовского народа.

Следовательно, Страмму казалось, что будущее Людей зависит от того, уничтожат ли Гарета Кола до того, как его эксперименты дадут плоды. «Крастон тоже мог это понять... но это, — размышлял Страмм, — проблема Крастона, а не моя».

Именно недостатки Крастона и стали причиной тому, что Страмм позволил слепому Барону остаться в Ступице. Если битва не уничтожит полностью одну из сторон, Страмм мог с легкостью предвидеть попытку слепого Барона нанять убийц для убийства его — Страмма, Рислера и Повича, а потом, отступив в Ступицу, Крастон никогда не возобновит войны против Кола, а Страмм твердо знал, что будущее общества Нормалов зависит от продолжения войны и полного разгрома Кола. Второе соображение было в том, что отсутствие Крастона гарантирует Страмму политическое превосходство в случае успешной битвы.

Сейчас Страмм не задумывался над тем, что случится, если они потерпят поражение. Если Люди проиграют, ни ему, ни его воинам не стоит надеяться на милость Кола. Никто, кроме Донахью, не знал Кола, и не похоже, чтобы колдун простил Рыжебородого или его сторонников. А если это на самом деле только невероятная ловушка, изготовленная Колом и Донахью, тогда цель ее — убить как можно больше Нормалов... и Бароны, без сомнения, умрут первыми.

Страмм продрался через кусты и оказался на поле, за которым был вход в Голландский туннель. Полуденное солнце снова засияло над ним, наполовину ослепив его и почти убедив, что даже ад будет приятен после этого места. Страмм ко-

вылял через поле, напрягая мускулы ног при каждом шаге. Он вздрогнул, когда капля пота сползла вдоль его позвоночника.

Донахью остановился и стал ждать, пока усталая армия выходила на исходные позиции.

— Мы пришли, — неизвестно зачем возвестил Рыжебородый. — Давайте войдем.

— Нет, — твердо сказал Страмм. — Подождем наступления ночи.

— Для чего, Рет побери? — требовательно спросил Донахью. — Вы только дадите Колу больше времени на то, чтобы подготовиться.

— Ему и готовиться будет не нужно, если наши люди не отдохнут, — ответил Страмм. — Мы устроим привал на несколько часов, пока солнце не зайдет. Тогда станет прохладно. В Метро, так или иначе, солнца нет, так что время суток значения не имеет. Если Кол приготовился к нашему приходу, как я думаю, нам нечего беспокоиться. Мне представляется, что он может собрать Уродов и создать чудовищ за несколько минут, если не секунд... и не забывай: мы не должны разбирать баррикаду, до того как подготовимся к встрече с ним.

— Верно, — пробормотал Рыжебородый. — Я все забываю об этой проклятой стене.

— У меня есть предложение, — сказал Рислер. — Пока *баррикада существует*, почему бы нам не отдохнуть возле нее? Я думаю, там людям будет прохладнее, и это поможет им подготовиться к тому, что ждет их в Туннелях.

Идея Рислера была принята, и через несколько мгновений они вошли в главный коридор Голландского туннеля. Запах сырости и гниения ударил в ноздри Страмма, но Барон был рад скрыться от жгучих солнечных лучей и продолжал идти

вперед быстрым шагом. Несколько крыс прощмыгнуло перед колонной солдат, и Страмм прикинул, что здесь их должно быть очень много. Неприятная мысль.

У него было много других беспокойных мыслей, самая первая из которых — осознание того, что, возможно, все они будут мертвы через несколько часов. Неожиданно собственные планы и рассуждения показались Страмму очень глупыми. Крастон был единственным человеком, которому он не хотел бы давать полной власти в Ступице, но, однако, если дела пойдут благоприятно для слепого Барона, завтра вечером он останется единственным Бароном.

Однако Страмм не хотел вот так все бросить, повернуть назад и позволить Колу действовать без помех. Теперь наступило подходящее время для того, чтобы принять определенные меры безопасности. Вторжение было идеей Страмма, и по личным, точно так же как по альтруистическим, причинам он не отступит. Очевидно, что и Донахью был единственным незаменимым членом военного отряда.

Страмм некоторое время обдумывал свое решение. Потом, когда оно созрело, он подошел к Рислеру.

— Джеральд, — начал он. — Я думаю, мы лучше разделим наши силы, чтобы быть уверенными, что хоть кто-то выживет в этой кампании.

— Согласен, — сказал Рислер. — Но что он скажет?

— Ты имеешь в виду Донахью? Я сомневаюсь, что он что-то сделает, только будет сыпать проклятиями. Он слишком заиклился на убийстве Кола, чтобы беспокоиться о том, сколько людей у него за спиной.

- Как мы устроим это?
- Под предлогом, который, я думаю, удивит тебя, — сказал Страмм, едва заметно иронично усмехнувшись.

Глава 11

- Они приближаются, Гарет.
- Да, Джон, я знаю.
- Мы будем сражаться с ними?
- Я уже занялся этим, Джон.

Глава 12

Элстон Страмм затолкнул неплотно держащийся камень на место и прислонился к восстановленной баррикаде, тяжело дыша.

— Мне это не нравится, — сказал Пович. — Ты отрезал наш единственный путь отступления.

— Зато мы будем знать: если мы проиграем, что вполне возможно, мы не дадим врагу пройти через Голландский туннель и без предупреждения подкрасться к нашим войнам, — сказал Страмм.

— Да, — равнодушно согласился Пович, — но оставить там Джеральда и всех его Людей... это может оказаться решающим фактором. У меня есть странное предчувствие, что мы можем бежать с поля битвы, до того как начнется сражение.

— Сомневаюсь, — возразил Страмм. — Если Урод на самом деле знает, где слабое место Кола, четыре сотни воинов смогут пережить этот день. Если нет, я сомневаюсь, что даже четыре тысячи воинов улучшили бы наше положение.

— Не знаю, — сказал Пович. — Я думаю, возможно, Урод ведет нас в ловушку.

— Откровенно говоря, я подозреваю, что он именно это и делает, — согласился Страмм.

— *Что!* — воскликнул Пович. — И однако, ты дал нам... и четырем сотням воинов... забраться сюда, забраться так далеко, чтобы мы не могли спастись?

— Да, — сказал Страмм. — Естественно, баррикада была восстановлена по психологическим причинам. Я не сомневаюсь, что Кол может разрушить ее за две секунды, если ему захочется. Я оставил Рислера защищать ее, только чтобы убедить наших людей, что мы не сможем повернуть назад.

— Но что, если мы таки повернем? — спросил Пович.

— Если мы повернем назад, тогда мы мертвы в любом случае, — сказал Страмм. — Такой поворот дел придаст солдатам необходимой храбрости.

— А почему мы все здесь, если это ловушка? — спросил Пович, обеспокоенно оглядываясь. — У тебя, очевидно, есть причина... и какая же она?

— Взгляни на происходящее логически, Алдан, — ответил Страмм. — Если бы Кол мог убить нас всех, пока мы были в Ступице, я не могу представить себе никакой причины, почему он не сделал этого. Более того, кажется, он поджидает нас здесь, потому что его колдовская сила имеет определенные границы, хотя мы не знаем, в чем это выражается. Что касается меня, я готов был оказаться завлеченным сюда... Кроме того, мы пытаемся войти в Метро с тех пор, как Кол начал разводить Уродов.

— Ты не ответил на мой вопрос, — упрямо сказал Пович. — Почему мы идем в ловушку?

— Потому что если это ловушка, то, значит, Донахью до сих пор нужен Колу как генерал или по какой-то другой причине. И в тот же миг, как Донахью даст мне самый легкий намек на то, что он служит Колу, я убью его на месте. Я буду у него за спиной и подозреваю, он окажется мертвым, до того как узнает, что его сразило.

— Чем это поможет остальным? — спросил Пович, яростно пыхтя трубкой.

— Надеждой, что внесет в армию Кола... или армию Донахью временное замешательство. Возможно, этого окажется достаточно для того, чтобы мы сумели пробиться к самому Колу. Даже если это не получится, такой поворот дел лишит Кола его правой руки — Рыжебородого Урода.

— Даже если такое и случится, мы-то все можем умереть.

— Я допускаю такую возможность, — заметил Страмм, — но, если это произойдет, Рислер вернется в Ступицу, точно зная, что нет Нормалов, которые смогут проникнуть в Метро, пока Кол жив.

— Другими словами, — горячо сказал Пович, — ты нас всех сделал подопытными животными, чтобы посмотреть, что Кол и Донахью могут или не могут сделать.

— То, что мы заплатим, — малая цена, если это даст страховку будущему Человеческой расы, — пожал плечами Страмм.

— Но почему ты и я? — упорствовал Пович. — Почему мы не послали наших людей, а сами не остались сзади, вместе с Рислером?

— Потому что мы оба знаем, что наши люди не пойдут за Донахью в Метро, если мы останемся у входа. Один из нас может легко пасть в битве, так что считаю, как минимум два Барона необходимы, чтобы наши воины не разбежались. Три или четыре Барона было бы еще лучше, но Майкл мертв, Эндрю отказался идти, и один Барон вернется домой, если мы проиграем. Однако я мог выбрать только нас двоих. Так как это мой собственный план, я посчитал, что будет честно, если я стану одним из тех, кто пойдет вперед; и я совершенно хладнокровно выбрал тебя, потому что ты намного старше Джеральда. — Страмм ненадолго замолчал, потом улыбнулся и снова заговорил: — Приободрись. Если я ошибаюсь и это не ловушка, тогда есть шанс, что нам удастся победить. Донахью и в самом деле может знать какой-то способ победить Кола, и, хоть я и приготовился к иному повороту событий, чувствую, нам повезет, если Рыжебородый окажется на нашей стороне.

— Спроси у Донахью, куда это он отправился? — предложил Пович. Он поджал губы, и настроение его как-то упало.

— Вперед, — сказал Страмм. — Кроме того, он единственный, кто знает дорогу в системе Метро.

— Я не знал, что это — часть Метро.

— Нет, — ответил Страмм, — но, как я понимаю, выход из Туннеля на поверхность запечатан столетиями. Уроды построили пару соединительных Туннелей с Метро, и это, кажется, единственный выход отсюда.

— Я уверен, что было бы лучше нам остановиться и собраться всем вместе, — задумчиво

сказал Пович, пыхтя трубкой. Они двигались в том же направлении, куда ушел Рыжебородый. Во все стороны по Туннелю разнеслось громкое эхо их шагов, когда, немного отдохнув, они отправились дальше.

Донахью отдавал команды, уверенно шагая по темному коридору. Увидев двух Баронов, он остановился и подождал их.

— Думаю, что теперь, когда я замуровал нас здесь, — начал Страмм, — ты мог бы хотя бы намекнуть, как ты собираешься вести эту маленькую войну.

— Мы отправимся прямо в апартаменты Гарета и убьем любого, кто станет у нас на пути, — таким был ответ Рыжебородого.

— Не уверен, что ты сумеешь рассказать, как мы убьем его, — насмешливо заметил Страмм.

— Послушай, — пылко сказал Донахью. — Этим проклятым огненным птицам можно нанести вред. Я знаю... я делал это. Я не знаю как и не знаю почему, но знаю, что я едва не убил одну из них за день до того, как покинул Ступицу. Я скажу: рубите их, и увидите, что случится.

— Это не слишком-то приемлемый ответ, — с сомнением заметил Пович.

— Возможно, — задумчиво протянул Страмм. — Вспомни, Алдан, мы никогда не могли ранить ни одну из них. — Он повернулся к Донахью: — А как насчет армии Кола?

Рыжебородый презрительно фыркнул.

— Если это все, что вас беспокоит, я позабочусь о них без вашей помощи. Чтобы их Рет побрал! Я могу перебить большую часть Уродов голыми руками и не получить ни единой царапины!

Донахью повернулся и пошел вперед, к маленькому Туннелю у левой стены. Он нырнул в него. Страмм с Повичем наступали ему на пятки.

— Где мы сейчас находимся? — спросил Пович.

— Направляемся к главным Туннелям, — ответил Донахью. — До них около мили.

— Почему Кол не пытается остановить нас? — спросил старый Барон. — Может быть, он не знает о том, что мы тут?

— Он знает. Это — совершенно точно, — угрюмо ответил Рыжебородый. — Он станет сражаться с нами, когда приготовится и сочтет нужным.

— Мне не нравится все это, — угрюмо сказал Страмм.

— Испугался, Норман? — насмешливо проговорил Рыжебородый.

— Недоумеваю, — был ответ.

— Относительно чего? — спросил Пович.

— Что-то не так, — сказал Страмм. — Определенно Кол знает, где мы. Он должен также знать, как мы планируем сражаться с ним и любые альтернативные планы, которые мы можем изобрести. Мне кажется, что, если бы мы представляли для него даже легкую угрозу, он напал бы на нас, когда мы пробивались через баррикаду. Он не дал бы нам зайти так далеко, если бы думал, что у него есть шанс проиграть.

— Ба! — фыркнул Рыжебородый. — Он проиграет. А теперь, идете вы за мной или возвращаетесь назад, тряситесь вместе с Рислером?

— Мы обсудим твоё предложение, — сумрачно сказал Страмм. — Но это не значит, что нам нравится такой поворот дела.

Бароны пошли дальше, одновременно беседуя, и неожиданно вступили в более широкий Туннель, который был залит сине-зеленым светом. Страмм озабоченно осмотрелся, уделяя особое внимание темным кубам, выстроившимся вдоль дороги.

Неожиданно прямо перед ними, там, где никого не было раньше, появился человек. Он торжественно взирал на Страмма и Повича, возможно, секунд двадцать, потом исчез.

— Что, черт возьми, это было? — требовательно спросил Страмм. Одновременно еще полсотни воинов задали тот же вопрос.

— Это — Раал, — ответил Донахью.

— Кто или что такое Раал? — спросил Страмм.

— Один из Уродов Гарета, — пожал плечами Рыжебородый. — Он выделяет трюки, вроде этого.

— Думаю, нам лучше убраться отсюда, — сказал Пович, не замечая, что его трубка погасла.

— Раал появился лишь для того, чтобы напугать нас, — объяснил Донахью.

— По виду наших воинов могу сказать, что он в совершенстве справился с своей задачей, — высказал свое мнение Страмм.

— Они — Норманы, — сказал Донахью, так словно это объясняло все. Больше ничего не сказав, Рыжебородый пошел дальше. Мгновение колебавшись, Пович отправился за ним. А следом — воины, не желающие идти, но подчиняющиеся дисциплине.

— Сколько еще? — прошептал Страмм, после того как они преодолели еще две сотни ярдов.

— Скоро, — ответил Рыжебородый своим нормальным голосом. Он давно уже понял, что

шепот или мысли не могут сохранить в тайне ни его присутствие, ни его намеренья.

Страмм повернулся к своим людям.

— Приготовьте оружие! — приказал он. — Мы приближаемся к обители Кола. Если он собирается что-то предпринять, то скоро мы об этом...

Страмм был прерван на полуслове ужасным ревом. Повернувшись, он увидел, как Донахью голыми руками яростно сражается с чудовищем, вышедшим из ужасного детского кошмара. Покрытое чешуей, выдыхающее дым и огонь, по форме напоминающее зловещную карикатуру на Человека, оно обхватило Рыжебородого огромными лапами, в то время как Донахью наносил удар за ударом по голове чудовища.

Страмму едва хватило времени оценить ситуацию, прежде чем он заметил еще дюжину таких существ. Он вытащил меч и бросился в их гущу. Его армия ответила на вызов, и вскоре древний Туннель превратился в кровавое поле боя. Пол был омыт кровью, так как все больше и больше появлялось чудовищ, и все больше и больше Людей падало на землю, чтобы никогда больше не подняться.

Потом, уголком глаза, Страмм заметил, как Донахью триумфально размахивает отрезанной головой первого чудовища. Глаза Страмма вспыхнули, он удвоил свои усилия. *Чудовищ можно убить!* Донахью был прав!

Огромный коготь полоснул по спине Страмма, и он упал на колени, потеряв меч. Слепо шаря вокруг, он наконец обнаружил рукоять другого меча и поднял его как раз вовремя, чтобы отбить атаку ужасной твари. Осторожно отступив в сторону, Барон ударил острием клин-

ка в глаз чудовища. Оно взвыло от боли и снова повернулось к нему. Страмм был готов к этому и, поднырнув под вытянутые руки, вонзил меч в живот кошмарного создания. То заревело и рухнуло, кашляя сгустками склизкой, зеленой субстанции.

Битва перемещалась туда-сюда вдоль Туннеля. Она продолжалась большую часть часа. Наконец последнее чудовище пало мертвым.

Тяжело дыша, залитые потом и кровью, Донахью и Страмм осмотрели поле битвы. Возможно, Человек пятьдесят осталось в живых. Повича среди них не было.

— Мы выиграли! — победно воскликнул Рыжебородый.

Страмм изобразил улыбку для Донахью, но его взгляд тревожно метался из стороны в сторону. «Не может быть, чтоб так легко, — думал он. — Особенно после девяти столетий поражений».

Он оказался прав.

Внезапно наступила тишина, столь полная, что была почти осязаемой. Потом они увидели новую тварь.

Она не напоминала ничего, что Страмм видел бы раньше; ничего из того, что он мог себе вообразить. Она полускользила, полукатилась по полу, засасывая Людей в складки протоплазмы, — гигантский вакуумный насос, собирающий мертвую плоть.

Вот осталось всего пятнадцать человек... всего десять... и наконец Страмм атаковал существо, рубя и рассекая мягкую плоть. Но и его тоже поглотила ужасная тварь.

Донахью остался один, с мечом наготове. Он внимательно посмотрел на пульсирующую массу.

— Выходи, Гарет! — закричал он. — Убери эту тварь! Больше не осталось слабых Норманов. Я — Рыжий Торир Донахью, и я не уйду, пока не повешу твою голову себе на пояс!

Тварь исчезла, и появился он — маленький, бледный, стройный, выглядевший слабаком, самый могущественный человек в мире.

— Ты сделал глупость, варвар, — печально сказал Кол. — За эту глупость четыре сотни ни в чем не повинных существ заплатили своими жизнями.

— Я не убивал их! — фыркнул Рыжебородый.

— Но все для этого сделал, — ответил Кол. — Ты должен был знать, что я стану защищаться.

— Однако я тебя убью! — пообещал Рыжебородый.

— Не думаю, — сказал Кол. — Но не стану мешать тебе.

— Как ты сказал? — Рыжебородый выглядел поставленным в тупик.

— Ты свободен, варвар.

— Почему? — Донахью прищурился, уверенный, что это трюк, пытаясь распознать, в чем дело.

— Ты не сможешь пережить то, что стал бесполезен для меня, — ответил Кол. — Ты можешь бродить по Туннелям сколько хочешь, и никто не причинит тебе вреда. Однако тот, кто придет с тобой, будет убит. Это ясно, варвар?

— Ясно! — взревел Донахью, метнув дубинку в хлипкое тело противника. Кол позволил себе широко улыбнуться, когда дубинка замерла в воздухе, а потом упала в пыль, так и не достигнув цели.

Глава 13

— Мертвы? Все? — спросил Крастон. Его слепые глаза через комнату уставились на Рислера, находившегося у противоположной стены. — Как это случилось?

— Я не знаю, — ответил Рислер, тяжело переминаясь с ноги на ногу. Он всегда чувствовал себя неуютно в темном жилище Крастона. Сегодня, так как он принес новости о поражении слепому Барону, он чувствовал это вдвойне.

— Почему ты не помог им?

— Когда мы слышали, что они сражаются, мы попытались разобрать баррикаду, — сказал Рислер, — но не смогли пошевелить ни один камушек. Я уверен, что Кол что-то сделал с ними.

— Так откуда ты узнал, что они мертвы?

— Через полчаса баррикада стала нормальной. Мы начали разбирать ее и столкнулись с Донахью, который разбирал ее с другой стороны. Он и рассказал нам, что случилось.

— И вы поверили ему?

— Да, мы поверили, что он — единственный, кто остался в живых. Но трудно было поверить, что все это не было подстроено, и мы схватили его.

— Где он сейчас? — спросил Крастон.

— Убежал.

— Как?

— Он пытался освободиться от оков всю ночь, а на рассвете исчез. Я отправил пятьдесят человек охотиться за ним.

— Не стоило беспокоиться, — решительно сказал Крастон. — Он пойдет прямо сюда.

— Он? — воскликнул Рислер. — Откуда ты знаешь?

— Куда еще он может пойти? — сказал Крастон, не пытаясь скрыть презрения к Рислеру.

— Куда еще? — повторил Рислер. — Назад в Туннели, конечно!

— Джеральд, ты даже глупее, чем я думал.

— Что ты имеешь в виду? — горячо спросил Рислер.

— Ты не понял, что Донахью все время говорил правду... что он на самом деле пытался убить Гарета Кола и что он попался в ловушку с Людьюми Страмма и Повича.

— Ты с ума сошел! Если это правда, тогда почему он единственный, кто выжил? Почему Кол и его тоже не убил?

— Не знаю, — сказал Крастон. — Но я знаю, что Донахью был на нашей стороне.

— Докажи, — настаивал Рислер.

— Конечно. Если это была ловушка, почему Донахью разрешил тебе и твоим воинам остаться за баррикадой? Почему он вернулся к тебе, после того как Страмм и Пович погибли? И если он в самом деле в услужении у Гарета Кола, почему он сам отдался в твои руки, после того как Пович и Страмм были убиты?

— Я не знаю, — медленно проговорил Рислер. — Я не знаю, почему Кол оставил его в живых, если они заклятые враги.

— Может, Кол не хочет считать Рыжебородого заклятым врагом, — предположил слепой Барон. — Может, не существует Людей, которые могли бы угрожать Колу.

— Тогда почему он убил наших Людей и оставил в живых Донахью? — спросил Рислер.

— Не знаю, — сказал Крастон, — но у меня есть одна догадка. Я думаю, Кол убил наших Людей, потому что не хотел использовать их, и дал Донахью жить, потому что Урод нужен ему.

— Зачем?

— Если б я знал, — сказал Крастон, неясно чувствуя, что это лишь половина ответа. — Но какая бы ни была причина, я убежден, что Донахью не вернется в Туннели... а раз он не вернется к Колу, то все говорит о том, что он на пути сюда.

— Даже несмотря на то, что знает, что мы отказались от него? — скептически поинтересовался Рислер.

— Поверь мне на слово.

— Но это выглядит неразумно, — заметил Рислер. — Я отправлю своих Людей на его поиски через несколько часов, после того как они немного отдохнут и чем-нибудь набьют свои желудки.

— Как хочешь, — сказал Крастон и едва заметно улыбнулся.

Рислер направился к двери.

— И Джеральд, — сказал Крастон ему вслед, — если бы я был на твоём месте, я бы приказал, чтоб Донахью убили, как только его увидят.

После того как звуки подсказали Крастону, что Рислер ушел, он повернул невидящие глаза к другой двери в дальнем конце палаты.

— Теперь ты можешь войти, Джошуа.

Высокий, лысый человек в доспехах вошел в комнату.

— Полагаю, ты все слышал? — спросил Крастон.

— Да.

— Ну, так что станем делать?

— Я согласен с вами в том, что Донахью пытался уничтожить живущих в Метро, — сказал человек, которого звали Джошуа, — но я не в состоянии понять, почему вы решили, что он придет сюда в поисках убежища.

— Не убежища, Джошуа, — сказал Крастон. — Не убежища.

— Ага, — догадался Джошуа. — Все меры будут приняты, чтобы вас защитить. Я удвою охрану и...

— Идиот! — взорвался Крастон. — Ты так же глуп, как Рислер! Как может так случиться, что только слепой видит, что происходит?

— Боюсь, я не понимаю, сэр.

— Он не хочет убивать меня! — завопил Крастон. — И он не хочет убивать Джеральда!

— Тогда что...

— Думай! Думай! — пронзительно завопил Крастон. — Назови единственное место в Ступице, где, как считал бы Донахью, он сможет обрести некоторую степень безопасности.

— Я не знаю, сэр, — сконфуженно сказал Джошуа.

— В замке Майкла Дрейка! Ты понимаешь? Если он сможет убедить достаточно Людей в том, что он не собирался заводить отряд в засаду, тогда он официально потребует Баронство Дрейка.

Джошуа прищурился.

— И это означает...

— Точно! — воскликнул Крастон. — Со смертью Повича, человек, который женат на Алате Дрейк, также получит и его Баронство. И это сделает Донахью потенциально самым могущественным Человеком в Ступице.

— А он достаточно смысленный, чтобы понимать это, мой господин?

— Конечно нет! — фыркнул Крастон. — Но Алата в этом разберется. Она может даже заключить с ним политический альянс.

— Сомневаюсь, — возразил Джошуа.

— Неделю назад ты сомневался в том, что к этому дню в живых останутся только два Барона, — заметил Крастон.

— Вы хотите, чтобы люди отправились в замок Дрейка? — спросил Джошуа, зная ответ.

— Чем раньше, тем лучше, — ответил Крастон. — И если ты окажешься там вовремя, то сможешь вызволить Алату Дрейк из вдовьей печали... Только помни о том, что необходимо действовать осторожно.

— Будет сделано, — пообещал Джошуа. — Один вопрос, сэр. Мне не нравится то, что придется оставить вас без защиты. Если Донахью в ближайшее время не придет, то сколько нам там ждать?

— Обо мне тебе не надо беспокоиться, — сказал Крастон, невидящим взглядом уставившись на своего слугу. — Донахью появится там.

Так и случилось.

Глава 14

Поражение очень расстроило Донахью, крадущегося среди теней замка Майкла Дрейка, подобно вору. Он бы с большим желанием рванулся через главный вход, вопя во все горло, что он — Рыжий Торир Донахью, явившийся потребовать то, что принадлежит ему по праву. Но эти проклятые Нормалы не поверили его истории, когда

он вернулся, выйдя живым из резни, устроенной Гаретом Колом, и Рыжебородый был уверен, что по Ступице уже разнеслась весть о том, что он снова враг, и о награде, назначенной за его голову... особенно, если его голова будет представлена отдельно от тела.

Осторожность сменила доблесть, и, прокравшись через боковой вход, Донахью отправился по длинному узкому коридору, выискивая добычу. Слишком поздно пришлось ему в голову, что жена Дрейка вероятнее всего находится в комнатах на втором или третьем этаже, держась подальше от любой опасности. Донахью поднялся на следующий этаж замка, как только нашел лестницу.

Оказавшись на верхней площадке лестницы, он увидел свет, исходящий из открытой комнаты, расположенной на полпути к другому залу. Молча и зловеще, словно огромный кот из джунглей, появился он, прижимаясь к стене, и осторожно выглянул за угол дверного проема.

Алата Дрейк сидела на простом деревянном стуле, глядя из окна на поля у подножия замка. Убедившись, что она без обмана одна, Рыжебородый могучей рукой зажал ей рот и, потянув ее голову назад, приставил кинжал к ее ничем не защищенному горлу.

— Один звук, и ты — мертва! — со злостью прошептал он.

Ее тело напряглось, потом расслабилось, и лишь тогда Донахью ослабил захват.

— Ты знаешь, кто я?

Она молча кивнула. Ее глаза метнулись к двери, через которую он вошел.

— Тогда ты знаешь, зачем я пришел.

— Нет, — сказала она.

— Я пришел за Алатой Дрейк. Где она?

— Я — Алата, жена Человека, которого ты убил.

— Он сам напросился, — проворчал Рыжебородый. Донахью шагнул назад и пробежал глазами по ее телу с головы до ног. — Не могу сказать слишком много о его вкусе в отношении женщин, — наконец заявил Урод.

— Так же как я о его любви к убийцам, — фыркнула она, удивленная своей дерзостью.

— Убийцам? — повторил Рыжебородый. — Убийцам, черт возьми! Он был вооружен, а я убил его голыми руками! Рыжий Торир Донахью не убийца... особенно в отношении Норманов.

— Правильно говорить «Нормалы», — холодно ответила женщина, — хотя я уверена, что ты не понимаешь значения этого слова.

— У тебя будет в избытке времени, чтобы учить меня, так как ты принадлежишь мне, — сказал он.

— Я никому не принадлежу!

— Мы поспорим об этом утром, — усмехнулся он, потянувшись за ее рукой.

— Ты не доживешь до того, чтобы увидеть, как встает солнце, — сказала она тихим голосом.

— Уверен, ты еще убедишься в обратном, — фыркнул Донахью.

— Почему ты думаешь, что только мне известно, где ты находишься? — продолжала она.

— Никто не видел, как я вошел, — самоуверенно сказал он.

— Никто. Они знают, что ты здесь, и они придут за тобой.

— Ха! Никто не знает, если Гарет не скажет им, а Гарет не скажет ничего Норманам.

— Крастон знает. Он вычислит это. Я не удивлюсь, если его люди уже едут сюда.

— Крастон? Слепой идиот? — проревел Донахью со смехом.

— Он знает, — сказала Алата уверенно, — и он послал своих людей. Используй мое тело, если хочешь, убийца, но с каждой секундой, что ты теряешь здесь, люди Крастона подбираются все ближе. И они собираются отомстить за смерть моего мужа.

Что-то в ее тоне заставило Донахью остановиться. Алата выглядела уверенной и абсолютно убежденной в своем предположении. Донахью пробежал рукой по ее длинным, густым рыжим волосам. Могла ли она оказаться права? Могли ли Крастон или Рислер каким-то образом вычислить, что он вернулся в Ступицу? А даже если могли, то могли ли они догадаться, что он пойдет в замок Дрейка? Донахью яростно потряс головой. Нет! Было бы слишком много совпадений... однако Алата выглядела такой уверенной, даже предложила свое тело, чтобы задержать его.

Проблема оказалась слишком сложной для Донахью. Он пожал плечами и принял самое легкое решение. Рыжебородый начал вечер как похотливый кролик, так он его и закончит.

Схватив Алату за руку, Донахью вышел из комнаты и направился к лестнице. Он может насладиться ее телом за городом точно так же, как и в ее спальне, и потом, если по какому-то счастливому случаю она сделала правильное предположение, выбравшись из замка, он останется в живых, чтобы насладиться ей и на следующее утро.

Они спустились по лестнице и направились прямо к маленькой двери, через которую Рыжебородый вошел в замок, когда слышали беспорядочные звуки в другой части здания. Донахью быстро метнулся в угол.

— Кто они? — прошипел он.

— Люди Крастона.

— Почему ты так говоришь?

— Кто это еще может быть? — холодно ответила Алата. — Ты ухитрился убить всех остальных.

— Ты права, — пробормотал он. Урод видел, как Джошуа вошел в замок следом за группой вооруженных людей. — Но откуда они знают, что я пришел сюда? — прошептал он, искренне недоумевая. Алата презрительно посмотрела на него.

Донахью услышал голос Джошуа. Тот говорил низким, приглушенным голосом:

— Какие-нибудь следы Донахью?

— Нет, — послышался приглушенный ответ.

— Тогда мы опередили его. Где вдова?

— Наверху, как я подозреваю.

— Хорошо. Не забудьте: все должно выглядеть так, как если бы Донахью пришел сюда и убил ее. Хорошенько все обставьте, и побольше крови.

— Что делать со слугами Дрейка? — спросил другой голос.

— Сколько их там? — поинтересовался Джошуа.

— Около десятка.

— Мы должны будем и их тоже убить, — сказал Джошуа. Он стал подниматься по лестнице следом за воинами.

Донахью посмотрел на Алату. Вначале на лице женщины было написано недоумение, потом вы-

ражение его сильно изменилось, словно вдова Дрейка что-то поняла.

— Когда они никого не найдут наверху, — прошептала она, — они станут искать меня по всему замку.

— Почему они хотят убить тебя? — спросил Донахью.

— Пообещай не трогать меня, и я скажу тебе, — ответила она.

— Я не заключаю договоров с Норманами! — фыркнул он.

— Ты договоришься со мной, или я закричу, взывая о помощи.

— Нет, не закричишь, — смело сказал он. — Если они найдут тебя, то убьют.

— А если ты не пообещаешь, то все равно убьешь меня. В конце концов, закричав, я не умру в одиночестве.

— Ты в самом деле это сделаешь? — сказал Донахью, глядя в ее холодные, чистые глаза. — Ты в самом деле позовешь их?

— Да.

— Ладно, — прорычал он. — Сговорились! Пойдем!

Он крепко обхватил ее за талию и уверенно пошел к двери. Оказавшись снаружи, он отправился на юг, откуда пришел.

— Не этой дорогой, — прошептала Алата.

— Почему?

— Джошуа наверняка оставил вокруг нескольких часовых.

— Почему ты думаешь, что они там? Туннели ведь в другой стороне.

— В замке не было людей Рислера. Это означает, что он, возможно, патрулирует район между Ступицей и дорогой, ведущей к Метро.

— В этом нет смысла, — запротестовал Донахью. — Барон знает, что я не хожу по дорогам Норманов... и не стану возвращаться по ним.

— Я не знаю, — призналась она. — Я только думаю, что тебе... мне... будет безопасно идти на запад.

— Так ведь я могу попасть прямо в руки Людей Дрейка? — насмешливо спросил Рыжебородый. — Где ты спрятала свою армию? На западе?

— Тут нет никакой армии, — сказала она. — Она разбежалась, после того как ты убил моего мужа.

Устав от спора, Донахью зарычал и пошел дальше. Раньше чем он наполовину пересек широкое поле, окружающее замок, он оказался лицом к лицу с двумя часовыми Джошуа.

Прежде чем удивление исчезло с их лиц, Рыжебородый метнул дубинку в лицо одному и бросился на второго, повалив его на землю. Человек сражался яростно, лупя кулаками по голове Донахью, но где ему было состязаться с Рыжебородым. Содрогаюсь от ударов, Донахью вытащил кинжал и воткнул его сбоку в шею Человека. В лицо Уроду хлынул поток крови, моментально ослепивший его, но, протерев глаза, Донахью увидел, что кинжал выполнил свою работу. Человек лежал на земле лицом вниз, странные булькающие звуки вырывались из его горла. В следующее мгновение он изогнулся в конвульсии и замер.

Рыжебородый вскочил на ноги, дико озираясь, ожидая, что Алата уже исчезла в темноте. Но она стояла там, где он оставил ее, в полудюжине шагов от его первой жертвы. Донахью подобрал дубинку, повесил ее на пояс и снова повернулся к женщине.

— Ты была права, — смущенно сказал он.

— Да.

— Дальше их будет больше, не так ли?

— Возможно, — ответила она. — В следующий раз тебе может не так повезти; ты можешь не успеть убить их, прежде чем они крикнут раз или два.

— Куда же мы пойдем?

— На запад.

Он покорно кивнул и пошел в этом направлении. Потом он повернулся и потянулся, чтобы схватить Алату за талию.

— Не беспокойся. Я пойду за тобой, — сказала она, качнувшись в сторону.

— Посмотрим.

— Я пойду за тобой. И не забудь о своем обещании.

— Моем обещании?

— Никогда не трогать меня. Даже за руку.

— Я сдержу слово, ладно, — проворчал он. — От тебя больше беспокойства, чем удовольствий. Не знаю, как хватало у Дрейка сил касаться тебя.

Он посмотрел вверх. Облако закрыло луну, и если бы они поспешили, то достигли бы леса за полем раньше, чем Джошуа и его воины обнаружат, что замок пуст.

Глава 15

К утру добрых пятнадцать миль легло между ними и замком Дрейка. Донахью чуть отклонился от западного направления в надежде сбить преследователей со следа; пересек и заново пересек несколько небольших ручьев, чтобы окончательно запутать Людей слепого Барона.

Когда беглецы вышли на уединенную прогалину посреди густого леса, Рыжебородый сел, прислонившись спиной к дереву, и жестом предложил Алате сделать то же самое.

— Да, я уверена, мы здесь будем в безопасности, — сказала она, садясь в пяти ярдах от него.

— Где мы? — грубовато спросил он, подобрал маленькую ветвь и разломал ее на крошечные кусочки.

— Я точно не знаю, — ответила Алата. — Насколько я помню, впереди нет никаких ни городов, ни деревень.

— Тогда почему ты сказала, чтобы мы пошли в эту сторону? — взорвался Рыжебородый.

— Чтобы людям Крастона было сложнее обнаружить нас, — сказала она. — И также потому, что нам некуда больше идти.

— Что ты имеешь в виду?

— Даже для тебя должно быть очевидно, — раздражительно сказала она, зачесав локон волос назад со своего лба, — что ни один из нас не может вернуться ни в один город Нормалов и остаться в живых.

— Что-то мне непонятно... почему Крастон хочет убить тебя?

— Потому что я — вдова Майкла Дрейка и дочь Алдана Повича.

— Ну и что? — спросил Рыжебородый.

— Я представляю для него политическую угрозу.

— Почему? Я думал, только мужчина может стать Бароном.

— Да. Но я единственная наследница моего отца.

— Что это значит? — спросил Донахью, едва не подпрыгнув. То, что Алата говорила, было ло-

гически очевидно, но Рыжебородый не способен был здраво мыслить.

— Это означает, что Человек, который возьмет меня в жены, получит не только Баронство моего мужа, но и моего отца. А у Элстона Страмма не осталось наследников.

— Это означает, что тот, кто женится на тебе, будет в два раза сильнее, чем Крастон или Рислер! — сказал Донахью, наконец разобравшись. — А с такой силой он, возможно, сумеет зацапать хозяйство Страмма.

— Точно.

— И когда я овладею тобой...

— *Никто мной не овладеет!*

— И когда я овладею тобой, — продолжал Донахью, игнорируя слова Алаты, — я стану самым великим Человеком в Ступице!

— Ничто не сделает тебя самым великим Человеком ни в Ступице, ни где-то еще, — холодно сказала женщина. — Такой брак может сделать тебя лишь самым могущественным с точки зрения политики.

— В чем разница? — засмеялся Донахью, подобрав другую упавшую ветку и разломав ее надвое.

— Я не могу представить в такой роли одного из лакеев Гарета Кола, — сказала она, отвернувшись и глядя в глубину леса.

— Я не лакей Кола! — яростно взорвался Донахью. — Первое, что я сделаю, так это отрублю его уродливую голову и повешу себе на пояс.

— Тут нет никого, кроме меня, убийца, — сказала Алата, повернувшись к нему спиной. — Можешь не притворяться.

— Притворяться! О чем, во имя Рета, ты говоришь?

— Ты в самом деле пытаешься сказать мне, что ты ничего не знал, когда завел Элстона и моего отца в ловушку? — недоверчиво спросила она.

— Там не было ловушки! И мы, черт возьми, почти разбили его!

— Если не считать того, что вы потеряли четыре сотни человек, а он не потерял ни одного Урода, — цинично сказала она.

— В следующий раз... — пообещал Донахью. — В следующий раз я достану его.

— Погубив еще четыре сотни воинов? — усмехнулась она.

— Сам.

— Точно.

— Рет побери, я сделаю это! — проревел он. — Я оторву его проклятую крошечную голову!

— Ты хороший актер, — заметила Алата. — Когда ты так говоришь, я почти верю тебе.

— Лучше бы уж ты поверила! — прорычал Урод, молча уставившись в землю и в то же время мысленно рисуя картины смерти Гарета Кола.

— Почему ты так ненавидишь его?

— Как тебе понравится жить в лишенной солнца норе, под землей, с компанией Уродов, которые знают обо всем, что ты думаешь, и могут сказать тебе, что ты станешь делать, когда ты сам этого еще не знаешь?

— Но ведь ты — один из них.

— Я — не Урод Гарета Кола! — проревел он.

— Тогда почему ты жил вместе с ними? — упорствовала она.

— Я там родился.

— В чем твоя колдовская сила?

— Нет у меня никакой силы.

— Тогда почему ты стал генералом Кола?

— Я — лучший воин из тех, что есть у него, — ответил Донахью с характерной наглостью.

— Этого недостаточно, — сказала она. — Теленат подошел бы для этого намного больше.

— Рет тебя побери! — проревел он. — Ты говоришь словно Страмм! Я не знаю, почему Гарет делает то, что он делает! Почему бы тебе не спросить самого мерзкого колдуна?

Долго смотрела она на Донахью, потом пожала плечами и встала.

— Думаю, нам лучше идти, — сказала Алата. — Воины, без сомнения, идут по нашему следу.

Донахью кивнул, поднялся и пошел снова. К полудню еще десять миль легло между ними и замком, а к вечеру они почти удвоили расстояние, благодаря длинным полосам голой выжженной земли и остаткам древнего скоростного шоссе.

Когда спустилась тьма, Рыжебородый заметил, что Алата едва переставляет ноги от усталости, и снова схватил ее за талию.

— Мы проведем ночь здесь, — грубовато сказал он. — Когда последний раз ты ела?

— Вчера днем, — хрипло сказала она, стирая грязь и пот с лица.

— Сейчас слишком темно, чтобы охотиться на животных, — объяснил Донахью. — Мы удовлетворимся кореньями и ягодами. Тут вокруг их предостаточно.

— Да, — согласилась она, прислонилась к дереву и неожиданно поняла, насколько устала. — Я ужасно устала. Пожалуйста, не мог бы ты собрать мне ягод?

- Я не твой хозяин, помнишь?
- Не понимаю, какое это имеет значение, — сказала женщина, недоумевая.
- Собирай сама, — фыркнул Рыжебородый и отправился набивать свой желудок.

Глава 16

— И ты не нашел их следов? — спросил Крастон, сидя на мягком стуле в маленькой столовой.

— Нет, господин, — ответил Джошуа. — Мы шли по их следам большую часть недели, но Донахью — хитрый дьявол. Он вошел в ручей, прошел по воде мило или больше и вышел на тот же берег, с которого вошел, а потом перебрался через ручей двадцатью ярдами дальше. Я отправил несколько Человек по его следам, но Рыжебородый намного опередил нас. Боюсь, что погоня — пустое дело.

— Это очень важное дело, — сказал слепой Барон. — Алата Дрейк с ним?

— Да, господин.

— То, что он не убил и не бросил ее, кажется, подразумевает, что он осведомлен о том, насколько она ценна для него, не так ли? — медленно сказал Крастон.

— Да, господин, — механически ответил Джошуа.

— И единственный путь, как он может получить что-то от этого, — вернуться в Ступицу и заявить права на Баронства, — продолжал Крастон. — Тем более, мы не должны слишком беспокоиться о том, чтобы поймать его. Хорошо, если он будет держаться как можно дальше отсюда, но

ведь при известных обстоятельствах он может и вернуться. Все, что нам остается, — ждать.

— Как долго?

— Не слишком долго, — сказал Крастон с уверенностью. — Донахью никогда не имел терпения и не был утонченным человеком. Конечно, если Алата умрет или убежит от него, он потеряет то преимущество, которое может получить. Тем не менее он вернется до того, как Люди все позабудут.

— Если тем временем его не убьет Кол, — предположил Джошуа.

— Чепуха, Кол не убьет его. Если бы Кол хотел убить его, он бы сделал это, когда убил Элстона и Алдана. Нет, Донахью вернется, помни мое слово, — Барон позволил себе роскошь — хихикнул. — И если я знаю Алату Дрейк, то уж очень скоро он не вернется.

Глава 17

— Что он любит?

— Кто?

— Гарет Кол.

— Снова, — вздрогнул Рыжебородый. — Я повторяю тебе это уже дней десять.

— Но ты не сказал мне того, что я хочу знать, — продолжала Алата.

— Его слабости? — скривился Донахью. — У него их нет.

— Он *должен* иметь слабое место, — настаивала Алата, вышагивая вокруг дерева, которое давно повалила буря. — Если бы он не имел ни одного, он бы правил миром.

— Он правит настолько, насколько это его интересует, — возразил Донахью и, вытащив нож,

начал рубить подлесок, который не давал пройти дальше по тропинке. — Поверь мне, если Гарет захочет стать королем мира, он станет.

— А ты тем не менее думаешь, что сможешь убить его, — сказала она, почти улыбаясь.

— Я знаю это, — искренне согласился Донахью.

— А я до сих пор не знаю, почему ты так его ненавидишь. После всего, что ты рассказал мне, я бы сказала, что он — единственный, кто хочет видеть тебя живым.

— Он убил бы меня, если бы у него был шанс! — вскипел Рыжебородый.

Алата покачала головой.

— Не могу понять, почему кто-то должен хотеть кого-то убить.

— Конечно, ты не можешь, — прорычал он, рубанув ножом с новой силой. — Никто из тех, кто не жил в Туннелях, даже и вообразить себе не сможет, что это такое.

— Думаю, ты прав.

— Ходить по безмолвным Туннелям, где полно всяких существ, а потом слышать, как все неожиданно взрываются смехом из-за того, что кто-то пошутил и только ты этого не слышал, — Донахью говорил больше для себя, чем для Алаты. — Читать книгу слово за словом, страницу за страницей, когда Гарету нужно только две секунды, чтобы знать каждое слово, которое есть в ней. Знать, что они слышат все твои мысли, наблюдают за тобой, даже когда ты заперся в комнате. Чтобы они появлялись и исчезали, и ты никогда не был уверен, в самом ли деле это они, или ты смотришь на одно из созданий Гарета. Знать, что ту работу, которую поручает тебе Гарет, он сам может сделать лучше и с большей легкостью. Нет, конечно, ты не сможешь этого понять!

Он пробормотал проклятие и, убрав нож, полез между колючих кустов, находя приятным ощущение колючек, царапающих кожу, упиваясь восторгом от прикосновения к растению. Рет побери, но Кол пожалеет о том, что дал ему жить!

И вдруг Донахью почувствовал руку на своем плече, мягкую, но твердую. Словно кошка, повернулся он к Алате. Его лицо осталось искаженным от ненависти.

— Извини, — сказала женщина, встретившись с ним взглядом. — Я не то имела в виду.

— Все в порядке, — сказал он. — Колдун позволил мне жить. *Это* — его слабость, и он за нее заплатит. Он заплатит за нее кровью.

— Надеюсь, ты прав, — сказала Алата.

— Я дважды ранил его и смогу это сделать снова, — уверенно заговорил Донахью.

— Но как ты можешь ранить Кола?

— Ты не понимаешь. *Создания Гарета Кола и есть Гарет Кол* или, в крайнем случае, часть его.

— Но если то, что ты говоришь, правда, ты с Элстоном и моим отцом перебил их дюжину, однако Кол сумел победить вас.

— Это путь, — сумрачно ответил Донахью. — Им можно воспользоваться. Я найду, как.

— Хотела бы я, чтобы ты доверял мне, — честно призналась Алата.

— Тебе это не нужно, — ответил он. — Колдун всегда оставляет в живых женщин Норманов... Нормалов. Я думаю, он где-то держит их. А когда я прикончу Крастона, ты станешь снова Баронессой. Это-то и будет хуже всего.

— И что же в этом плохого? — удивилась женщина.

— А ты не понимаешь?

— Я говорю о том, что стану Баронессой, — ответила она, прихлопнув москита.

— Вот это мне и не нравится.

— Я же все равно, по существу своему, пешка, разве нет? — спросила она. Ее глаза вспыхнули с неожиданной яростью. — Ну, выйду я за тебя замуж. Почему, ты думаешь, Майкл Дрейк женился на мне? Из-за моей красоты? Посмотри хорошенько на меня. *Вот я.* Я знаю, какая я: некрасивая дочь очень могущественного человека. Что могу я предложить мужчине? Секс? Очарование? Красоту? Тело? Если мужчине хочется, он может найти женщину лучше где угодно. Он ляжет со мной, если только захочет стать Бароном, как Майкл... или ты. Я знаю это, и мой отец знал. Ты видишь, это не просто глупость со стороны Майкла. Нет ничего проще этого. Мой отец отверг много моих поклонников, до тех пор пока не обнаружил одного с подходящими способностями. Только потом он сделал этого Человека своим зятем. Он хотел честного Человека, кем Майкл и был, и хорошего полководца, кем Майкл тоже был. Но для баланса в Совете он выбирал Человека не слишком умного и не слишком нетерпеливого, чтобы обойти отца, как, например, делал Элстон. Еще он хотел, чтобы народ не потешался над моим мужем у него за спиной. Майкл соответствовал списку требований, так что меня отдали Майклу. И, конечно, я ему была не нужна после того, как свадебные клятвы были произнесены. Я оказалась пленницей в собственном доме. Не могла спуститься на первый этаж из страха, что Майкл может послать ко мне убийц; боялась подняться на третий этаж из страха, что его наложницы могут убить меня... А теперь, — сделала она

вывод, — меня ожидает брак с тобой. Но с одним условием.

— И что это за условие? — спросил Донахью.

— Когда ты станешь Бароном, ты убьешь меня не откладывая.

На это Донахью ничего не ответил. Они прошагали молча целый час, пока не наступила ночь. Потом они разбили лагерь у ручья, напились воды и сели у большого дерева.

— Есть одна вещь, которой я не понимаю, — сказала Алата, поколебавшись, пока они смотрели на болота за ручьем.

— Какая? — проворчал Рыжебородый.

— Прошло больше недели, с тех пор как мы спаслись от людей Крастона, и ты не дотронулся до меня.

— Ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Нет, — сказала она, непроизвольно вздрогнув от такой мысли. — Но я ожидала, что ты все-таки изнасилуешь меня. Ведь вокруг никого нет, чтобы следить за тем, как ты выполняешь свое обещание.

— Если бы я изнасиловал тебя, ты, возможно, убежала бы. А если бы ты убежала, мне, быть может, понадобились бы месяцы, чтобы найти тебя... если к тому времени ты осталась бы еще жива. Нет, если я изнасилую тебя, это помешает нашей свадьбе.

— Значит, ты не хочешь делать этого, не так ли? — горько сказала она.

— Нет. Я завоюю тебя — вот так. — Она молчала, и Донахью продолжал: — И никто тогда не заберет то, что станет моим. Если не...

Он сделал паузу, изучая ее черты.

— Если не... что? — спросила она.

— Если у тебя нет любовника, спрятавшегося где-то и ждущего, пока я не вернусь в Ступицу, чтоб воткнуть нож мне между ребер.

— Этого ты можешь не бояться, — успокоила Алата. — У меня нет любовника.

— Может, какой-то старый знакомый, — усмехнулся он.

— У меня никогда не было любовника.

— Разве ты бы не хотела его иметь? — с любопытством спросил он.

— Да. Давно.

— Что с ним случилось?

— Он умер.

— Как.

— Ты убил его давным-давно, — сказала Алата Дрейк. Она повернулась на бок и закрыла глаза. Через минуту она спала и видела сон о богоподобном молодом человеке, который однажды подхватил на руки глупую некрасивую девочку и помог ей устоять на ногах.

Когда она проснулась, Донахью рядом не было. На мгновение Алата испугалась, но потом услышала, как Рыжебородый пробирается через подлесок. Через несколько секунд он вышел на поляну и подошел к ней, держа что-то в руках.

— Где ты был? — спросила она, все еще боясь, что ее бросят, оставив на медленную смерть.

— Я принес тебе ягод, — сказал Донахью.

Глава 18

— Итак, ты думаешь, он вернется назад в Ступицу? — спросил Рислер, счастливый от того, что в этот раз встреча состоялась в его пышном жилище, а не в вызывающих судорогу,

темных комнатах Крастона. Из всех Баронов только Крастон отказывался жить в замке, предпочитая апартаменты в центре города, и Рислер глубоко негодовал из-за недостатка роскоши, положенной Барону, вопреки очевидному факту, что Крастон не способен был наслаждаться красотой замка.

— Конечно, — заметил слепой Барон. — Проблема, с которой мы столкнулись, заключается в том, что делать после того, как мы поймаем Донахью. Очевидно, мы должны его уничтожить и быстро, но я по-прежнему думаю, а не сможем ли мы вначале извлечь из него какую-то полезную информацию. Рискованно, конечно. Каждая минута его жизни — риск для нас. Однако, если мы снова ненадолго посадим его в твою темницу, это может сослужить нам хорошую службу.

— Не вижу причин рисковать, — возразил Рислер. — Даже если он объявит себя повелителем Баронств Элстона и Алдана, Люди не станут его слушаться. Донахью, естественно, сразу же применит силу, и Люди разбегутся. С другой стороны, один раз мы уже пытались получить от него информацию... Я не знаю почему, но только в этот раз все будет по-другому.

— С тех пор мы узнали ненамного больше, — ответил Крастон. — Например, я думаю, мы можем без опасения согласиться с тем, что Донахью рассказал нам правду о битве в Туннелях. Более того, мы знаем, что чудовища, порожденные разумом Кола, изредка могут быть ранены, возможно, даже убиты. Также прибавим к этому то, что Донахью хочет убить Кола, но не может придумать, как это сделать. Рыжебородому не удалось быстро нащупать способ убийства Кола, но ведь колдун не убил его.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением сказал Рислер. — Кол никогда не беспокоил нас в Ступице. Может быть, мы должны оставаться здесь и не пытаться овладеть Метро. Мы уже потеряли Майкла, Элстона и Алдана, с тех пор как взяли в плен Донахью. Зачем рисковать дальше?

— Дурак! — огрызнулся Крастон, ударив кулаком по ручке кресла. — Разве ты не понимаешь, что единственное, что мы *не можем* делать — сидеть спокойно? Донахью может вернуться в любой день и потребовать по меньшей мере два Баронства, а то и три... а Кол до сих пор множит свою проклятую армию. Мы убьем Донахью и попытаемся уничтожить Уродов, пока колдун уязвим.

— Это — одна из тех вещей, которые всегда ставят меня в тупик, — сказал Рислер. — Если Кол и вполтину так могуществен, как кажется, что же сдерживает его? Почему он не завоюет мир, если это его цель? Иначе зачем он выкрадывал наших женщин, и они рожали ему Уродов?

— Если бы я знал ответ хотя бы на один из этих вопросов, — сказал Крастон, — я, возможно, за сорок восемь часов разгромил бы Гарета Кола. Но я не знаю. Никто не знает. Все, что мы можем делать, — по-разному толковать его действия и продолжать пытаться помешать ему.

— Мы очень много из-за этого теряем, — проворчал Рислер.

— Перестань жалеть себя, Джеральд, — резко сказал Крастон. — Ты-то после всего остался в хорошей форме и знаешь это. Если однажды мы наложим руки на Донахью и Алату Дрейк, ты станешь в два раза сильнее, чем был два месяца

назад. — Рислер ничего не сказал, и слепой Барон продолжал: — Теперь... что ты предпринял, чтобы схватить Донахью?

— Я послал несколько отрядов разведчиков порыскать вокруг Ступицы, в радиусе пятидесяти миль, — сказал Рислер. — Не думаю, что Рыжебородый сумеет пробраться сюда, минуя их. И я выставил постоянную стражу вокруг моего замка, замка Дрейка и твоей обители.

— Ты бы лучше поставил стражу вокруг замков Элстона и Алдана, — сказал Крастон. — Они ведь тоже собственность Донахью, как и замок Дрейка. И не забудь... у него с собой Алата. У этой бабы достаточно мозгов, чтобы не возвращаться в свой замок.

— Ты знаешь, — медленно начал Рислер, — все наши планы и приготовления базируются на предположении о том, что Алата до сих пор жива и до сих пор путешествует с Рыжебородым. Что, если она давно мертва? Что, если она убежала или Урод убил ее?

— Я не могу серьезно рассматривать такие возможности, — задумчиво ответил Крастон. — Я исхожу из предпосылки, что Алата рассказала ему о политической ситуации, чтобы спасти свою жизнь. Тогда Донахью сделает все, чтобы защитить ее. Однако, если я ошибаюсь и *она или мертва, или исчезла*, думаю, мы все равно можем ожидать визита Донахью. Если он не знает, что Алата дочь Алдана, то уж точно знает, что он сам — официальный наследник Майкла.

— А что, если Донахью тоже мертв? — спросил Рислер.

— Нет, — возразил Крастон.

— Что заставляет тебя говорить столь уверенно? — поинтересовался Рислер.

— Ах, Джеральд, — вздохнул Крастон. — Ты разочаровываешь меня. Разве ты не понял, что единственная реальная опасность, с которой мы столкнемся лицом к лицу, возникнет, когда мы попытаемся убить его?

— Смешно! — фыркнул Рислер. — Никто, даже Донахью, не может представлять угрозу нашим армиям.

— Угроза исходит не от Донахью, — презрительно сказал Крастон. — Бедный слепой Джеральд. Она исходит от Гарета Кола.

Глава 19

— Они поджидают нас, ты же знаешь.

— Знаю, — усмехнулся Рыжебородый, сделав остановку на вершине маленького холма и изучая раскинувшуюся перед ним страну.

— Ты был бы умнее, свернув прямо сейчас.

— И дал бы пригоршне Нормалов лишить меня Баронства? — он плюнул по ветру.

— Раньше ты о нас — Нормалах — говорил снисходительно, — заметила Алата, привалившись к дереву. — Ты хоть сознаешь, что, может быть, ты — один из нас?

— Я? — Донахью откинул голову назад и заревел со смеху.

— Я именно это имею в виду, — подтвердила она. — Меня не волнует то, кем были твои родители. Хорошенько посмотри на себя. Ты физически нормален.

— Так же как Гарет, — напомнил он ей.

— Но Гарет обладает колдовской силой, — продолжала она. — А ты?

— Я не знаю.

— Сколько тебе лет?

— Не уверен. Около тридцати, так я считаю. Может, немного больше.

— Если бы ты имел сверхъестественные силы, разве ты не понимаешь, что ты бы уже знал об этом?

— Звучит достаточно логично, — согласился Рыжебородый. — Но говорят, что и Гарет не узнал о своих колдовских силах, пока не стал взрослым.

— Это неправда, — сказала Алата. — Он узнал о них, когда был намного моложе, чем ты. Он хранил их в секрете, но знал. Ты не имеешь никаких сил. Ты — один из нас.

— Не знаю, — медленно сказал Донахью, почесав голову. — Я не знаю.

— Подумай об этом.

— Думаю, — сказал он раздражительно. — Смотри, если я в самом деле Нормал, как я мог очутиться, Рет побери, в Туннелях?

— Ты, возможно, такой же Урод от рождения, как Гарет, — сказала она. — Я думаю, ты ты стал Уродом среди колдовского народа. Люди породили Гарета Кола; Уроды — тебя.

— Я не Урод! — заревел он. — Гарет — Урод, а не я!

— Я не это имела в виду, — защищалась женщина. — Я имела в виду...

— Знаю, что ты имела в виду, — перебил он. — Я виноват. Извини, что наорал на тебя.

Ее глаза округлились, на лице было написано любопытство.

— В чем дело? — требовательно спросил он.

— Ни в чем, — сказала Алата, неожиданно улыбнувшись. — Совсем ни в чем.

— Тогда почему ты так посмотрела на меня?

— Как так?

— Удивленно.

— Первый раз с тех пор как мы вместе, ты извинился, — сказала Алата. — Я польщена.

Донахью зарычал от отвращения и демонстративно отвернулся, изучая местность. Несколько минут спустя он снова повернулся к Алате.

— Итак, я — Нормал?

Она кивнула.

— Я сражался с ними всю жизнь, — сказал Рыжебородый голосом, полным муки. — Я убивал их, где бы ни находил. Я не хочу быть Нормалом. Я ненавижу Нормалов!

— Некоторые из нас стоящие Люди.

— Страмм, — сказал Донахью, глядя в землю. — Страмм был хорошим человеком, несмотря на то, что схватил меня, — Донахью помолчал. — Гарет не хотел убивать его. Он мог дать ему жить. Страмм не мог причинить Гарету никакого вреда, — кулаки Рыжебородого сжались. Он заводил себя, приходя в смертоносную ярость, — так случалось всякий раз, когда он думал о Гарете Коле. — Черт возьми! Страмм, в самом деле, хорошо отнесся ко мне. А потом я привел его в Туннели, и его в две секунды не стало. Ничего не осталось! Ни труп, ни костей, ни пепла — ничего! — Донахью взвыл, сыпля проклятья. — Когда я наложу на Гарета руки, я разорву его на части! Я... — Донахью так разбушевался, что понес нечто бессвязное. Через минуту он смолк, чтобы перевести дыхание. Он еще минуту молчал, потом, отчасти успокоившись, повернулся к Алате. — Я не хочу быть Нормалом, — сказал он спокойно. — Я надеюсь, что я не Нормал. Но если я — Нормал, это дает мне еще одну причину убить Гарета Кола.

— Причин у тебя больше чем надо, — сказала Алата. — Все, что тебе нужно, так это — метод.

— Знаю, — согласился он, неожиданно опустошенный. — Я знаю, что делаю. Я уже подобрался близко. Я ненавижу его огненных существ. Однажды я понял, как можно ранить Гарета.

— Не останавливайся, — попросила она.

— Есть другая причина, по которой я не хочу быть Нормалом, — огрызнулся он. — Глупость.

— Весь ум в мире не заменит осознания истинного положения вещей.

— Рет побери! Может быть, Гарет после всего собирается убить большую часть вас! Ты, женщина, не боишься?

— Страмм не боялся, так же как ты, — сказала Алата, — так же как мой отец. И где они?

Донахью проревел что-то нечленораздельное и зашагал дальше. Со вздохом Алата пошла за ним следом. Они прошли немного больше мили, когда женщина неожиданно потянулась и взяла Донахью за руку.

— Что теперь? — требовательно спросил он.

— Что-то не так! — сказала она настоятельным полусшепотом.

— О чем ты говоришь? — спросил Донахью, тоже понизив голос до шепота.

— Я не знаю, — сказала она. — У меня такое чувство.

— Что?

— Не ходи этой дорогой.

— Почему?

— Не знаю. Я только чувствую опасность.

— Все в порядке, моя храбрая Баронесса. Каким путем нам следует идти, как *ты* думаешь?

— Я не знаю. Налево, возможно.

— Ба! Ты видишь духов и гремлинов в каждой тени!

Донахью пошел в первоначальном направлении. Еще через полмили он услышал впереди голоса. Толкнув Алату, чтобы она отступила, Донахью вытащил дубинку и пополз вперед.

Теперь он увидел их — четырех воинов-Нормалов, сидящих в тени огромного дерева.

— Это самая безумная погоня, в какой я только участвовал, — сказал один из них. — Даже если Рыжебородый в этом районе, наши шансы обнаружить его: один к тысяче.

— По меньшей мере, — прибавил другой, делая большой глоток из фляги.

— Может, мы вернемся назад и скажем Барону Рислеру, что мы не нашли никаких его следов, — сказал первый воин. — Что ты скажешь на это, Эдвард?

Но Эдвард больше ничего не успел сказать, потому что Рыжебородый, проломившись через кусты, пробил ему череп одним ударом дубинки.

Второй Нормал был мертв раньше, чем оставшаяся пара поняла, что на них напал Донахью. Мгновением позже оба воина без движения лежали на земле.

Донахью вернулся назад к Алате.

— Ты была права, — задыхаясь проговорил он. — Черт возьми, удачный расчет. Что привело их сюда?

— Я не знаю, — сказала она.

— Что ты там разглядела? Я превосходный охотник, но тем не менее ничего не заметил.

— Это было всего лишь чувство. Я почувствовала что-то, и это очень сильно испугало меня.

Донахью пожал плечами.

— Ну, теперь нечего бояться. Они все мертвы.

— Так я и думала.

— Не жалею их. Они убили бы нас, если бы у них был шанс.

— Я знаю.

— Или ты снова считаешь меня убийцей?

— Нет. Честно, нет. Я просто не люблю убийств, не важно, правы убитые или нет.

— Тогда скажи своим друзьям — Нормалам, чтобы они перестали охотиться на меня.

— Они и на меня охотятся, — напомнила Баронесса Рыжебородому.

Донахью протяжно, глубоко вдохнул, потом выдохнул.

— Я знаю, — он посмотрел на Алату и смягчился. — Не думаю, что твое положение чем-то лучше моего.

— Да.

— И мы ничего не можем поделать с этим.

— Знаю. Хотя это кажется так глупо. Убегать несколько недель, убивать своих же подданных, так чтобы когда мы вернулись в Ступицу, нас называли бы убийцами.

— Что же ты хочешь?... Чтобы мы прожили в этом проклятом лесу остаток жизни?

— Нет, конечно.

— Тогда? — он выжидающе посмотрел на Алату.

— Есть другие города Нормалов. Почему бы не отправиться в один из них.

— Если бы я не собирался вернуться в Ступицу, ты бы уже была мертва, — сказал он. — Ты ведь понимаешь это, не так ли?

— Да, — мягко сказала она. — Я знаю это. Но я не говорю, чтобы ты остался там навсегда.

— И на какой срок мне отправиться в изгнание?

— Пока Эндрю не охладает к идее убить тебя.

— *Охладеет к идее?* Рет побери! Весь твой проклятый город не сможет убить меня! Пусть даже каждый из них думает, что это я убил Страмма и твоего отца.

— Я забыла, — согласилась она. — Эндрю — единственный, кто хочет моей смерти, и я стала думать, что это применимо и к тебе.

— Нет, неприменимо, — грубо сказал он. — Теперь, когда все определилось, пойдем.

Они направились к Ступице, но когда достигли места, где Донахью убил воинов, там оказалось только три тела. Рыжебородый выкрикнул проклятье и повернулся к Алате.

— Черт! Я могу поклясться, что все были мертвы!

— Эти — да, — сказала она, обозревая сцену резни.

— Нет, не все. Тут нет еще одного дурака.

— Где же он?

— Не знаю, — сказал Рыжебородый. — Но если он проживет достаточно долго, чтобы добраться до другого патруля, скоро в это место сползутся Нормалы.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Не уверен, — сказал он, яростно потеряв бородатый подбородок. — Я хотел отправиться в Ступицу, но теперь враги будут поджидать меня за каждым кустом и деревом.

— Мы можем отправиться в какой-то другой город.

— И я потеряю шанс стать Бароном? Нет! Мы еще некоторое время проживем в лесу, а потом воспользуемся другой дорогой, чтобы войти в Ступицу, — он сделал паузу. — Если не...

— Если не... что?

— Если ты не согласишься пройти через официальную брачную церемонию, как только мы войдем в другой город, — сказал он. — Это будет сделано официально, и Крастон с Рислером не смогут отказаться отдать мне имущество Дрейка и Повича. Договорились?

Вначале Алата хотела отказаться. Дрейк был достаточно плохим мужем, но мысль о том, чтобы выйти замуж за этого варвара, почувствовать его огромные, мозолистые руки на своем теле, осознать, что она снова стала чьей-то физической и политической собственностью и служит определенной цели, была невыносима. Только потом, обдумав все возможности, Алата поняла, что, если откажется, все будет намного неприятнее. Если она откажется выйти замуж за Донахью, он отправится в Ступицу, и они оба будут убиты на месте или станут влачить ужасное существование в лесу неопределенно долгое время, после чего ей все равно придется выйти за него замуж.

Выбора у нее не было, но, выйдя замуж за Донахью сейчас, она избежит неприятностей в самом ближайшем будущем и сможет манипулировать Рыжебородым.

— Да, договорились, — наконец-то сказала Алата.

Глава 20

Они поженились, но это получилось не так быстро и не так легко.

Рыжебородый и Алата около недели пробирались на юг в направлении Кингстона, который

оказался аграрным поселением, окруженным фермами и полями, расположенными на том месте, где некогда были лишь кирпичи и бетон. Кингстон показался Рыжебородому идеальным местом, достаточно удаленным от Крастона и от Ступицы, так что здесь не нужно было беспокоиться о слепом Бароне, и достаточно близким к Туннелям, так что царства Кола можно было достигнуть дня за два.

К изолированному поселению вели дороги, которые быстро выросли из-за нужд населения. Путешествуя по одной из них, Донахью и Алата натолкнулись на дикого зверя, из тех, что бродят по полям. Бóльшая часть местной фауны погибла во время ужасной войны. Горстка выживших, очевидно, сильно пострадала, потому что лишь очень малое число особей выжило столетия назад. Численность же рода кошачьих выросла под влиянием колдовства древних даже больше, чем численность других животных, и неожиданный дисбаланс между хищниками и дичью превратил большинство кошек в каннибалов, иначе им грозила бы смерть от голода.

Когда Донахью с Алатой шли по древней дороге, на Рыжебородого напала рысь. Он быстро убил ее дубинкой, но раньше она полоснула когтями ему по лицу. Рана была поверхностная, но, хоть Рыжебородый и протестовал, Алата настояла на том, чтобы осмотреть ее. Она набрала чистой воды из ближайшего ручейка, и через мгновение ее пальцы проворно работали над царапинами, вымывая и перевязывая их. Алата оказалась рядом с Донахью, и он не разорвал ее одежды, не изнасиловал ее тут же на месте. Когда Алата последний раз коснулась его, он притворился, что ему неудобно, и резко дернул рукой.

Та скользнула по груди женщины и задержалась на мягкой плоти на несколько секунд, прежде чем Рыжебородый отдернул ее. Если даже Алата и заметила, что рука Урода дернулась не от боли, а по другой причине, то виду не подала, лишь работать стала быстрее.

Потом, закончив с раной, она быстро сделала шаг назад.

— Как себя теперь чувствуешь? — спросила она.

— Отлично. Я и раньше говорил тебе, что не нужно таких усилий. Рет! Я выжил после многих ран, которые были намного хуже, чем эта!

— Мечи обычно совершенно чистые, — ответила она. — А когти рыси — нет. Большинство из кошек питается падалью.

— Так что?

— Они любят пищу с душиком.

— Не понимаю, — пожал плечами Рыжебородый.

— Они не едят добычу, которую убивают, сразу. В зависимости от породы кот или закапывает мясо в землю, или затаскивает на дерево и затапливает труп своей жертвы меж ветвей. Потом он оставляет добычу, на срок где-то от пяти дней до двух недель. Когда пища становится с душиком... то есть сгниет достаточно, чтобы отвечать вкусу, кошка возвращается за ней.

— Какое все это имеет отношение ко мне? — спросил Рыжебородый.

— Мясо гнилое, испорченное. Кошка раздирает его когтями, пока не оторвет кусок достаточно маленький, чтобы разорвать зубами. Кусочки плоти застревают у нее между когтей и гниют дальше, так что через пару недель они могут заманить отравленные стрелы. Если бы я не про-

мыла тебе рану, какая-нибудь крошка с ногтей, без сомнения, могла бы занести инфекцию, а та, попав в кровь, убила бы тебя. Это ответ на твой вопрос?

— Думаю, ты спасла мне жизнь.

— Ты можешь отблагодарить меня, держа руки подальше от моего тела, — ответила Алата. Ее темные глаза сверкнули в лучах солнца. — Иначе в следующий раз я оставлю тебя тут умирать.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — сказал Рыжебородый.

— Ты отлично знаешь, о чем я говорю, — бросила она через плечо. — Только проследи, чтобы этого больше не случилось.

— Этого не будет... пока мы не поженимся. Тогда твое тело станет принадлежать мне. Хочешь послушать о том, что я сделаю с ним?

— Нет, — холодно сказала она.

— Тебе это может понравиться.

— Меня мало заботит, что ты станешь делать со мной, убийца. Я совершила политическую сделку, меня тошнит от нее, но никогда, даже на мгновение не требуй и не жди, что мне это понравится.

— Мы еще посмотрим, — усмехнулся Рыжебородый, напрягшись, и зашагал дальше по дороге. Алата последовала за ним, и они молча шли бок о бок остаток дня. Они устроили лагерь на берегу ручья и возобновили путешествие только после восхода солнца.

Донахью чувствовал себя хорошо. Был не веселым, но более здоровым и находился в лучшей форме, чем за последние годы. Он не пил ничего крепче воды, с тех пор как повел армию в Туннели, и столько же времени прошло с тех пор,

как он курил трубку или сигару, или, прибавил Донахью, мысленно поморщившись, спал с женщиной. Он потерял все три удовольствия: питье, курение и особенно женщин, но обнаружил, что теперь обладает значительно большим запасом жизненных сил, и его вечный кашель по утрам прошел. Да, он стал здоровее, и нельзя было сказать, что он такой уж несчастный.

И в других отношениях он тоже изменился. Не то чтобы теперь он питал сострадание к другим существам, но он старался, чтобы Алате было удобно, отчасти потому что надеялся устроить с ее помощью свое будущее, отчасти по причинам, которые не понимал и никогда не смог бы полностью понять. Еще у Донахью появилась склонность размышлять, чего раньше за ним не водилось. Его разум, обычно бездействующий, кроме тех редких случаев, когда он начинал функционировать на примитивном уровне, сейчас был постоянно переполнен мыслями. Не глубокими философскими вопросами и ответами, потому что Урод никогда не задумывался о таких вещах. Донахью обдумывал как убить Гарета Кола, и даже нарисовал мысленную картину или две о том, как сотрет в порошок Ступицу, после того как уничтожит Крастона и Рислера.

Вот о чем думал он, молча вышагивая по пустынной дороге. Его молчание с благодарностью принималось Алатой Дрейк. Почему-то любой их разговор заканчивался или проклятиями Рыжебородого в адрес Гарета Кола, или радостными мечтами о предстоящей первой брачной ночи. И то и другое было в равной мере неприятно Алате, и чем меньше они говорили, тем больше это ей нравилось. Больше она не боялась Рыжебородого, но

намеренно избегала общения с ним и собиралась так вести себя как можно дольше. Она чувствовала определенную симпатию к Донахью, симпатию, граничащую с жалостью, с того времени как поняла, каким ужасным адом была его жизнь в Туннелях Гарета Кола. «Но, — мысленно прибавляла она, — жалость всего мира не сможет искупить ужасные преступления, которые Донахью совершил против Нормалов». И особенно против одного Нормала много лет назад, когда Алата по детской своей глупости верила, что мир столь же невинен, как и она сама.

К тому времени, как они добрались до Кингстона, рана Донахью зажила, и он вошел в город, чувствуя себя совершенно здоровым и полным сил. Никто не обращал на него и Алату внимания. Скоро Донахью понял, что Кингстон стал для купцов перевалочным пунктом, расположенным между Ступицей и более южными городами. Беглецы отправились в меблированные комнаты, где Донахью снял простую комнату. Алата просидела на стуле всю ночь, отказавшись присоединиться к нему в постели. После краткого спора Рыжебородый пожал плечами, отвернулся и через мгновение захрапел.

Утром Донахью почувствовал себя хорошо отдохнувшим и радостно строил планы на будущее. Это будущее совершенно четко включало в себя Алату Дрейк. Рыжебородый заговорил с ней. Что ему было нужно, так это поговорить. За долгие годы, проведенные в Туннелях, он привык разговаривать сам с собой. Иметь кого-то, с кем можно было бы поговорить, казалось ему определенным преимуществом.

— Ну, — начал он, — я уверен, что перво-наперво нам нужно пожениться.

— Ты ошибаешься, Торир, — печально сказала Алата. — Первое, что нужно сделать, — раздобыть денег. Теперь ты не на содержании Страмма. Тебе придется платить за свадьбу и рано или поздно за эту комнату платить тоже придется.

— Я думал об этом, — признался он, немного помолчал, а потом прибавил: — Почему бы нам не объявить им, что ты — Баронесса Дрейк? Тогда мы получим небольшой кредит.

— Это самое глупое предложение, которые ты выдвигал, — презрительно сказала она. — Что, если горожане знают о том, что Крастон ищет нас? Пока нас никто не узнал, но нет гарантии, что местные жители ничего не знают о тебе.

— Меня в покое они могут и не оставить, но тебя-то они не тронут. Ты ведь Баронесса, помнишь?

— Вот еще одна причина, почему они не оставят меня в покое, если Крастон уже поговорил с ними. Если я умру, появится еще одно Баронство, которое можно захватить.

— Если ты знаешь обо всем этом, — угрюмо сказал он, — почему бы тебе не придумать, как нам раздобыть денег.

— Ты можешь заработать их.

— Я — генерал, — фыркнул он. — Генералы не идут в наемные рабочие.

— Они делают это, когда голодные, — возразила Алата. — И ты больше не генерал, или ты забыл?

— Все верно. Я — Барон.

— Бароны могут умереть от голода так же легко, как генералы, — холодно заметила Алата.

Мгновение Донахью пристально смотрел на нее.

— Все верно, я достану тебе эти проклятые деньги! — сказал он. — Только приготовься к свадебной ночи, когда я вернусь!

Урод вышел из комнаты и покинул здание. На мгновение его мысли вернулись к Алате; как бы она не убежала, пока его не будет, но потом Донахью решил, что она так не сделает. У нее были веские причины сохранять инкогнито. Она знала, что Рыжебородый может убить или выдать ее, если она попытается обмануть его. Если бы смерть казалась ей предпочтительнее супружества, она покончила бы с собой несколько недель назад. Довольный Донахью прошелся по грязным улицам Кингстона.

Местные жители в основном занимались сельским хозяйством. В городе было очень мало лавок, но именно к ним Донахью и направился, хотя работу искать не собирался. Все, что он делал в прошлом, — брал. И теперь он не видел причины, почему нужно поступать по-другому. Донахью почти не имел дел с деньгами, в отличие от Нормалов. Из-за этого мысль об ограблении казалась Рыжебородому не более серьезной, чем сбор урожая в поле, когда не утруждаешь себя искать фермера, чтобы заплатить.

Донахью выбрал мило выглядящую лавку, торгующую одеждой, тканью, и вошел. Он сразу понял, что деньги хранятся в маленькой шкатулке по ту сторону прилавка, в задней части магазина. Разглядывая товары, Рыжебородый медленно подошел к шкатулке с деньгами и дождался, пока не остался единственным покупателем магазина. Потом он вытащил дубинку и показал ее владельцу.

— Дай-ка мне эту шкатулку, — спокойно сказал он, показав, чего хочет.

Владелец лавки взглянул на Рыжебородого, решил, что тот не шутит и без сомнения выйдет победителем, случись схватка, и отдал деньги.

— Если ты кому-то скажешь об этом, — угрозил Донахью, — я вернусь и разрублю тебя на две половины.

С этими словами Рыжебородый повернулся и покинул магазин. Он почти ожидал услышать, как человек закричит, что его ограбили, но владелец магазина хранил молчание. Уверенный, что угроза расчленить владельца принесла должный результат, Донахью пошел прямо и открыто к мебелированным комнатам, не пытаясь скрыть свой след, отправившись кружным маршрутом.

Вернувшись, он обнаружил Алату спящей в кровати. Растолкав ее, Урод показал ей содержимое шкатулки. Она не успела спросить, где Донахью добыл деньги. Смятение на улице привлекло их внимание. Урод взглянул из окна и увидел большую группу вооруженных людей, идущих к их кварталу. Вел их владелец лавки, которую он ограбил.

— Рет побери! — в ярости закричал Донахью. — Сукин сын! Я предупреждал его ничего не говорить!

— Это человек, у которого ты украл деньги? — спросила Алата.

Рыжебородый кивнул.

— Нам надо уходить отсюда и быстро. Их слишком много даже для меня. — Донахью взял шкатулку и направился к двери.

— Оставь деньги, Торир, — приказала ему Алата.

— Оставить их? Ты с ума сошла?

— Нам они будут не нужны, если мы пустимся в бег. А если ты оставишь их, это может нас спасти. Подумай, ведь ты можешь стать беглецом, за которым будут охотиться день и ночь.

Мгновение Рыжебородый нерешительно смотрел на шкатулку, потом поставил ее на кровать. Схватив Алату за руку, он открыл дверь и прошел в соседний зал.

— Где-то тут должен быть черный ход, — сказал он. — Давай попробуем им воспользоваться.

Донахью быстро нашел его, и за несколько минут они оказались за пределами города. Они шли весь день и часть ночи, прежде чем Рыжебородый решил, что они в безопасности. Потом он позволил себе и Алате отдохнуть, разбив лагерь на маленькой полянке.

— Известие об этом событии дойдет и до Крастона, ты знаешь, — объявила Алата, садясь и прислонившись к стволу древнего клена.

— Рет поberi! Ты думаешь, Крастону станут сообщать о каждом воре, который появился где-то за сотню миль?

— Да, если он похож на Рыжего Торира Донахью.

— Откуда Крастон узнает, что это был я? — усмехнулся Рыжебородый.

— Если бы ты сбрил бороду, у тебя бы появился шанс остаться неузнанным, — ответила Алата, поправив упавший локон, — но пока ты выглядишь вот так, считай внешний вид своей слабостью; ты ведь в своем роде уникален. Достаточно неповторим, чтобы известие о тебе достигло Эндрю.

— Так что же с того? — пожал он плечами. — Пройдут недели, прежде чем он узнает об этом.

— Возможно, — согласилась она, — но ты знаменитый Человек. Ты, Торир, — самый великий убийца из Уродов Гарета Кола. Все Люди знают тебя. Я могу поспорить, что все мужчины, женщины и дети в Кингстоне уже знают, что это был ты.

— Это вина проклятого хозяина магазина! Если бы он только держал рот закрытым...

— Если бы ты не ограбил его, ему бы не о чем было говорить.

— Нам нужны деньги, — сказал Донахью. — Ты сама приказала мне пойти и достать их.

— Я сказала, чтобы ты пошел и заработал их, — возразила женщина. — В этом большая разница.

— Для тебя, — огрызнулся Рыжебородый, закрывая тему. — Отчего же ты так уверена, что они знают, кто я? Вчера никто не узнал меня.

— Вчера ты не грабил лавку и не угрожал никого убить, — сказала она. — Теперь горожане сложат два и два. Они узнали в тебе известное чудовище-урода, когда ты стал действовать соответствующим образом.

— Я — не Урод! — фыркнул Донахью. — И не забывай об этом!

— Не веди себя как урод, — сказала она, — и я буду лучше помнить об этом.

Донахью раздраженно выругался, потом снова попытался изменить тему.

— Куда дальше?

— В самом деле я не знаю, — сказала Алата. — Думаю, весь союз Нормалов скоро узнает о нас. Нам лучше спрятаться, пока мы не сможем безопасно вернуться в Ступицу.

— Я — Барон! — фыркнул Донахью. — И я не стану прятаться в нору, словно дикое живот-

ное, ожидая, пока Крастон забудет о нас. Мы попробуем пойти в другой город.

— Подозреваю, что во всех близлежащих городах тебя ждут, — заметила женщина.

— Мы войдем в город ночью.

— Они найдут тебя утром. С другой стороны, чего хорошего в городах? В диких лесах прятаться намного проще.

— Но там мы не сможем пожениться, — возразил Рыжебородый. — А свадьба, если это выскользнуло у тебя из головы, — причина, по которой я оставил тебя в живых. Так какой же город есть поблизости?

— Я не помню ни одного достаточно мелкого, — ответила Алата, — но уверена, что мы не так далеко от Провиденса.

— Мы отправимся туда с утра пораньше, — решил Донахью.

— Если ты настаиваешь, — сказала Алата со вздохом. — Но я думаю, ты делаешь ошибку.

— Увидим, — уверенно сказал Донахью.

Глава 21

Эндрю Крастон сидел один в своей темной комнате в тишине. Раздался стук в дверь.

— Джошуа? — спросил он.

Дверь открылась.

— Да, господин.

— Он здесь?

— Да, — ответил Джошуа.

— Крепко связан?

— Да.

— Сколько он сидит в тюрьме?

— Два дня, господин.

— Теперь я знаю, что делать, — вздохнул Крастон. — Приведи его.

Третий человек вошел в комнату. Он уставился во тьму, пытаясь разглядеть Крастона, но безуспешно. Это был огромный, лысый и чисто выбритый мужчина. На нем ничего не было, кроме штанов, поддерживаемых веревкой, сотканной из сорняков и травы. Двое слуг держали цепи, прикрепленные к его рукам, стоя за спиной у гиганта.

— Мне сказали, что тебя поймали на нашей стороне реки, — сказал Крастон, выждав значительную паузу. Ответа не последовало, и Крастон продолжал: — Я добавлю, что для ответа недостаточно кивнуть или покачать головой, если ты несогласен. Боюсь, тебе придется отвечать вслух. Я совершенно слеп.

Тишина.

— Мне кажется, я задал вопрос, пленник, — сказал Крастон.

— Ты знаешь ответ, — раздался печальный голос. — Поэтому мне не нужно отвечать.

— Все правильно, — согласился слепой Барон. — Теперь я стану задавать вопросы, ответы на которые не знаю. Как твое имя?

— Тармен.

— Это имя или фамилия? Как оно звучит полностью?

— Ты знаешь еще кого-нибудь, кого звали бы Тарменом? — спросил пленник.

— Нет.

— Тогда моего ответа вполне достаточно.

— Мне кажется, я теряю ведущую роль в этом разговоре, — удивляясь, усмехнулся Крастон. — Что ты делал на нашей стороне реки?

— Высматривал кое-что.
— Кое-что или *кое-кого*? — быстро спросил Крастон.
— Если бы имел в виду кое-кого, я бы так и сказал, — ответил Тармен.
— Верю, что так и было бы, — сказал слепой Барон. — Не в моих привычках высокомерно относиться к заключенным, но я не терплю подобного к себе отношения. Мы можем продолжить разговор, когда тебя станут пытаться, если ты так хочешь.
— Пытки меня не волнуют, — печально сказал Тармен.
— Ты можешь изменить свое мнение, после того как они начнутся. У нас опытные палачи.
— Сомневаюсь. Я совершенно не чувствую боли.
— Ах, — сказал Крастон, откинувшись назад на спинку кресла. — Какие еще маленькие тайны я узнаю о тебе?
— Ничего из того, что ты смог бы с легкостью использовать.
— Джошуа, — позвал Крастон. — Ткни его мечом. Не так, чтобы убить, но достаточно, чтобы заставить вздрогнуть. — Барон подождал в полной тишине. — Ты ткнул?
— Да, господин, — ответил Джошуа.
— И какая была реакция?
— Никакой, господин.
— Ладно, — согласился слепой Барон. — Кажется, ты говоришь правду.
— У меня нет причин лгать, — сказал Тармен, — так как мои утверждения можно тут же проверить.
— Естественно, — согласился Крастон. — Так что же ты высматривал, когда тебя поймали?

— Я не волен говорить.
— Не могу представить, как мы сможем пытать тебя? — сказал Крастон.
— Я тоже не представляю, — кивнул Тармен.
— Когда последний раз ты что-то ел или пил?
— В прошлом месяце, — ответил Тармен еще более печально.
— Я уверен, что мы не можем морить тебя голодом, чтобы ты сказал нам то, что хочешь держать в секрете, ведь так? — риторически спросил Крастон.
— Я очень сомневаюсь в этом, — ответил Тармен.
— Как чувствует себя Гарет? — спросил Крастон, не найдя сказать ничего лучшего.
— Не очень хорошо. Несколько недель назад он простыл и теперь болеет.
— Умрет ли он от этого?
— Нет.
— Я нахожу наш разговор бесплодным и бесполезным, Тармен. Ты этого не чувствуешь?
— Мне все равно.
— Думаю, тебя эта беседа все же заинтересует, — сказал Крастон. — Если я решу, что ты не представляешь ценности, я, возможно, позволю тебя убить.
— Любое другое действие было бы совершенно нелогично, — угрюмо согласился Тармен.
— А мысль о смерти не расшевелит тебя?
— Нет. Мне очень интересно, каковы будут ощущения, когда сознание покинет мое тело.
— Это случается каждый раз, когда ты засыпаешь, — сказал Крастон. — Или ты даже не спишь?
— Нет, я никогда не сплю.

— Ты никогда не спишь, ничего не ешь, ты не чувствуешь боли. Разве ты не конечный результат программы Гарета Кола?

— Нет. Хотя он никогда не говорил мне об этом, я уверен, что я — его неудача.

— И это не вызывает у тебя желания покончить с собой?

— А почему должно вызывать? Ошибка колдовства, а не моя. Разве ты не чувствуешь себя ошибкой Природы, потому что слеп?

— Забавная точка зрения, — сказал Крастон. — Расскажи, Джошуа, как ты поймал нашего друга?

— Он неподвижно стоял, когда мы набросились на него, и не делал попыток удрать от нас, когда мы заковывали его в цепи, — ответил Джошуа.

— Насколько ты силен, Тармен? — спросил Крастон. — Ты можешь разорвать цепи?

— Не совсем, — признался Тармен. — Я уже пытался.

— Ладно. Кажется, совершенно очевидно, что ты хотел, чтобы тебя поймали... или Гарет хотел, чтобы мы поймали тебя. Не уверен, что ты захочешь сказать мне, почему?

— Я никогда не был в городе Норманов. Мне стало любопытно, и я позволил, чтобы меня привели сюда.

— Боюсь, тебе надо придумать ответ получше, чем этот, — сказал Крастон.

— Боюсь, что другого ответа нет, — уныло ответил Тармен.

— Скажи мне, Тармен... ты меня видишь? — спросил слепой Барон.

— Нет.

— Это расстраивает тебя?

— Немного, — ответил Тармен. — Мне хотелось бы видеть своего инквизитора.

— Как бы тебе понравилось провести остаток жизни в темноте, без пищи, без воды и без компании?

— Не думаю, чтобы мне это понравилось.

— А это как раз то, что я собираюсь сделать с тобой, если ты не станешь с большей готовностью отвечать на мои вопросы.

— Может быть, может быть, — печально сказал Тармен.

Крастон почувствовал, как его характер начинает проступать сквозь холодную маску, которую он надел для встречи с незнакомцем. Барон глубоко вздохнул, задержал вздох, закрыв глаза, и попытался очистить разум, потом, когда это ему удалось, наклонился вперед.

— Мы попробуем снова, — объявил он двум тюремщикам, находящимся в комнате. — Почему ты, Урод, оказался на этой стороне реки? Зачем ты удрал из Метро?

— Что такое Метро? — вежливо поинтересовался Тармен.

— Туннели, черт возьми! — взвыл Крастон. — Зачем ты покинул их?

— Я же сказал: высматривал кое-что.

— И что же?

— Мне запрещено говорить это Норманам, — спокойно сказал Тармен.

— Запрещено? Кем?

— Гаретом, конечно. Кто еще может запретить мне говорить, если я хочу?

— Правда, — сказал Крастон. — Почему Гарет не хочет, чтобы я узнал, что ты высматривал?

— Я не волен говорить.

— Ага! — воскликнул слепой Барон. — Но это означает, что Гарет или знает то, что ты видишь, или может тебе доверять. С другой стороны, он ведь может не узнать о том, что ты скажешь мне, не так ли?

— Твои рассуждения совершенно логичны, — согласился Тармен. — Одно из них, фактически, совершенно верное.

— Я вычислил, что он послал тебя, — сказал Крастон. — Кажется слишком ненормальным, чтобы ты оставил Метро по собственной инициативе, — продолжал Барон, одновременно барабанив пальцами по ручке своего деревянного кресла. — Гарет послал тебя, это совершенно ясно. Но что он хотел высмотреть?

— Боюсь, этого я вам не скажу, — заметил Тармен.

— Но ты *не сможешь* помешать мне воспользоваться дедуктивным методом, не так ли? — спросил Крастон с холодной улыбкой. — Кол не использует ничего, кроме своего разума, Тармен. Кроме него, Колдуна больше ничего не интересует. Более того, я прибавлю, что ты выглядишь очень похожим на одну тварь, которую я знал... на Донахью.

— Это не так, — сказал Тармен. — Я скажу тебе, я высматривал...

— Я знаю, что ты скажешь мне! — фыркнул Крастон. — И я тоже знаю, что ты высматривал. А когда ты не смог найти Рыжебородого, ты пришел сюда или, скорее, позволил, чтобы тебя забрали сюда, чтобы узнать, не тут ли Донахью... И у меня нет сомнений в том, что Гарет Кол сейчас слышит наш разговор... Он знает, что Донахью тут нет... Ты высматривал Рыжебородого, не так ли?

— Да, — согласился Тармен.

— Значит, ты можешь разорвать эти цепи, когда пожелаешь?

— Точно, — сказал Тармен, напрягая свои огромные мускулы. Цепи затрещали и, лопнув, упали на пол.

— Теперь, когда ты выполнил свое задание, ты должен убить меня и, выйдя отсюда, вернуться в Метро.

— Я верю, что вы оценили ситуацию совершенно верно, — сказал Тармен, направляясь к Барону.

— Джошуа! — завопил Крастон. — Закрой дверь!

Чуть позже он услышал, как хлопнула дверь, и тогда, поднявшись со стула, обнажил меч.

— Ты не можешь видеть в темноте, — сказал Барон, передразнивая Урода. — Конечно, и я не могу, но я двадцать лет прожил в темноте. Я знаю, где ты, Тармен. Я слышу твое дыхание, я чувствую пот твоего тела. Ты — мертвец. Дверь этой комнаты не откроется снова до тех пор, пока ты не вздохнешь в последний раз. Подумай об этом, Урод, ожидая удара, который свалит тебя.

Барон говорил с определенной целью. Он надеялся, что Тармен двинется на него, пока его слова заглушают движение Урода. Неожиданно Барон замолчал. По слуху слепец определил местоположение Урода. Крастон стал медленно приближаться, держа меч высоко над головой. Потом, решив, что находится в пределах досягаемости, он со всей силы обрушил меч на голову Урода. Тармен рухнул, как скала.

— Джошуа!

Дверь открылась, и вошел Джошуа, держа факел в руке.

— Урод мертв, Барон. Его череп разрублен надвое.

— Конечно, он мертв, — раздраженно сказал Крастон. — Точно, как запланировал Кол.

— Боюсь, что не соглашусь с вами, господин, — удивленно сказал Джошуа.

— В сложившейся ситуации есть что-то очень неправильное, — заметил слепой Барон. — Я знаю что, но не знаю почему.

— В самом деле не понимаю, о чем вы говорите, господин, — признался Джошуа.

— Джошуа, я обычно всегда соглашался с тем, что у тебя больше мозгов, чем у Джеральда. Теперь я удивляюсь, — Джошуа внимательно посмотрел на Барона. Не слыша ответа, Крастон терпеливо продолжал: — Тебе, Джошуа, приходило в голову, что Гарету Колу не нужен Тармен, чтобы отыскать в Ступице Донахью, что он может сделать это быстрее с помощью огненных птиц?

— Должен признать, что это так, господин.

— Теперь рассуди, кого... или что, если тебе так больше нравится... *он посылает к нам* — существо, лишенное эмоций, которое ничего не чувствует. Оно не испытывает чувства голода, жажды, не чувствует боли. Это тебе что-нибудь говорит?

— Ничего, — сказал Джошуа, — кроме того, что он послал Урода, которого нельзя пытаться, чтобы выведать секретную информацию.

— Превосходно. Он посылает нам жертвенного агнца — Урода, чей единственный долг сказать то, что он сказал, а потом быть убитым. На какой-то миг, я даже подумал, что моя жизнь и в самом деле в опасности.

— Вы снова запутали меня, господин, — сказал Джошуа, еще больше сбитый с толку.

— Ты точно все сказал, Джошуа... Гарет послал человека, которого нельзя пытаться, чтобы добыть секретную информацию.

— Но мы-то добыли ее, — запротестовал Джошуа.

— *Я добыл*, — поправил Крастон. — Но я ее узнал не у Тармена. Или, по крайней мере, не напрямую. Никто не может заставить Гарета или его слуг сказать что-то, чего они говорить не хотят. Звучит парадоксально, с тех пор как известно, что силы гнусного колдуна имеют свои границы.

— Вы хотите сказать, что Гарет не посылал Тармена высматривать Донахью?

— Конечно, нет! Гарет послал его сюда для того, чтобы мы *думали*, что Донахью поблизости.

— Разве нет?

— Нет. Кол пытается обмануть нас, заставить ждать Урода на границах Ступицы, в то время как Донахью где-то в другом месте готовится...

— Готовится к чему? — спросил Джошуа.

— Не знаю. Но это должно быть очень важно для Гарета Кола, раз он прикладывает такие силы, чтобы заставить нас не искать Донахью.

— Тогда какой наш следующий шаг?

— Не уверен, что нам следует предпринять, — сказал слепой Барон. — Мы отнесем труп Урода назад и оставим его у реки, прикрепив к нему письмо. Так мы бы поступили, если бы план Гарета сработал, а я не хочу разочаровывать колдуна. Потом мы попытаемся вычислить, где может находиться Донахью и, что более важно, чем он собирается заняться.

— А что еще мы станем делать, господин?
— Все. Я не удивлюсь, если и сам Донахью знает о происходящем не больше нашего, — сказал Барон, наполовину обращаясь сам к себе.

Глава 22

Провиденс война обошла стороной. Или, скорее, ни одна из бомб не попала в город. Радиация, однако, оказалась смертоносной для населения, и, до того как город стал снова обитаемым, столетием позже, бóльшая часть его коммунальных удобств была разрушена. Оставшиеся в рабочем состоянии отказали к тому времени, как новые обитатели сообразили, зачем те нужны.

Теперь город выглядел живым анахронизмом — лабиринтом из стали, кирпича и бетона, где жили Люди, не понимавшие разницы между различными районами и в еще меньшей степени сознающие, чем Провиденс был раньше. Сразу после войны на руинах расположилось двадцать фермерских хозяйств. Все городское население, за исключением какой-нибудь сотни пришлых, было потомками тех двадцати семей. Число жителей росло медленно, и сейчас в городе обитало всего две тысячи Людей. Если бы население сильно возросло, то часть Людей могла пожелать превратить в столицу механических сокровищ давно умершую метрополию, ведь не появилось еще зерна, которое росло бы на бетоне, и местным жителям все время приходилось возвращаться на поля. Они жили в городе ночью, а днем работали в полях, за городом. Крастон знал о том, как обстоят дела в Провиденсе, Так же как и другие Бароны, он не мог объяснить, почему те не раз-

виваются на манер Ступицы. Объяснения его были чисто академическими, а существование города и его нынешнее состояние являлись неопровержимыми фактами.

Множество кварталов, древних и осыпавшихся, полностью опустели. Другими пользовались время от времени. Ранние поселенцы, очевидно, не знали письменности, потому большинство библиотек пустовало. Их содержимое было сожжено в печках в первую же зиму. Там, где были выбиты окна, помещения тоже пустовали. Люди постепенно переселились в те здания, которые лучше сохранились.

Уличное освещение, некогда полностью автоматизированное, включающееся с наступлением темноты, давно не работало, и Донахью с Алатой смогли невидимками пройти по центральным проспектам города. Рыжебородый, болезненно чувствовавший себя на открытом пространстве, быстро пришел в себя. Его шаги разносились эхом, но не было вокруг никого, кто обратил бы на них внимание, хоть и прошло много времени, прежде чем он и Алата нашли маленькую квартиру, соответствовавшую вкусам Донахью. Стены осыпались, окна были выбитыми, лестницы обвалились. Урод был уверен, что никто не станет высматривать их тут, когда есть много мест и лучше.

Беглецы спали, пока не взошло солнце, и никто не побеспокоил их. Потом Донахью попросил Алату оставаться тут, пока он ищет Человека, обладающего необходимой властью сделать его преемником Повича, так же как Дрейка.

Город, хоть и частично заселенный, днем пустовал. Бóльшая часть населения отправилась на работу в поля. Помня о том, что случилось в

Кингстоне, Донахью решил ограбить квартиру, а не лавку. Потом, с пачкой денег за поясом, он продолжил поиски.

Два часа он бродил по пустынным улицам Провиденса, высматривая какие-нибудь признаки жизни. Один раз ему показалось, что он слышит детский крик, но ему не удалось проследить источник звуков, и вскоре он оставил все попытки. К тому времени как солнце поднялось в зенит, он почувствовал голод и залез в другую квартиру. Там он обнаружил кусок мяса, подвешенный на крюк в ванне, и стал прикидывать сколько времени прошло с тех пор, как он ел в последний раз что-то, кроме фруктов и растений. Он исследовал мясо, понюхал его, решил, что оно не такое уж тухлое, и кинжалом отрезал большой кусок. Потом он завернул мясо в маленькую занавеску, решив отнести его Алате. Донахью несколько раз в жизни ел сырое мясо и съел бы снова, если бы того потребовали обстоятельства, но предпочитал этого не делать. Как-нибудь он и Алата сумеют развести огонь, так чтобы его не заметили, и с этой мыслью, крепко засевшей у него в голове, он покинул здание, планируя немедленно вернуться в квартиру, где оставил свою спутницу.

Он прошел почти три квартала, прежде чем понял, что окончательно заблудился.

Донахью внимательно осмотрелся. Несколько улиц, выглядевших заброшенными, старомодные, давно потухшие вывески, и тут Рыжебородый с тошнотворным ощущением в желудке понял, что не найдет той улицы, где оставил Алату. Номера зданий были для него бессмыслицей. Донахью не знал их назначения, хотя помнил, что то здание, где осталась Алата, имело четырехзначный номер.

Донахью посмотрел на небо. Был полдень, но Рыжебородый ничуть не приблизился к своей цели. Сколько времени он бродил, как быстро шел, откуда появился — все это были вопросы, на которые он ответить не мог.

Рыжебородый попытался вспомнить, откуда он пришел... Он-то сам оставался в безопасности или, по крайней мере, был в этом уверен. Только прячась в самых разрушенных районах города на ночь, он мог остаться необнаруженным, и, если бы он не крал пищу в одном районе города подряд дважды, могли пройти недели, даже месяцы, прежде чем горожане узнали бы, что у них нежелательный гость.

Но с Алатой вышла другая история. У нее не было причин ждать Рыжебородого, ведь агенты Крастона скорее всего не известили горожан о том, что ее нужно убить. И даже если она захочет ждать его возвращения, она осталась без пищи и, возможно, без воды. Он найдет Алату до наступления ночи. Ведь вечером она непременно отправится на поиски пищи.

Разум Рыжебородого продолжал работать медленно, ненормально, выискивая решение проблемы. Первый раз в жизни Донахью обнаружил, что боится чего-то иного, а не Гарета Кола. Рыжебородый хотел бы стать таким, как Крастон или Страмм, уверенный, что у каждой проблемы есть простое решение, которое любой из Баронов немедленно увидел бы.

Но Донахью не был Страмом или Крастоном. Страмм умер, а Крастон охотился за ним, используя все, что имелось в распоряжении у Барона Ступицы. Но он-то был Рыжим Ториром Донахью, и ему не нужны были никакие Нормалы, чтобы водить его за ручку, показывая дорогу к

Алате. Выругавшись, он снова заставил себя задуматься.

Он мог месяцами бродить по городу, так и не обнаружив нужной квартиры. Это-то было совершенно ясно. И даже если Рыжебородый через несколько дней обнаружит ее, нет уверенности, что Алата окажется там. Более того, искать квартиру бесполезно.

Ну тогда что же делать дальше? Алата несомненно оставит здание, отправившись на поиски пищи. Куда она пойдет? Донахью сплюнул на землю. Как, Рет побери, он мог узнать, куда она пойдет, если он не знал, откуда она выйдет? Единственное, в чем он был уверен: она попытается избегать центра города и попытается украсть пищу из какой-нибудь ближайшей квартиры, в то время как...

Минутку! Все тело Рыжебородого напряглось, когда новая догадка вспыхнула в его голове. Алата выйдет, только когда фермеры вернутся домой. Значит, она будет прятаться в здании, пока не стемнеет. Но тогда все квартиры, где есть пища, будут полны людей. Она не сможет безнаказанно проникнуть ни в одну из них, как он сделал днем. Значит, ей останется только повернуть назад... она попытается избежать всех населенных квартир и попробует ограбить лавку!

Какую лавку? Донахью не знал, но он не видел ни одной лавки за все утро. Более того, он мог утверждать, что поблизости от их квартиры нет ни одной.

— Если бы я умирал от истощения, то смог найти что поесть только в продуктовой лавке. Так где же я стану искать эту лавку? — сказал он вслух. — В центре города, где, как я выяснил, ведутся все дела!

Следующий вопрос был очевиден: где точно находится центр города? Донахью не представлял, как это узнать, но снова попытался поставить себя на место Алаты. Никогда не бывая в Провиденсе раньше, она тоже не знала города. Как сумеет она определить то место, где находится лавка? Донахью огляделся. Определенно он находился в жилом районе. Откуда он это знал? Алата тоже сможет сориентироваться только одним способом: по виду зданий. «Да», — сказал себе Донахью с нарастающим чувством волнения от собственной догадки. Самые большие здания и есть сердце города.

Донахью начал поиск древних небоскребов немедленно. Не из любопытства, а потому что не был уверен в разумности своих решений и их стоило проверить, и еще потому что его определенно заметили бы, останься он стоять там, где стоял. Деловой район пустынного города имел бесчисленное число тайных убежищ, более того, если Рыжебородый остался бы посреди улицы, то он мог натолкнуться на возвращающегося фермера.

Через час Донахью подошел к нескольким огромным зданиям, а еще через полчаса спрятался в аллее, откуда открывался вид на большой перекресток, где находилась пара продуктовых лавок.

Вскоре солнце склонилось к западу. Незадолго перед этим несколько фермеров прошло мимо убежища Донахью, направляясь домой после тяжелой дневной работы. Потом стало темно, и улицы снова опустели.

Донахью, чтобы убить время, стал считать про себя. Когда он дошел до десяти тысяч, то решил, что ошибся в расчетах и надо уйти поискать более

укромное местечко, чтобы провести ночь. Потом он услышал шаги.

Они были неторопливыми и неуверенными. Когда же Алата поняла, что вокруг нет никого, кто мог бы увидеть ее, шаги стали быстрыми. Через мгновение женщина выскользнула из тени, и Донахью шагнул вперед, чтобы встретить ее.

— Торир, — воскликнула она, потрясенная его неожиданным появлением. — Я была уверена, что они схватили тебя.

— Не схватили. Никто не знает, где мы.

— Где же ты был? Почему ты не вернулся? Я прождала тебя весь день.

— У меня были на то причины, — ответил он грубовато, не желая выглядеть дураком в ее глазах. — Я достал пищу. Пойдем.

— Тогда все в порядке, — улыбнулась Алата. — Но я должна признать, что не знаю, как вернуться назад в ту квартиру.

— Это не важно. Мы станем менять место каждую ночь, пока не решим покинуть этот город. Нормалы слишком глупы, чтобы понять это. Когда они обнаружат одну из наших квартир, они будут ждать нас там, пока чудище Рета не свистнет на горе.

— Ты высмотрел Человека, которого искал? — спросила она, после того как они молча прошли несколько кварталов.

— Нет, но я его найду. У меня теперь есть деньги.

— Как ты достал их? — спросила она его.

— Взял, — вот все, что ответил Рыжебородый.

Еще три дня они бродили по руинам, покидая убежища в полдень. Рыжебородый пытался подкрасться к кому-нибудь из Нормалов, чтобы под-

слушать их разговоры и узнать, догадались ли они о его присутствии, или нет, но те, казалось, никогда не покидали свои дома после наступления темноты, а Донахью не смел появиться перед ними в дневном свете.

Потом, на четвертый вечер, когда он возвращался в центр города, чтобы стащить еще немного пищи, он натолкнулся на человека, заворачивающего за угол. Парень упал на землю, потом встал и упрекнул Рыжебородого в небрежности, а потом от неожиданности открыл рот.

— Мой Бог! — завопил он. — Это — Донахью! — Он повернулся и побежал по улице, изо всех сил выкрикивая имя Рыжебородого.

Урод подумал было отправиться за испуганным крестьянином и утихомирить его, потом решил, что непоправимое уже свершилось, и бегом отправился к Алате. Он добрался до нее через полчаса и рассказал ей о случившемся, едва переводя дыхание, а потом вернулся назад на улицу посмотреть, не последовал ли кто-то за ним. Улица оказалась пуста, и Рыжебородый поднялся назад в свою комнату.

— Теперь они станут выслеживать нас, Торир, — сказала Алата. — Они знают, кто ты, и я уверена, Крастон предложил большую награду за твою голову.

— Подумаешь, — сказал он. — Провиденс — большой город. Они не знают, где искать.

— Да, — ответила она. — Они уберут из квартир всю пищу, сложат ее в одном месте. Они вынудят нас прийти за ней и будут ждать нас. Они не станут искать нас, Торир.

— На это потребуются дни, может быть, недели, — сказал Рыжебородый. — Не беспокойся об этих крестьянах.

— Я о них и не беспокоюсь, — сказала она равнодушно. — Они хотят убить меня так же сильно, как тебя. Я уверена, что Эндрю всем сказал, что я стала твой подстилкой. Одного этого достаточно. Думаю, за мою голову назначено вознаграждение, так же как и за твою. Не забудь, что каждый из нас представляет Баронство.

— В день когда я забуду это, тебе нужно будет придумать что-нибудь еще, чтобы спасти свою шкуру, — сказал Рыжебородый. Он подошел к окну и выглянул во тьму. — Ничего не видно.

— Ты думаешь, они могли проследить за тобой? — быстро спросила Алата.

— Возможно, — согласился Донахью. — Бегущий человек на пустой улице может вызвать много шума.

— Тогда нам лучше уйти как можно скорее.

— Для этого нет причины. Если крестьяне знают, где я, они с ходу ничего не предпримут. Даже если они слышали обо мне, вполне вероятно, что они потеряли мой след в паре миль отсюда.

— Я так не думаю, — возразила Алата.

— О чем ты говоришь?

— Думаю, нам надо бежать как можно скорее.

— Ты сошла с ума.

— Пожалуйста, Торир.

— Пусть, во имя Рета, так и будет, если ты успокоишься! — пробормотал он, открывая дверь.

Они не успели отойти и на квартал, когда услышали шаги, эхом отдающие по гулкой мостовой.

— Ну, будь я проклят! — прошептал Рыжебородый. Он направился на запад, потом увидел

маленькую группу Людей впереди и повернул на север. Снова Донахью увидел группу приближающихся вооруженных крестьян.

Он повернул назад в сторону дома, который беглецы только что покинули, но первая группа преследователей уже миновала его.

— Пора, — прошептал он Алате, протягивая ей кинжал и доставая дубинку.

Очевидно, преследователи видели его, хотя и не ускоряли шаг. Донахью на мгновение возгордился тем, что его репутация заставляла их действовать неохотно, но через мгновение это чувство растаяло, потому что Рыжебородый увидел: противников слишком много.

Крестьяне приближались к Донахью с трех сторон, и осталась только одна улица, куда он мог бежать. Преследователи сокращали дистанцию, и Рыжебородому приходилось двигаться все быстрее.

— Торир! — позвала Алата где-то у него за спиной.

— Где ты, Рет поberi? — воскликнул Донахью. — Я думал, ты рядом со мной.

— Я пробежалась вперед, посмотреть, почему они гонят нас по этой улице, — быстро сказала женщина. — Они пытаются загнать нас в тупик.

— Что?

— На улицу, которая заканчивается стеной, — объяснила она. — Ты не должен дать им сделать это.

— Я слушаю твои предложения, — сказал он, отступая.

— Попробуй напасть на группу, которая справа от тебя, — предложила Алата. — Атакуй их.

— Какая-нибудь объяснимая причина для этого есть? — спросил Донахью, внимательно посмотрев на отряд справа.

— Они выглядят слабее остальных, — объяснила Алата.

— Но их больше, — запротестовал Донахью.

— В любом случае, попробуй, — не отступала Баронесса.

Больше для разговоров времени не осталось. Донахью, почувствовав приближение смерти, немедленно повернул направо и оказался лицом к лицу с Норманами. В отряде было человек семь. Пять дрогнуло и побежало, когда Рыжебородый выскочил из темноты, яростно потрясая дубинкой. Двое оставшихся быстро пали под его ударами. Тогда беглецы помчались по улице к окраинам города. Оставшиеся Нормалы устремились в погоню, но отчаянье прибавило Донахью и Алате сил, если не скорости, и через несколько минут они в полной безопасности покинули Провиденс, безумными зигзагами промчались через поля и леса за древним городом.

— Хорошая догадка, — просопел Донахью, переходя на шаг и пытаясь восстановить дыхание.

— Удачная, — кивнула Алата.

— Дважды ты принесла мне удачу. Я думаю, мне надо, чтобы ты была рядом, не важно, жежнюсь я на тебе или нет.

— Не делай мне никаких одолжений, — холодно ответила Баронесса.

Три недели спустя они дотащились до развалин Хартфорда, который был почти полностью разрушен во время войны. Тут людей не было. Местные жители мало общались с другими городами и аванпостами Нормалов и с радостью встретили Донахью с Алатой.

На следующий день беглецы поженились, и Рыжий Торир Донахью, хоть это и мало чего давало ему, прибавил еще одно Баронство к своей коллекции.

Глава 23

— Сношаются словно кролики! Это — отвратительно!

— Если это так сильно беспокоит тебя, Джон, почему бы тебе не перестать следить за ним?

— Кто-то должен не спускать с него глаз, Гарет. Ты же знаешь, что он только что решил не возвращаться в Ступицу до следующей весны.

— Да, я знаю. Это хорошо. Крастон очень хитрый молодой человек. Я не хочу, чтобы ему удалось сложить вместе два и два.

— Ты и в самом деле думаешь, что Донахью не сумеет причинить тебе никакого вреда?

— Никто из Людей и Уродов не сможет причинить мне вред, Джон.

— Но Крастон может стать помехой твоим планам.

— Возможно. Вот почему я хочу быть уверенным, что варвар на некоторое время останется в Хартфорде.

Глава 24

Они пробыли в Хартфорде меньше двух недель, когда их спокойная жизнь была прервана.

Донахью и Алата жили под одной крышей и делили одну постель. Ни он, ни она не

сознавались, что в их супружестве есть нечто, кроме политического альянса, порожденного необходимостью и, возможно, обреченного закончиться в позоре. Такое положение дел спасало обоих от реальности. Так они и жили.

Алата научилась управлять Донахью и, отдавая ему свое тело, делала его более послушным. С другой стороны, Донахью с недовольством допускал, что Страмм теперь не единственный Нормал, который ему нравится.

С Рыжебородым произошли и другие изменения. Он не собирался разрабатывать планы возвращения в Ступицу и захвата власти, потому что было бы глупо появиться там в роли захватчика. Донахью смирился с фактом, что он — Нормал, и быстро обнаружил, что плащ Нормальности очень хорошо соответствует его потребностям. Гарет Кол убивал Нормалов; в то же время любой из Баронов-Нормалов (на самом деле только один) сохранение расы Людей считал своим наипервейшим долгом, фактически священной обязанностью. Следующий раз, когда Донахью атакует Туннели, он не возьмет с собой всего лишь четыре сотни солдат. Он отправится в царство Гарета во главе десятитысячной армии. Приятная мысль. Нормалам это принесет пользу.

Первые одиннадцать дней, которые Донахью и Алата провели как муж и жена, если и оказались совсем не тем, о чем грезили молодожены, то по меньшей мере прошли приятно. Все случилось на двенадцатый день. Он начался так же приятно, как другие, и все шло хорошо, до тех пор пока Донахью не услышал разговоры в толпе, собравшейся в центре древнего города. Услышав голоса, он поднялся с крова-

ти, быстро оделся и вышел посмотреть, в чем дело.

— ...только появился, а потом исчез! — истерически кричал один горожанин. — Только я метнулся к нему, он исчез!

— Думаю, что Джесон слишком долго пробыл на солнце, — засмеялся другой. — Люди не появляются из воздуха и не исчезают.

— Говорю вам, я видел его! — завопил Джесон.

— На что он был похож? — спросил Донахью, плечом пробивая себе дорогу в собравшейся толпе.

— Здоровый, как ты; может быть, на дюйм или два ниже, — сказал Джесон, немножко успокоившись. — Чуть изящнее. Он неожиданно возник передо мной, появился прямо передо мной! Прямо из воздуха! Я знаю, это звучит безумно, но...

— Какого цвета были его волосы? — спросил Рыжебородый, пытаясь не выдать голосом свои страхи.

— Волосы? Волосы? — Джесон закрыл глаза, пытаясь мысленно воссоздать картину. — Теперь вспомнил! Не было у него никаких волос. Он был совершенно лысым. Мне кажется, что у него даже бровей не было.

— Фантастика! — усмехнулся один из зрителей. — Джесон, я думаю, ты слишком много выпил.

— Или, может быть, от беготни за бабами у тебя голова пошла кругом! — засмеялся другой.

Они остались смеяться, в то время как Рыжебородый вернулся к Алате, которая следом за ним вышла на улицу и теперь стояла в задних рядах толпы.

— Это один из них, не так ли? — натянуто спросила она.

Донахью кивнул.

— Раал.

— Что это значит?

— Это значит, что мы в пределах досягаемости Гарета Кола, — мрачно сказал он.

— Может, колдун просто проверял, не тут ли ты находишься?

— Гарету не нужен никто, чтобы узнать, где я, — возразил Донахью. — Нет. Раал проводил разведку территории, и совсем не для Гарета. Готовится нападение.

— Но я думала, ты говорил, что Гарет сам никогда не нападал на города Нормалов.

— Никогда. Это в первый раз.

— Но почему? — спросила она. — Почему сейчас?

— Есть только одна причина, которая мне приходит в голову, — сказал Донахью, неожиданно обрадовавшись. — Пока я не знаю, в чем тайна колдуна, но я подберусь поближе к ней! Гарет сейчас испуган. Он боится того, что я могу сделать.

— Ты уверен? — с сомнением спросила Алата.

— Конечно! Почему же еще он явился за мной? Он находился слишком далеко, чтобы убить меня, и не стал бы делать этого, если бы я не подобрался к его тайне. Вот так! Он боится меня! После того как он двадцать поколений изображал Бога, он испугался меня! Меня!

— Тогда почему он просто не убил тебя? — спросила Алата, до сих пор оставаясь скептически настроенной. — Зачем нападать на город?

— Я не знаю. Может быть, Гарет Кол не хочет пока убивать меня. Может быть, я так

близко подобрался к чему-то, что колдун не смеет убить меня сам! Или, может быть, Страмм и Дрейк правы: может, существуют реальные границы того, что могут делать его создания. Рет побори! Кого это волнует? Важно то, что я слишком опасен, чтобы остаться в живых, и мы должны смыться, до того как Уроды придут сюда.

Но только эти слова сорвались с его губ, появились Уроды — летающая, скользкая, ползущая, крадущаяся армия; Уроды, вооруженные копьями, стрелами и, что самое опасное, не вооруженные ничем.

Нормалов застигли врасплох, но они смело сражались, не прося и не давая пощады. Донахью затолкнул Алату в ближайший дверной проем, потом вытащил дубинку и прыгнул в середину свалки, осыпая дробящими кости ударами всех Уродов, оказавшихся в поле его досягаемости. Джубал очутился у него на пути, а потом у Джубала стало уже не три головы, а меньше. Джереми, ослепленный солнечными лучами, даже не заметил удара, который убил его. Раал вовремя исчез, избежав дубинки Рыжебородого, которая расплющила бы его череп.

Через мгновение Донахью оказался перед Джоном. Златовласый юноша сидел на земле, скрестив ноги, его глаза были закрыты, его мысли витали в ином мире. Донахью поднял дубинку высоко в воздух, но не смог обрушить ее на своего бывшего лейтенанта. Проклиная себя за мягкость, он с ревом ярости врезался в гущу битвы.

Большинство Нормалов умерли или умирали. Несколько еще доблестно сопротивлялись, хотя было очевидно, что они проиграют. Рыжеборо-

дый почувствовал, как копьё пронзило его лодыжку; почувствовал, как что-то острое прошло через слой плоти и мускулов, а потом потерял равновесие и тяжело рухнул на землю. Он чувствовал, как кровь хлещет из раны в ногу. Потом тяжелый сапог какого-то Урода ударил ему в висок, и больше Донахью ничего не чувствовал.

Глава 25

— Прекрати бубнить, — сказал Крастон, — повтори все снова и медленно.

— Хорошо, — сказал Джесон, — после того... как эта тварь без волос исчезла, прошло не больше пятнадцати минут, и на нас навалилась вся проклятая свора. Они были ужасны, Барон Крастон, так ужасны!

— Знаю, знаю! — фыркнул Крастон. — Продолжай.

— Нас превзошли числом. В городе нас было немногим больше тысячи, включая женщин, — Джесон тяжело вздохнул и разгорячился, вспоминая резню. Он на несколько секунд прервал рассказ, успокаиваясь. Его глаза привыкли к тусклому свету жилища Крастона, но он удивлялся тому, как Барон Рислер мог писать что-то за столом в другом конце комнаты. — В любом случае, мы сражались, как могли, и, думаю, предъявили им большой счет, но Уродов оказалось слишком много.

— Сколько, говоришь, вы убили? — спросил Рислер, выглядывая из-за своих бумаг.

— Что-нибудь между тремя и четырьмя сотнями, — ответил Джесон. — Но когда все закончи-

лось, только девятнадцать Нормалов осталось в живых, и трое из нас были ранены.

— А что случилось с женщинами и детьми? — спросил Рислер.

— Большинство из них погибло. Несколько... очень немногие... остались целыми и невредимыми.

— И ты пришел просить помощи?

— Да, Барон. Медицинской помощи. Видите ли, у нас было только два доктора, и оба из них...

— Но почему ты пришел в Ступицу? — перебил Крастон. — Есть много других городов, расположенных ближе к вам. Что привело тебя сюда?

— Другие мужчины отправились в те города, что ближе, — ответил Джесон, — но я подумал, что вы тоже захотите нам помочь, так как одна из выживших Баронесса Дрейк.

— Алата в Хартфорде? — воскликнул Крастон, неожиданно напрягшись и насторожившись. — Ты уверен, что это — Алата Дрейк?

— Да, — сказал Джесон. — Хотя она снова вышла замуж.

— За человека с рыжей бородой?

— Да. За Торира Донахью. Думаю, что так его и зовут.

— Он был убит во время сражения? — спросил Барон.

— Нет, господин, — ответил Джесон. — Насколько я помню, он получил несколько ран и не может ходить, но он жив.

— Ладно. Джошуа покажет тебе комнату, а мы подумаем над твоей просьбой.

Как только Джесон ушел, Крастон вскочил и стал беспокойно ходить взад-вперед.

— Ну, и что мы станем делать? — спросил Рислер.

— Не знаю, — ответил слепой Барон. — Слишком много кусков и кусочков, тяжело собрать их вместе.

— Кажется, мне это сделать проще, — предположил Рислер. — Кол пытался убить Донахью и не сумел.

— Чепуха! — равнодушно фыркнул Крастон. — Уроды сумели бы убить Рыжебородого, если бы захотели. Раз он был искалечен, то любой из Уродов мог направить смертоносный удар.

— Тогда как ты объяснишь этот рейд?

— Я не могу... должна быть, однако, какая-то причина. Есть много вещей, которые нельзя понять. Например, почему армия Кола напала на город Нормалов?

— Потому что там жил Донахью, — ответил Рислер.

— Это только часть ответа, — сказал Крастон. — Если бы Донахью был тем, чего они хотели, они могли бы легко убить его или взять в плен. Нет, им нужно было нечто иное.

— Может быть, Кол наконец решил выступить против Людей? — спросил Рислер.

— Возможно, — ответил Крастон. — Но почему Хартфорд? Это — коммуна фермеров, где едва ли наберется тысяча жителей. Фермеры не враги. Хартфорд не имеет стратегической ценности, и он даже не вел с нами торговли. Если бы я был Гаретом Колом и решил бы начать военную кампанию, думаю, Хартфорд был бы наименее желательной целью. Нет, Джеральд, относительно этого городка можно сказать только одно, что, возможно, он привлек Кола лишь потому, что там жил Донахью. Однако битва произошла, Уроды

выиграли, а Донахью остался жив и до сих пор в Хартфорде.

— Это ни о чем не говорит! — проворчал Рислер, в раздражении вскинув руки. — Существует слишком много вещей, о которых мы ничего не знаем!

— Тогда давай посмотрим, что мы знаем, — сказал Крастон, снова садясь. — Мы знаем, нападение произошло лишь потому, что Донахью был там. Мы знаем, что Уроды, очевидно, получили приказ не убивать Рыжебородого. Мы знаем, что Кол не говорил о том, чтобы не убивать еще кого-то.

— Это все, что мы знаем, — грустно подытожил Рислер.

— И это печально, будь оно проклято! — закричал Крастон неожиданно. — Здесь что-то есть, какой-то секрет, который я не могу разгадать. Гарет Кол никогда ничего не делает просто так. Каковы теперь, черт возьми, его мотивы? Что он собирается делать дальше? — Крастон застонал и ударил кулаком себя по бедру. — Я чувствую себя точно так же, как в тот миг когда я проснулся, после того как Кол ослепил меня. Я, помню, искал туфли. Знал, что они где-то рядом и их легко можно достать, и, однако, не мог их найти. Чем дольше я искал, тем неуловимее они становились. Должно быть, я около часа ощупью шарил в адской темноте, прежде чем мои руки коснулись их. И даже тогда я не мог разглядеть их пряжек, — он сделал паузу. — Черт побери! Причина, должно быть, лежит на виду, а я не могу найти ее!

— Может, лучше подождать следующего хода Гарета Кола, — предложил Рислер.

— Как можем мы подготовиться к следующему ходу, если не знаем, в чем тут дело? — фыркнул Крастон. — Мы должны разгадать замыслы колдуна и ударить с флангов.

— Не понимаю тебя, — сказал Рислер.

— Это очевидно, как дважды два. Кроме всего прочего, Кол, без сомнения, попытается заставить Донахью вернуться сюда и подчинить себе другие Баронства.

— Я не знаю, как ты можешь сделать такой вывод из простого факта, что он оставил Донахью в живых.

— Не могу, — согласился Крастон. — Но я могу сделать такой вывод из того, что он оставил в живых Алату.

Глава 26

Прошло три месяца, прежде чем Донахью смог ходить без посторонней помощи, и еще два, прежде чем его хромота полностью исчезла. Внешне он казался раздраженным из-за того, что его передвижения вначале были ограничены кроватью, а позже комнатой. Но на самом деле он обнаружил, что почти наслаждается, — ведь в таком состоянии он ничего не мог предпринять. Донахью пребывал в столь умиротворенном состоянии, что когда Алата испуганно сообщила ему, что беременна, Рыжебородый смог сдержать гнев, охвативший его при мысли, что ему придется заботиться о совершенно беспомощной женщине. Он стал с нетерпением ожидать рождения ребенка. Донахью часто пил и сыпал проклятия на что попало, однако с подачи Алаты прочел пару книг, прежде чем умственное напряжение не вынудило

его забросить оставшуюся кипу книг в пыльный угол.

Почти каждый вечер супруги сидели у огня и разговаривали, и, если не считать нескольких исключений, их разговоры всегда были об одном и том же. Тот особенный вечер ничем не отличался от остальных.

— Вернемся к этому снова, Торир, — сказала Алата, вычерчивая бессмысленные геометрические фигуры на бумаге.

— Когда мы прошли почти полмили по Голландскому туннелю, — повторил он, словно по памяти читал заученный наизусть текст, — перед нами появился Раал.

— Точно так же он сделал перед тем, как они атаковали город?

— Я говорил тебе это тысячу раз! — проворчал он. — Раал появился, посмотрел, потом исчез. Больше ничего не происходило минуту или две, а потом одно из чудовищ Гарета прыгнуло на меня. После этого за несколько секунд весь проклятый Туннель наполнился ими.

— И ты уверен, что Раал появился не для того, чтобы оценить силу твоей армии, вернуться и доложить Гарету?

— Конечно нет! Гарет не стал бы никого посылать, чтобы узнать, сколько у меня воинов и что мы делаем. Он послал Раала, чтобы испугать Нормалов, и, если не считать Страмма, я думаю, это сработало.

— Тогда вернемся назад к самому трудному вопросу, — вздохнула Алата. Один вечер за другим пыталась она проставить точки над «i», разбирая ошибки неудавшегося похода, уверенная, что где-то тут скрыт ответ. — Почему вы смогли убивать чудовищ?

— Мы были сильны.

— Глупый ответ, Торир, — устало возразила Алата. — В конечном счете вы оказались разбиты.

— Я не знаю! — фыркнул Рыжебородый. — Может, Гарет просто играл с нами.

— Нет. Знаю, это — логичный ответ, но нет. Была какая-то веская причина.

— Уж не думаешь ли ты, что я знаю, какая? — требовательно спросил Урод. — Я пытаюсь найти ответ полгода!

— Извини, Торир, — сказала она. — Я не хотела расстроить тебя. Только... — ее голос смолк. Алата опустила глаза и стала разглядывать стол, стоящий перед ней.

— Я тоже извиняюсь, — медленно сказал он, — но раз мы не сумели разгадать загадку за последние сто вечеров, не думаю, что следующие сто принесут какой-то результат, — он замолчал. — Рет побери! Это сведет меня с ума! Я могу причинить ему вред... я знаю, что могу! Я уже делал это дважды и до сих пор не понимаю, почему и как! Может быть, я прав... а может, это — прямая дорога в ад!

— Когда ты был ребенком, рос в Туннелях, — сказала Алата, садясь прямо, — кто-то еще вызывал Гарета на бой так, как делал ты? Он чувствует боль?

— Боль он чувствует, — сказал Донахью. — Как-то я пытался посмеяться над ним. Он оказался тут как тут, словно Бог, со своей проклятой колдовской силой, но тогда ему потребовались все его силы, чтобы сохранить жизнь в своем крошечном теле. Он кашлял, то ли простудившись, то ли подцепив какую-то болезнь. Но найти того, кто бросил бы ему вызов... забудь об этом. Все Уроды на его стороне.

— Может, есть недовольные?

— Никого, насколько мне известно. Я уверен, Гарет заботится об этом. Иногда кто-то из Уродов исчезает. Я никогда не знал, что происходит, а все эти проклятые колдовские твари никогда не обращают на это внимание, так что я предполагаю, Гарет говорил им то, что хотел, чтоб они знали... по возможности правду... и ничего после этого не происходило.

— Тогда, быть может, он фаталист? — упорствовала Алата.

— Возможно. Но на Гарета это не похоже.

— Ты причинял вред кому-нибудь из его существ, пока жил в Туннелях?

— Нет. Первый раз мне это удалось во время последнего вторжения, когда я метнул дубинку в огненную птицу, и та не исчезла вовремя. А потом во время битвы...

— А раньше ты пытался причинить вред огненным птицам?

— Сотни раз. Когда я был ребенком, я сделал рогатку, чтобы стрелять в них.

— Но ты никогда не попадал в них?

— Да, — признался Донахью. — Никогда. Или они исчезали, или камни не попадали в них.

— Спасибо, Торир, — поблагодарила Алата. — Что ты сделал *по-другому* в тот раз, когда причинил вред птице? Что из того, что не делал раньше?

— Ничего! Нет, будь она проклята! — Донахью шлепнул кулаком по столу. — Я ничего особенного не делал. Я вышел из воды и отправил Уродов Гарета стрелять в Норманов... Норманов... а после того как мы победили, я увидел огненную птицу и швырнул в нее дубинку.

— Что ты делал в воде?

— Ты, черт возьми, отлично знаешь, что я там делал! Я поджег суда и возвращался вплавь.

— Может, это вода? — высказала предположение Алата, понимая, что не сможет удержаться, чтобы не схватиться за соломинку.

— Я взял дубинку у трупа, после того как вылез из воды, — сказал он. — С другой стороны, когда мы сражались в Туннелях, воды там не было.

— Что было и в Туннелях и на берегу, где ты подбил камнем огненную птицу?

— Ничего! — взревел Рыжебородый. Вскочив, он начал ходить туда-сюда по комнате. — Один раз я был с Нормалами, другой раз с Уродами. Один раз я использовал дубинку мертвеца, другой раз придушил тварь собственными руками. Один раз я был на берегу, другой раз под землей. Один раз огненная птица пыталась помочь мне, другой раз чудовище пыталось убить меня. Один раз Гарет был в нескольких милях, другой раз в нескольких сотнях ярдов. Только, будь оно проклято, общее в обоих случаях то, что после и того и другого случая я виделся с Гаретом, и он говорил, что узнает обо всем, что только я не придумаю... — Донахью зашелся в отвратительном бормотании. — Может быть, он и знает...

— А ты уверен, что он говорил тебе только это? — настаивала Алата. — Он вот так сказал и ушел?

— Нет. Конечно, нет, — раздраженно ответил Донахью. — Но в чем же тут суть?

— Почему он оба раза говорил с тобой? — размышляла Алата. — Почему не убил тебя и не собирается делать это?

— Я не знаю. Он сказал, я нужен ему.

— Зачем ты можешь быть нужен колдуну? — быстро пробормотала Алата. — Мне ка-

жется, на прошлой неделе ты говорил мне, что он сказал, будто вы нужны друг другу.

— Да, — ответил Рыжебородый. — В чем, Рет побери, разница? Гарету никогда никто не нужен. Может быть, он говорил это лишь затем, чтобы я почувствовал свою значимость или чтобы держался от него подальше.

— Нет. Он имел в виду именно то, что сказал. Иначе ты бы давным-давно умер.

— Тогда почему он сохраняет жизнь Нормалу? — спросил Донахью. — Даже если я вырос в Туннелях, я — Нормал, точно так же как ты, Крастон и остальные. У меня нет никаких колдовских сил... ты знаешь это, я знаю это, и он знает. Что Гарету Колу может быть нужно от меня?

— Если мы сможем это разгадать, мы узнаем, как победить его? — сказала Алата.

— Мы сделаем это так или иначе! — фыркнул Рыжебородый. Его глаза вспыхнули словно угли. — Помогите мне, и тогда я убью его голыми руками! — Ненависть душила его. Наконец поток непристойностей хлынул с его губ, и Донахью выскочил во тьму ночи.

Алата знала, что этим все и закончится. Рано или поздно любой разговор о Гарете Коле заканчивался точно так же. Было много способов смягчить характер Донахью, пока он выздоравливал, но любой продолжительный разговор о Коле и его уничтожении в конечном счете выводил Рыжебородого из себя, вызывал те самые приступы ярости, от которых Донахью пытался избавиться.

Рыжебородый не возвращался до полудня следующего дня, а явившись, в который раз небрежно заявил, что они должны оставить Хартфорд.

— Мы, черт возьми, забрались слишком далеко, — сказал он. — Пора двигаться, подобраться поближе.

— Поближе? Поближе к чему?

— К Гарету. Мы не сможем причинить ему никакого вреда, сидя здесь, в этом городе, наполненном духами, и говоря о том, как убить его. Мы пойдем туда, где сможем что-то предпринять.

— Но почему сейчас? — спросила она. — Почему сегодня?

— Я думаю, моя нога уже достаточно зажила, — ответил он. — А если мы будем ждать дольше, твоя беременность не позволит тебе путешествовать.

— Куда ты собираешься отправиться?

— В Водяную Ягоду или, может быть, в Новые Небеса, — ответил Донахью. — Немного ближе к Гарету и немного ближе к Крастону.

— Почему тебя беспокоит Эндрю? — спросила она.

— Меня не беспокоит, но я чувствую, что если в Хартфорде нас не узнали, то не узнают ни в Водяной Ягоде, ни в Новых Небесах.

Алата не смогла достойно возразить и подчинилась неизбежному, запаковав вещи в сумку из ткани, и через час парочка ушла по давно заброшенной дороге на юг. Они шли медленно, потому что его нога не так уж хорошо зажила, как посчитал Донахью, но к концу второго дня преодолели больше чем половину расстояния. Потом, когда наступили сумерки, супруги вооружились грубыми луками и отправились поохотиться. Донахью хотел поймать кролика, но промахнулся, выстрелив в первого из двух, которых он спугнул. Наполненный отвращением к самому себе из-за промаха, он поднял маленький камень

и швырнул в дерево, стоящее в отдалении. Неожиданно раздалось хлопанье крыльев и из листьев вылетел большой ястреб. Рыжебородый медленно наложил стрелу на тетиву, выстрелил. Стрела глубоко вошла в грудь птицы, и с последним криком агонии ястреб упал на землю.

Алата застыла, глядя на мертвую птицу. Неожиданно она повернулась к Донахью.

— Торир, ты можешь идти в Новые Небеса, если хочешь, или мы можем вернуться назад в Хартфорд. Я предпочитаю Новые Небеса. Наверное, там есть доктор... Но на самом деле не имеет значения...

— Что ты хочешь этим сказать? — проворчал Донахью, подбирая ястреба и возвращаясь к ней.

— Ты можешь охотиться где угодно. Теперь он не остановится ни перед чем, чтобы убить тебя и меня.

— Кто?

— Кол. Видишь ли, я знаю, в чем слабость Гарета Кола!

Глава 27

— Она знает, Гарет.

— Не удивительно, Джон. Рано или поздно Алата должна была это вычислить.

— Она расскажет Рыжебородому. Ты не хочешь остановить ее?

— Зачем? Они не в силах ничего предпринять.

— Но они могут получить помощь.

— Крастон? Он убьет их, как только увидит.

— Правильно... Но мне все это не нравится, Гарет.

— Не беспокойся об этом, Джон. Пусть Донахью поиграет и не думает о более важном.

Глава 28

— Все так просто! — воскликнула Алата. — Разгадка лежала на виду, а мы никогда не замечали ее!

— Объясни! — приказал Рыжебородый. — Так в чем же дело?

— Это так просто! — повторила она. — Мы пытались открыть кувшин не с того конца!

— Ты перестанешь ходить вокруг да около и скажешь мне, что ты имеешь в виду? — прорычал Донахью, с яростью швырнув мертвого ястреба на землю.

— Послушай, Торир, — сказала Алата. — Мы знаем, что ты смог ранить колдуна... или по меньшей мере его существ... дважды. Но мы не могли вычислить, что ты делал такого особенного...

— Ты поняла, в чем дело? — воскликнул он.

— Ты-то сам ничего такого не делал, — ответила Алата. — Вот то, что я имела в виду, когда сказала, что мы подходили к проблеме не с той стороны.

— О чем ты говоришь?

— Ты-то ничего особенного не делал... а вот Гарет делал!

— Гарет? — повторил озадаченный Донахью. — Что же он сделал?

— Подумай, — сказала Алата. — Когда ты впервые швырнул камень в птицу в день напа-

дения Нормалов, ты сказал, что птица исчезла. Однако часом позже ты швырнул дубину и едва не убил ее. Почему? Что изменилось за этот час?

— Я не знаю. И что же изменилось?

— Торир, как ты зажег огонь на этих судах? — спросила она его. — Если ты прорубал свой путь к кораблям, то у тебя не было времени зажигать огонь.

— Я этого и не делал, — согласился Рыжебородый.

— Тогда как ты умудрился добыть огонь?

— Мне дала его одна из огненных птиц.

— Вот и — ответ! — с триумфом заявила Алата.

— Не понимаю.

— Когда ты метнул камень в огненную птицу в первый раз, эта птица была единственной тварью, которую контролировал Гарет.

— И во второй раз, когда я ударил ее, она была единственной, — запротестовал Рыжебородый.

— Птица-то была единственной, — согласилась Алата, — но она подожгла восемь кораблей! — Донахью молча смотрел на жену. — Не понял? Когда Гарет контролировал лишь одну огненную птицу, та была непобедима... но когда он управлял огненной птицей плюс огнем, пожирающим корабли Нормалов, он не смог защищаться и управлять всем одновременно. А поддерживать огонь было намного важнее и...

— ...он оставил птицу без охраны! Вот оно что! — завопил Рыжебородый. — Так и есть! Это все объясняет. Вот почему мы смогли убить дюжину чудовищ в пещерах, но не смогли победить примитивную тварь, уничтожившую нас!

— Так и есть, Торир, — сказала Алата, как-то успокоившись. — И таким образом Гарет Кол может быть побежден... надо напасть на него со всех сторон, так чтобы он не смог сразу за всем уследить!

— Я не знаю, — засомневался Рыжебородый. — Он может создать простое существо вместо дюжины разных, и...

— Это не сработает, Торир. Не забывай: твоя армия была мала числом и сосредоточена в одном месте. Напади ты на него с двенадцатью тысячами человек, проникни в Метро с разных сторон, и ни одно чудовище не сможет остановить тебя. Колу понадобятся сотни чудовищ, а чем больше он их создаст, тем уязвимее они будут. Посмотри, может ли воин Нормалов, пусть даже замечательный, в одиночку победить тебя в битве?

— Нет!

— Но что, если два посредственных воина навалятся на тебя с разных сторон? Сможешь ли ты защититься от них?

— Нет, если стремительно не брошусь на одного из них, — высказал предположение Донахью.

— А если ты полностью окружен? Даже обрушившись на одного из врагов, ты выиграешь?

— Нет. Моей единственной надеждой будет пробиться через их строй.

— И Гарет не мог этого сделать! В тот момент, когда чудовища смешаются с нами, он окажется беззащитным. Мы должны так занять его, чтобы он не смог защитить себя со всех сторон.

— Думаю, мы сможем это устроить.

— Я знаю.

— Как ты вычислила все это? — спросил он у Алаты.

— Не знаю. Я только увидела ястреба, отвесно падающего на землю, точно так, как, по твоим словам, падала огненная птица, и неожиданно мне все стало ясно.

— Но я не представляю, каким образом можно собрать такую армию Нормалов.

— Мы начнем с того, что уговорим Эндрю и Джеральда, — предложила Алата.

— Не слишком хорошее начало, — проворчал Донахью.

— Когда мы скажем им, что открыли способ, как уничтожить Гарета Кола, я думаю, они, по крайней мере, соизволят выслушать.

— А когда мы расскажем им, как это сделать, они убьют нас, — добавил Донахью.

— Нет, если ты оставишь свои притязания на Баронство.

— Владения Дрейка — мои! — проревел Донахью. — Я выиграл их, и я сохраню их за собой!

— Что важнее для тебя: стать Бароном или победить Гарета Кола?

Мгновение Донахью сердито смотрел на Алату, потом пожал плечами.

— Все правильно. Скажи Крастону, что он может забрать эти проклятые замки.

— Хорошо, — ответила Алата. — Теперь мы лучше пойдем в город и пошлем послание, пока есть время.

— Еще одно, — сказал Рыжебородый, снова поднимая ястреба.

— Да?

— Они согласятся, чтобы я был тем, кто убьет Гарета? Пусть они отправят всех Уродов жариться в печи Рета, но колдуна я убью сам.

Глава 29

Супруги не смогли послать письмо немедленно. Они были бы рады связаться с Баронами или добраться до Новых Небес, но поврежденная нога Рыжебородого, которая на вид казалась так здоровой, не была готова к таким испытаниям. Рана открылась, в нее попала инфекция, ногу раздуло вдвое, и все, что Алата могла делать, — сохранять мужу жизнь. Почти две недели у Донахью была лихорадка, он бредил. Почти двенадцать недель прошло, прежде чем супруги смогли продолжать путешествие.

Последние несколько недель выдались для них особенно тяжелыми, потому что из-за беременности Алата уже не могла далеко ходить и подолгу охотиться, так что жили они, питаясь лишь фруктами и корнями тех растений, что могли собрать. Вскоре фрукты стали попадаться все реже, и в один прекрасный день супругам пришлось отведавать кору деревьев. Наконец Донахью заявил, что готов идти дальше. Из-за беременности Алаты и его ноги, остальное путешествие заняло почти две недели, но наконец они прибыли в Новые Небеса, откуда немедленно отправили письмо Крастону и Рислеру.

Снова Рыжебородый радовался, предвкушая победу над Гаретом Колом. Как спутник Баронессы, он получил в городке все необходимое. Дни стали для него длинными и полными удовольствий, ночи мирными и иногда страстными. Он прочитал еще одну книгу, в этот раз без принуждения со стороны Алаты, и несколько дней соорудил колыбель для своего сына. (Он никогда не думал о том, что Алата могла родить ему дочь. «Это будет сын, высокий, худой, сильный, и, воз-

можно, — с грустью думал Донахью, — более умный и цивилизованный, чем я».)

Донахью начертил схемы всей системы Метро, изменяя их время от времени, так как вспоминал все больше входов и выходов, больше соединительных Туннелей. Он планировал движение каждого отряда своей армии, то, как он мог бы координировать и вести битву так, чтобы Кол не сумел эффективно защищаться, и все время, все время представлял себе, как после долгой борьбы, наполненной тщетными попытками, он сожмет в руках шею светловолосого Урода.

Да, это были прекрасные дни — дни, когда Донахью ничего не делал, только планировал будущее, ожидая ответа Крастона и рождения своего сына.

Глава 30

— Ну, Джеральд, что ты станешь теперь делать? — спросил Крастон, после того как Рислер прочитал письмо.

— Почерк Алаты, в этом нет сомнения, — таков был его ответ.

— Конечно, — равнодушно сказал Крастон. — И это означает, что они в Новых Небесах. В Хартфорде почти не осталось жителей. А в Новых Небесах не подозревают о том, что мы ищем Алату и Донахью.

— Тогда я не понимаю твоего вопроса, — сказал Рислер.

— Я хочу узнать, что ты об этом думаешь? Ты считаешь это ловушкой?

— Может быть, — сказал Рислер, — но сомневаюсь. Ведь они сказали нам, как их найти.

Если мы не поверим их письму, мы можем прихватить с собой армию.

— Я считаю точно так же. Конечно, остается какая-то вероятность, что все это — уловка, чтобы заставить нас поступить так, как они хотят, а тем временем Донахью проберется в Ступицу и захватит все Баронства, но я сомневаюсь, что он способен собрать достаточно воинов, чтобы устроить такое. К тому же он знает, что мы не оставим наши владения полностью беззащитными. Нет, думаю, мы можем с полной уверенностью считать, что это не ловушка. И тогда перед нами встает другой вопрос: на самом ли деле Донахью знает, как уничтожить Кола?

— Я склонен думать, что нет, — сказал Рислер, маленькими глотками потягивая вино из кубка. — Рыжебородый думал, что может победить колдуна, когда отправился туда с Элстоном и Алданом, и помнишь, что случилось.

— Возможно, Донахью понял, где допустил ошибку, — мягко сказал Крастон.

— Не согласен, — возразил Рислер. — Если он на самом деле знает, как уничтожить Гарета Кола, почему уже не сделал этого сам?

— Очевидно, он нуждается в помощи и, кажется, думает, что сможет победить с нашей помощью.

— Что заставляет его так думать?

— Та маленькая жертва, которую он приносит, — сказал Крастон. — Он должен быть совершенно уверен, что прав, раз добровольно пишет, что оставит претензии на Баронство, если мы поможем ему.

— Думаю, это — бессмыслица, — твердо сказал Рислер. — Если мы в самом деле сбросим Кола, Донахью поведет против нас армию Уродов и попытается захватить Ступицу.

Крастон грубо рассмеялся.

— Ты в самом деле думаешь, что мы сможем приблизиться к Колу, пока хоть один Урод будет жив? Нет, Джеральд, если мы убьем Кола, то не будет никакой армии Уродов, которую смог бы возглавить Донахью.

— Тогда что он выигрывает? — требовательно спросил Рислер. — Ради чего он так поступает?

— Разве тебе не приходило на ум, что Рыжебородый может говорить правду? — ответил Крастон. — Разве ты не можешь представить себе, что он в самом деле открыл способ уничтожить Гарета Кола и готов торговать обещанным Баронством ради достижения своей цели?

— Ты думаешь, письмо правда?

— Да, я так думаю. Как однажды сказал Элстон, утонченность Донахью не присуща... но я никогда не подозревал, что для решения проблемы понадобится кто-то вроде Алаты.

— Ты пытаешься сказать мне, что Донахью на самом деле узнал, как уничтожить Кола? — недоверчиво спросил Рислер.

— Да. И Донахью — единственный человек в мире, кто, возможно, сумеет это сделать.

— Почему ты так говоришь?

— Он написал нам письмо, в котором утверждает, что знает слабое место Гарета. Очевидно, он знает, что мы сделали все, что могли, пытаюсь понять, в чем слабость Кола, и точно так же очевидно, что Донахью совершенно уверен, что может победить. Более того, изъян Кола имеет такую природу, что только Донахью, благодаря своему опыту, может использовать его...

— Тогда ты даже не станешь пытаться?

— Зачем суетиться? — ответил Крастон. — Если ты дашь мне книгу, я буду знать, что это

книга, но моя слепота не позволит мне прочитать ее. Донахью и мы находимся точно в такой же ситуации. Мы знаем, что у него есть решение, но не можем по минутам проследить всю его жизнь. Наша слепота мешает нам понять, как было найдено решение. Только Донахью его знает, и он готов поделиться с нами.

— Ты думаешь, нам стоит поехать в Новые Небеса?

— Я так считаю, — сказал Крастон. — Письмо, черт возьми, слишком самоуверенное. Все правильно. У Донахью есть ответ, и он в этом уверен. Он знает, что мы можем убить его, зная, где он, и Рыжебородый рискует. Думаю, нам лучше согласиться, что наш друг-Урод поставил нас в затруднительное положение.

— Я слышал, теперь он называет себя Нормалом, — сказал Рислер. — Он официально женился на Алате. Это пугает меня, Эндрю. Даже если он сдержит слово, что остановит его, не даст наплодить дьявольское отродье и предложить одному из них завоевать для него Баронство?

— Мы побеспокоимся об адском отродье, как ты назвал его, когда приедем за этой парочкой, — сказал Крастон. — Первый шаг — узнать, как уничтожить Кола. — Рислер ничего не сказал, и Крастон, выждав благоразумную паузу, продолжил, нахмурившись: — Тебе не нравится мысль о том, что придется встретиться с ним, Джеральд?

— Искренне? Нет, — сказал Рислер. — Я согласен, что Донахью не пытается завести нас в западню, и я даже допускаю, что он верит, что нашел правильный ответ. Но если он в самом деле знает как уничтожить Кола, тогда...

— Я скажу тебе, — перебил Крастон. — Он не может сделать это один. Поэтому он нуждается в нашей помощи.

— Ты не дал мне закончить, — терпеливо сказал Рислер. — Я хотел сказать, что если он в самом деле знает, как уничтожить Кола, тогда Кол бы никогда не дал ему написать письмо. Если бы он представлял опасность для Кола, тогда колдун покончил бы с ним.

— Я никогда не думал об этом, — признался Крастон. — Конечно, Кол прикончил бы его, если не... если не! — Он подскочил, и все его тело распрямилось. Его слепые глаза уставились в пустоту.

— Эндрю! — воскликнул Рислер, бросившись к нему. — Эндрю, с тобой все в порядке?

— Со мной? — закричал Крастон. — Теперь все встало на свои места.

— Ты вычислил? — возбужденно спросил Рислер. — Ты знаешь то, что знает Донахью?

— Нет, — ответил Крастон, снизив голос до шепота. — *Я знаю то, о чем Донахью даже не догадывается!*

— Что же, Эндрю?

— Я все понял. Ты знаешь, почему Гарет Кол напал на Хартфорд?

— Чтобы убить Донахью.

— Ты ошибаешься, Джеральд, — прошептал Крастон. — Он сделал это, чтобы защитить его.

— Защитить его? — повторил Рислер. — От чего?

— От тебя и меня, Джеральд. Мы ведь собирались убить его, помнишь? О, Боже, теперь я понял!

— Понял что? — спросил Рислер, в замешательстве повысив голос.

— Не спрашивай меня, Джеральд, я не могу упоминать об этом. Я не могу даже думать об этом. Я не знаю как, но я должен скрыть то, что я знаю о Гарете Коле, до того как мы доберемся до Донахью.

— Что ты собираешься сделать с ним? Убить его? — спросил Рислер, неожиданно очень испугавшись, как бы Крастон не сошел с ума.

— Убить его? — Крастон истерически засмеялся. — Убить его? *Он и я — единственные два Человека, которые могут спасти то, что осталось от Людей на Земле!*

Глава 31

Таверна была переполнена, потому что Рыжий Торир Донахью ставил выпивку. Возможно, несколько человек в баре думали, что он начал праздновать немного преждевременно и что его место у дверей комнаты Алаты. Но крестьяне чувствовали, что нет мужа более беззаботливого и веселящегося, в то время как его жена в муках рождает. Если Рыжебородый и переживал за Алату, то это не мешало ему пить пиво.

На улице было холодно, очень холодно, и погода заставляла буйную компанию, собравшуюся в таверне, прижаться к огню так, словно тут был последний аванпост мира и только здесь Люди могли еще соперничать с озлобленной природой.

Сам Донахью ничуть не страдал. Он уже опустошил с полдюжины кружек пива и чувствовал себя в силах влить еще дюжину себе в глотку, прежде чем пойти посмотреть, кого родила Алата.

Женщины всегда рожали без особой суеты и спешки, и Донахью был уверен, что Алата окажется лучшей среди них.

Следующий час и следующий галлон пива пролетели быстро, а потом женщина средних лет, седая, очевидно опытная в этих делах, вошла в таверну. Донахью увидел ее и, раздвигая людей, бросился к ней через зал.

— Ну? — спросил он громким голосом так, что остальные пирующие затихли.

— Ты стал отцом, — улыбнулась она.

— Черт возьми, женщина! — проревел Донахью. — Я знаю, что я — отец! Кто родился?

— Сын.

— Сын! — победно закричал Рыжебородый. — Я так и знал! Сын! Всем снова поставить... я плачу.

Возникло стремительное движение в сторону стойки.

— Какой он? — нетерпеливо спросил Донахью.

— Он очень сильный и здоровый, — ответила повивальная бабка. — И выглядит он как вы, у него такие же рыжие волосы.

— О-о! — засмеялся один из пьющих. — Это плохо, Торир! Тебе придется в оба следить за этим ребенком!

— Ты хочешь, чтоб ребенок был без изюминки! — быстро ответил Рыжебородый. — Такой ребенок будет иметь мало внутреннего огня, я так скажу.

— Какое ты дашь ему имя? — спросил другой.

— Не знаю, — сказал Донахью. — Я еще не решил.

— Только не давай ему имени деда, — сказал третий. — Каждый раз когда я проклинаю мать жены, моя дочь поднимает крик!

— Об этом не нужно беспокоиться, — мягко ответил Донахью. — Я никогда не знал своих родителей.

— О, — взволнованно сказал тот мужчина. — Извиняюсь...

— Не нужно. Не думаю, что мои родители мне понравились бы. — Донахью вернулся к стойке. — Ну, — проревел он, — чего мы еще хотим? Выпивки!

Тишина исчезла так же быстро, как прежде возникла, и Донахью снова услышал смех и звуки товарищеских хлопков. Донахью выпил еще кружку пива, потом повернулся к повивальной бабке, стоявшей у входа.

— Подойди и выпей! — приказал он ей. — Ты заслужила!

— Ты не хочешь взглянуть на своего сына? — спросила она.

— А я могу? — спросил Рыжебородый, пытается скрыть свое желание. — Я не знал, что я смогу это сделать так скоро.

— Конечно можешь, — ответила старуха. — Ты — отец, разве нет?

— Поэтому он и хочет увидеть ребенка... убедится! — хохотнул один из пьющих.

Донахью почувствовал нарастающую ярость, потом понял, что это всего лишь шутка, и присоединился к смеющимся.

— Мне можно идти? — спросил он.

— Конечно, — ответила повивальная бабка. — Поэтому я и пришла сюда.

— Спасибо, — сказал Донахью. — Послушай, ты бы на время осталась здесь... Я хотел бы... ну...

— Я понимаю, — улыбнулась старуха. — Я вернусь через полчаса.

Рыжебородый поцеловал женщину в щеку, отвел ее к бару, усадил, а сам вышел в морозную ночь. Чем ближе он подходил к их дому, тем становился все более и более возбужденным. Сын... и тоже рыжий! Он никогда не думал, как много может значить для него сын. За последнее время Донахью научился держать себя в руках, но сейчас он был счастлив. Как долго он ждал этого момента! Казалось, раньше его жизнь не была такой полной...

А потом Донахью неожиданно все понял. Его едва не стошнило...

У него не оставалось времени думать и рассуждать. Рыжебородый пробежал остаток пути и ворвался в комнату. Алата, которая должна была лежать в кровати, встретила Донахью у дверей. Она смотрела на мужа, словно на пробудившегося к жизни дикого зверя.

— Ты собираешься убить малыша, не так ли? — закричала она, метнувшись через комнату и вцепившись ногтями в лицо Донахью.

— Убирайся! — фыркнул он, отшвырнув Алату взмахом руки. Он выхватил дубинку, быстро шагнул к крошечной колыбели, где лежал новорожденный, и обрушил дубинку на слабую голову младенца. Раздался жалобный вой, и потом искра жизни, так недавно вспыхнувшая, погасла навсегда.

Донахью повернулся к Алате. Та сидела на полу, прислонившись к стене, тупо глядя на кровь, которая начала капать из колыбели.

— Почему? — спросила она безжизненно ровным голосом. — Почему ты сделал это?

— Захотел. — Донахью дрожал так сильно, что ему пришлось подождать, пока дрожь

пройдет, прежде чем он снова заговорил. — Захотел, когда понял, почему Гарет Кол оставил меня в живых.

— Почему? — печально повторила Алата. Слезы, собиравшиеся в уголках глаз, хлынули по ее лицу, белому как мел.

— Разве ты не видишь? — заговорил Донахью странным голосом, полным муки. — Почему Гарет Кол оставил меня в живых? Он сильнее, чем я; он имеет силу, о которой Человек и мечтать не смеет. Что такое та единственная вещь, в которой он нуждался?

— Я не знаю, — проговорила Алата, загипно-тизировано глядя на капающую кровь.

— Мое семя! — воскликнул Рыжебородый. — Гарет Кол хотел, чтобы у меня был ребенок! Я могу называть себя Нормалом, пока Рет не покроется льдом, но я не Нормал! Мои родители были Уродами, и я ношу их кровь в своих венах. Я могу не иметь никаких колдовских сил, но я такой же Урод, как Гарет Кол!

— Ложь! — задохнулась Алата, вскочив на ноги и бросившись на мужа. — Ложь! Ложь!

— Это — правда! — сказал Донахью, разводя в стороны ее руки. — Это — правда! И это — единственная причина, по которой Гарет мог оставить меня в живых!

— Ложь! — кричала она. — Сколько женщин-Нормалов ты изнасиловал? Сколько сотен ублюдков ты наплодил? Почему ты убил моего ребенка?

— Потому что ты тоже Урод!

— Нет!

Он яростно встряхнул Алату, пытаясь сделать так, чтоб она поняла.

— Ты! Тебе нет места в обществе Нормалов, так же как мне нет места в Туннелях!

— Это неправда! — рыдала она. — У меня нет никаких колдовских сил! Ты убил моего малыша просто так!

— У тебя есть колдовские силы, — сказал Рыжебородый, понизив голос.

— Ложь!

— Откуда ты знала, что я собираюсь убить его? — потребовал он ответа.

— Я прочитала это на твоем лице, — всхлинула Алата.

— Как, во имя Рета, ты могла это сделать! Ты встала с постели и готова была защищать младенца еще до того, как я вошел в комнату!

— Так или иначе, ты сделал это! — воскликнула она. — Ты убил моего возлюбленного, моего отца и теперь убил моего сына!

— Послушай меня! — заорал Донахью на нее. — В тот день, когда мы бежали из Ступицы... Откуда ты знала, где могут быть люди Крастона? Или в тот раз, когда четыре воина Рислера поджидали нас на дороге. Что заставило тебя подумать, что они именно там? Вспомни наше спасение из Провиденса или то, как ты открыла слабость Гарета?

— Я не знаю! — рыдала она, повалившись на кровать. — Я не знаю!

— Зато я знаю. Назовем это вторым зрением, нюхом или как ты пожелаешь... но это колдовская сила, которую Нормалы не имеют. Ты — Урод. Ты так же уродлива, как Гарет и я!

— Но почему я? — пробормотала Алата. — Почему мой ребенок? Он был таким крошечным, розовым и беспомощным. Какую колдовскую

силу он мог иметь? Какой вред он мог причинить?

— Я не знаю, — заявил Рыжебородый. — И не думаю, что мы узнаем. Достаточно того, что он был нужен Гарету, нужен настолько, что колдун сохранял мне жизнь все эти годы.

Неожиданно Алата села. Ее глаза пылали ненавистью. Ее тело дрожало.

— Ты ошибся!

— Нет, я не ошибся, — мягко возразил Рыжебородый. — Подумай об этом, и ты поймешь, что все именно так.

— Если все, чего он хотел, — ребенок, тогда почему ты до сих пор жив? Почему он не убил тебя в тот день, когда мальчик был зачат?

— Я не знаю. Возможно, колдун дал мне жить, чтобы я защищал тебя, пока дитя не родится, или чтобы зачать другого, если ты не доносишь малыша. А может быть, Гарет Кол боялся, что ты вытравишь плод. Он ведь атаковал Хартфорд, чтобы быть уверенным, что мы не сможем вернуться в Ступицу, пока плод не созреет и не родится ребенок. Может быть, он знал, что Крастон узнает, где мы скрываемся. Все было очень тщательно спланировано. Кол сплел заговор, испоганив всю мою жизнь. Я вынужден был убить Дрейка и жениться на тебе. Вот почему...

— Ты строишь догадки! — закричала она. — Ты убил моего ребенка и теперь хватаешься за соломинку, чтобы себя оправдать! Убийца!

Алата стала бить и царапать его, и тогда...

Донахью не хотел причинить вреда Алате. Это было всего лишь рефлекторное действие, инстинктивная попытка остановить град ее ударов. Он хотел только оттолкнуть жену, а вместо

этого швырнул ее об стену. Ее голова ударилась о край тяжелой деревянной кровати, когда она упала.

Рыжебородый понял, что она мертва, еще до того как опустился на колени, чтобы убедиться в этом. В отличие от ребенка, тут не было крови, но тут не было и жизни.

Донахью знал, что скоро придет повивальная бабка, если новости уже не разнесли соседи. Снова он оказался вне закона. Теперь за ним станут охотиться и Уроды, и Нормалы, и ему придется бежать в леса и болота, избегая и Людей, и нелюдей. Рано или поздно одна сторона или другая поймает его, в этом Донахью был уверен, но инстинкт жизни был силен в нем, и он приготовился бежать, чтобы остаться в живых, если сможет.

Последний раз он взглянул на Алату, потом медленно наклонился и поцеловал ее так, как не делал никогда раньше, используя ее тело для удовлетворения своих желаний.

После, издав звук, средний между хрипом и рыданием, он убежал в морозную ночь.

Глава 32

— В чем дело? — требовательно спросил Крастон, потуже затягивая плащ на плече. — Почему мы остановились?

— Что-то там не так, — ответил Рислер. — Вокруг дома Донахью собралась большая толпа.

— Узнай, что случилось! — возбужденно приказал Крастон.

Рислер подозревал одного из горожан.

— Что случилось? — спросил он.

— Убийство! — воскликнул человек. — Донахью, должно быть, сошел с ума! Мы собираемся в погоню за ним!

— Кто погиб? — спросил Крастон.

— Его жена и сын. Боже, что за зрелище! Бедное дитя и полчаса не прожило!

— Вы уверены, что они мертвы? — настаивал слепой Барон.

— Уверен! — ответил горожанин. — У ребенка лепешка вместо головы! Мы заставим Донахью ответить за это! — и он убежал, смешавшись с толпой.

— Слишком поздно, — удрученно сказал Рислер.

— Наоборот, — возразил Крастон. — Донахью решил головоломку без моей помощи.

— Решил головоломку? — повторил Рислер, с ужасом глядя на своего спутника. — Ты собирался заставить Донахью убить их?

— Был только один путь спасти расу Людей, — ответил Крастон.

— Но почему?

— Потому что Гарету Колу нужен был ребенок, — медленно сказал Крастон. — Он хотел получить ребенка Донахью настолько, что уничтожил почти все население Хартфорда; хотел настолько, что не начинал войну с Нормалами без него.

— Откуда ты знаешь? — спросил Рислер, потрясенный жестокостью поступка Донахью и довольный тем, что слепота его спутника не дает тому видеть это.

— Как может быть иначе? — удивился Крастон. — Мы с самого начала знали, что Донахью не обладает колдовскими силами, и сознание этого притупило наши мысли. Мы забыли, что

он — Урод. А почему Кол может держать возле себя бессильного Урода... особенно того, кто постоянно пытается навредить ему? Только из-за его отпрысков.

— Но я знаю семь женщин-Нормалов, которые родили детей от Рыжебородого. Что заставляет тебя думать, что Алата была единственной женщиной, родившей ему того ребенка, которого хотел Кол?

— Но ведь Донахью понял это, — объяснил Крастон. — Ведь он жил с ней. Возможно, она сама была Уродкой от родителей-Нормалов, так же как сам Кол; возможно, Донахью разглядел в ней что-то еще, что убедило его, что она — женщина, которую выбрал ему Кол. По той или иной причине, Донахью понял это.

— Но ты же не знаешь, что Донахью разглядел в ней, — запротестовал Рислер. — Как ты можешь делать такие выводы?

— Письмо Донахью дало мне ключ, — ответил слепой Барон.

— Каким образом?

— Помнишь, я говорил тебе после резни в Хартфорде... что Кол не может убить Алату, потому что он хочет, чтобы она и Донахью вернулись назад в Ступицу и получили Баронство? Ну, когда Донахью отказался от прав на Баронство в том письме, я понял, что ошибся... Кол не собирается сражаться с Нормалами. А если так, то могла быть только одна причина, почему Алата пережила нападение на Хартфорд. Кол мог иметь сотню причин, чтобы сохранить жизнь Донахью, но была только одна причина сохранить жизнь Алате — она должна была родить ребенка.

— Понятно, — сказал Рислер, громко присвистнув. — Теперь все кончено, и, видимо, нет

никакого способа узнать, как можно уничтожить Кола?

— Да, — согласился Крастон. — Донахью — единственный Человек, который знает, как разгромить Кола, и у Кола нет больше причин оставлять Донахью в живых. Теперь он убьет Рыжебородого, до того как тот сможет навредить ему. Я уверен, что Донахью уже мертв.

— Тогда мы вернулись туда, откуда начинали.

— Не так, Джеральд, — сказал слепой Барон. — Мы можем не знать метода, каким Донахью собирался уничтожить Кола, но мы знаем, что Гарет Кол не собирался действовать, пока не родится ребенок. То, что нам нужно, так это высчитать, почему колдуну был нужен этот ребенок, до того как колдун повторит свой эксперимент. Поле битвы определено, — сказал Крастон в заключение, насмешливо улыбаясь. — Победить в таком сражении — самое интересное.

Глава 33

Донахью бежал.

Он не знал, сколько времени он бежал и где он сейчас очутился, но знал, что за ним будут гнаться. Рыжебородый собрал все силы, не думая о боли в ноге и немилосердной боли под ребрами, которая приходила с каждым вздохом. Его лицо стало полосатым от пота и слез, которые текли то ли от горя, то ли от ледяного ветра. Донахью не обращал на них внимания.

Наконец перед рассветом его нога подвернулась, старая рана открылась и пошла кровь. Рыжебородый упал на траву, хватая воздух трепе-

щущими легкими. Но скоро боль в ноге ушла, оставив лишь общее онемение.

Донахью собрался с силами, решив заставить себя встать через несколько минут, зная, что если пролежит дольше, то уснет, а если уснет, то никогда не проснется. Он осторожно вслушивался в топот преследователей, хотя не беспокоился о Людах, которые, как он знал, гнались за ним, охотились на него, как на безумное животное. Только Гарета боялся он, но не мог отличить шаги его слуг от поступи Людей.

Почему Гарет не приходит за ним? Ведь теперь, после того как Алата мертва, колдун не может использовать Донахью. Более того, Рыжебородый опасен, так как знает секрет чародея.

В конце концов у Донахью не осталось даже сил, чтобы думать. Может, он что-то сделал неправильно? Была ли Алата права, когда кричала, что он хватается за соломинку, пытаясь выдумать оправдание, после того как он совершил ужасное преступление? Был ли его сын тем, чем, как надеялся Донахью, он был, — чудовищем, перед которым даже Гарет Кол должен был склонить голову.

Нет, такого быть не могло! Донахью яростно потряс головой, пытаясь разогнать подступающий страх. Итак, если он прав, то ребенок умер, и вот-вот появится Гарет. Почему Рыжебородый до сих пор жив? Был ли Донахью настоящим спасителем Человечества или, как представлялось Алате, кровавым мясником?

Какие проклятия мысленно произносил Донахью, сражаясь с такими мыслями! Но потом у него и на это не осталось сил. Наконец он сдался, позволив горестным мыслям отступить, повернулся лицом к восточному ветру. Вставало

солнце, и Донахью знал, что убежать ему некуда.

Снова посмотрев на встающее солнце, он яростно заморгал. Что-то было там. Что-то без усилий плыло по небу. Когда создание подлетело ближе, Донахью переполнило чувство гордости.

— Я был прав! — проревел он.

Огненная птица зависла над ним, а потом грациозно спикировала, чтобы убить.

— Я был прав! — снова радостно закричал он. — Черт возьми, Гарет, я был прав!

Еще долго, после того как огненная птица завершила свое дело, предсмертный крик Рыжебородого эхом звенел в ледяном воздухе.

Пролог

История эта — одна из бесчисленных легенд о Котаре, воине-варваре, и о его мече, носящем имя Ледяной Огонь, который достался Котару от Азгоркона, ожившего мертвеца и мага. Мир Котара был стар, его языческое великолепие давно угасло, некогда пышные и могущественные королевства давно пришли в запустение.

Мир этот населяли маги, ведьмы, оборотни и просто безликая сила, которой противостояли лишь могучие воины с мечами заговоренной синей стали. И от ледяных пустошей Туума до засушливых равнин Оэйзии гремело по всему миру имя Котара, иногда — искусного вора, иногда — искусленного любовника, но всегда — воина безрассудной отваги, вершащего волей случая судьбы королей и стран.

Но прежде всего Котар был искателем приключений.

Неизвестное манило его — будь то новый храм, быть может, таящий неведомые сокровища, или зовущие губы красавицы; неизведанные страны и нехоженные тропы, где порой ухмылялась ему смерть — а может, поджидало счастье. И покоясь в ножнах, странствовал вместе с ним Ле-

дяной Огонь. За свою долгую жизнь Котару было не суждено жить во дворцах и накопить богатств. Впрочем, не настолько он жаждал утопать в роскоши — по крайней мере пока...

Прекрасная и смертоносная, висела под потолком зала во дворце королевы Эльфы в серебряной клетке ведьма Лори. Она поклялась отомстить Котару — ведь это он подвесил ее там на прочных стальных цепях; но куда больше томила колдунью страсть к этому великану. Злые зеленые глаза волшебницы следили за Котаром, куда бы он ни отправился. Иногда с помощью чар ей удавалось добраться до Котара и напомнить, что он всего лишь смертный, принадлежащий ей, ибо месть и страсть иссушили ее сердце. Случалось ей сопровождать воина-варвара в бесконечных странствиях — чаще бесплотным духом и лишь изредка — вселившись в чье-нибудь тело.

Объявив Котара своей собственностью, Лори, рыжая ведьма, берегла его от всех напастей, боясь упустить драгоценную добычу, готовясь к сладостному часу — любви или мести... Чего именно не знала даже она сама. Придет еще час, когда она столкнет варвара в самые глубины ада, на растерзание тысячам демонов — ради того лишь, чтобы узнать, достоин ли он ее любви. Но пока ведьма выжидала и хранила свою жертву от всех напастей.

Так, сражаясь с людьми и чудовищами, охотясь за сокровищами и постоянно оставаясь без гроша в кармане, надеясь лишь на удачу, силу да еще на Ледяной Огонь, странствовал Котар по бесконечным дорогам своего мира, словно бессмертный и неистребимый дух. Многие воины и колдуны искали его смерти, многие гордецы жаж-

дали помериться с ним силой и искусством в бою, многие женщины мечтали о нем, золотоволосом гиганте, наделенном первобытной неутомимостью, искушенном в ласках...

Глава 1

Все три дня утомительной скачки через Гвин Каэр, от Ромма до самого Клон Мелла, Котар был вынужден лицедреть туманный, но навязчивый призрак Лори и выслушивать ее бесконечные угрозы.

Первый раз она появилась в красных угольях костра, едва Котар устроился на ночлег среди безлюдной пустоши, отделявшей богатые владения баронов от мглистых болот. Ветер нес соленый запах с умирающего моря, которое все больше теснили болота. Любая впадина, еще хранящая воду, была затянута гниющей тиной. Иногда налетали порывы ветра, но вместо некогда вздымавшихся здесь волн вызывали лишь ленивую рябь.

В этот раз Лаэлла, спутница Котара в этом путешествии, отправилась собирать какой ни на есть хворост, а сам варвар достал трут и кремьнь, чтобы подпалить охапку сухих водорослей.

Не успели еще красные язычки из несмелых искорок превратиться в настоящий огонь, как среди них возникло лицо Лори. Ведьма хохотала. Ее зеленые глаза мерцали ярче ночных звезд, а маленький острый язычок дразнил воина, то появляясь, то исчезая меж белоснежных зубов.

— Два дня, мой ненаглядный варвар! Два дня жизни осталось тебе!

«Как она прекрасна», — подумал Котар, молча глядя на призрак колдуньи. Жаль лишь, что она ведьма — или по крайней мере была ведьмой до тех пор, пока Котар не подвесил ее в клетке во дворце в Коммореле. Ныне чары ее никого не пугали... Но лишившись большей части магической силы, красоты своей Лори не потеряла. Длинные рыжие волосы плащом закрывали ее тело, спускаясь до самых щиколоток. Грудь была высокой и округлой, узкие бедра — соразмерны тонкой талии и сильным ногам. Нагой сидела она в своей серебряной тюрьме, нагой являлась издеваться над своим обидчиком.

Насмеявшись вдоволь, Лори исчезла — лишь острый ее язычок все еще чудился Котару в каждом языке пламени.

Второй раз варвар увидел ведьму в пригоршне воды в собственной ладони. Конь его с жадностью пил из прозрачного горного родника, первого на этом перевале, — путники к тому времени уже пересекли границу Гвин Каэр, проходившую вдоль невысокой горной гряды. Котар нагнулся зачерпнуть из родника, чтобы напиться, — и снова увидел ее. Похоже, ведьма следила за каждым его шагом, потому что и на этот раз явилась, лишь когда танцовщицы Лаэллы не было рядом. Девушка в это время переодевалась за камнями, где леденящий горный ветер был потише. А ведьма Лори тянула к Котару руки, глаза ее горели темным огнем.

— Один день, Котар! Остался только один день!

Выкрикнув это, она исчезла, и варвар выпил наконец воду, озабоченно цокнув языком. Он хорошо знал о той страшной клятве, которой рыжая колдунья поклялась отомстить ему, знал и о том,

что, даже лишенная почти всей своей силы — ибо искусный маг Казазаэль наложил на нее неодолимое заклятие, — она могла общаться с демонами, не покидая серебряной клетки. Верные же ей демоны будут рады разделаться с ним, утолив ее жажду мести.

В третий раз Лори явилась уже в самом Клон Мелле, в трактире «Ключи и Крест», где ужинали Котар с Лаэллой. Волшебницу не остановил звон колоколов святых обителей и храмов, которыми славился этот город; не остановили песнопения вечерней службы, звучавшие в тот час повсюду. Голосок Лаэллы, сидящей напротив Котара, табачный дым, запах жаркого, пенистое пиво — все вдруг стало нереальным. Словно невидимая стена тишины и пустоты отгородила Котара от окружающего мира.

В большой, размером с хороший кувшин, кружке пива оставался ровно один глоток, и не успел варвар поднести кружку к губам, как увидел на дне ее Лори. Чародейка стояла, полупрозрачная, светящаяся, по колено в янтарном напитке, как цветочный эльф в чашечке медоносной орграты.

— Время истекло! — объявила она. — Этой ночью ты умрешь, Котар!

Воину заложило уши от пронзительного смеха ведьмы.

Он оглянулся на Лаэллу, удивляясь, что ее не привлек хохот, доносящийся из его пивной кружки, но спутница варвара с восторгом следила за маленькой танцовщицей, кружащейся на низком помосте в центре зала. Девочка была родом из Мирмидонии, на что указывали ее смуглая кожа и густые длинные волосы, иссиня-черным покрывалом укутавшие плечи. Сотни бубенцов гирлян-

дами свисали с ее пояса, почти касаясь колен. В руках у танцовщицы была пара кастаньет. Их треск, переплетаясь со звоном бубенцов, создавал своеобразную ритмичную музыку. Ей вторили два бонга в руках музыканта, сидевшего рядом. Босые ноги танцовщицы мелькали, едва касаясь помоста. Разумеется, Лаэлла была слишком поглощена этим зрелищем, чтобы обратить внимание на что-либо еще. Она не умела делать нескольких дел разом.

Котар знал, что сама Лаэлла могла танцевать гораздо лучше. Ее танец услаждал взоры царей и императоров, а не завсегдатаев кабака. Не так давно, будучи рабыней, она жила во дворце и слыла лучшей исполнительницей танца живота во всей Оэйзии. Чем пленила ее эта девчонка-танцовщица, варвар понять не мог. Он лишь пожал плечами и снова заглянул в свою кружку.

К немалому его изумлению, Лори по-прежнему была там.

— Умоляй меня, Котар! Моли меня о пощаде!

— В другой раз.

— Тогда ты умрешь!

Он усмехнулся. Озеро пива колыхалось вокруг рыжей ведьмы, будто это был не ее призрак, а она сама, Котар мог бы утопить Лори, просто встряхнув кружку.

— Придумай что-нибудь другое, если в самом деле хочешь меня напугать, — сказал он и залпом выпил пиво, почти уверенный, что почувствует вкус крови ведьмы, откусив ей голову.

Но поставив кружку на стол, он снова увидел ведьму на самом дне пивной кружки. Она заливалась хохотом.

— Ладно! Тогда я убью Лаэллу. Вернее, вас обоих!

— Ты боишься меня, если угрожаешь, — сказал вдруг Котар, и ведьма лишь зарычала в ответ. — А Лаэлла никак не входит в твои планы. Ты бы предпочла вовсе убрать ее с дороги, верно?

Лори сверкнула глазами, но промолчала.

Бросив быстрый взгляд на Лаэллу, Котар заметил, что теперь та следит за танцем смуглой девочки словно по принуждению, без интереса.

— Она не услышит нас, — заверила его рыжая ведьма. — Ей скучно смотреть, как ты устался, словно баран, в свою пустую кружку. Но что еще можно ожидать от варвара вроде тебя? Так что мы с тобой тем временем можем поговорить без помехи.

Котар покачал головой.

— Я не брошу беззащитную девушку только для того, чтобы доставить тебе удовольствие. Мне нравится ее общество.

— Тогда умри сам! Я с радостью разделаюсь с тобой!

Выкрикнув это, ведьма исчезла, грозя Котару крошечным кулачком.

Котар вздохнул, обернулся и пощелкал пальцами, подзывая хозяина, чтобы тот снова наполнил его кружку. Опустошив ее, он кивнул Лаэлле и отправился по шаткой лестнице наверх, где путников ждала комната с мягкой постелью. Большое количество пива и первобытная мудрость приказали ему выкинуть из головы всех рыжеволосых призраков с их невнятными угрозами. Варвар завалился на постель с твердым намерением проспать до полудня.

Пусть рыжая ведьма попытается убить его — посмотрим, как ей это удастся!

Глава 2

Они пришли среди ночи, трое наемных убийц из Квартала Висельников. И у каждого из них был обоюдоострый кинжал. Они двигались бесшумнее собственных теней, и все же их выдадала, зашуршав под ногами, тонкая циновка из сухого тростника, лежавшая на полу маленькой спальни.

Котара спасло звериное чутье варвара да еще то, что Лаэлла, обвинившись вокруг него, сбросила на пол одеяло. Воин, приученный еще с детства к чуткому сну, едва услышав шорох, слишком тихий и осторожный для крысы, мгновенно открыл глаза. Бесшумно перекатившись на постели так, что Лаэлла оказалась у него за спиной, он зажал в пальцах край лежащего на полу одеяла и приготовился к прыжку, еще не зная, кто его враг.

Кошачьи глаза варвара, ничуть не заспанные, прекрасно различали малейшее движение в темноте. Стоило незванным гостям сделать еще шаг вперед — и Котар увидел их, серыми тенями скользящих вдоль стены. Помня угрозы рыжей ведьмы, Котар не стал выяснять, зачем пожаловали ночные посетители, а одним быстрым движением набросил одеяло на головы всем троим разом.

Двое тут же запутались в складках, а третий убийца выпутался и бросился на Котара. Вернее, на смутную тень человека на кровати. Не дожидаясь, пока враг подойдет слишком близко, варвар лягнул убийцу в живот, заставив того сонуться пополам от боли.

Парочку, запутавшуюся в одеяле, Котар, схватив за шею, крепко стукнул головами друг о друга. Звук раздался такой, будто, ударившись о

мостовую, лопнула перезревшая дыня. Лаэлла проснулась и села в постели, недоуменно протирая глаза. Незадачливые убийцы бесформенными кулями осели на пол, третий же лежал на боку и тихо стонал. Котар расхохотался, оскалив ослепительно-белые зубы. Потом он потянулся за мечом.

И успел как раз вовремя. Едва он отвернулся, чтобы вынуть из ножен Ледяной Огонь, лежавший на полу убийца вскочил на кровать и бросился на плечи Котару, как пума бросается на человека с верхушки дерева. Варвар резким движением стряхнул его, одновременно обнажив меч. Следующее движение воина было столь молниеносным, что Лаэлла не успела понять, что происходит, заметив лишь блеснувшую сталь и услышав свист клинка, рассекающего воздух.

Меч Котара окрасился кровью, а убийца замер, задохнувшись и выпучив глаза, едва сообразив, что его только что перерубили почти пополам. Кровь хлынула у него изо рта, он с хрипом рухнул на пол.

С наемниками было покончено. Котар перевел взгляд на девушку. Она по-прежнему сидела на кровати, обхватив руками голые плечи.

— Они могли убить тебя, — сказал Котар, сам не очень понимая, что имеет в виду.

Лаэлла улыбнулась.

— Но ведь не убили.

Варвар поднял одеяло, закрывавшее два трупа из трех, и тщательно вытер клинок. Лицо его при этом было озабоченным и мрачным. Он покачал головой.

— Если бы им удалось прикончить меня, они не оставили бы тебя в живых. Так не может продолжаться, Лаэлла. Путешествуя со мной, ты в

большой опасности. Я отошлю тебя домой, к твоему народу.

Девушка стала бурно возражать, и они проспорили весь остаток ночи, но варвар был непреклонен.

— Нет и нет. Если бы я не проснулся, они убили бы тебя, а потом меня. В другом трактире может не оказаться циновки на полу.

— Но почему они хотели убить тебя?

Котар пожал плечами.

— Откуда я знаю? Может, их подослал дядя императора Кейроса — у меня с ним старые счеты.

Варвар никогда не рассказывал своей спутнице про рыжую ведьму, не хотел делать это и сейчас.

Ранним утром им уже вызванивали свою песню колокольчики, подвешенные на шеях верблюдов. Медленно пробираясь через толпу на гигантской рыночной площади, путники направлялись к глинобитной стене с большой коновязью, на самом краю базара, где Альтаззар, прозванный Скрыгой, собирал караван в южные земли. Котар шел молча, с трудом сохраняя на лице выражение мрачной решительности, а на щеках у Лаэллы еще не просохли дорожки от недавних слез.

— Я хочу отослать ее к родным, — заявил Котар Альтаззару, причем раскаты его голоса заставили вздрогнуть караванщиков. — Эта девка не по мне. Она высосала из меня душу своими поцелуями.

«Что ж, — усмехнулась про себя Лаэлла, — такое объяснение ничем не хуже любого другого».

Важный купец кивал, оглаживая бороду, понимающе улыбался. Старый пройдоха знал достаточно и о девушках Оэйзии, и о варварах, чтобы усомниться в правдивости предлога, но держал

язык за зубами, поглядывая на широкие плечи гиганта. Котар тем временем отсчитал золотые из кожаного кошель.

Нельзя сказать, что его радовала предстоящая разлука. Он привязался к Лаэлле, выросшей во дворце и тем не менее готовой терпеть любые тяготы и лишения долгого пути, лишь бы они оставались вместе. Но Котар хорошо понимал, что Лори не упустит случая ужалить его покрепче именно с этой стороны, если он оставит танцовщицу при себе.

Ночевки в глуши у костра лучше самой прекрасной ночи на пуховых перинах в объятиях любимой — особенно если эта ночь кончится кинжалом меж лопаток.

Что и говорить, они приятно провели время. Но теперь пришла пора расстаться.

Котар обнял и поцеловал девушку на прощание. Она изогнулась, отстраняясь, сердито бормоча, что и сама бы ушла от него, пусть-ка он поскучает теперь. Варвар посадил ее на верблюда — и Лаэлла слилась с караваном, который вел на юг хитрый бородатый купец.

Кивнув в последний раз Лаэлле, Котар развернулся и пошел не оглядываясь. Он шагал вдоль бесконечного коврового ряда, не замечая пестрого великолепия, царившего вокруг, не слыша призывных криков торговцев, расхваливающих свой товар. Он теперь поскучает. Уж точно поскучает, прах побери! Девчонка была превосходной спутницей...

Однако он отослал ее для ее же блага.

Но только ли для ее?

С удивлением Котар отметил, как к нему возвращается забытое чувство: впервые с тех пор, как он взял с собою прекрасную танцовщицу, он

был совершенно свободен. Он мог теперь идти куда вздумается, не заботясь о постели на ночь и горячем ужине непременно за столом и под крышей, снова мог ночевать у костра, поев полусырого, запеченного на углях мяса, щурясь от дыма, щиплющего глаза, подставляя лицо степному ветру.

Взвесив все это, Котар остановился, огляделся — и уверенно зашагал через площадь к маленькой лавочке, хозяина которой звали Пэш Мах. Этот купец торговал редким в этих местах серебряным оружием, золотыми безделушками, восточными специями, юными девушками и драгоценными камнями. Он никогда не задавал лишних вопросов ни покупателям, ни тем, кто под покровом ночи приносил ему затейливую статуэтку или камень, выкованный из чьего-то перстня. Вся воровская братия города знала и почитала старого Пэш Маха.

Не то чтобы камни, лежавшие на дне кожаного кошель Котара, были украдены — хотя Лаэлла и взяла их без разрешения. «Однако осторожность никогда не повредит», — рассудил варвар и свернул в узкую, кое-как мощенную улочку, оканчивающуюся тупиком, где и стояла лавочка Пэш Маха. Об этом возвещала деревянная вывеска, покачивающаяся на цепях над самой дверью.

Котар легонько толкнул дверь, но она не поддавалась. Он попытался заглянуть в замызанное дверное окошко, но разглядел лишь несколько железных статуй, изображавших обнаженных женщин в бесстыдных позах, пару позолоченных подсвечников, какие-то вещицы из черного дерева, кубки и груды доспехов, в которых без труда можно было признать работу прославлен-

ных кузнецов Абатора, лучших мастеров своего времени.

Словом, лавочка представляла собой собрание самых невероятных и разнообразных товаров, объединяло которое только одно: баснословная цена.

При этом лавка была пуста.

Помня, что может нечаянно разнести ветхую дверь (воров хозяин не страшился, ни один вор в городе не поднял бы руки на его добро), Котар постучал, вернее — похлопал по двери раскрытой ладонью.

— Пэш Мах! — проревел варвар. — Пэш Мах! Открывай!

В темных недрах лавки что-то зашевелилось. Котар смутно различил, что от полок, где огромные тома по чародейству, астрологии, черной и белой магии соседствовали с реликвиями языческих культов, лампадами и даже с церемониальными колокольцами и курильницами забытого Икрикона, — от полок со всей этой мишурой отделилась темная фигура.

Варвар помахал рукой, приветствуя хозяина. Человек, неразличимый в полутьме, заторопился к двери. Он пересек полосу уже гаснущего вечернего света, и Котар узнал его. Это был Ишраэль, помощник Пэш Маха. Подбежав к оконцу, он принялся махать руками и вертеть головой, показывая, что посетителю следует убираться прочь.

Котар ухмыльнулся и демонстративно встряхнул кошель. Он даже высыпал пару камней на ладонь, и те заиграли, заискрились в солнечных лучах.

Смуглый Ишраэль шагнул ближе. Из-за двери раздался его тонкий встревоженный голос:

— Уходи! Старик очень болен.

— И что, некому заменить его? Вороны тебя поберут, да старик не знал и дня хвори, пока его дела шли успешно. Ладно, Ишраэль,пусти меня — не то я разнесу дверь и сам найду какого-нибудь иноземного вора, чтобы он забрал из этой лавки столько, сколько сможет унести!

Ишраэль затряс головой, но все же Котар услышал звяканье и лязганье многочисленных замков. Открывая дверь, маленький помощник продолжал ворчливо протестовать:

— У меня явно что-то с головой. Ведь знаю же, что он просто убьет меня за это. Зачем я это делаю?..

Варвар хохотнул и положил свою огромную ладонь на костлявое плечо Ишраэля.

— Твое помилование у меня вот здесь! — объявил он, встряхивая кошель перед кислым лицом помощника купца. — Созерцание камней всегда вселяло радость в сердце твоего старика.

Ишраэль, бормоча проклятия, отправился вглубь дома. «А ведь он, наверное, даже старше Пэш Маха», — подумал Котар, идя за ним. В Клон Мелле поговаривали, что некогда Ишраэль был вором из воров. Он влюбился в королеву Египтона, которую держали под неусыпной охраной, и ухитрился довольно часто навещать возлюбленную. Но в конце концов его застали в самый разгар любовных игр, и теперь, говорят, Ишраэль не был не только вором, но и мужчиной.

Может, все это и досужие вымыслы, но голос у помощника Пэш Маха и впрямь был тонок, как у кастрата, и, насколько было известно за всегдателям лавки, никто никогда не видел его с женщиной. Ишраэль был лыс, носил жиденку

бородку и всегда выглядел больным. Зато его маленькие черные глазки сверкали, как у песчаной лисицы, и видели ничуть не хуже, чем в юности. Мужчина или не мужчина, но он был хитер, опасен и умен не менее, чем его хозяин, и находились сведущие люди, которые утверждали, будто он давно обставил Пэш Маха и вынудил его признать себя не слугой, а пайщиком.

Ишраэль покосился на кошель с камнями.

— Подожди здесь, я прежде поговорю со старой развалиной.

— Ерунда, он будет рад мне. — Не слушая дальнейшие речи Ишраэля, Котар оттолкнул его в сторону и шагнул за занавеску.

То, что он увидел, его поразило.

Он знал, конечно, что Пэш Мах стар. Но тот мешок с костями, что развалился на стуле, греясь у тлеющего очага, с тонкими, как пух, белыми волосами на веснушчатой голове, с тусклым взглядом и шамкающим ртом, стариком назвать было трудно. Купец выглядел настоящим воплощением дряхлости.

Варвар шагнул ближе.

Огонь осветил его с одного бока, тень его мощного тела накрыла согбенную фигурку Пэш Маха. Теперь Котар видел, что старика еще и трясет, как в ознобе.

— Что с тобой, приятель? — спросил варвар как мог мягче.

— Я проклят богами, — ответил старик, не поднимая головы.

— Что за ерунда! Проклятие богов выдумали глупые люди. Ну, говори, что такое с тобой приключилось?

— Моя дочь... Моя Малха...

— Малышка Малха с золотыми волосами? Что с ней? Она умерла?

— Нет, еще нет. Но она умрет нынче ночью!

Котар дотянулся до низкого треногого табурета, поставил его перед очагом и уселся. Он хорошо помнил Малху, хотя видел ее очень давно. Дочь купца была в том возрасте, когда девочку только начинают называть девушкой, ее милое забавное личико обещало стать по-настоящему красивым, а золотые локоны, ниспадавшие на плечи густой волной, вызывали зависть у всех окрестных невест.

— Ее собираются убить? Кто?

— Жрецы черного бога Пультхума. Этой ночью они справляют свои обряды в развалинах храма в Старом Городе, ты знаешь, за Восточными воротами. Там теперь никто не живет, даже городскую стену перенесли, чтобы развалины остались снаружи.

— Почему?

— Потому что в их храме, хоть его и разрушили до основания, все еще процветает черное колдовство. Жрецы и теперь каждый год собираются там на свои мерзкие праздники...

Из горла варвара вырвалось рычание.

— Я спасу ее, — пообещал он.

Старик только сильнее затряс седой головой, все так же бессмысленно глядя на угли в очаге.

— И не пытайся! Я посулил жрецам золотой священный кубок, который нашли для меня в руинах Аллакара. Они отказались! Им не нужен выкуп!

Внезапно он поднял голову и взглянул на варвара. Котар увидел, что глаза старика темны, как агаты, и лихорадочно блестят. Когда-то взгляда этих глаз никто не мог вынести долее

минуты. Старик был высок и хорошо сложен, в нем еще дремали остатки былой силы, ведь когда-то он держал в страхе весь воровской квартал города... А потом Пэш Мах прослезился, плечи его поникли. Он был совершенно убит горем.

— Ты ничего не сможешь сделать, Котар, — сказал он очень тихо. — Я разгневал Пультхума и должен быть наказан. Так сказали жрецы. Они забрали Малху, потому что мое дитя дороже мне всех сокровищ. Они принесут ее в жертву нынче ночью.

— Но ночь еще не наступила.

— Я благодарен тебе и, поверь, ценю твое желание спасти мою девочку — но что ты против бога, Котар? Я противился и должен быть наказан.

— Чему ты противился?

— Я же сказал. Я не отдал им кубок, их жертвенную чашу. Они не хотели платить. Когда они забрали Малху, я умолял их взять эту проклятую чашу, обещал им все сокровища, какие у меня есть, валялся у них в ногах, но они не сжалились. Они сказали, что так я лучше научусь ценить милость темного бога.

— С-собаки, — прошипел варвар. Мало того, что жрецы хотели ограбить старика, так они еще и разжились у него очередной жертвой для своих кровавых обрядов! Наверняка все было подстроено. Пультхуму нужны девственницы, а где их нынче добудешь...

Котар никогда не питал особой любви к жрецам темных богов. Это были хитрые, коварные люди. Как правило, сами они не верили в свое божество, но грозя его именем и могуществом, утоляли свою страсть к богатству и власти.

Будучи человеком практичным, варвар сомневался, что жрецы и в самом деле убьют Малху. Скорее запрут где-нибудь и будут держать как рабыню или наложницу. Убить никогда не поздно. Как только она им надоест, они избавятся от нее — но не раньше.

— Пэш Мах, побереги это пока у себя.

Котар протянул старику свой кошель.

Старик оживился, кивнул и поспешно развязал тесемки. Камни выкатились ему на ладонь. Глаза торговца вспыхнули, он издал какой-то невнятный звук.

— Великолепные камни, — объявил он наконец. — Их подбирал знаток — все одинаковой величины и цвета. Я не спрашиваю у тебя, откуда они, с меня довольно, что они останутся здесь.

Ссыпав камни обратно в кожаный мешочек, он аккуратно и тщательно завязал его.

— Теперь скажи мне, что ты за это хочешь? Я мог бы и не спрашивать. Денег, разумеется. Все вы хотите одного и того же за совершенно разные вещи!

Котар ухмыльнулся.

— Я еще не знаю, что я за это хочу. Мы обсудим это позже, когда я вернусь с твоей дочерью.

Пэш Мах вытаращился на него, раскрыв рот.

— Ты осмелишься? Явиться в самый разгар церемонии, выскочить в черный круг колдунов, схватить девушку и убежать? Да в уме ли ты?!

— Если только таким способом можно привести тебя в чувство, чтобы ты не сидел, уткнувшись носом в золу, и не причитал, а вел дела, как и раньше, — что ж, придется рискнуть! — ответил ему варвар со смехом.

Он поднялся с табурета, возвышаясь над стариком, как колонна. «Почему бы и нет», — подумал Пэш, глядя на обтянутую кольчугой широкую грудь варвара. Кольчуга, надетая поверх короткой кожаной туники, оставляла открытыми руки и ноги Котара, так что каждый желающий мог лицезреть бугры могучих мышц, перекачивающихся под загорелой кожей.

— Ну, как мне найти этот храм?

Ответил ему Ишраэль — он все это время сидел в укромном углу и молча слушал.

— Пойдешь через Шелковый Ряд, спустишься с холма и пройдешь через пустошь. Не пропустишь — кроме этих развалин, на пустыре ничего нет.

С этими словами Ишраэль вышел, махнув Котару: следуй за мной. Варвар лишь на миг обернулся и увидел, что старый скупщик снова вытряхнул камни из кошеля и придирчиво их рассматривает. Котар хмыкнул про себя: ничего иного он и не ожидал.

Тем временем Ишраэль, повозившись, вытащил откуда-то и выложил на стол перед Котаром большой кожаный сверток. Заинтересованный варвар подошел ближе и развернул кожу. Под ней оказалась еще одна обертка — промасленный шелк.

— Что это? — спросил Котар, возясь с бечевкой, обвязывавшей сверток по всей длине. — Первый раз вижу, чтобы старый лис пеленал свои драгоценные статуи, как малых детей!

Наконец все покровы были сброшены. Перед восхищенным варваром, блестя темным полированным деревом, лежал прекрасный изогнутый лук футов пяти длиной. Рядом, завернутый отдельно, колчан, полный стрел. И лук, и колчан

выглядели очень старыми, но были в прекрасном состоянии.

— Во имя Дваллока! Неудивительно, что он хранил их с такими предосторожностями! — воскликнул Котар, хватая лук и снимая с него излишки масла шелковой тканью. — Оружие, достойное царей! Ну-ка, дай я его натяну...

— Это лук Кенгора Абаторского, — скрипуче пояснил Ишраэль. — Он жил двести лет назад и прославился как великий воин. Под конец жизни он ушел на юг и завоевал себе собственное королевство.

— А лук к вам попал, несомненно, из ловких рук какого-нибудь вора, стащившего и то, и другое из тайного и святого места, — расхохотался Котар. — Ладно! Я возьму его — в счет тех денег, которые мне причитаются за камни.

Ишраэль пожал плечами с хорошо разыгранным безразличием.

Взяв лук в левую руку и закинув колчан за плечо, Котар зашагал в сторону храма. Закат догорал, надо было спешить. Дверь лавки хлопнула у него за спиной, и он снова услышал лязг замков.

День угасал, поднимался ветер. Вывеска над лавкой раскачивалась на цепях, звук этот разносился по всему переулку. Наконец Котар вновь свернул на площадь, от которой лучами расходились Ряды, тянущиеся по почти правильным радиусам через весь город. Ветер шевелил ему волосы, в воздухе уже чувствовалась прохлада ночи.

Не оборачиваясь на окрики торговцев, не глядя на тысячи диковин базара, Котар отправился на окраину города, пробираясь меж рядов с разноцветным шелестящим товаром, сворачивая на

узкие боковые улочки и снова возвращаясь к Шелковому Ряду, как пробирается тигр меж сплетений лиан в желто-зеленых джунглях. От одной только мысли, что девушка уже может лежать, связанная, на алтаре, в горле Котара закатало, и, тихонько зарывав, он пошел еще быстрее.

Проходя неподалеку от трактира, где накануне он оставил Серебряного, своего боевого жеребца, и белую кобылу Лаэллы, варвар подумал, что было бы неплохо, вырываясь из лап озверевших от ярости жрецов, иметь наготове лошадей, спрятанных в укромном месте. Расплатившись с хозяином, он оседлал скакунов, сел на своего жеребца, взял за повод кобылу и, более нигде не задерживаясь, поскакал на восток, в сторону Старого Города.

На самом деле спасение девочки было не такой простой задачей, как полагал варвар. Жрецы темного бога считались фанатичными, полубезумными людьми. Им не составило бы особого труда убить сотни и сотни девушек, и вовсе не к обладанию рабынями они стремились, похищая девственниц...

* * *

Погремев для виду ключами, Ишраэль выскользнул наружу, прикрыв голову капюшоном от ночного ветра, и долго смотрел вслед уходящему варвару. При этом на лице его была такая ухмылка, что заметь ее Котар, он бы сильно призадумался. Наконец непрошенный спаситель исчез за поворотом, и Ишраэль, все так же мерзко улыбаясь, вернулся в дом.

Этот варвар будет уже мертв, когда начнется жертвоприношение Пулътхуму.

Глава 3

Пустошь раскинулась под темнеющим небом, словно уголок легендарного Эйденна. В наливающимся чернотой небе загорались звезды, узкие цветы морона раскрывали лепестки, плотно сжатые днем, в воздухе уже чувствовалось их дурманящее благоухание. Ветер стонал и вздыхал, носясь в траве, словно приветствуя скорый приход темного бога.

Котар ехал осторожно, чутко вслушиваясь в ночные шорохи. Как ни мало знал он о Пультахуме, Повелителе Тьмы, он все же понимал, что такая ночь — самое подходящее для божества время, чтобы пробить границу между мирами и прибыть на посвященное ему празднество. Варвар ни на секунду не сомневался, что справится и с сотней жрецов из крови и плоти, но с темным богом ему связываться не хотелось. Котар вообще не любил драться с богами и демонами.

Насколько хватало глаз, унылое однообразие пустоши ничем не нарушалось. Башни и купола с высокими шпилями остались далеко позади, растворившись в сумеречной дымке. Не впервой было Котару оказаться одному среди ночи в степи, но еще ни разу при этом мерзкий холодок не пробегал то и дело у него по спине.

Ночь и одиночество тут были ни при чем.

Скорее это возмущались, противясь глупости, которую намеревался совершить Котар, звериные инстинкты варвара. Котар чувствовал опасность всей кожей, и волоски у него на спине стояли дыбом, как шерсть на загривке волка. Он ехал вперед, не торопясь, но и не медля. Что толку поминутно оглядываться назад... Если он услы-

шит стук копыт нагоняющей его лошади, он успеет обернуться.

Опасность, которую он чуял, притаилась впереди, а не у него за спиной.

Из темноты вынырнули стоячие камни — в этих краях такие утесы называли «пальцы великана». Их было пять или шесть, и среди них могло укрыться не менее трех лучников.

Котар выругался и, не сводя глаз с камней, ощупью нашел среди своего снаряжения черный лук, взятый из лавки Пэш Маха. Тетива тихо запела, как луговой шмель, когда варвар подтянул ее, уперевшись нижним концом лука о носок своего мягкого кожаного сапога. Дерево грело руки, словно вливая в них силу, и Котар с довольным медвежьим ворчанием приладил стрелу поверх большого пальца левой руки. Колчан его был полон. Пусть-ка попробуют теперь застать его врасплох.

Котар был уверен, что в камнях его ждет засада. Совершенно не обязательно, что ждут именно его, — колдунам не раз пыталась помешать городская стража, и на всех подходах к святилищу наверняка выставлены часовые, чтобы не допустить появления солдат в самый разгар церемонии. Котар, осторожно подбирающийся к руинам — верхом, со стороны городских ворот, — был очень соблазнительной мишенью.

Варвар бесшумно соскользнул с седла.

Крадучись, заскользил он среди высокой травы, почти невидимый в своем темном плаще, с луком наготове. Его вела счастливая звезда: он подошел к камням с северной стороны и потому первым увидел врагов.

В сумерках легко ошибиться, и он чуть не пропустил темную фигуру, словно слившуюся с

камнем. Только глаз варвара, с рождения привычный ловить малейшее движение, смог различить черный плащ, шевельнувшийся на сером фоне.

Котар пригнулся еще ниже, так что трава совсем скрыла его, и бесшумным шагом пантеры двинулся вперед. Ни звука не раздавалось в ночи, даже сверчки, и те притихли.

Но человек в черном одеянии жреца Пультхума вдруг отделился от камня и вскинул руки. Неведомое создание, со свистом рассекая воздух, помчалось прямо на Котара. Что именно летело на варвара, разглядеть было невозможно, но Котар и не стремился познакомиться с тварью поближе.

Зазвенела тетива. Просвистела красноперая стрела.

Жрец в черном балахоне хрипло вскрикнул, схватился руками за горло и упал. Стрела попала ему под самый кадык.

Не долетев до варвара каких-то пяти футов, таинственное существо исчезло в ослепительной огненной вспышке. Котар изумленно помотал головой. Что убило эту тварь? Сам Котар не мог этого сделать. Может, колдун? Но кто же уничтожает оружие, когда оно почти поразило цель? Или тварь не могла существовать после смерти своего создателя?

Останки колдовского существа еще догорали, и Котар, не удержавшись, подошел посмотреть. Ничего колдовского не было в этой твари. Обычная веревка, связывающая два тяжелых круглых камня. Это было боло, и хотя раньше Котар никогда не видел его, он знал, что многие охотники на оленей из Гвин Казра пользуются этим оружием. Метко брошенное боло может, захлестнув-

шись вокруг шеи, остановить на полном скаку трехлетнего самца.

Котару почудилось что-то в догорающем пламени, он склонился ниже...

— Это я остановила боло, Котар! Для тебя у меня припасена другая смерть!

Лицо рыжей ведьмы плясало в огне.

— Твои убийцы в трактире промахнулись, Лори!

— Они были посланы не убить, а напугать! Я хотела, чтобы ты избавился от девчонки — и получилось по-моему. Там, куда ты идешь, для тебя припасли вдоволь девушек!

От улыбки Лори пот выступил на спине варвара. Но вот ведьма исчезла.

Котар распрямился. Ветер распушил ему волосы, в лицо пахнуло холодом. Как бы там ни было, следовало проверить, не прячутся ли за камнями более осторожные друзья убитого жреца. Варвар пошел дальше, но уже почти не таясь. Если Лори хранит его так неотступно, вряд ли до него долетит другой колдовской снаряд, оживленный черным колдовством. Лори берегла Котара для себя, так что пока можно не беспокоиться.

Жрец лежал мертвый, как камни вокруг. Больше среди «пальцев великана» никого не оказалось.

Котар нагнулся, чтобы выдернуть стрелу, — драгоценным оружием не следовало разбрасываться — и вдруг замер, осененный прекрасной мыслью. Обтерев стрелу о свой плащ, он принялся стаскивать с мертвеца его одеяние, оказавшееся не сплошь черным, а черно-красным. Эти два цвета почти сливались в темноте, но зато хорошо были видны в свете костра и факелов.

Одевшись, воин поймал лошадей и, по-прежнему соблюдая осторожность, отправился к разрушенному храму.

Красный колдовской свет полыхал среди развалин. Ветер далеко разносил голоса хора. Жрецы темного бога начинали праздник. Когда красный свет сменился кромешной тьмой, Котар спешился и пробрался к одной из двух колонн, чудом уцелевших в храме. Когда-то их венчала арка, украшавшая вход, но теперь они вздымались гигантскими часовыми по обе стороны широкой лестницы.

Варвару пришлось пересечь широкий двор, некогда отделявший храм от хозяйственных построек. Залитые звездным светом плиты, хранившие следы множества ног, искрошились и почернели от времени, сквозь щели в них прорастала трава. Котар бесшумно пробежал по ним: тысяча первый паломник, а сколько их уже было...

Пробираясь вдоль стены, Котар заглянул в оконный проем, из которого лился свет — живой свет огня. Сотни факелов освещали пышное собрание поклонников Пультхума.

— Тсс!.. — послышалось в темноте. — Альдред! Сюда!

Котар обернулся на голос. Темная фигура в таком же плаще, как и у него, вышла на свет. Под большим капюшоном Котар разглядел землисто-смуглое лицо.

— Ну, убил ты вар... Эй! Ты не Альдред!..

Но не успел жрец закричать в полный голос или позвать на помощь, как стальные руки варвара сомкнулись на его тощей шее. Что-то хрустнуло, незнакомец обмяк и мешком свалился на каменные плиты, когда Котар отпустил его. От-

бросив черный на красной подкладке капюшон, варвар присвистнул:

— Во имя всех богов! Ишраэль!

Невнятный хрип вырвался из горла торговца краденым. Котар поднял его в воздух и затряс, чтобы тот побыстрее пришел в себя. Все еще сжимая предателю горло, но так, чтобы случайно не придушить окончательно, Котар потребовал:

— Говори!

— Я-агх... — выдохнул Ишраэль, — я думал, ты уже мертв! Я обогнал тебя, скакал во весь опор... Надеюсь, темный бог приберет теперь вас обоих!..

Равнодушно глянув на эту крысу, Котар лишь чуть сильнее сжал пальцы — так что большой сошелся с указательным. Ишраэль что-то булькнул и затих. Язык вывалился из полуоткрытого рта помощника купца. Он был мертв.

Оттащив тело подальше от света, льющегося из окон, Котар продолжил обход храма. Ему было видно все действо, как на ладони.

На большом плоском алтаре, некогда посвященном Мизрану Жизнеподателю, а теперь оскверненном черными таинствами, лежала девушка. Ее нагое тело обвивали тонкие золотые цепочки, охватывая драгоценными змейками лодыжки, запястья и шею. Они были непрочными, но зато их было много, и даже сильные руки варвара не смогли бы порвать разом их все. Перед алтарем, преклонив колени, стояли мужчины и женщины, не менее пятидесяти человек. Головы их были опущены, голоса звучали глухо и монотонно. Позади алтаря, одетый в такой же, как у Котара, черно-красный балахон, стоял жрец. На высоко поднятых ладонях его покоился серебряный

кубок. Остро отточенная коса с золотой рукоятью, оплетенной белой веревкой, висела у него на поясе.

Котар взгляделся в тело, распростертое на алтаре. Неужели это Малха?

Два года назад он видел в доме Пэш Маха девочку-подростка, только начинающую взрослеть, немного угловатую и неловкую. Теперь же он видел женщину. Прекрасную женщину с тонкой талией, крепкими грудями и округлыми бедрами.

Похоже, ее одурманили каким-то зельем, потому что она лежала тихо, откинув назад голову, и даже не пытаясь сопротивляться.

Широко открытыми глазами следила она за тем, как жрец наклоняет над ней чашу и черная вязкая жидкость капает ей на грудь — сначала на один розовый сосок, затем на второй. Но едва капли коснулись ее кожи, Малха закричала, выгибаясь всем телом, словно ее жгли раскаленным железом. Золотые цепочки натянулись, но держали крепко.

Молящиеся разом подняли головы. Пение их стало громче, яростнее, они словно подхватывали крики несчастной девушки.

— Твоею кровью мечу ее, — нараспев, прикрыв в трансе глаза, выговаривал жрец. — Твоею кровью предаю ее Тебе, Владыка Мрака!

— Тебе, великий Владыка! — подхватывал хор.

— Явись нам, прими посвященный Тебе дар! — сказал жрец, и еще одна капля упала на грудь девушки. Та корчилась, извивалась, напрягая все мышцы, и кричала так, что содрогались камни.

— Яви милость Твою молящим Тебя...

Поглощенные зрелищем медленной агонии, собравшиеся не заметили темной тени, скользнувшей в их ряды. Раскачиваясь вместе со всеми, Котар украдкой огляделся. Здесь не было ни одного воина, только толстые торговцы и зажиточные горожане. Зато женщины оказались как на подбор — молодые, с роскошными свежими телами, умащенными большим количеством благовоний. Похоже, дело кончится оргией, подумал Котар, глядя, как разгораются глаза у мужчин — да и у женщин — при виде тела девушки извивающегося на алтаре.

Еще одна капля. Новый душераздирающий вопль.

Послышался шорох ткани, и шерстяные бесформенные плащи полетели на пол, сброшенные нетерпеливыми руками. Котар напрягся. Этого он предвидеть не мог. Под грубой шерстью у адептов Пультхума не было ничего, только голые тела — и у мужчин, и у женщин.

Котар не любил иметь дело с демонами. Ни с ними, ни с теми, кого время от времени охватывает исступленное желание вытащить на свет древние силы, что обитают во тьме за пределами этого мира. Не жаловал он колдунов и всяческих магов, вызывающих силы, о которой сами они имели весьма смутное представление, и вызывающих к преисподней, в то же время не веря в ее существование.

Варвар знал, что поклонники темных богов вкладывают в повальное совокупление всех вызывающих к Повелителю Тьмы особое, мистическое значение. И Котар был готов спорить на что угодно, что не ради мистического ритуала явились сюда изнеженные торговцы. Тихий свет домашнего очага наскучил им, жены надоели, однообразие

серых дней приелось. Не зря были с ними эти красотки, явно искушенные в искусстве любовных утех. С одной стороны, когда все эти расплавленные горожане займутся любовью, мелькнуло в голове у Котара, мало кто обратит на него внимание. Но с другой стороны, теперь-то ему не спрятаться, у него под плащом есть одежда.

Значит, надо было действовать без промедления.

Единственную угрозу представлял здесь жрец с золотой косой и два его помощника, безмолвными изваяниями застывшие за спиной жреца. Котар расправил плечи, сбросил плащ и шагнул вперед.

Почувствовав, что течение ритуала нарушено, высокий жрец опустил голову и открыл глаза.

Котар увидел, как в паническом ужасе расширяются его зрачки. Нагие участники церемонии вскочили на ноги, забыв об обуревавшем их желании. На фоне их обнаженных тел могучая фигура варвара, затянута в стальную кольчугу, выглядела особенно внушительно.

— Святотатство! — вскричал жрец.

Он занес кубок над головой, собираясь швырнуть его в нарушителя священного действия.

Варвар прыгнул вперед. Концом лука он поддел чашу, выбив ее из рук ошеломленного жреца. Темная жидкость выплеснулась, потекла у того по лицу и груди. Черно-красное одеяние задымилось, жрец пронзительно завизжал, словно недорезанный поросенок на заднем дворе харчевни.

Двое младших жрецов кинулись к Котару, выхватывая из-за поясов свои косы. Изрыгнув страшное ругательство, варвар вскочил на алтарь, размахивая тяжелым луком. Одному жрецу

он угодил по лицу, выбив зубы, другому — в живот.

Вопль благоговейного ужаса, вырвавшийся разом у пятидесяти людей, заставил его обернуться.

Позади алтаря разрасталось облако клубящейся тьмы.

Котар, похолодев, не спуская с него глаз, отшвырнул лук и потянулся за Ледяным Огнем.

Красные горящие глаза уставились прямо в лицо святотатцу, посмевавшему прервать великое таинство жертвоприношения. Котар едва дышал, с трудом ощущая, как бешено колотится его сердце.

Гневный взгляд божества на какое-то мгновение сковал его по рукам и ногам.

Но темная дымка, не успев обрести форму, начала расползаться, горящие глаза угасли, а затем и вовсе пропали. Порыв ветра окончательно разметал черные клочья. Обряд был прерван в самом начале, и Пультхум не смог выйти в этот мир из своей первозданной тьмы.

Котар пришел в себя как раз вовремя, чтобы увидеть, что один из младших жрецов уже занес над ним свою косу. Опомнившись, варвар взмахнул мечом, целя острие в горло нападающему.

Хлынула кровь, колдун выпустил из рук косу и замертво повалился на каменный пол.

Варвар развернулся так резко, что капли крови с клинка полетели во все стороны. Толпа обнаженных тел в страхе отшатнулась. Даже если бы у них было при себе оружие, вряд ли они осмелились бы выступить против этого светловолосого гиганта, который с львиным рычанием размахивал над головой огромным двуручным мечом.

— Назад! — закричал Котар. — Не то все отправитесь вслед за жрецами к своему Пультхуму! Эта девчонка — моя!

Подхватив с пола плащи, перепуганные заклинатели демонов поспешили скрыться, то и дело оглядываясь на варвара с мечом и девушку на алтаре, которую он назвал своей. Котар мрачно следил за тем, как они расходятся. Вскоре, кроме него и Малхи, в храме не осталось никого. Мертвые были не в счет.

Пошарив на поясе старшего жреца, Котар нашел маленький золотой ключик. Им он отпер замки, крепящие цепи алтаря. Малха тихо стонала от любого прикосновения к ее стертým ногам и рукам.

— Бедная крошка, — сказал варвар, наклоняясь, чтобы взять девушку на руки.

И тогда красавица открыла глаза, чуть раскосые и зеленые, как у кошки.

Котар отпрянул от нее, как от змеи. Глаза девушки странно сверкали, отчего ее лицо показалось варвару вдруг злобным и хитрым. У Малхи был совсем другой взгляд!

Но все же... все же это была она.

— Приветствую тебя, варвар, — услышал он низкий грудной голос. — И благодарю за спасение.

— Кто ты? — растерянно прошептал он.

Девушка пожала плечами, по-прежнему лежа на алтаре и не делая попыток подняться.

— Какая разница? Но если тебе нужно имя, зови меня Малхой.

— Но ты — не она!

Злой смех красавицы зазвенел, как серебряный колокольчик.

— Ты прав, не она. Перед тобой только ее плоть, а дух ее скитается где-то в унылых равни-

нах Ниффергейма. О, какой взгляд! Ты знаешь о Ниффергейме, не так ли?

Ниффергеймом северяне называли безрадостный край, где души, исторгнутые из своих тел, обречены вечно скитаться в ледяных пустынях. Если душе не удавалось быстро вернуться в тело, она оставалась в этом краю навсегда.

— Я вижу, знаешь, — усмехнулась девушка и протянула Котару изящную руку. — Помоги мне.

Почти не сознавая, что делает, Котар подал этому странному созданию свою загорелую руку, иссеченную белыми полосками многочисленных шрамов. Таинственное создание едва коснулось ладони воина маленькими белыми пальчиками. Варвар словно заново увидел знакомое — и в то же время чужое — лицо молодой женщины. Мягкие детские черты остались мягкими и детскими, но резче выделялись скулы, злее смотрели глаза и насмешливо изгибались чуть припухлые губы. У настоящей Малхи не могло быть такого выражения лица.

И тело!

Оно тоже изменилось, стоило красавице открыть глаза. Все, что еще оставалось в нем от угловатого подростка, исчезло. Теперь это было тело зрелой женщины, с длинными сильными ногами, полной грудью, со скульптурно вылепленными формами. В этом теле не было ничего от юной, немного наивной девственности, скорее наоборот. Малха нравилась Котару больше, чем эта ведьма, изящно усевшаяся на край алтаря.

— Кто ты? — повторил он, но на этот раз гораздо громче.

— Арима. То, что вы называете суккубом.

Котар озадаченно нахмурился, и девушка насмешливо улыбнулась.

— Ты гадаешь, что может делать суккуб на жертвоприношении Пультхуму? Меня попросили побыть здесь и даже обещали награду, если все пройдет так, как задумано.

— Какую награду?

— Тело маленькой Малхи.

— Кто попросил тебя? — Котар чувствовал, как растет в нем желание ударить ее прямо по ехидно улыбающемуся лицу.

Вместо ответа Арима грациозно прыгнула с алтаря и закружилась по храму. Новое тело явно нравилось ей, она то и дело оглядывалась на своего спасителя, проверяя, какое производит впечатление. И, как ни был Котар зол, он не мог не признать, что этот демон в женском облике был самым совершенством. Нагота Аримы притягивала взгляд, хотелось смотреть на нее еще и еще.

— Кто? — повторил он, стараясь, чтобы голос его звучал сурово.

— Лори, рыжая ведьма! — задорно воскликнула девушка, подбегая к варвару и обвивая гибкими руками его шею. Не успел Котар опомниться, как ее губы жадно впились в его, и, несмотря на завидное самообладание, варвар едва удержался, чтобы не ответить на поцелуй.

Он схватил девушку за руки, намереваясь оттолкнуть, но обнаружил вдруг, что гораздо больше ему хотелось прижать ее к себе еще крепче.

— Ну, что теперь надо этой рыжей? — грубо спросил он.

— Свободы, Котар! — Арима изогнулась в его руках, откинувшись назад. Глаза ее горели двумя изумрудами. — И ты — тот человек, который освободит ее.

— Я? — расхохотался он. — Вы обе напрасно тратите время.

— В самом деле? А как же маленькая Малха, прозябающая в Ниффергейме? Неужели ты допустишь, чтобы ее бедная душа навечно осталась в той серой долине?

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он хрипло.

— Когда ты освободишь рыжую ведьму, я вернусь в свой призрачный край, а Малха получит обратно свое драгоценное тело. Это же так просто, варвар. А теперь, ради десяти глаз Бельтира, раздобудь мне какую-нибудь одежду. Здесь холодно!

Она еще теснее прижалась к груди варвара. Глаза ее смотрели лукаво и кокетливо.

— Обычно я не чувствую таких неудобных вещей, как жара или холод, но теперь я такая же, как ты. Когда я вселяюсь в живое тело, я чувствую все, что чувствует оно. — Она снова заглянула в глаза Котара и добавила: — Благодаря Лори.

Котар в ответ только что-то прорычал. Высвободившись из ее объятий, он шагнул к старшему жрецу и стащил с него черно-красную шелковую мантию, а потом бросил Ариме.

— Возьми. Думаю, этого тебе будет достаточно.

Запахнув шелковый балахон, она вытянула вперед босую ножку и, склонив голову набок, невинно проворковала:

— А как же мои бедные лапки?

Один из младших жрецов был совсем еще мальчиком, и его нога оказалась почти такой же маленькой, как у Аримы. Расшнуровав и сняв с него одну сандалию, Котар протянул ее женщине.

Та не шелохнулась, глядя на варвара с улыбкой, которая ясно говорила: «Если я захочу, этот огромный варвар с волосами, как жидкое золото, станет моим рабом».

— Примерь, — приказал ей Котар.

Присев на алтарь, девушка надела сандалию. Обувь пришлась ей почти впору. Котар стал снимать с трупа вторую.

— Ты знаешь, — протянула Арима, — кажется, я начинаю завидовать рыжей ведьме. Ты забавен, когда злишься, — как же ты должен быть великолепен, когда впадаешь в безумную ярость!

Котар обернулся. Суккуб затягивала шнуровку, изогнувшись так грациозно, что в варваре снова проснулось желание. Это разозлило его, и, стащив с юноши вторую сандалию, он почти запустил ею в насмешницу, заставив ее испуганно вздрогнуть.

— Я не собираюсь потакать дурацким женским капризам — ни твоим, ни Лори, ни чьим-либо другим! — прорычал он.

— Глупый мужчина, — нежно улыбнулось чудовище. — Ты еще научишься...

Стиснув зубы, смотрел на нее Котар, и только мысль, что он может случайно прибить ее насмерть, удержала его от удара. Какой силой обладал этот демон, скрывшийся под маской нежного женского тела? Она была прекрасна, и, что хуже всего, прекрасна именно теми чертами, которых не было в Малхе. Перед ним было совершенство зла. Ветер шевелил ее длинные золотые волосы, свет факелов отражался в злых зеленых глазах.

Котару пришлось собрать всю свою волю, чтобы не схватить Ариму и не зацеловать до смер-

ти. Ты всего лишь глупый мужчина, сказал он себе, а она — не просто прекрасная женщина, но еще и исчадие ада.

— Вот видишь, — тихо сказала она, словно прочтя его мысли.

Встряхнувшись, Котар подобрал лук и молча направился к оставленным за развалинами стен лошадям. Девушка пошла за ним следом, так что тихий шорох ее шагов казался лишь эхом его почти бесшумной поступи.

Распутав стремяна, он показал ей, как ставить ногу, и посадил в седло белой кобылы. Котар вздрогнул, когда ее маленькая ручка скользнула по его плечу.

— Пока я с тобой, ты можешь не опасаться ловушек Лори, — тихо сказала Арима. — Я — твоя защита. А теперь — в Комморел!

«Что мне еще остается», — сердито подумал Котар, вскакивая в седло.

Глава 4

Там, где зеленые холмы Гвин Каэра переходят в плоскогорья западного Комморела, тянется невысокая горная гряда, цепочка гранитных утесов, древних и поросших лесом. Перевал же расположен высоко над долинами. Там хозяйничают холодные ветры, иногда даже выпадает снег, и путешественники зябко кутаются в меховые плащи, перебираясь на ту сторону гор.

Был вечер, и солнце клонилось к западу, когда всадники поняли, что никакими угрозами уже не смогут сегодня заставить усталых лошадей скакать галопом. Котар бранился на всех пяти известных ему языках, но ничего не мог

поделать. При всем его желании они не успевали перебраться через перевал до наступления темноты.

— Не можешь ли ты хоть немного задержать солнце, ведьма? — сердито проворчал он, оборачиваясь. Кобыла Аримы отставала от его скакуна всего на полкорпуса. Весь день Арима скакала наравне с варваром и, казалось, не чувствовала усталости. Котар приписывал это колдовству.

— Я приберегу свои чары до более подходящего момента, — промурлыкала она.

— Да? Пусть тогда твоя покровительница покажет свою силу.

— Она не сможет этого сделать против моей воли. Ты узнаешь почему — когда придет время. А сейчас перестань гнать своего несчастного жеребца и давай поищем место для ночлега, раз уж так получилось.

Несколько разочарованный — что толку в демонах в женском теле, если они не хотят использовать свое колдовство, чтобы облегчить путешествие, — Котар отвернулся, потеряв к своей спутнице всякий интерес. Но поискать ночлег и в самом деле следовало, поэтому варвар неспешно поехал вперед, высматривая подходящую боковую тропку. Если бы он не был так озабочен и раздражен, он заметил бы большую хищную тварь, осторожно следовавшую за всадниками по неровному каменному карнизу справа над тропой.

Не многие, когда-либо повстречавшиеся с Отвратительным, возвращались, чтобы рассказать о встрече, но в трактирах и гостиницах у восточных границ Комморела можно было нередко слышать рассказы о том, как пропадают путни-

ки, отважившиеся заночевать на перевале. В этих историях Отвратительный был могуч, ужасен и полон жажды убийства. Мужчин он разрывал на части огромными когтями, женщин утаскивал в свое логово, которое никто никогда не видел.

Сейчас же он бежал, легко перепрыгивая с камня на камень, следя за Котаром и Аримой от самого начала тропы. Его налитые кровью глаза горели, сердце билось сильно и часто, довольное ворчание клокотало в глотке. Этой ночью мужчина будет мертв, женщина окажется в его власти. Лошади станут недурным ужином.

Наконец, уже в сумерках, утесы впереди расступились, и перед путниками открылась небольшая долина, занесенная снегом. На девственной белой глади чернела маленькая хижина — домик пастухов, пригоняющих сюда летом свои стада. Хижина вполне могла приютить путников на ночь.

Котар махнул рукой Ариме, оставшейся на тропе, и, когда та подъехала, указал на хижину. Девушка оглядела ее и пожала плечами, словно ночлег был нужен только ему, а не им обоим. «Нахальная сука! — пробормотал варвар себе под нос. — На тебя посмотреть, так ты предпочитаешь замерзнуть насмерть!»

— Я развею огонь, — сказал он вслух, — и мы по крайней мере будем защищены от снега и ветра. Ты сумеешь приготовить что-нибудь поесть?

В их седельных сумках было вдоволь еды и две большие фляги с красным мирмидонским вином. Котар уже предвкушал, как славно будет опустошить их, сидя в доме, у огня, да еще после сытного ужина! Ночевка обещала оказать-

ся не из худших. Будь Арима обычной женщиной, а не суккубом, она была бы просто великолепна...

Воин погнал Серебряного вперед, выбирая сугробы поменьше. Позади хижины оказался навес, защищенный от ветра. Там варвар мог напоить и расседлать лошадей.

Котар спешил и обернулся к женщине. Она вынула ноги из стремян и выжидающе смотрела на него. Варвар подставил руки, чтобы она могла опереться, спрыгивая. Арима милостиво улыбнулась ему.

— Служи мне верно, Котар, и я, быть может, уговорю Лори сохранить тебе жизнь — чтобы ты и дальше служил мне, в моем царстве духов.

Котар только молча сплюнул. Красотка ушла в хижину, а он расседлал лошадей и подвесил на спину каждой торбу с зерном. Запас зерна был невелик, но коням должно его хватить на этот вечер, а завтра путники будут уже в плодородных долинах предгорий.

Войдя в хижину, он увидел Ариму, съежившуюся в грубом плетеном кресле.

— Почему бы тебе не сотворить огонь? — насмешливо поинтересовался Котар, глядя, как она дрожит от холода.

— Я уже сказала: поберегу силы для другого, — огрызнулась девушка, даже не обернувшись.

В центре хижины был сложен круглый очаг, согревавший пастухов в холодные ночи. В углу Котар нашел дрова и немного хвороста для растопки. В крыше виднелось отверстие для дыма, прикрытое ветхой кошмой, а над очагом на распорках лежал железный вертел.

Котар принес седельные сумки и бросил одну из них к ногам Аримы.

— Захочешь ужинать — приготовишь себе что-нибудь.

Она злобно взглянула на улыбающегося варвара.

— Ты мог бы приготовить и для двоих!

— Мог бы. Но не хочу, — ответил он.

Порывшись в своей сумке, он извлек огромный кусок мяса и подвесил его над огнем. Затем взял котелок, вышел наружу и набил его снегом. Скоро в котелке закипела вода, и по маленькой хижине поплыл восхитительный аромат жареного.

Арима вздохнула и потянулась к своей сумке.

— Подвинься, — сказала она ворчливо, подходя к огню со своим куском мяса. Варвар только ухмыльнулся.

Внезапно он поднял голову, ухмылка исчезла с его лица.

— Ты слышала? — спросил он, вскакивая на ноги.

Арима скорчила рожицу.

— Что ты мечешься, как пойманный тигр. Сядь. Что я, по-твоему, должна была услышать?

— Скрип снега. Кто-то ходит вокруг.

Только свист ветра доносился снаружи. Котар подался вперед, прислушиваясь к ночным звукам. Устраиваясь у огня, он снял перевязь с мечом. Ножны стояли у дверей, прислоненные к стене. Котар шагнул к ним...

Но до меча он дотянуться не успел. Ветхая стена хижины проломилась от могучего удара. Щепки и обломки досок полетели во все стороны. После второго удара путники увидели огромную руку, поросшую длинной белой шерстью. К трес-

ку дерева добавился ужасающий вой, и Отвратительный прыгнул через пролом — целя когтями в грудь Котара.

Его встретил удар кулака варвара, сокрушительный, как удар молота. Раздался хруст ломающихся костей, из-под кулака Котара, попавшего полужверю прямо в губы, хлынула кровь. Отвратительный взвыл, но вой его заглушил истощенный визг Аримы. Нырнув под удар когтистой руки, Котар впечатал второй кулак прямо в живот чудовищу. Раздался крик боли и ярости, полужверь схватил варвара огромными мохнатыми лапищами и оторвал от пола.

Котар вырывался, как мог, но сильная тварь, подержав варвара в воздухе не более секунды, отшвырнула его к противоположной стене. Доски затрепали, но выдержали. Куча трухи и опилок облаком взвилась вокруг Котара. Полуоглушенный, он рухнул на пол.

Отвратительный с рычанием повернулся к верещащей Ариме.

— Проклятая тварь, — пробормотал Котар и прыгнул на врага.

Они покатались по полу беспорядочным клубком. Ключья белой шерсти полетели во все стороны. Наконец мельтешение рук и ног прекратилось, и Арима увидела Котара, сидящего на твари верхом. Колени варвара крепко удерживали распростертое на полу чудовище, бронзовые кулаки осыпали ударами его обезьянью голову.

Человек-зверь извивался и выл от боли и ярости.

Огромные когтистые пальцы скребли по кольчуге варвара, стараясь добраться до тела, выдирая куски кожи из туники воина. На руках и

ногах Котара было уже много длинных кровавых следов от когтей чудовища, но кольчуга надежно защищала самые уязвимые части его тела. Не обращая внимания на раны, Котар дубасил тварь по морде.

Отвратительный уже не думал о легкой добыче, он ужом корчился в мертвой хватке ужасного человека, мечтая выбраться из хитины живым. Никогда еще не приходилось ему встречаться с людьми такой силы и ловкости. Изогнувшись, он умудрился вырвать у варвара клочок волос. Котар, озверев, обрушил на него один за другим три особенно сильных удара, и несчастная тварь, хныча и скуля, извернулась последним отчаянным движением — и скинула задыхающегося варвара.

Вскочив на ноги, человек и получеловек на какое-то время замерли, сжимая кулаки и тяжело дыша. Арима, онемев от ужаса, заломив руки так, что побелели суставы, безумными глазами смотрела на противников.

Полузадушенный, ничего не соображающий, горный человек вдруг нагнулся и со всей силы ударил варвара головой в живот, рискуя сломать себе шею. Менее всего ожидавший этого Котар не устоял на ногах. Его отбросило назад, и он крепко ударился спиной и затылком о каменную кладку очага.

Все поплыло у него перед глазами, он затряс головой, пытаясь прийти в себя.

Не дожидаясь, когда варвар встанет и убьет его, Отвратительный хрюкнул и кинулся к женщине. Довольная ухмылка сделала его уродливое лицо еще более мерзким, кровь, текущая из разбитого носа и пузыри кровавых слюней довершали картину. Арима закричала так, как не

кричала ни одна женщина. Горная тварь снова хрюкнула, схватила красавицу когтистыми ручищами, взвалила на плечо и помчалась прочь из хижины.

Котар, с трудом встав на ноги, жадно глотал воздух. Спина и затылок варвара превратились в один огромный кровоподтек. Увидев, как тварь выпрыгивает в проделанную им дыру в стене, Котар решил, что все сложилось наилучшим образом. Пусть этот дикарь съест ведьму живьем, пусть присоединит ее к своему гарему — как угодно. Лишь бы избавиться от нее и...

Но это было тело не Аримы, а маленькой Малхи. Золотоволосой Малхи с чудной детской улыбкой, чья душа скиталась теперь в мрачных долинах Ниффергейма.

Завернув четырехколенное ругательство, Котар кинулся вслед за убегающим похитителем женщин.

В три прыжка нагнав Отвратительного, варвар вскочил на плечи чудовища и сжал ему горло железными пальцами. Полузверь вздрогнул и выронил добычу.

Даже изрядного веса Котара не хватило на то, чтобы опрокинуть Отвратительного, но высвободиться из рук варвара человек гор уже не мог. Он хрипел, терзая когтями кольчугу Котара, крутился на одном месте, пытаясь сбросить всадника, выл и шарахался из стороны в сторону. Голова его клонилась все ниже. Он был совершенно беспомощен.

Слепо тычась во все стороны, Отвратительный вдруг завыл и со всего размаху ринулся на стену хижины. Он мог разбить себе голову, но надеялся разбить при этом и голову безжалостного седока. За два шага от стены Котар догадался, чего хочет

чудовище, и успел, схватив за длинную шерсть на затылке, подставить под удар круглую обезьянью голову чудовища.

Стены хижины зашатались, но выдержали. Выдержал и череп Отвратительного. Но, как показалось варвару, эта неудача окончательно лишила чудовище рассудка. Дико вращая красными глазами, оно попыталось взвыть — но из горла его вырвался лишь невнятный хрип.

Обезумев от боли и ярости, горный человек стал бегать из стороны в сторону, колотясь головой обо все, что попадалось на пути. Арима, уже пришедшая в себя, с восхищением следила за этой скачкой. Испробовав на себе чудовищную силу рук Отвратительного, она никак не могла поверить, что полузверя может убить безоружный человек — пусть даже такой великан, как Котар. И тем не менее варвар побеждал.

Согнувшись втрое, метался Отвратительный по хижине, а Котар восседал на нем, как насекомое-паразит, высасывающее соки из оседланной гусеницы. Внезапно мутный взгляд чудовища остановился на ней, женщине, с которой все началось. Вот с кем следовало бы разделаться! Отвратительный снова захрипел и ринулся к Ариме.

Одного удара его когтя было бы достаточно, чтобы вышибить из нее дух, но Котар, снова вцепившись в волосы чудовища, заставил его запрокинуть голову и крикнул:

— Уберись! Спрячься куда-нибудь!

Но Арима его не слышала. Она словно примерзла к месту. Человеческий страх сковал ее. Она еще не настолько освоилась с телесной оболочкой, чтобы справиться с оцепенением.

Котар зарычал и сильнее стиснул пальцы. Мышцы у него на руках вздулись чудовищными

буграми, казалось, они вот-вот прорвут бронзовую кожу. Невнятный писк вырвался из горла несчастной твари. Ноги Отвратительного подкоились. Он еще успел потянуться когтистой рукой к Ариме — но рухнул замертво, даже не поцарапав ее.

Варвар резко выдохнул. Раздался громкий хруст — и еще дергавшееся чудовище замерло, ткнувшись лицом в теплую золу очага. У Отвратительного была сломана шея.

Не слезая с загривка уже мертвой твари, Котар подмигнул женщине:

— Вот теперь ты в безопасности.

Она еще не пришла в себя после пережитого потрясения. Дыхание Аримы с хрипом вырывалось из ее горла, грудь вздрагивала от бешеных ударов сердца. Девушка облизнула губы, пытаясь что-то сказать, но выдавила из себя только невнятное восклицание.

— Клянусь всеми богами Бандамарра! — выдохнула она наконец. — Варвар, ты мне нравишься!

Глаза Котара сверкнули.

— Настолько, что ты отказалась бы помогать Дори?

Суккуб опустила голову и долго молчала, водя пальцем по закопченным камням очага.

— Да. — Арима подняла голову и взглянула в глаза варвару. — Да, но не теперь. Я связана словом и не могу нарушить обещание — даже если бы захотела. Но когда рыжая ведьма будет свободна... — Да, тогда я смогу помочь тебе, Котар!

— А что ты захочешь за эту помощь?

Арима покачала головой. Быть может, Котару показалось, но глаза ее стали из зеленых светлоглубыми.

— Еще не знаю. Оказывается, быть человеком — это уже само по себе вознаграждение. Страх. Удовольствие — например, от зрелища настоящей битвы за твою персону. — Она повела рукой, словно подчеркивая этим жестом свою принадлежность миру людей. — Запах мяса, морозный воздух, прикосновение одежды к коже. Всего этого я не знала в своем мире, у нас все иначе.

Увидев, как Котар встает и сгребает за шкуру мертвое тело Отвратительного, девушка сразу сменила тон.

— Что ты собираешься с ним сделать?

— Заткнуть им дыру в стене. Становится холодно, а под утро будет еще холоднее. Он нам пробил дыру в стене, пусть он ее и заделает.

Вернувшись, Котар заново разжег огонь, дожарил мясо и протянул один из кусков женщине.

— Ешь. Сытому холод не помеха.

Глядя, как Котар кусает белоснежными зубами сочное жаркое, Арима вздохнула и последовала его примеру. Мясо оказалось превосходным. Вино, разлитое по двум деревянным чашам, окончательно согрело и взбодрило девушку. Пережитый ужас остался где-то позади, ей было уютно и тепло.

Только когда Котар вытряхнул из седельных сумок два шерстяных одеяла, она сморщила носик и помотала головой.

— Не могу. Они насквозь провоняли лошадиным потом.

Варвар пожал плечами и, улегшись у огня, завернулся в оба одеяла. Снаружи завывал ветер, в дыру в крыше залетали снежинки. Арима сжалась в комочек и придвинулась поближе к очагу.

Спустя некоторое время Котар поднял голову и отогнул край одеяла.

— Иди сюда, гордячка. Ты покроешься льдом и обрастешь белым инеем, просидев так всю ночь. Иди, я тебя согрею.

Арима не заставила долго себя упрашивать. Скользнув к нему под одеяло, она свернулась калачиком и затихла, отогреваясь. Котар подоткнул края со всех сторон и замер. Очень скоро девушка почувствовала себя гораздо лучше и блаженно вытянулась во весь рост.

Уже засыпая, она обняла варвара, прижавшись к его теплому боку.

— Спи, Арима, — сонно пробормотал Котар. — Малха мне как младшая сестренка — не забывай, что ты все-таки в ее теле.

Суккуб лукаво улыбнулась, не открывая глаз.

— В другой раз, Котар, — хихикнула она.

Глава 5

Город Комморел спал. Полуденное солнце сверкало в зените, на улицах было полно народу, и Котар с недоумением вглядывался в окаменевшие лица мужчин и женщин, застывших, словно заснули на ходу. Они напоминали искусно сделанные и раскрашенные статуи, которые чудаковатый скульптор нарядил в яркие платья. Руки подняты в неоконченных жестах, губы приоткрыты в недосказанных фразах. Позы людей были самыми разными, одинаковым казалось лишь одно: широко раскрытые испуганные глаза, уставившиеся в одну точку. Котар, дивясь, пробирался меж этих живых изваяний, ведя под уздцы Серебряного и белую кобылу.

На шаг впереди него шла Арима.

Голубое сияющее облако все еще клубилось вокруг нее. Она спешила сразу за городскими воротами, когда путники пробрались наконец сквозь столпотворение приезжих, фермерских повозок и фургонов, широким потоком вливавшихся в город.

— Вот теперь самое время пустить в ход мою демоническую сущность, — сказала Арима и сделала один-единственный жест.

Тотчас облако голубого света охватило ее маленькую фигурку. И наступила тишина. Всякое движение вокруг Аримы и Котара прекратилось. Звонко прогремел молот, опустившийся где-то на наковальню, и это был последний звук, который они услышали. Гомон толпы оборвался, все люди разом окаменели. Стражник, направившийся к ним от ворот, застыл в нелепой позе.

Город замер, оцепенев под воздействием небывалого колдовства. Арима спокойно направилась к воротам внутренней стены, и Котару не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ней.

Пройдя через весь город, они вышли к огромному зданию светлого камня. Дворец в Коммореле был одним из самых красивых дворцов, когда-либо виденных Котаром. Он любил бывать здесь время от времени. Но сейчас он предпочел бы быть за тысячу лиг от него.

На огромной террасе южного крыла дворца размещался Зал Приемов, где королева Эльфа вершила суд и принимала гостей. Подвешенные к резным деревянным балкам высокого потолка, покачивались в нем две клетки.

В золотой пребывал в вечном заточении низложенный король Маркот.

В серебряной бесновалась Лори, рыжая ведьма.

Котар ухмыльнулся, вспоминая, как он с помощью Казазаэля, мага королевы, сверг Маркота с престола, а после изловил Лори, как раз когда та читала заклинания, которые должны были погубить Казазаэля. Королева Эльфа распорядилась посадить обоих в приличествующие их былому могуществу клетки и повесить в Зале Приемов, где в дни суда они были видны даже с площади перед дворцом — в назидание всем претендентам на ее престол.

У огромных, от пола до потолка, двустворчатых дверей Зала Приемов Арима остановилась и обернулась к Котару.

Обычно двери открывали четверо слуг. Варвар ухватился за тяжелые медные кольца и рванул на себя. Обитые чеканной медью створки нехотя поддались — и поехали в стороны под действием собственной тяжести. Котар вошел в Зал Приемов.

— Добро пожаловать, мой варвар! — услышал он ликующий вопль.

Он задрал голову и увидел Лори — во плоти, а не призраком, единственную, кого во всем городе не затронули чары суккуба. Рыжие волосы ведьмы струились вдоль обнаженного тела, тонкие пальцы вцепились в серебряные прутья. Долгие месяцы томилась она в своей роскошной тюрьме. Но час свободы теперь был близок, и ведьма не могла сдержать радостного смеха.

— А, вот и моя Арима, верный мой демон!

— Я выполнила все, что ты велела, Лори, — бесцветным голосом сказала Арима. — Я привела твоего мужчину. Весь город недви-

жим, так что Котар может делать то, за чем пришел.

Котар оглядел клетку. Достать ее с пола было невозможно.

— Мне нужна веревка и железный крюк, — мрачно объявил он.

— Вон за той дверью, мой варвар, ты найдешь и то, и другое, — проворковала Лори. — С их помощью мне поднимают корзину с едой, так что, я думаю, тебе подойдет.

Он вышел, куда было сказано, и действительно нашел прочный крюк, в кольцо которого была продета сдвоенная длинная веревка. Зацепив крюк за клетку, тюремщики привязывали маленькую корзинку к специальному кольцу, укрепленному на веревке, и подтягивали еду к клетке, а Лори уже сама втаскивала корзинку сквозь прутья и швыряла вниз крюк, стараясь попасть им в кого-нибудь.

Смотав веревку, Котар вернулся в зал.

Раскрутив крюк, как пращу, он закинул его высоко вверх, но промахнулся. Со второй попытки ему удалось зацепить крюк за прутья клетки. Выровняв оба конца веревки, варвар ухватился за нее и начал взбираться наверх.

Как нетерпеливая обезьянка, подпрыгивала Лори в клетке, дожидаясь, когда варвар ухватится за серебряные прутья. Подтянувшись, Котар встал на дно клетки. Встала и Лори, глядя на своего врага сквозь прутья раскосыми зелеными глазами, в которых смешались насмешка и надежда.

Котар расставил ноги пошире и начал разгибать прутья.

Весь купол клетки был исписан магическими знаками, против которых рыжая ведьма была

бессильна. Но на воздействие грубой физической силы эти заклинания не были рассчитаны. Обычный человек вряд ли смог бы справиться с толстыми прутьями, но под могучими руками варвара мягкое серебро гнулось — медленно, но верно.

В тихом смехе Лори зазвучали нотки триумфа.

— Только ты способен на такое, Котар!

Он раздвинул прутья настолько, чтобы в образовавшуюся дыру могло пройти ее гибкое тело. Лори, сияя, скользнула меж прутьев и прижалась к варвару.

— Теперь спусти меня вниз!

— Смотри, чтобы я тебя не выронил, — заявил Котар. — Но спустить тебя, конечно, придется — ведь с тех пор, как Казазаэль сделал тебя обычной женщиной, летать ты не умеешь, а, Лори?

Странное выражение мелькнуло на лице колдуньи: смесь гнева и страха.

— Если ты скинешь меня, Арима отомстит тебе!

— Не думаю, — ухмыльнулся Котар. — Она будет только рада убрать тебя с дороги. Твоя смерть развяжет ей руки.

Этого Лори явно не ожидала.

— Вот даже ка-ак? — насмешливо протянула она. — Уж не наложил ли ты на нее свои мужские чары? Признайся, Котар, ты уже переспал с ней?

— Нет, — не менее насмешливо ответил ей варвар. — Это, к сожалению, невозможно, пока она в теле Малхи. А потом... кто знает?

— Ладно, спусти меня вниз!

Лори обхватила Котара за шею, и варвар, придерживая ее одной рукой, начал осторожно спус-

каться. Когда ноги его коснулись каменных плит, он отпустил Лори, и та спрыгнула на пол.

Одарив Котара величественным кивком в качестве благодарности, рыжая ведьма обернулась к Ариму.

— Прими мою признательность, Арима. Я твоя должница.

Золотая головка Малхи склонилась в медленном кивке.

— Теперь уйдем отсюда, — заявила ведьма. — Чары скоро рассеются, нам надо успеть удрать из города, прежде чем люди проснутся.

Выйдя из дворца, Лори направилась к ближайшей лавке с одеждой и выбрала там себе платье и плащ по вкусу. Арима, все еще окруженная золотисто-голубым облаком, держалась поодаль с того самого момента, как Лори получила свободу.

Оказавшись за городскими воротами, Арима вдруг остановилась. Облако таяло, и вместе с ним таяла одежда на ней. Она упала на колени, согнувшись, пытаясь прикрыть свою наготу.

— Мизран всемогущий! — услышал Котар новый голос.

Варвар обернулся. Суккуб ушел в свой прозрачный мир, вместо него тело заняла прежняя хозяйка, совсем иначе относившаяся к собственной наготе. Девушка едва не умерла от изумления и ужаса, очутившись вдруг без одежды посреди дороги на окраине совершенно незнакомого города.

Котар поспешно подошел и набросил плащ ей на плечи.

— Запахнись и не дрожи так, — проворчал он.

Судорожно вцепившись в плащ, девушка испуганно оглянулась — на ворота Комморела, а потом на Лори, уже восседавшую на спине белой

кобылы. Глаза Малхи наполнились слезами, она слабо всхлипнула.

— Ты узнаешь меня, дитя? — мягко спросил Котар, обнимая ее за плечи.

— Н-нет... То есть да! Ты — Котар!

— Верно. Твой отец послал меня забрать тебя у жрецов Пультхума. Они хотели принести тебя в жертву своему богу. Но ты, наверное, не знаешь об этом, ты к тому времени была уже в Ниффергейме. Твое тело захватил суккуб, но теперь ты вернулась в него.

— Это было ужасно, — прошептала девушка, снова всхлипывая.

Он кивнул и посадил ее на своего жеребца. Затем сам вскочил в седло.

— Держись крепче за мой пояс, детка. Нам предстоит долгий путь.

— В Мемфор, — холодно уточнила Лори.

— В Клон Мелл, — отрезал Котар. — Я должен вернуть Малху отцу. Кроме того, я у него кое-что оставил.

Лори надменно выпрямилась, явно собираясь спорить, но Котар прищипнул Серебряного и обронил через плечо:

— Город просыпается, ведьма. Можешь оставаться здесь и дожидаться своих тюремщиков. Они не замедлят явиться.

Ведьма молча развернула кобылу и поехала за ним.

Весь этот день колдунья молча скакала бок о бок с Котаром и Малхой, и варвар время от времени украдкой бросал взгляд на ее злое, но прекрасное лицо. Она, несомненно, обдумывала, что же ей делать дальше. Но сейчас Котара гораздо больше интересовал рассказ Малхи о ее злоключениях.

— Это было совсем мертвое место, — объясняла она, сидя позади его на широкой спине боевого жеребца. — Одни серые камни и пыль. И небо такое же серое и совсем мертвое. Там некуда идти — везде одни и те же камни, и не с кем поговорить, и некому пожаловаться.

— Ты вернулась в мир живых, девочка. Возблагодари Мизрана и забудь о Ниффергейме.

— Как я забуду? Стоит мне закрыть глаза — и я снова там. Он теперь навсегда останется во мне, а я — в нем.

— Пройдет время, и ты будешь думать иначе.

В ответ она только крепче обхватила талию варвара. Котар почувствовал, как голова девушки прижалась к его спине.

— Может быть... — пробормотала Малха и заснула.

Оберегая ее сон, Котар придержал коня, заставив его перейти на шаг. Лори, немедленно обогнавшая их, повернула назад и подлетела к воину, гневно сверкая глазами.

— Ты не можешь ехать быстрее? — выкрикнула она. — В городе уже наверняка знают о моем побеге. Обыскав все дома, Эльфа отрядит за нами погоню, а ты отлично знаешь, что она со мной сделает, если схватит! — Видя, что Котару все равно, ведьма вкрадчиво добавила: — Да и тебя схватят, между прочим!

— Пусти в ход свои колдовские штучки, — равнодушно посоветовал Котар.

— Ты же знаешь, что я не могу! — взъярилась Лори. — Всю мою колдовскую силу похитил Казазаэль! Ты сам сказал: я теперь просто женщина.

Котар оскалился, продемонстрировав свои великолепные крепкие зубы.

— Это здорово! Тогда я могу просто воткнуть тебе кинжал под ребра, когда ты начнешь мне слишком надоедать!

— Да-а? — зло расхохоталась Лори. — А кто тогда удержит Ариму от посягательств на тело Малхи? Второй раз она не захочет с ним расставаться! У нее, похоже, слабость к тебе, Котар.

«Звучит достаточно веско, чтобы заставить задуматься, — оценил варвар слова колдуньи. — Ведьма может и обманывать, но риск слишком велик. Придется придумать другой способ отделаться от сумасшедшей. И кстати, неплохо было бы узнать, что понадобилось ведьме в Мемфоре».

Но все же он уступил и подхлестнул коня. Вскоре беглецы были уже в предгорьях, но вместо того чтобы снова отправиться через перевал, Котар свернул к югу, в обход горной гряды. Во-первых, у них с Малхой был теперь один меховой плащ на двоих, а во-вторых, погоня, если таковая и будет, вероятнее всего, станет искать беглецов именно на перевале.

На рассвете третьего дня пути они въехали в Клон Мелл, влившись в поток мастеровых и торговцев, спешивших открыть свои лавки. В этот ранний час от всех чайных тянулись запахи свежееиспеченного хлеба и жарящегося мяса: они готовились принять толпы приезжих, каждый день стекающихся в этот город, стоящий на пересечении всех торговых путей юго-востока. Сюда вели караваны купцы из Мирмидонии, южных провинций Вандазии и даже из далекого Абатора. Здесь торговали всем, чем были богаты пышные южные земли, — от тончайших ювелирных

изделий и драгоценных камней величиной с куриное яйцо до глиняных горшков, от тонконогих лошадей с точеными шеями до темнокожих рабынь.

Лори, въехав в город, отстала, заявив Котару:

— Вези девчонку к отцу, а потом разыщи меня в Рукописном Ряду. Помнится, я как-то видала там кое-что полезное.

Котар удивленно поднял брови.

— У тебя есть деньги? В Клон Мелле принято расплачиваться золотом, а не любезной улыбкой.

— Ты заплатишь за меня, — мурлыкнула она, склонив набок прелестную головку. («Все-таки она невероятно красива», — подумал Котар.) — Пэш Мах щедро вознаградит тебя за дочь. От тебя не убудет.

Варвар пожал плечами и повернул коня.

На этот раз дверь ему открыл сам Пэш Мах, вылетевший на стук так быстро, как позволяли ему годы. Отец и дочь, на мгновение забыв о Котаре, кинулись в объятия друг другу. Варвар долго переминался в сторонке с ноги на ногу, прежде чем Пэш поднял на него мокрые от слез глаза.

— Чем я могу вознаградить тебя за это, сын мой? — дрожащим голосом спросил старик.

— Уходя, я оставил у тебя камни. Заплати за них, и довольнo.

— Ну, так просто ты не отделаешься, — решительно кивнул Пэш. — Чистое разорение, конечно, но герой должен получить свою награду. Так что...

— Так что рассчитайся со мною честно, а не как обычно! — расхохотался Котар. — Это будет достаточным разорением!

Старик понимающе улыбнулся в ответ.

— Чем ты хочешь получить плату?
— Серебром.
— Серебром?! — вытаращил глаза торговец. — Да тебе понадобится еще одна лошадь, чтобы увезти все это серебро!

— Ну так прибавь лошадь к мешку с монетами — глядишь, он станет полегче.

— Хорошо, раз ты так хочешь... У меня как раз есть запас фалькарского серебра — их монеты полновеснее, чем остальные, и «бегущий леопард» ценится дороже на всех базарах... Но тебе все равно нужна будет лошадь.

— Угу, и большая переметная сумка в придачу, — кивнул Котар.

Войдя вслед за стариком в лавку, Котар принялся разглядывать диковины Пэш Маха, пока тот рылся в сундуках, извлекая на свет обещанное серебро. Монгрольское оружие соседствовало здесь с золотыми гривнами из Эгиптона, черные статуэтки жаркой Мирмидонии — с мехами Россы. Не случайно абаторский лук нашелся именно здесь. «Старик держит в своей маленькой лавке сокровища, собранные со всего мира», — подумал Котар и усмехнулся такой мысли.

— Я еду отсюда в Мемфор, — сказал Котар, глядя, как Пэш ловко пересчитывает столбики монет специальной дощечкой с делениями.

— Страна усыпальниц и тайн, этот Эгиптон, — отозвался Пэш Мах, не отрываясь от счета. — Там кругом один песок. Зачем тебе туда?

— Хочу наняться в армию Фараха, да будет он жив и здоров, — усмехнулся Котар, передразнивая эгиптонскую манеру речи. — Надоело скитаться по свету.

— Берегись, в их усыпальницах полно злых духов. — Пэш закончил подсчет, добавил лиш-

нюю щедрую горсть серебра и кликнул мальчишку-помощника. Котар отстранил мальчика и сам держал сумку, пока старик ссыпал в нее звонкие монеты с «бегущим леопардом». Сумка и впрямь оказалась увесистой даже для широкоплечего варвара. Взяв ее на плечо, Котар вышел из лавки и стал прилаживать сумку на луку седла Серебряного. Пэш вышел за ним следом — проводить.

— А где Ишраэль? — небрежно поинтересовался Котар. — Что-то я его не вижу.

— Ишраэля нашли мертвым в развалинах храма, — ответил Пэш, покачав головой. — Видно, это он сосватал мою дочь в невесты Пультхуму. Может, жрецы обещали за это снова сделать его мужчиной... Как ты думаешь?

Серебряный недовольно косил глазом на хозяина — переметная сумка весила чуть ли не вполовину веса седока. Котар навьючил поверх нее одеяла, чтобы звон монет был потише, и вскочил в седло. Из дома выскочила Малха, и варвар, нагнувшись, расцеловал ее в обе щеки.

— Приезжай снова! — попросила она, и слезы стояли в ее синих глазах. — Я буду молиться за тебя каждый вечер всю свою жизнь. Ты и представить не можешь, от чего спас меня!

Старик не удержался и всунул Котару в руку еще мешочек, судя по тяжести, набитый монетами. Варвар покачал головой, но Пэш замахал на него руками:

— Купи себе еще одну лошадь, как собирался. Храни тебя Мизран, Котар.

Кивнув на прощание отцу и дочери, варвар не спеша направил коня в сторону Рукописного Ряда, как здесь называли улицу торговцев самы-

ми разными манускриптами и книгами на языках живых, мертвых и языках, известных только живым мертвым. Там он очень скоро разыскал Лори — ее красный плащ, подбитый теплым мехом, был виден издалека. В руках у нее была плетеная сумка, набитая книгами.

— Двенадцать золотых монет, — объявила она.

— Всего-то? Ну, это еще куда ни шло, — отозвался Котар. — А что это за книги?

— Книги, которые помогут мне. Расплатись с торговцем!

Хмыкнув, Котар сделал, как просила ведьма. Серебра в его сумке несколько поубавилось, что заставило его вспомнить проклятие Азгоркона: пока с ним Ледяной Огонь, деньги не будут задерживаться в его руках. Может, старый колдун сказал правду. Неважно, Котар не променял бы свой меч на все сокровища мира. Видя, что деньги отданы, Лори вскочила в седло и, не медля ни секунды, направила лошадь в сторону городских ворот.

Котар последовал за ней, гадая, не идет ли он напрямиком к своей смерти.

Выехав из Южных ворот, они поскакали через всю страну вдоль восточных отрогов гор, чье гордое имя звучало как «крыша мира» на всех языках. Здесь кончались возделанные земли, а за ними начинались дикие пустоши, так что ночные костры двух путников горели то в снегу, то на островке посреди обширных болот, то у корней гигантской ели.

На каждой стоянке Лори уходила от костра, выбирала себе удобное местечко и садилась, скрестив ноги, изучать купленные в Клон Мелле книги. Так, согнувшись, хмурия высокий лоб и

шепча что-то про себя, сидела она до темноты. Заниматься костром, едой и лошадьми Лори предоставила Котару.

Толком не разглядывая книг, Котар все же краем глаза заметил, что в них имеются карты, которые ведьма изучала с особым интересом, словно заучивала наизусть. Помимо карт, в книги были вложены обрывки пергамента, явно более древние, чем сами книги. Их содержание Лори тоже старалась запомнить слово в слово.

Каждый раз, когда волшебница изучала свои книги, Котару приходилось звать ее есть дважды или трижды, и не потому, что Лори игнорировала варвара, а потому что не слышала его. Взгляд ведьмы был затуманен, движения рассеянны. В такие моменты она больше походила на пугливую, одинокую девочку, чем на ведьму. Варвар все больше утверждался в мысли, что Лори пытается вернуть себе что-то давно утерянное.

Но пока колдунья вела себя так, словно никогда не держала на Котара злости и не поклялась страшной клятвой отомстить ему, как ни одна женщина не мстила ни одному мужчине. День шел за днем, а она молча скакала рядом, делила с ним еду и ночлег, витая где-то в своих неведомых высях. Иногда, когда темнота уже не позволяла ей сидеть за книгами, обычно после поздней трапезы она болтала с Котаром и смеялась, как самая обычная женщина, а то рассказывала ему забавные истории той поры, когда еще владела магией. Раньше Лори была могущественной колдуньей, и ей едва не удалось погубить самого Казазаэля. Если бы не вмешался Котар, она, несомненно, победила бы старого колдуна.

Но теперь, похоже, желание мстить варвару оставило ее.

Этого Котар понять не мог.

За огромными болотами начинались степи Монголии, суровый край, где жили полудикие кочевники. Земля их была скудна, и они не занимались ничем, кроме разбойничьих набегов. Впрочем, некоторые племена разводили лошадей, но эти лошадки были хороши только для своих низкорослых хозяев. Котар когда-то уже познакомился с меткостью их стрел и предпочел бы ехать через горы, но Лори об этом и слышать не хотела.

— У меня нет времени делать такой огромный крюк, — заявила она. — Я спешу. Я сейчас беспомощнее котенка, а я не люблю быть беспомощной.

Они сидели у костра, друг против друга. В зеленых глазах ведьмы горели золотые искры.

— Мне сейчас нужен телохранитель вроде тебя, как какой-нибудь избалованной принцессе. И не просто телохранитель, а человек, который выстоит даже против демона, если потребуется.

— Куда мы едем? — ворчливо спросил Котар, пропустив своеобразное признание его достоинств мимо ушей.

— В Мемфор.

— А почему именно в Мемфор?

— Потому что там есть нечто, что поможет мне вернуть прежние силы.

Котар лениво потянулся за еще одним куском мяса, жарившимся на углях.

— М-м? А что будет с твоим верным телохранителем, когда ты снова станешь колдуньей?

— Я еще не решила, — хитро сощурилась Лори. Она сидела, обхватив руками колени, глядя на варвара из-под длинных ресниц. — Ты хорошо знаешь, что я тебя ненавижу. Я давно придумала, как тебе отомстить, только еще не знаю, с какого конца начать.

— Мне следовало давно придушить тебя, — заметил Котар так же лениво. — А еще лучше — бросить в этих степях.

— Ты этого не сделаешь. Бедняжка Малха снова отправится в Ниффергейм, а у тебя слишком доброе сердце. Право, ты меня изумляешь. Такая гора железных мускулов — и нянчится с какой-то девчонкой, которая тебе даже не любовница... Нет, не понимаю...

Колдунья помотала головой и рассмеялась, на чем и закончился их странный ночной разговор. Лори устроилась поближе к костру и снова уткнулась в карты, а Котар, как всегда, занялся лошадьми и мытьем деревянной посуды.

На шестой день пути Котар увидел на горизонте облако пыли, сквозь которое проступали смутные контуры животных и людей. Это были первые люди, которые встретились им за все время пути. Котар привстал на стременах и пригляделся.

— Караван, — объявил он наконец. — Сначала я решил, что это кочевники, но они движутся толпой и гораздо быстрее.

— Присоединимся?

— Они едут на юго-запад, а Мемфор лежит как раз в той стороне. Они наверняка боятся кочевников и будут только рады еще одному воину. Пожалуй, присоединимся.

И путники прищипорили лошадей.

За час до заката они предстали перед борода-
тым купцом из Мирмидонии, который благо-
склонно выслушал истории двух мирных путни-
ков, сбившихся с дороги. Караванщик погладил
бороду и, отсутствующе глядя на горизонт, изрек:

— Десять золотых с каждого.

— Десять золотых? — изумился Котар. — Да
вы еще заплатите мне, когда кочевники...

— Когда кочевники нападут, ты и твоя жен-
щина возблагодарите своих богов, что присоеди-
нились к нам, — оборвал его караванщик, наста-
вительно тыча пальцем Котару в грудь. — У меня
довольно наемников, чтобы защитить вас обоих.
Так что или десять золотых, или ступайте своей
дорогой.

И Котар заплатил, несмотря на ворчание Лори.

Они заняли в караване место, которое им ука-
зал купец: позади повозки, груженной шелком и
льном из Адиноса. Давно у Лори не было такой
роскошной — и дорогой — постели. Сам Котар
предпочитал ночевать под повозкой, завернув-
шись в шерстяные одеяла. Трата серебра в раз-
мерах двадцати золотых казалась ему чрезмерной
за такие удобства. Единственным изменением в
лучшую сторону было только то, что теперь ему
не надо было каждую ночь разыскивать в степи
топливо для костра — что было делом нелегким.
Этим занимались наемники купца, воины, обла-
ченные в сверкающие шлемы и кольчуги. Что ка-
сается защиты, то Ледяному Огню Котар доверял
больше, чем всем вместе взятым наемникам, но
зато теперь он мог спать всю ночь, вставая только
с рассветом.

Так, не заботясь почти ни о чем, ехали Котар
и Лори три ночи и два дня.

Наутро третьего появились кочевники.

Глава 6

Они вынырнули из утреннего тумана, в кото-
ром гаснут все звуки, словно призрачная охота
Джагтана, потрясая прямыми короткими луками.
Конские хвосты развевались у них на шлемах,
золото, добытое в удачных походах, позвякивало
на лошадиной сбруе.

Копыта их лошадей были обвязаны мягкими
овечьими шкурами, всадники неслись, не издавая
ни звука, и сонные стражи не заметили еле слыш-
ного гула их приближения.

Зато Котар услышал сквозь сон, как дрожит
под копытами их коней земля, и немедленно про-
снулся.

Отшвырнув одеяла, он выкатился из-под по-
возки и вскочил на ноги. Ему уже не раз дово-
дилось просыпаться от звука приближающихся
лошадей, и потому он кинулся к оружию, ревя,
как раненый бык:

— Кочевники! Эй, вставайте, кочевники идут!

Схватив лук и колчан со стрелами, Котар
прыгнул к ближайшему солдату, который мирно
дремал, прислонившись спиной к колесу повозки.
Барвар схватил его за плечи и хорошенько
встряхнул. Тот недоуменно и сонно заморгал гла-
зами, ничего не понимая.

— Лори! — крикнул Котар. — Проснись!

Взъерошенная и растрепанная со сна, из-за по-
лога высунулась голова Лори. Глаза у колдуньи
округлились от страха.

— Что происходит?!

— На нас несется отряд всадников, наверняка
монгололов! Ты не знаешь их. Это звери, а не
люди. Они владеют луком лучше, чем сам Пар-
фиан, бог охоты! Поднимайся, девочка! Живее!

Лори побледнела и стала быстро приводить себя в порядок, собирать одежду и вещи. Котар тем временем натянул тетиву на свой черный лук и проверил стрелы в колчане.

— Много их? — выдохнула Лори.

— Слишком много. Слышишь?

Даже она уже различала грозный гул, идущий по степи. Наконец, проснувшись, по лагерю заметались воины, на ходу проверяя оружие. Их предводитель, темнокожий мирмидонец, выкрикивал команды, которые никто не слушал. Раздались женские вопли, добавившие сумятицы в общую неразбериху. Кое-кто начал сдуру стрелять по качающейся на ветру траве.

Котар помог Лори выпрыгнуть из повозки.

— Живее, девочка, — повторил он. — Мы еще успеем удрать. Наши лошади хорошо отдохнули за эти два дня.

— Ты с ума сошел! Куда удрать? Караван — единственная наша защита, в степи нас просто нагонят и убьют! Можешь ехать, если хочешь, а я остаюсь!

Котар разозлился.

— Ты собираешься доверить свою жизнь этим вот росомахам? — зарычал он, махнув в сторону двух солдат, суетливо пробежавших мимо них. — Да это просто разжиревшие поросята! Вся сноровка, какая у них была, давно сгинула!

— Говори что угодно, а я остаюсь! — Лори вырвала свою руку из руки варвара. Глаза ее горели неукротимой злобой и упрямством.

Котар взглянул вверх ее головы.

— Время упущено, — криво улыбнулся он. — Незаметно улизнуть уже не удастся. Вон они. Скачут против солнца. — Он обреченно вздохнул и принялся выкладывать на землю одну за другой

стрелы из колчана. — Что ж, я всегда знал, что умру в битве. Стань позади меня, девочка, и смотри, чтобы в тебя не попали... Пока я жив, тебе ничего не грозит, — добавил он с улыбкой, от которой у ведьмы похолодело сердце.

— Если бы ты не засунул меня в эту клетку! — выкрикнула она, с размаху шлепая его по той самой спине, что должна была защитить ее. — Я могла бы вызвать духов, превратить варваров в свиней или перенести нас обоих за Внешнее море! Да тебя убить мало, Котар!

— Тебе сегодня представится случай увидеть меня мертвого, — угрюмо заметил он, пересчитывая стрелы. Их было всего двадцать. — Скажи мне лучше вот что: если я вытащу из этой передражки нас обоих — забудешь ты про свою трехклятую месть?

Колдунья отвернулась, не ответив. Прикрыв глаза ладонью, защищаясь от лучей встающего солнца, она смотрела на приближающихся всадников. Они были уже отчетливо видны на фоне белесого неба: в коротких, по пояс, кольчугах, в отороченных мехом куртках с широкими рукавами. Их низкорослые лошадки мчались, словно смерч.

Караван уже заметил приближение всадников, и таиться больше не было смысла. Оглушительный вой и лающие выкрики пронесли над степью. Всадники стремительно приближались, и Лори видела их лица, плоские, с раскосыми глазами и приплюснутыми носами. Они натягивали на скаку луки — их единственное, кроме ножей, оружие. Наконец первый залп стрел обрушился на караван.

— Пока они не прорвались к повозкам, мы еще можем на что-то надеяться, — заметил

Котар. — Береги себя, девочка, мне сейчас будет не до того.

Глядя на орду, несущуюся на караван, как снежная лавина, Лори инстинктивно прижалась к огромному варвару. Теперь он казался ей единственным спасением от всех бед.

— Если мы выживем, Котар, я обещаю, что наша вражда будет забыта! Сделай так, чтобы мы выжили!

— Твоя, а не наша, — невозмутимо поправил ее варвар. — Я постараюсь.

Основной удар кочевников пришелся на дальний край каравана, но Котар не спешил менять удобную позицию. Чем позже всадники доберутся до них с Лори, тем лучше.

Охрана, загородившись повозками, открыла беспорядочную стрельбу.

— Идиоты, — пробормотал Котар. — Они только напрасно тратят стрелы.

Действительно, более тяжелые, чем у кочевников, стрелы мирмидонцев праздно тыкались в траву, не долетая до врагов. Тем временем всадники дали второй залп. Раздались крики боли — и женские, и мужские. Но мужских было больше: кочевники предпочитали не убивать женщин, а превращать их в наложниц или рабынь.

Котар выжидал, пока всадники не окажутся на расстоянии броска копья. Потом он не спеша натянул тетиву и выстрелил. Убедившись, что стрела попала в цель — один из нападавших слетел с лошади и кубарем покатился по земле, — Котар взялся за вторую стрелу.

Время тянулось нескончаемо долго. Варвар раз за разом отпускал тетиву с размеренностью кузнеца, обрушивающего молот на наковальню.

Перед ним лежало еще пять стрел, когда почти все солдаты были уже перебиты кочевниками. Но Котар оставался удивительно спокойным на фоне царившей вокруг паники. Оставшиеся в живых караванщики слепо метались меж повозок, как крысы в захлопнувшейся крысоловке.

За повозками слышались удары клинков: многие уцелевшие наемники вступили в рукопашный бой. Одна из повозок вспыхнула, облитая маслом и подожженная кочевниками. Черный дым повалил в небо.

Лори всхлипывала, скорчившись между колесом повозки и спиной Котара. Прямо к ним, хрипя в агонии, оставляя на траве кровавый след, полз воин со стрелой в левом боку. Какая-то женщина металась по лагерю с кричащим ребенком на руках. Рыжую ведьму трясло, она едва дышала, сжатая тисками ужаса. Варвар же оставался невозмутим и неподвижен.

С каждым его выстрелом кочевников становилось на одного меньше. Он подстреливал тех, кто, прорвав слабую оборону, появлялся среди повозок. Их трупы оставались лежать в траве, а лошади убегали.

Всадник вырос перед ними как из-под земли. Лори разглядела его до мельчайшей золотой бляшки, нашитой на ярко-алый кафтан. На плоском лице кочевника сияла широкая улыбка. Он еще улыбался, когда упал замертво, подстреленный Котаром. Варвар опустил лук и выругался: эта стрела была последней.

Закинув лук за спину и выхватив из ножен меч, Котар кинулся к лошади кочевника. Падая, всадник запутался в стремях и стреножил лошадь. Она отчаянно брыкалась, стараясь высвободиться, но прежде чем ей это удалось,

Котар схватил ее за уздечку. Пинком отшвырнув мертвое тело, он вскочил в седло с высокими луками.

— Скорее, Лори! Или ты будешь упрямиться и дальше?

Не чуя под собой ног, девушка помчалась к варвару, он подхватил ее и забросил себе за спину. Лошадка пошатнулась под двойной тяжестью, но скоро выправила шаг. Лори судорожно вцепилась в пояс Котара. Он пришпорил лошадь, и та с места взяла в галоп.

Припав к спине Котара, Лори с ужасом смотрела на картину резни. Повозки горели. Спешившиеся кочевники добивали раненых, вытаскивали из-под повозок караванщиков, чтобы перерезать горло; женщины были согнаны в одну дрожащую стайку. Многие бились в истерике: кочевники зарезали всех детей, включая одного трехмесячного младенца. Котар смотрел на это равнодушно — жалкие женщины жалких воинов! Десяток его соплеменников расправились бы с нападением быстрее, чем кочевники успели бы добраться до каравана. Но и варвару становилось не по себе от мысли, что большинство этих несчастных умрет сегодня ночью от пыток — исключая, быть может, самых красивых и молодых. Кочевники любят позабавиться после набега.

Он направил лошадку прямо на юг, хотя туда ему хотелось ехать сейчас менее всего. Там лежали малоизведанные земли Вандазии и Абатора. Поговаривали, что эти страны заселены демонами, призраками и прочими чудовищами. Но из этих двух зол неподтвержденные легенды казались меньшим, чем четыре десятка метких лучников, оставшихся за спиной. И Котар лишь

крепче сжимал коленями бока взмыленной лошади.

— Мои книги! — опомнилась вдруг Лори. — Мои книги и карты!

— Стоят ли они твоей жизни? — крикнул ей через плечо Котар.

— Стоят! Назад, Котар, надо вернуться за ними!

Варвар коротко рассмеялся. Удирая, он время от времени оглядывался назад и видел, что за ними не поскакал ни один всадник. Быть может, их побега кочевники даже не заметили. Но собрав лошадей и недосчитавшись одной, эти крысы не остановятся, пока не разыщут и не убьют их обоих.

Однако к тому времени Котар и Лори будут уже очень далеко. Уже теперь повозки были едва видны на горизонте, и только столб черного дыма четко указывал место резни.

Котар огляделся, подыскивая мало-мальски сносное укрытие, где можно было бы принять бой. Ничего подходящего не было видно — ни оврага, ни россыпи камней. И он скакал вперед, рискуя загнать несчастную лошадь до смерти.

— Котар! — вскрикнула Лори. — За нами погоня!

Пятнадцать или двадцать всадников с гиканьем и воем мчались по равнине. Они были еще далеко, но приближались с каждым шагом. Луки их были закинута за спины, жажда крови горела в узких глазах. Они хотели схватить и разорвать на части двоих беглецов, а не стрелять в них издали.

Тут лошадь Котара споткнулась.

«Еще немного, и она падет», — подумал Котар. И страшно выругался.

Даже такое выносливое животное, как лошадь кочевника, не могло долго выдержать бешеной скачки с двумя всадниками на спине. Она все чаще спотыкалась, голова ее клонилась все ниже, с морды клочьями летела пена. Монголы нагоняли беглецов, почти дышали им в спину. Раздался короткий свист — и стрела вонзилась в плечо варвара.

С рычанием раненого тигра Котар высвободил ноги из стремян и спрыгнул на землю.

— Скачи, девочка! — рявкнул он.

Размахивая мечом с немыслимой скоростью, Котар перерубил в полете вторую и третью стрелы. К этому времени кочевники уже почти окружили его, и меч варвара стал молнией метаться из стороны в сторону, отражая новые стрелы. Боль в плече была адская, но сейчас она только раззадоривала озверевшего варвара.

Мимо Котара в опасной близости пронесся всадник, и клинок Ледяного Огня окрасился кровью, разрубив тело сквозь кольчугу и одежду. Второй кочевник попытался обойти варвара слева — но тоже потерпел неудачу. Третьему острие меча вошло в горло в тот самый миг, когда он раскрыл рот, чтобы крикнуть.

Теперь Котар заботился лишь о спасении собственной шкуры, чтобы посмотреть, ушла ли от погони Лори. Силы были чудовищно неравными, но он выходил живым и не из таких поединков. Вся кровь бросилась ему в голову, варвар не чувствовал ни боли, ни усталости, круша кочевников направо и налево.

Шестеро уже лежали на земле, еще трое были ранены. Осыпая его проклятиями и бранью, всад-

ники попытались достать варвара своими короткими ножами.

Котар смерчем пронесся в кольцо выставленных вперед ножей. Сталь звенела громче, чем были раненые, трава под ногами стала буро-черной от крови. Варвар разил без промаха, но врагов оказалось слишком много. Котар уже почти ничего не видел перед собой, взгляд застилала кровавая пелена, но он без устали размахивал своим мечом, и кольцо вокруг него сужалось все больше и больше...

* * *

Очнулся он уже к вечеру, погребенный под грудой мертвых тел. Долго лежал Котар, не в силах пошевелиться.

Наконец, кое-как выбравшись из-под дюжины трупов, он переполз на не выпачканную кровью траву и лег, медленно приходя в себя. В небе с протяжным тоскливым криком парили черные птицы.

— Проклятые стервятники, — пробормотал Котар, имея в виду и птиц, и падаль.

По мере того как в голове прояснялось, боль сфокусировалась в двух точках — в левом плече и левой ноге. Со стоном сев, варвар осмотрел свои раны. Обломок стрелы торчал в икре, причиняя страшную боль при малейшем движении. Котар аккуратно потянул его на себя — и едва не взвыл. С третьей попытки ему все же удалось вытащить застрявший в мышце наконечник. Кость оказалась цела. Зачерпнув горсть земли, варвар прижал ее к ране. Земля, особенно влажная от росы, как сейчас, прекрасно останавливает кровь. Этому его научил один из гвардейцев королевы Эльфы.

Через какое-то время Котар мог уже стоять на ногах. Последний удар, сваливший его, он помнил смутно, но кровь, заливавшая лоб, подтверждала, что ему это не привиделось. По счастью, клинок ударил плащом, так что голова осталась цела. Поболит и перестанет.

Самым серьезным ранением оказалась стрела в плече. Котар мог нащупать обломок, но вытащить его одной рукой было невозможно. Если же обломок останется в ране, может начаться нагноение, и тогда выживший в бою с дюжиной кочевников варвар умрет от заражения крови. Котар оглядел бескрайнюю степь, простиравшуюся во все стороны. Ему нужен камень. Камень, на который можно было бы лечь и, воя от боли, вытолкнуть обломок...

Разыскав в гряде трупов Ледяной Огонь, варвар вычистил клинок о траву и вложил в ножны. Обыскав мертвых, он нашел две фляги с водой, одну с вином, мешочек вяленого мяса, мешочек черствых, но вполне съедобных лепешек и узел с какими-то неизвестными ему сушеными фруктами. В довершение ко всему он обнаружил на поясе одного из лучников увесистый кошель с деньгами. Лучше и быть не могло. Пусть мертвецы хоть раз спасут ему жизнь.

Пристроив разнообразную добычу на своем поясе и опустошив одну флягу, Котар отправился в путь пешком.

Два часа спустя ему пришлось признать, что дальше он идти не может. Потеря крови ослабила его настолько, что начала мерещиться всякая чушь.

Например, сидя в траве, он увидел гнедого абаторского скакуна с полным походным снаряжением, мирно пасущегося на расстоянии не

более полета стрелы. Ветер шевелил черную гриву коня, слышно было даже, как позвякивает уздечка. Скакун изящно выгибал сильную шею и переступал тонкими ногами, выискивая себе траву посочнее.

Котар помотал головой, пребольно ущипнул себя за бок, но конь и не думал растворяться в воздухе. Тогда варвар решительно направился к нему. К его удивлению, конь не шарахнулся, даже сделал несколько шагов навстречу воину. Котар пошел быстрее — и конь перешел на легкую рысь.

Ухватившись за повод, варвар припал к боку коня, тяжело и часто дыша. Белый бархатный нос ткнулся ему в губы. Котар улыбнулся и погладил изящную шею.

— Клянусь Дваллюком, ты родной брат моего Серебряного!

Седло оказалось несколько непривычным, но удобным. Передняя лука его была выше, чем у обычных седел, потник широким полукругом охватывал всю спину. Нахмурясь, Котар припомнил, что видел такие седла на миниатюрах старых хроник.

Несмотря на сильную боль, Котар пришпорил жеребца. Чем скорее он найдет место, где можно извлечь из раны обломок, тем больше вероятность того, что он выживет. Во все стороны простиралась степь, и Котар предоставил коню самому выбирать, куда ехать.

Через час скачки впереди замаячили какие-то строения. Котар, воспрянул духом. Если это жилище, то там он найдет и помощь, и еду.

Но приближаясь к тому, что смутной тенью виднелось на горизонте, Котар все больше утверждался в мысли, что ни помощи, ни еды

здесь ждать не придется. Перед ним встали развалины храма какого-то забытого бога. Гордые колонны, высеченные из черного мрамора, все еще подпирали небо, но арки провалились, а стены поросли мхом и травой.

И все же варвар подъехал ближе, остановившись у внешнего ряда гигантских колонн.

В глубине храма темнел прямоугольный алтарь. А позади алтаря в камне была вырублена ниша, при взгляде на которую у Котара почему-то пробежал холодок по спине.

Спешившись, варвар попытался пристроиться на упавшей колонне и вытащить обломок стрелы из плеча. Но едва он нагнулся, как чей-то голос прошептал:

— Не мучай себя, варвар.

Насторожившись, Котар огляделся в поисках сказавшего эти слова. Он никого не увидел, зато услышал тихий смех, когда схватился за рукоять меча.

— Брось свою сталь, варвар. Разве можешь ты убить бога?

Мгновенная догадка заставила Котара быстро обернуться. Темная ниша за алтарем была теперь не пуста — в ней клубилось бесформенное нечто. Оно росло, наливалось тьмой, красные сполохи пробегали по нему.

— Я — Торканнорр, варвар!

Котар ждал, не двигаясь.

— Неужели так быстро летит время в вашем мире? Или люди забыли меня так скоро? Скажи, разве мое имя незнакомо тебе?

— Я слышу его первый раз в жизни, — честно ответил Котар.

— Первый раз. Я вижу, мир, который я знал, сильно переменился за это время. Нет ни города,

ни холма, на котором высился мой храм. Только земля осталась та же. Земля, что теперь покрывает улицы и крыши у тебя под ногами. Жаль, это был прекрасный город, мне будет не хватать его.

Голос стих, и только ветер завывал между колоннами. Котар оглянулся на плоскую равнину у себя за спиной.

— Подойди ближе, смертный, — раздалось из тьмы.

Котар послушно подошел и встал у самого алтаря. Тогда тьма, прорезанная красными молниями, надвинулась и вобрала его в себя. Варвар почувствовал легкое покалывание во всем теле, особенно в плече, но почему-то не испугался. Во тьме раздался звук, очень похожий на тихое хихиканье.

— Монголы ранили тебя и оставили умирать посреди степи. То же они сделали и с моим храмом, и со всеми сокровищами, сокрытыми здесь. Так что у нас с ними общие счета!

Словно сквозь сляку или толщу воды увидел Котар равнины с черным песком и поля, где росли хрустальные деревья. В этом волшебном мире трава спорила своей белизной с чернотой земли. Огромный купол неба высился над равнинами, звонкий и прозрачный, как деревья. Станные создания сновали туда-сюда, возводя величественные здания.

— Это мой мир, смертный. Тот, в котором я так долго и безраздельно правил.

Видение пропало, тьма отступила, оставив ошеломленного варвара стоять у алтаря. При этом он чувствовал себя так, словно спал и ел четыре дня подряд, не делая больше ничего. Все его раны затянулись прямо у него на глазах, не

оставив ни следа на бронзовой коже. Коснувшись лба, он не нашел сгустков застывшей крови. У его ног лежал обломок стрелы, неведомо как извлеченный из плеча.

— Благодарю тебя, кто бы ты ни был, бог или демон, — в восхищении воскликнул Котар, когда обрел дар речи. — Мы и в самом деле задолжали кое-что этим кочевникам! Если ты не против, я пойду попробую им выплатить хотя бы часть нашего долга!

— Как? — улыбнулась тьма. — Скитаясь в напрасных поисках по всей степи?

— Но рано или поздно я найду их!

— Но к тому времени Лори может уже не быть в живых.

Сердце Котара едва не выпрыгнуло из груди.

— Так она жива!

— Конечно, жива — ведь она так красива. Но она — не более чем добыча для монголов. Они могут убить ее в любой момент. — Торканнорр помолчал, потом вкрадчиво спросил: — А почему ты так жаждешь сложить голову за эту женщину? Я знаю от других богов — или, если хочешь, демонов, все равно, — что она враг тебе.

Котар объяснил, почему он сопровождает рыжую ведьму, рассказав историю похищения тела Малхи. Бог черного храма слушал, не перебивая. Когда Котар замолчал, Торканнорр снова заговорил.

— Так видишь ты. А я ясно вижу, что в Книге Судеб обе ваши жизни сплетены в причудливый клубок. Ты следуешь за рыжей ведьмой потому, что так распорядилась Судьба. Если Лори сумеет очаровать колдовством, известным всем женщинам, ведьмы они или нет, какого-нибудь монгро-

ла, она найдет способ снова возродить свои спящие колдовские силы — а этого не должно произойти! Во всяком случае не сейчас. Книга Судеб говорит, что только ты способен остановить ведьму. Но каким образом, я не знаю.

Котар улыбнулся. Ощущение собственной значимости было приятно, он бессознательным жестом сжал крепче рукоять Ледяного Огня.

— Что я должен сделать сейчас?

— Приведи ее сюда. И приведи за собой монголов!

Тьма растаяла. В храме остались только ветер и золотоволосый варвар. Котар встряхнулся и вернулся к жеребцу. Конечно, в бою он предпочел бы Серебряного, но тот, вероятно, томился теперь в плену у кочевников.

Попятившись под весом варвара, конь быстро выправился, заржал и помчался на север, словно знал, куда везти своего нового хозяина. Котар, крепко сжимая бока жеребца коленями, отпустил повод, предоставляя животному самому выбирать дорогу. Он уже догадался, что конь — подарок Торканнорра, и скорее всего не простое животное.

Конь без устали бежал ровным галопом. Котар не спешил, ел и пил прямо в седле. После исцеления в храме он мог скакать хоть трое суток напролет, сидя на лошади как влитой. Так они и мчались, не уставая друг от друга, а ветер играл в желтых волосах Котара и черной гриве коня.

К исходу дня варвар почувствовал в воздухе запах костра и жаркого. Ничуть не смущенный темнотой, дивный жеребец нес его сквозь ночь тем же ровным галопом. Котар уже различал вдаль костры стоянки. Сосчитав огни, он подо-

брал с луки седла повод и придержал коня. Тот фыркнул и пошел широким шагом. Котар, встав на стремянах, вглядывался в темноту.

Лагерь кочевников оказался разбит в большой ложбине. У самого просторного и пестрого шатра Котар увидел связанных женщин из их каравана. Сбившись в кучку, они молча ели руками что-то малопривлекательное из больших деревянных мисок. Над ними на огромной груде пестрых одеял восседал тучный кочевник, одетый богато и причудливо. Под его расшитым золотом кафтаном мерцала кольчуга. Пышный конский хвост венчал остроконечный шлем. Котар догадался, что это, должно быть, вождь племени.

Соскользнув с седла, варвар размял затекшие ноги. Времени у него было вдоволь. Победная трапеза только началась, на всех кострах кипели котлы, от которых исходил запах мяса и приправ.

После еды начнется дележ добычи. Кочевники очень любят делить добычу и делают это долго, одновременно выпивая огромное количество перебродившего молока кобылиц. После того как они подерутся и напьются, можно будет пробраться в их лагерь и выкрасть Лори...

Взгляд Котара наткнулся на маленькие золотые ящички, доверху заполненные драгоценными камнями.

— Верно, варвар! — услышал он знакомый шепот. — Это и есть сокровища Торканнорра!

— Но как я заберу их оттуда?

— Что предоставь мне. Приведи к моему храму женщину и монголов.

Котар ухмыльнулся. Сейчас он может — подхватив на полном скаку Лори — промчаться через лагерь и увести за собой всех монголов до единого. Но с тем же успехом может при этом

превратиться в старую мишень, куда уже не выстрелишь, столько в ней дыр. Следовало дожидаться прихода ночи.

Наконец пир закончился, и кочевники стали делить женщин. Пленниц вывели на яркий свет и заставили демонстрировать перед воинами свои прелести. Женщина раздевалась и поворачивалась в свете костра, давая себя рассмотреть, пока из ряда кочевников не поднимался мужчина и не брал ее за руку. Тогда другой мужчина прыгал в круг света, и они начинали драться. Дрались либо до первой крови, либо до смерти — в зависимости от того, насколько сильны были притязания соперников на одну и ту же женщину.

Таким образом сильнейшие из племени забрали уже трех пленниц, когда в круг света вытолкнули Лори. Она стояла, не шевелясь, гордо вздернув рыжую голову, и ни тени страха не было у нее на лице. Но Котар, который хорошо ее знал, видел, что Лори близка к обмороку, настолько сильно она напугана.

Ее схватил за руку сам вождь, соскочивший со своих одеял. Обернувшись к кочевникам, он выкрикнул что-то на их лающем языке.

— Иди, Котар! Вызови его на бой!

— Да меня же убьют на месте, — возразил было варвар, но тут его жеребец двинулся вперед, рука варвара сама потянулась за Ледяным Огнем, и Котар услышал собственный голос, прогремевший в ночи:

— Сразись со мной, Имкак Хан! Эта женщина — моя!

Сидевшие у костров воины повскакали с мест и потянулись за оружием. Степь была их домом, они и не подумали выставлять часовых, хорошо

зная, что все караванщики перебиты, а до ближайшего города — четыре дня пути. Варвар на своем волшебном жеребце прокрался к ним, как лис в курятник.

Лори остолбенела, но не утратила величавости позы. Воин, державший ее за длинные волосы, выгаращился на Котара с самым глупым видом.

Котар вступил в круг света, и Имкак брезгливо обронил:

— Ты не монгол. Только монгол может сражаться с монголом за женщину. Твой вызов — порыв ветра в степи.

Жутковато улыбнувшись, варвар шагнул к вождю.

— Ты отказываешься? Тогда я скажу, что ты трус, способный только портить женщин. Я не видел тебя вчера с теми, кто напал на караван. Ты просто трус, Имкак Хан.

Котар обвел безмятежными голубыми глазами круг жадно слушающих воинов.

— Не так давно вы пытались убить меня, но не убили. Я жив — и пришел за тем, что по праву мое. Что же, все монголы такие трусы? Никто не отважится сразиться со мной? Или вы можете сражаться с настоящим воином только всем племенем?

Кочевники молчали, явно озадаченные.

— Может, вы просто не мужчины? Тогда на что вам женщины?

Лори уже вовсю хохотала, слушая эту перебранку, потом она решила подлить масла в огонь:

— Они просто бабы, а не воины, Котар! Трусливые овцы! А храбры они только с женщинами, да и то когда их дюжина, а женщина — одна!

Воин, державший Лори, дернул ее за волосы так, что колдунья едва не упала. Прежде чем

кто-либо успел что-то сообразить, Котар, не выпуская из правой руки обнаженный меч, кулаком левой ударил в челюсть надменного вождя.

Имкак упал, опрокинувшись на спину.

Воины с воплями и бранью повскакали на ноги, но Котар, дернув Лори к себе, взмахнул Ледяным Огнем перед самыми их носами:

— Назад! Не то я перебью вас всех! Неужто ваш князь — бессильный младенец, что не может сам постоять за себя? Не пора ли вам в таком случае поменять его?

Но Хан уже вскочил на ноги и бросился на Котара, размахивая коротким мечом. Он был высок, широк в кости, прекрасно сложен. Скоро варвар убедился, что он к тому же — великолепный воин. Кочевник сражался, постоянно меняя позицию, перекидывая меч из руки в руку, припадая на колено, бранясь и божась. Глаза его горели огнем.

Котар, напротив, был холоден и спокоен, Ледяной Огонь сам наносил и отражал все удары. Сталь звенела о сталь, сыпались искры.

Хан теснил Котара все дальше, они почти вышли из круга света, к удовольствию наблюдавших за поединком кочевников. Варвар таким образом подбирался все ближе к загону, где уже разглядел среди низкорослых лошадок своего Серебряного. Потому он отступал все дальше, прислушиваясь к одобрителю вою монголов со злой улыбкой.

Только когда его спины коснулась веревочная ограда загона и Лори тихо вскрикнула, Котар взялся за дело по-настоящему. Теперь уже он теснил кочевника, меч вращался в его руках с такой скоростью и силой, будто он всего секунду назад выхватил его из ножен. Имкак Хан, потративший

слишком много сил на атаку, начал уставать и ошибаться.

Он отступил на шаг, попятился, еще раз отступил — и споткнулся.

Широкие ухмылки на лицах его людей, следивших за неожиданным поворотом схватки, сменились угрюмой злобой. В синих глазах варвара ясно читалась смерть. Это видели кочевники, это видел и сам Имкак Хан. Поэтому, не дожидаясь развязки, он перекатился по земле, вскочил на ноги и яростно выкрикнул:

— Не стойте, дети шакала! Убейте его!

Но в этот миг Ледяной Огонь, описав в воздухе сияющую дугу, всей тяжестью обрушился на его череп. Кровь и мозги брызнули во все стороны. Имкак Хан, уже мертвый, замер на миг, прежде чем рухнуть на землю, Котар отпрыгнул назад к загону.

Серебряный, почуяв хозяина, перескочил веревочную ограду, и Котар свободной рукой забросил Лори ему на спину. Следом за ней он сам вскочил в седло, одним взмахом меча перерубив веревки. Лошади кочевников, обезумев от ужаса и запаха крови, с диким ржанием понеслись через образовавшуюся в ограде брешь.

Варвар подгонял отставших неистовыми воплями. Пестрая лавина лошадей пронеслась по лагерю монголов, сметая все на своем пути, кусаясь и лягаясь. Несколько кочевников были затоптаны.

Котар и Лори оказались в хвосте этого потока. На крик варвара примчался гнедой жеребец, бесстрашно вклинившийся в разбегающийся табун. Маленькие лошадки шарахались от него, как от зачумленного, — им не нравился запах колдовского скакуна.

На миг соскочив на землю, Котар взлетел в высокое седло гнедого. Лори осталась на Серебряном. Где-то в темноте тренькнула тетива лука. Промчавшись по лагерю кочевников, табун затоптал костры, и теперь по степи пополз запах паленой шерсти. Лучники, не видя цели, стреляли наугад на звук. Одна из стрел пролетела у самой головы Лори, заставив ведьму испуганно вскрикнуть.

— На юг! — крикнул варвар. — Скорее!

Серебряный был без седла, и Лори пришлось крепко ухватиться за его гриву. Криками и ударами босых пяток она заставила его скакать галопом вслед за гнедым демоном Котара. А волшебный конь летел как стрела, далеко опережая серебристую тень с Лори на спине.

Послышались команды предводителей кочевников, и не менее сотни лучников вскочили на спины расседланных лошадей. Вопли ярости перешли в вой и улюлюканье, земля дрожала от слаженного топота четырех сотен копыт.

Огромный темный жеребец, почти неразличимый в ночи, несясь по степи. Немного отставала от него серая стремительная тень, а позади значительно медленнее, но с неотвратимостью лавины скакала орда кочевников. В погоню ринулись все воины до единого, в лагере монголов остались только женщины и дети.

Небо потемнело, одна за другой гасли звезды, наступал самый холодный предрассветный час. Демон в лошадиной шкуре замедлил бег и заржал, увидев вдали черные камни храма. Котар остановил его, спешился и помог слезть с коня подъехавшей Лори. Волшебница едва стояла на ногах, всей тяжестью опираясь на руку воина.

— Дай мне немного передохнуть, Котар. Я не так вынослива, как ты. Нет ли у тебя глотка воды?

Он дал ей оставшуюся у него последнюю флягу и заставил пить не залпом, как хотелось Лори, а маленькими глотками. Небо посерело. Скоро на востоке разгорится заря. Над степью зазвенели птичьи голоса, затрещали кузнечики. Звуков погони слышно не было. Солнце выкатило, расстелив за колоннами храма длинные голубые тени. Пока Лори пила и отдыхала, Котар рассказал ей о встрече с Торканнорром.

— Да, я слышала это имя, — пробормотала ведьма. — Еще в те времена, когда духи являлись ко мне по первому моему зову. Он очень могущественный бог.

— По мне, так лучше бы он был попроворнее, — пробормотал Котар, взглядывая в степь.

Лори проследила его взгляд. Над линией горизонта засверкали, вспыхивая на солнце, остроконечные шлемы кочевников. «Не поднимется солнце и на ладонь выше, как монголы будут возле храма», — подумала Лори, а вслух сказала:

— Он придет.

Котар оглянулся на нишу за алтарем. Она была мертва. С тихим шелестом вышел из ножен Ледяной Огонь.

— Не стоит доверять ни богам, ни демонам, — сквозь зубы проговорил варвар. — Едва сделаешь то, что они от тебя хотят, им уже нет до тебя дела. Схоронись куда-нибудь.

Кочевники приближались. Темное пятно росло на горизонте, облако желтой пыли поднималось высоко в небе у них над головами. Но Котар решил, что успеет уложить с десятков степных крыс, прежде чем они истыкают его стрелами.

Он стоял, держа меч обеими руками, прямо между двух черных колонн. Монголы, ослепленные яростью, попытались подстрелить Котара издали, но когда стрелы стали тыкаться не в траву, а зазвенели о каменные плиты ступеней, варвар отступил за колонну. Котар хотел подпустить кочевников поближе, когда они уже не смогут стрелять, боясь попасть по своим.

Вот копыта лошадей зацокали по камням, Котар выскочил навстречу всадникам, крепко сжимая меч, выкрикивая все имена Дваллока, бога войны.

Первый всадник вылетел из седла, разрубленный волшебным Ледяным Огнем, за ним последовал второй. Расправляясь с третьим, Котар так толкнул плечом лошадь четвертого всадника, подъезжающего справа, что та рухнула, подмяв кочевника под себя. Лошадь вскочила и умчалась, а воин степей остался лежать на плитах храма: у него была сломана шея.

— Довольно, варвар! Теперь они достаточно близко, и ни один не сможет ускользнуть! — раздался громовой голос. — Теперь они — мои!

Котар опустил меч. Это было похоже на чары Аримы, только выглядело гораздо страшнее. Вся толпа кочевников, ворвавшаяся в храм, застыла, примерзнув к спинам оцепеневших лошадей, все глаза уставились в одну точку — на нишу за плоским алтарем, где разрасталась тьма, прорезанная красными молниями. Она наливалась огнем, словно гневом, молнии хлестали по алтарю и колоннам вокруг. Даже Котар попятился от накалывающей на алтарь тучи.

Ужас читался на лицах монголов. Кочевники знали о злобных духах, живущих в старых камнях, а этот был самый старый и страшный. Если бы

не слепая ярость, с какой они гнались за беглецами, они никогда не зашли бы в эти развалины.

Задние ряды, едва разобравшись, что их заманили в ловушку, попытались спастись бегством и поспешно повернули лошадей. Но туча оказалась быстрее. В мгновение ока она накрыла храм, окружив всю орду огромной стеной клубящейся тьмы.

Котар осторожно отступил в сторону и наткнулся на Лори, сидевшую на обломке колонны с безмятежной улыбкой на лице.

— Смотри, Котар, и увидишь, сколь велика сила гнева Торканнорра! — выдохнула она с упоением жрицы.

Но варвар и так смотрел во все глаза. Кочевники очнулись от оцепенения и заматались по храму, надеясь вырваться из объятий тьмы, окружившей их. Туча расползалась из центра храма, она превратилась в тонкое прозрачное дымовое кольцо, опоясав камни по огромной окружности. Воспрявшие духом кочевники прищипорили лошадей, полагая, что смогут перепрыгнуть этот прозрачный барьер.

Первая лошадь, пересиливая инстинктивный страх, прыгнула через кольцо.

В пике ее прыжка всадник дико заверещал, выронив зажатые в пальцах лук и стрелы. Тьма метнулась вверх, на миг вобрав его в себя. Живая плоть съежилась, иссохла, рассыпалась в пыль. Обезумевшая от страха лошадь понеслась дальше по степи. В седле ее сидел человеческий скелет, через мгновение рассыпавшийся по траве грудой сухих костей.

— Клянусь двумя сердцами Дваллока!.. — выдохнул Котар.

Испуганный вой вырвался у кочевников, когда они увидели страшную смерть, ожидающую их

всех. Позабыв про Котара и Лори, сидевших на самом видном месте, монголы тыкались, как слепые котят, туда-сюда в поисках выхода. Ловушка захлопнулась, и кольцо тьмы Торканнорра начало сужаться.

— Вы осквернили мой храм! Вы украли мои сокровища! Воры! Убийцы! Насильники! Это ваш последний день! — гремел голос бога.

Кольцо сжималось. Оно миновало Котара и Лори, не причинив им ни малейшего вреда. Все новые и новые лошади кочевников прорывались наружу, но стоило тьме коснуться хотя бы руки кочевника, он превращался в прах, а освобожденная испуганная лошадь убегала в степь. Оставшиеся кочевники сбились в плотную кучу, кружа на одном месте. Тьма подбиралась к ним все ближе. От непрекращающихся истошных воплей монголов у Котара разболелась голова.

Скоро все было кончено. Кольцо сомкнулось куполом у них над головами — и только лошади разбежались в разные стороны, спеша сбросить мерзкие кости. Плиты покрывал толстый слой старых костей, они ярко белели в лучах утреннего солнца. Лори поднялась со своего места и шагнула к алтарю, над которым висело облако тьмы.

И тогда Торканнорр заговорил:

— Теперь иди, варвар, и уводи женщину. Вам не годится видеть то, что случится дальше. Я должен вернуть свои сокровища. Сейчас эти скелеты встанут, готовые подчиниться моей воле.

Тьма исчезла. Только кости лежали вокруг да ржали убежавшие в степь лошади.

— Пойдем, — приказал Котар, вставая.

Лори, не говоря ни слова, послушно последовала за ним.

Глава 8

Серебряный, идя широким шагом, которым так славятся абаторские скакуны, нес Котара к пустыням и оазисам Эйгиптона. За ним на степной мохнатой лошадке ехала Лори, рыжая ведьма. На длинной веревке, привязанной к луке седла Серебряного, шла вторая степная лошадь, нагруженная тяжелыми переметными сумками с серебром. Сойдя с каменных ступеней черного храма, Котар не увидел подле Серебряного гнедого волшебного жеребца. По-видимому, демон, сослужив Котару службу, был отпущен Торканнорром на свободу.

За серебром Пэш Маха им пришлось специально возвращаться в разоренный лагерь, но Котар в споре с Лори настоял на своем, заявив, что эти деньги достались ему слишком дорогой ценой, чтобы он так запросто с ними расстался.

На самом деле Котар понимал, что без изрядного запаса серебра он будет бессилен против Лори, как только та вновь обретет свою магическую силу. Варвару не хотелось рисковать.

Они ехали то по безлюдной степи, то по заброшенным караванным путям, а то и вовсе без всякой дороги, ориентируясь по солнцу и звездам. С каждым днем Эйгиптон становился все ближе, и притихшая было после приключений с кочевниками Лори становилась все надменнее и высокомерней.

— Я думаю сохранить тебе жизнь, Котар, — заявила она на одной из стоянок. — Помнится, именно ты расправился с моими стражами, когда я была занята чарами, готовя погибель Казазаэлю. Теперь тебе одному придется заменить их всех.

— Я служу только самому себе, — спокойно ответил варвар. После беседы с Торканнорром он мало обращал внимания на шпильки ведьмы, думая о цели их путешествия и о том, каким образом он сумеет не дать Лори снова обрести свою колдовскую силу.

— В самом деле? — усмехнулась Лори. — Так ты по собственной воле скачешь со мной в Мемфор? Или все дело в малышке Малхе?

— В малышке Малхе, конечно, — не моргнув глазом, соврал Котар.

— В таком случае у меня всегда будет оружие против тебя, варвар. Помни об этом. Будь благодарен мне за то, что я сохранила тебе жизнь, — и служи мне верно.

Котар лишь удивленно наморщил лоб, а довольная Лори расхохоталась.

На закате этого дня они увидели верхушку первой пирамиды, четким треугольником темнеющую на фоне кровавого неба, — и поняли, что подошли к границе Эйгиптона. Мемфор лежал к западу, а прямо перед ними вставали развалины Кхкиторона, заброшенного города. Этому городу было несколько тысяч лет, он стоял тут всегда и уже превратился в руины, когда столетие назад двое путешественников, сбившись с дороги, случайно наткнулись на него. Легенды гласили, что город уничтожил огненный дождь, посланный разгневанным богом-чудовищем с птичьей головой.

Все было странным в этом заброшенном городе: и непривычные, какие-то перекрученные здания, и постройки из прозрачного вещества, не известного нынешним строителям, и огромные гробницы, высившиеся в самом центре города, вокруг гигантской площади.

Одну из гробниц попытался вскрыть предыдущий правитель Мемфора. Он послал рабочих и рудокопов, и те открыли гробницу. Никто не знает, что именно ветретило их на пороге, но солдаты нашли лишь останки людей, разбросанные по всей площади, словно огромные руки разорвали их в клочья и в ярости расшвыряли вокруг. После этого отверстие было спешно завалено и запечатано лучшим придворным чародеем, и ни один человек, если он, конечно, не был самоубийцей, не ступал с тех пор на растрескавшиеся плиты улиц проклятого города.

— Есть все же способ открыть гробницу, не потревожив духа, — заявила в заключение Лори, рассказав варвару эту историю.

— Ты же утратила всю свою силу, — усмеялся Котар. — У тебя может ничего не выйти.

— И ты бы, конечно, предпочел, чтобы не вышло, да? — огрызнулась ведьма. — Тебе больше понравился бы демон, вылезший и растерзавший меня прямо у дверей.

— Так значит, такая опасность все-таки существует?

— Конечно, — расхохоталась Лори. — И не только для меня! Если уж демон вылезет, он не остановится на мне. Он и тебя разорвет на куски!..

Путники ехали все дальше и дальше, и копыта лошадей звонко стучали по каменистой пустоши. Солнце скрылось за горизонтом, оставив только алый отблеск на облаках. Приближалась ночь.

— Надо подумать о ночлеге и ужине, — сказал Котар.

— Мы уже скоро будем в Кхкитороне, — отозвалась Лори.

Это Котару не понравилось. Менее всего он хотел оказаться ночью в заброшенном городе, по улицам которого разгуливают кровожадные демоны. Варвар вообще предпочитал быть подальше от всяческого колдовства, и не только ночью, но и днем.

Правая рука Котара привычным жестом легла на драгоценную рукоять Ледяного Огня. Волшебный меч хранили не только руны, тонкой вязью идущие вдоль клинка, но и прозрачные ясные камни, вделанные в навершие рукояти. Котар не раз убеждался, что в этом мече довольно магии, чтобы защитить своего хозяина. Похоже, ему понадобится вся магическая мощь меча, прежде чем он выберется из Кхкиторона. Если выберется...

В небе уже горели звезды, когда под копытами лошадей зазвенели каменные плиты улиц Кхкиторона. Котар вертел головой во все стороны, разглядывая странные дома и громады мавзолеев, маячившие в конце каждой улицы. Их зловещие тени не предвещали ничего хорошего. Котару не нравилось это место, и Серебряный был с ним согласен. Варвар спешил и, крепко сжимая в руке повод, зашагал рядом с боевым другом, время от времени поглаживая и успокаивая его.

Лори, казалось, совершенно забыла о их существовании. Горящими от нетерпения глазами она вглядывалась в ночной сумрак, переходя от одного уродливого темного склепа к другому, явно что-то выискивая. Наконец путники выехали на центральную площадь, сплошь окруженную мавзолеями, и Лори остановилась перед одним из них.

— Вот! — воскликнула она, указывая на спираль, венчавшую купол гробницы. — Это она! Это могила самого Каликадеса!

Вход в темный склеп закрывали массивные бронзовые двери. Лори стала водить пальцами по сложному рельефу, украшавшему их. Это было невообразимое месиво людей, зверей и птиц — плод фантазии безумного скульптора. «Впрочем, может, и не такого уж безумного», — подумал Котар, вспомнив рассказ Лори. Изображение человека с птичьей головой неоднократно повторялось на этих дверях.

Варвар привязал лошадей к какому-то каменному столбу, торчавшему у дверей, и стал собирать обломки дерева, которых в развалинах было более чем достаточно. Он сложил их прямо на камнях перед выбранной Лори гробницей. Ведьма обернулась к варвару с ехидной улыбкой.

— Собираешься поесть или погреться?

— И то, и другое. Мне не нравится этот город.

— Котар неустрашимый! Котар отважный! Посмотрите на этого героя! Он боится темноты, как маленький ребенок!

Воин хитро сощурился.

— Считай, что боюсь. Но огонь и в самом деле может отпугнуть твоего демона.

— Когда я его вызову, его уже ничто не отпугнет. И с огнем в эти могилы лучше не соваться. Но я не возражаю, делай, что вздумаешь.

Несмотря на ее браваду, Котар отлично видел, что Лори дрожит всем телом. Он подбросил в огонь еще обломков каких-то странных не то кресел, не то стульев. Костер разгорался, пламя поднималось все выше. Лори, оторвавшись от своих исследований, присела у огня. «Она не уверена в своих силах», — подумал Котар. Ему стало

жаль ее, и он, порывшись в груде хлама в одном из ближайших домов, разыскал складное кресло и приволок к костру. «Потом его можно будет поломать и бросить в огонь», — подумал он.

Лори уселась в кресло с видом королевы.

— Чего ты пытаешься добиться? — спросил Котар, подвешивая над костром котелок.

— Я хочу вызвать Дитру Каликадеса. Это был величайший из магов Кхкиторона. Он вернет мне мою силу.

— В обмен на что? Ни один колдун не сделает ничего бесплатно.

Рыжая ведьма содрогнулась, не ответив. Она молча смотрела в пламя, поднимающееся все выше, Котар тоже критически оглядел костер, решив, что через несколько часов от него останутся одни уголья, и все надо будет начинать сначала.

— Когда ты собираешься это делать? Сейчас?

— Как только поем. Это займет много времени (если вообще удастся), поэтому лучше поесть сейчас.

Девушка снова содрогнулась, хотя костер был жарким, а ветер стих, как перед грозой. Наконец Лори встала, поведя плечами.

— Мне было бы легче, если бы эти кочевые крысы не сожгли мои книги! Там было рассказано, как правильно вызвать духа из могилы. Теперь приходится полагаться на память. Малейшая ошибка может все испортить.

— Тогда ты так и останешься обычной женщиной, — заметил Котар, подбрасывая в костер еще один обломок.

Зеленые глаза Лори неприятно сузились.

— А что, варвар, тебе бы хотелось именно этого?

— Так ты мне больше нравишься, — невозмутимо ответил он.

Поджав губы, Лори отвернулась и взглянула на небо. Обе луны уже взошли над горизонтом, и одна из них была почти полной. Стало гораздо светлее.

— Теперь не время демонстрировать то, что понравилось бы еще больше такому варвару, как ты, — проворчала Лори. — Близится Час Крысы, час открытых ворот. Вставай, Котар, ты пойдешь со мной.

— Лучше я останусь. Кто знает, какие твари тут бродят вокруг. Разбойники, мародеры...

Она расхохоталась.

— В городе мертвых? Пошли!

Он подошел вместе с нею к бронзовым дверям.

— Ломай! — велела Лори.

Котар со всей силы налег плечом на массивные створки. Мышцы вздулись у него на спине, пот заструился по лбу. Двери подались, но железный засов, удерживавший створки изнутри, не позволял открыть их.

Варвар выпрямился, тяжело дыша. Он отошел на шаг и снова ударил плечом. Двери дрогнули, но устояли.

— Здесь все уже очень старое, Котар, — тихо сказала Лори. — Попробуй еще раз.

Он ударил снова, и еще раз, и еще. На третьем толчке что-то хрустнуло, раздался скрежет и грохот, и Котар влетел в раскрывшиеся двери, кубарем покотившись по ступенькам и плитам пола.

Нос и рот Катару немедленно забила древняя пыль, он встал, отплеываясь.

— Тьфу, гадость какая!

Лори медленно вошла в открытый дверной проем. Звездный свет горел в ее рыжих волосах,

распущенных по плечам. Плащ она оставила у костра, и теперь на ней была только длинная, до пят, монгольская вышитая женская рубаха. Ее белые ноги сверкали в высоких разрезах.

Котар огляделся. Гробница была пуста.

— Стоило скакать сюда столько дней. Здесь ничего нет.

— Посмотри на пол, варвар! Возьмись-ка вон за то кольцо.

В полу, скрытый толстым слоем пыли, действительно оказался люк с круглой каменной крышкой и железным ржавым кольцом на ней. Котар ухватился покрепче за кольцо и попытался приподнять крышку. В конце концов ему это удалось. Из образовавшейся щели хлынул голубой свет. Котар резко выдохнул и откинул крышку в сторону.

— Каликадес оставил свет, — воскликнула Лори. — Это магический свет, он никогда не иссякнет. К тому же он оберегает тело от тления.

Вниз вели узкие каменные ступени. Недолго думая, Лори подобрала подол и начала спускаться в склеп. Каждый звук громовым эхом отдавался в тишине, которая здесь царила тысячелетиями. Лори спускалась очень осторожно, останавливаясь после каждого шага.

Котар, напрягшись, следил за ней. Дыхание со свистом вырывалось из его горла, пальцы стиснули рукоять меча.

Всю центральную часть склепа занимал каменный постамент. На нем в затканном золотом одежде, испещренном множеством магических символов, лежал человек, умерший, быть может, час назад. В лице еще были живы краски, члены не заостенели. Котар отпрянул назад, наполовину вынув меч из ножен. Опять чары! Каким мо-

гуществом надо обладать, чтобы заклятия действовали и после смерти колдуна?

Лори начала петь.

Свет на мгновение померк, затем стал разгораться еще ярче и, как показалось Котару, начал густеть, так что у варвара заболели глаза. Тело колдуна на постаменте почти исчезло, залитое этим светом, тонкую фигурку Лори заволокло волшебным туманом.

Рыжая ведьма пела все громче и протяжнее.

Склеп изменился. Каменные стены его посветлели, по ним побежали разноцветные снолохи, свет изменился, по очереди перебрав все цвета радуги. Одна из стен словно отодвинулась, перед ней появилось подобие трона, сложенного то ли из каменных, то ли из металлических глыб. Во всяком случае сверкал он золотым светом.

Воздух над тронном сгустился, начал обретать форму. Мгновения спустя на троне появился тот же самый человек, что лежал мертвым на постаменте — с той только разницей, что сидящий был живым. «Живым ли?» — удивился Котар. И да, и нет. Веки его были подняты, но самих глаз не было, только сгустки мерцающего света. Пустые глазницы уставились на незваных гостей, мужчину и женщину, нарушивших покой колдуна.

— Кто разбудил Каликадеса? Кто осмелился войти в Царство Мертвых?

— Я, Лори, рыжая ведьма. Когда-то я действительно была ведьмой! Теперь у меня больше нет колдовской силы. И я хочу вернуть ее — с твоей помощью!

— Ты знаешь правильные слова?

— Да. «Во имя мудрости Азерола, во имя могущества...»

— Остановись! С тобою здесь смертный, мужчина, в котором нет ни капли Искусства. Пусть он оставит мои пределы и ждет тебя снаружи, кем бы он для тебя ни был!

Голубая вспышка ослепила варвара, он зажмурился, а когда открыл глаза то увидел, что вокруг него — не более чем каменный склеп, тело мага лежит на постаменте, а Лори и мрачного призрака нигде нет. Котар с удовольствием выругался и полез вверх по ступеням.

Выбравшись из склепа, Котар снова взялся за крышку люка и аккуратно положил ее на прежнее место. Потом выскочил из бронзовых дверей и прикрыл их за собой. Засов он сломал собственноручно, к тому же тот каким-то образом запирали двери изнутри, а сам Котар теперь был снаружи и не обладал магической силой.

Но все же он придумал, как запечатать гробницу.

Варвар швырнул в догорающий костер все оставшиеся обломки мебели. Разломал кресло и отправил его туда же. Пламя вспыхнуло с новой силой. Котар надеялся, что жара будет достаточно.

Сняв с кобылы переметную сумку, варвар прихлопнул серебряные монеты к костру. У него было с собою три котелка, которые он прихватил на стоянке кочевников. И в каждом из них можно было сварить барашка.

Развесив котлы над костром, он рассыпал по ним все серебряные монеты из сумки. Когда это было сделано, Котар набросал в костер много дров. Теперь оставалось только ждать.

Серебро плавилось медленно. Только к рассвету комья слипшихся монет растеклись наконец в три сверкающих озера. Тогда Котар, вооружив-

пись кинжалом, принялся замазывать серебром щели в бронзовых дверях. На это ушло немало времени и сил, но он не останавливался, пока все три котла не опустели. Двери были замурованы, на них не осталось ни одной дырочки, не залитой серебром. Котар залил даже дверные петли.

Теперь Лори не сможет выбраться из гробницы. Из рассказов Казазаэля Котар знал, что черные колдуны не выносят серебра и не могут ни разрушить его, ни пройти сквозь него. Что-то в этом металле противостояло темной магии.

Или это удержит ведьму в гробнице, или Котар обречен.

С восходом солнца он уехал прочь от Кхкитона...

Джон Джейкс

ДЬЯВОЛЫ В СТЕНАХ

Наследники, вот и сокровища,
Чьи стражи лишь крысы да гапки,
Личинки да черви, чудовища —
Охотничьи леопарды.

Наследники, с вашей-то жадностью...
Прошу вас — остановитесь.
Пусть смерть с ледяницею холодностью
Томится одна среди пыли.

Наследники, если жалеете
Прожить чуть подольше родителей,
Подумайте о ненасытности
Когтей, что убили правителей...

Гамурские очарования.

— Что мне предложат? — закричал аукционист рынка рабов. — Что мне предложат за этого желтоволосого варвара, только что пойманного на дороге, ведущей из Самеринда?

Раньше чем кто-нибудь в толпе, которая могла бы быть и погуще, отреагировал на эти слова, Брек зашевелился.

Он разорвал кольцо цепи, которая держала его прикованным к каменной колонне. Одним взмахом захлестнул он цепь вокруг шеи аукциониста. Большой, покрытый шрамами варвар кипел от ярости, и большая часть гнева была вызвана обидой на себя самого.

Холодным утром усталый Брек проезжал в нескольких милях от этого проклятого городка, расположившегося на пересечении дорог, и тут на него налетели работорговцы — всадники с копьями и сетями. Сейчас же узколиций предводитель банды — человек с неприятным взглядом, которого звали Залдебом, — торчал среди зевак.

А там, на дороге, Брек не был готов к атаке. Он едва оправился после лихорадки. Месяц пролежал он, ничего не видя и не слыша, на койке в доме торговца Гадриоса в Самеринде. Наконец сильный организм варвара победил болезнь — результат ранения во время бегства из болот Логола, после того как, сгорев, пал Драгоценный Город Куран.

Старый Гадриос и его дочь, приютившие Брека, убеждали его не продолжать путешествие, пока он полностью не выздоровеет. Но огромному варвару не терпелось снова отправиться в дорогу. Вот ему и не хватило силы и быстроты реакции, чтобы отбиться от работорговцев с сетями. Но даже так ему удалось забрать жизни четырех людей Залдеба, прежде чем сломался меч и работорговцы убили его пони...

Аукционист рванул цепь, сдавившую ему горло. Язык у него вывалился изо рта, а огромный варвар все туже затягивал цепь, думая: «И еще один шакал умрет, прежде чем я...»

Толпа пронзительно закричала и отшатнулась. Высокий, широкоплечий, голый, за исключением львиной шкуры на талии, варвар выглядел настоящей бестией, когда, опрокинув на спину аукциониста, прыгнул на него.

Брек ослабил цепь. Руками душил он аукциониста, но ему не повезло, ему не удалось

даже на время удовлетворить свою жажду мести.

За колонной собралась толпа надсмотрщиков, которые присматривали за ныне пустующими загонами для рабов. Они были вооружены длинными плетями из кожи и, грубо вопя в предвкушении развлечения, угрожающе размахивали ими. Одна из плетей хлестнула Брека по голове, полоснув по левому глазу огнем. Варвар взвыл от боли и рванулся вперед.

Другая плетя хлестнула его по спине. Снова и снова. Еще мгновение, и почти ослепшего от ударов Брека оттащили прочь от потенциальной жертвы.

Истекающего кровью варвара швырнули к каменной колонне. Аукционист встал на ноги. Он отряхнул одежды, помассировал горло. Потом он подошел и злобно пнул Брека в живот. И еще он плюнул в лицо варвару.

Брек на четвереньках потянулся вперед, но аукционист уже успокоился. Мгновение Брек оставался на четвереньках; длинная желтая коса свешивалась с его плеча; его угрюмый взгляд был полон ненависти. Следы плетей по всему его телу налились кровью.

Его тошнило, он чувствовал себя униженным, но потянулся к ноге аукциониста. Толпа вздохнула в ужасе, а потом в облегчении.

Бреку не хватило длины цепей, чтобы поймать своего мучителя.

— Смотрите, как он борется! — воскликнул аукционист, едва переводя дыхание. — Варвар из диких земель севера. Он сказал достойному Залдебу, что отправился искать свою судьбу в теплых землях Курдистана на юге. За определенную плату один из вас сможет насладиться обще-

ством этого варвара, улучшив таким образом свою жизнь. У этого раба сила шестерых! Он сможет работать в поле или весь день и всю ночь без отдыха вертеть мельничное колесо. Оставьте его надежно скованным, и вы будете в полной безопасности. Вы станете хозяином великолепно-го раба! А теперь, что же мне за него предложат? — Аукционист хлопнул в ладоши. — Кто сделает первое щедрое предложение за такой цен-ный товар?

— Десять диншасов, — пропищал пожилой мужчина.

— Что? Десять? — усмехнулся аукцио-нист. — Конечно, седобородый. Я знаю, сейчас в городе Йараха-Быка трудные времена. Урожай погиб. В животах урчит от голода. Но неужели ваши кошельки настолько тощие, что вы пройдете мимо такого молодого и сильного раба? Подумай-те снова. Я же не продам ни одного раба за такую оскорбительную цену.

— Двадцать диншасов, — таким было следую-щее предложение.

— Пуф! Тоже мало. Подходите, друзья. Об-ратите внимание...

— Дайте дорогу! — в этот раз голос принад-лежал женщине. — Я заплачу тебе две сотни.

— Две сотни?.. — аукционист задохнулся. — Я услышу другие предложения? — Но он не стал долго ждать, а хлопнул в ладоши и закричал: — Объявляю, что дикого человека с севера купила Миранда, дочь Сплэндида Гамура, Принца Тыся-чи Когтей.

Аукционист пнул ногой Брека в бедро, пова-лил его на землю и проревел:

— Отлично, что чудовище, вроде тебя, попало в когти Миранды. Если кто и сможет сбить с тебя

спесь, так вот как раз эта жадная и придуркова-тая карга.

Предостережение дошло до затуманенного ра-зума Брека. Оно ему не понравилось.

Мгновение варвар обдумывал его, а тем вре-менем цепи на его запястьях ослабили. Его отко-вали от колонны. Окруженного надсмотрщиками, у которых наготове были плети, Брека провели сквозь толпу мимо самодовольного Залдеба к по-купательнице.

Миранда оказалась темноволосой женщиной с красивой фигурой. Она не выглядела чересчур старой, хотя в волосах ее белели длинные седые пряди. На ней были богатые покрывала и пояс, расшитый драгоценными камнями. Брек заметил, что люди в толпе перешептываются, поглядывая то на него, то на женщину. С печалью и жалостью разглядывали его зеваки. Брек подивился: с чего бы это?

Его хозяйка не выглядела столь уж грубой гос-пожой. У нее были правильные черты лица, даже привлекательные, и гладкая кожа. «Будет легко сыграть для нее роль запуганного раба», — подумал Брек. Он сумеет заставить ее подумать, что он — простачок. А потом побег. Да... он просто сбежит. Или по крайней мере Брек так думал, собираясь с мыслями.

Неожиданно он решил поступить иначе... А Миранда тем временем рассматривала его осо-бым, напряженным взглядом.

Ее спокойный голос встревожил Брека:

— Я дорого заплатила за тебя, варвар. Я бе-регла маленький запас диншасов до этого дня, но и теперь не жалею, так как человека с твоей силой редко продают на провинциальном рынке рабов. Я долго ждала этого дня.

— Меня зовут Брек, а не «варвар», — поправил он.

— Ты пришел из высокогорных степей, не так ли? Приехал из диких северных земель?

— Конечно, госпожа. Я вижу, что ты принадлежишь к так называемым «цивилизованным людям», о которых за время моего путешествия говорили слишком часто. Я настолько же хорош, как ты, даже лучше, хотя мне недостает утонченности, необходимой рабовладельцу.

Хотя замечание разгневало Миранду, оно также и развеселило ее.

— Мечом ты владеешь так же ловко, как языком?

— Спроси вон того шакала, — ответил Брек, махнув скованной рукой на Залдеба, который повернулся в их сторону.

Раньше чем Миранда снова заговорила, толпа зашевелилась. То и дело ударяя в барабан, верхом на осле проехал вестник, возвещающий о приезде правителя этих мест Йараха-Быка.

Брек поднял голову. Возможно, он найдет в Йарахе человека, который внемлет разумным доводам и посочувствует тому, что случилось с варваром, хотя дальнейшее путешествие в Курдисан пока откладывалось. За время долгих скитаний Брек проезжал королевства, заселенные странными народами, и дикие районы, где жажда наживы и иррациональность мышления перевешивали разумные доводы.

Вид толстого, богато одетого всадника на заморенной серой лошади разрушил все надежды Брека. Некогда Йарах-Бык был могучим воином, но пал жертвой неги. Приглядевшись попристальней, Брек заметил, что богатая одежда правителя

потерта, покрыта винными пятнами. Под глазами Йараха-Быка налились огромные багровые мешки.

Опустив кольчужные рукавицы на значительное брюшко, Йарах-Бык внимательно оглядел Брека. За спиной правителя стояло шесть воинов с пиками наготове.

— Ты местный правитель? — требовательно спросил Брек.

Йарах нахмурился.

— Я — правитель, выбранный народом. У тебя, чужеземец, невежливые манеры. Мне они не нравятся. — Йарах оценивающим взглядом скользнул по могучим плечам Брека. — Должен сказать, история, которую я слышал о тебе, — правдива. Ты — первый достойный образчик, который добыл Залдеб за последнее время. Жаль, что я прибыл так поздно. Я мог бы использовать твои сильные руки в своем хозяйстве. — Он рыгнул, а потом кисло улыбнулся. — Я бы стал обращаться с тобой лучше, чем она, клянусь.

Миранда чуть напряглась. Она ничего не сказала. Пальцы Брека инстинктивно сжались.

— Правитель, — снова заговорил Брек, — я был несправедливо...

Йарах-Бык покачал головой.

— Нет, нет. Не беспокой меня просьбами о свободе. Заруби себе на носу, что раб, если он хорошо и верно служит, в нашей провинции может дожить до старости, — заявил правитель печальным голосом. — Фактически Залдеб — единственный среди нас, кто как-то может заработать в эти дни. Мы живем в суровые времена. Неурожаи, наши люди живут впроголодь. — Он бросил странный, косой взгляд на

Миранду. — Возможно, она найдет способ изменить все это. Если, конечно, ты останешься в живых.

— Вы забываетесь, правитель, — сказала Миранда мягким голосом. — Вы забыли, кто я.

— Нет. — Мешочек жира под одним глазом Йараха задергался. — Совсем нет. Я все хорошо помню. — Говоря так, он коснулся ржавыми шпорами боков своей тощей лошадки. С грохотом проехал он через площадь.

Миранда дернула Брека за цепь. Четыре евнуха в белых льняных одеждах встали за спиной огромного варвара. Некоторое время Брек раздумывал, стоит ли прямо сейчас попытаться вырваться на свободу. Но каждый евнух держал наготове кинжал внушительного размера. Их глаза были пусты, а сами они казались послушны воле женщины. Брек решил подождать, прикинув, что пусть вначале они уведут его с площади, подальше от толпы. И снова он удивился, почему многие смотрели на него с таким любопытством и жалостью.

На Брека смотрели так, словно он осужден был на смерть.

Миранда же, судя по манерам, была женщиной нежной в обращении, хотя и аристократкой. Скорее всего она искала могучего спутника в постели, и Брек был готов уступать, если необходимо, выжидая, пока не представится удобный случай для бегства.

По дороге к дому Миранды, расположенному на краю подлого городка, Брек внимательно приглядывался к поступку своей хозяйки, но не заметил в Миранде ничего особенного. Дом его госпожи оказался маленьким, выстроенным вокруг внутреннего дворика, где росла лишь сорная

трава. Обстановка была бедной, стены облупленными. Полы находились в гнетущем состоянии, требовали ремонта. Повсюду стоял кислый запах — дом казался ничуть не лучше остальных домов этого бедного городишки.

Когда Брек неохотно уселся на потертый ковер возле лампы, Миранда отпустила евнухов, и те вскоре принесли тарелку с нарезанным мясом и кувшин вина.

— Ты голоден, Брек?

— В самом деле.

— Тогда поешь. Я тебе разрешаю.

— Очень гуманно с твоей стороны, госпожа.

Миранда вспыхнула от его наглости, но подавила свой гнев. Варвар взял толстый кусок мяса. Тот оказался с запашком. Вино в кувшине было дешевым и маслянистым.

Во всяком случае Брек поел и запил, утолив голод. Теперь он стал лучше соображать.

Все это время Миранда сидела, зажав пальцы между коленями, и заговорила только после того, как Брек вдоволь насытился.

— Наверное, ты хочешь узнать, почему я так много заплатила за тебя?

— Две сотни диншасов — значительная сумма за незнакомого раба.

— Это было почти все, что у меня оставалось.

Брек снова налил себе вина вопреки его отталкивающему маслянистому запаху.

— Если ты, госпожа, желаешь рассказать об этом, валяй. Я ведь твоя собственность, не так ли?

— Но ведь ты не станешь терпеть рабства?

— Ага, — согласился Брек, жадно отхлебнув вина. Потом он вытер рот тыльной стороной

могучей руки. — Как только мы закончим разговор, я тебя задую.

— Попытайся, и мои евнухи тотчас окажутся тут с ножами наготове, — улыбнулась Миранда.

— Знаю, — кивнул Брек. — Иначе почему, как ты думаешь, я до сих пор спокойно сижу здесь?

От этих слов ее болезненно-красные губы скривились в еще более циничной улыбке.

— Там, на площади, мне показалось, что ты не только могуч, но и умен. Однако не спеши покинуть меня. Я помогу тебе набраться сил. Я предложу тебе решить одну задачу, и когда ты выполнишь то, что мне угодно... — таинственные огоньки зажглись в ее темных глазах, — ...я сама разомкну цепи и выпущу тебя на свободу.

— Не сомневаюсь, что для решения твоей задачи потребуется восемьдесят восемь лет.

— Если у тебя хватит храбрости, на это потребуется час или два.

Брек резко распрямился. Его потемневшее от загара лицо хищно оскалилось.

— Если ты насмехаешься надо мной...

Покачав головой, Миранда подвела варвара к оконцу, выполненному в виде замочной скважины. Вдалеке, на вершине холма за городком, возвышалась груда обвалившихся камней. Час был уже поздний. Хотя солнечный свет еще струился откуда-то из-за дома, уже взошла луна. От сверхъестественного, таинственного света ночи и прощальных лучей угасающего солнца разрушенные стены тошнотворно искрились.

— Эти груды щебня некогда были дворцом моего отца, — объяснила Миранда. — Мой отец не был выборным правителем. Его право госпо-

дина передавалось по наследству. Я не могу править, потому что ни одна женщина не может сидеть на троне. Сейчас вся власть в руках Йараха — этого мешка с дерьмом. Во времена же моего отца наша провинция была много больше. На севере она протянулась до Самеринда, да и на юг вытянулась на столько же. Мой отец был могущественным правителем. Может, ты слышал его имя — Принц Гамур? Гамур Тысячи Когтей?

Брек покачал головой.

— Это имя кажется мне несколько необычным.

— Его звали Гамуром Тысячи Когтей, потому что он держал тысячу охотничьих леопардов в клетках под землей на том месте, где стоял дворец. Мой отец давно умер. Он оставил мне три вещи в наследство. — Тут темные глаза Миранды снова странно заискрились. Она показала варвару три пальца, а потом опустила руку. — Среди этих руин, чужеземец, лежат сокровища. То, что было собрано за сорок лет грабительских поборов моей земли, награбленное с караванов, окончивших в этих землях свой несчастливый путь. Мой отец был разбойником. И там, среди руин, до сих пор лежат его сокровища — несметные богатства. Они по праву мои.

Тогда Брек встревоженно спросил:

— А вторая часть наследства?

— Среди руин бродит несколько свирепых леопардов. Не много. Несколько. Правда, они — убийцы.

Наступила тишина. Свет лампы померк. Где-то перешептывались невидимые евнухи.

— Третья часть? — спросил Брек, чувствуя, что произносит собственный приговор.

— Демоны, спрятавшиеся в стенах дворца.

Брек усмехнулся.

— Насчет демонов я ничуть не беспокоюсь, госпожа. Я встречал призраков и другие неопи-суемые вещи за время своих скитаний, но без-умцем не стал. Почему ты здесь, а сокрови-ща, принадлежащие тебе, — там? — В глазах варвара появился холодный блеск, и что-то холодное шевельнулось у него внутри. — Или это и есть та причина, по которой ты купила меня?

С веселым смехом Миранда попыталась потре-пать раба по щеке.

— Мудро...

Брек шагнул назад, крепко сжав губы.

Некоторое время Миранда пристально смотре-ла на него, словно раздумывала, стоит ли ей ра-зозлиться. Возможно, решив, что пока не стоит, она сдержала гнев и объяснила:

— Годы назад, когда я была ребенком, мой отец напал на богатый караван в нескольких лигах к западу отсюда. Он захватил сорок путешественников и, пригнав пленных во дво-рец, развлекался, медленно убивая их по одно-му. Но среди его жертв оказался колдун — создатель чар и знаток колдовства, который был братом караванщика и сопровождал того на юг по собственным соображениям. Колдун наложил проклятие на Принца Гамура. Умирая, он по-обещал, что души замученных путников найдут приют в стенах главного зала дворца. Их кровь останется пятнами на стенах — огромными красно-коричневыми заплатами. А потом мерт-вые оживут — внутри стен — в этих ужасных пятнах. Их ищущие возмездия души свели с ума мою мать, потом моего отца. Мать утопи-

лась во рву. Отец как-то вечером бродил по бастионам и, увидев нечто ужасное, бросился вниз со стены и погиб. Проклятие из стен пыталось дотянуться до меня и моей няни. Старушка вскоре тоже умерла. Только я одна выжила. Опустевший дворец разрушился до ос-нования. Демоны стоят на страже над кладом, и никто не может унести его. Несколько во-ров — одни из города, другие издалека — пы-тались добыть сокровища, хранящиеся в главном зале. И они нашли...

Смерть витала вокруг них в затухающем свете. Брек усмехнулся.

— Говори дальше.

— Ужасную смерть.

Теперь Брек понял.

— Значит, я должен попытаться добыть со-кровища?

Миранда сжала его запястье.

— Воры были тупой, глупой сворой! Для человека сильного и решительного, человека, рожденного в степях диких земель, и лучшие стражи не оказались бы непреодолимым препят-ствием! Сбежав из дворца, я долго ждала, когда появится такой, как ты, — Миранда по-смотрела на варвара и обворожительно ему улыбнулась.

— Хороший выбор. Войти во дворец к демо-нам или остаться рабом. — Брек прищурился. — Ответь мне на один вопрос: что мешает мне придушить тебя сию же минуту?

Улыбка Миранды снова стала веселой. Она хлопнула в ладоши.

— Давай. Когда я наблюдала, как ты разго-варивал с Йарахом — этим трясущимся брюхом, я поняла, что в тебе есть немного чести, быть

может незаметной на первый взгляд. Ты — дикарь по натуре. Но ты честен. Все твои варварские мысли я читаю в твоих глазах. Они станут моей самой крепкой цепью. Хорошенькая ловушка, не так ли, Брек?

Сильно прикусив нижнюю губу, Брек отвернулся. Боги проклинали его. Женщина была права. По-настоящему мудрый и разумный человек убил бы ее на месте, потом посчитался бы с евреями, как сумел. Но Брек не мог так поступить. Он отвернулся. Его оковы зазвенели.

— Скажи снова, что я должен сделать.

— Принеси сокровища Гамура, — прошептала Миранда. — Принеси их, и ты станешь свободным.

— Когда я должен отправиться за ними?

— Чем раньше, тем лучше. Я ждала...

— Но не ночью, — возразил варвар. — Если мне придется сражаться со зверями и демонами, я должен немного отдохнуть. Завтра. Оставь лампу и иди.

Не споря, Миранда кивнула. Она принесла несколько маленьких горшочков с мазями и искусно стала втирать огненные притирания в раны, оставленные плетями на спине варвара. Потом Миранда ушла. Лампа сама собой потухла.

Брек попытался уснуть. Но не смог. Снова и снова он вставал и возвращался к окну в виде замочной скважины, пристально смотрел на холм, увенчанный разрушенным дворцом Гамура. Осклизлые, загнившие стены искрились в лунном свете. Огромные черные птицы (вороны?), хрипло крича и хлопая крыльями, кружились над останками башни. Наконец Брек задремал, забывшись на время. Но сон его был

чутким и не принес облегчения. Варвара разбудил холодный туман, одеялом укрывший весь мир.

Светало. На пороге появилась Миранда. С помощью крошечного ключика она сняла кандалы, сковывающие запястья варвара. Цепи загремели, упав на пол. Из свертка алой ткани женщина извлекла двуручный меч — клинок, которого не коснулась ржавчина. Рукоять меча украшало множество драгоценностей.

— Это — лучшее, что смогла я достать для тебя, Брек. Этот меч был могучим оружием в руках Гамура Тысячи Когтей.

«Опасное оружие», — подумал Брек. Но вслух он этого не сказал. Вместо слов он несколько раз взмахнул мечом, примериваясь.

— Баланс, кажется, неплохой, — с дикой, мечтательной улыбкой варвар прижал режущую кромку клинка к шее Миранды.

Но она даже не моргнула, хотя было видно, как задрожала жилка на ее шее.

— Что мешает мне убежать прямо сейчас, моя госпожа? — поинтересовался варвар.

— Мои евнухи и Йарах с Залдебом. Тебя станут преследовать как беглого раба и убийцу. Разве ты хочешь отправиться в Курдистан, все время оглядываясь через плечо?

Брек мысленно грубо выругался и опустил меч.

— Очень хорошо, — сказал он. — Пошли на холм. Сегодня пасмурно, но я скорее пойду туда сейчас, чем ночью.

Они прошли к задним воротам дома и оседлали пару жалких белых ослов.

Миранда показала варвару дорогу по каменистой тропинке вверх по склону холма. Брек

удивился, увидев, что крыши домов городка запружены людьми, которые, несмотря на столь ранний час, вышли посмотреть на него и Миранду. На мгновение Брек почувствовал себя жертвенным животным.

В бледном дневном свете заброшенный дворец Гамура выглядел ничуть не привлекательнее, чем вечером накануне. Клубы тумана притаились у подножия разрушенных башен и в заваленных обломками комнатах. Когда Брек и Миранда приблизились, варвар ясно разглядел капли вонючей росы на стенах. Эти капли сверкали, распространяя смрад. Тошнотворная вонь ударила в лицо Бреку. Миранда прикрыла лицо краем шелковой накидки, а другой рукой хлестнула осла по боку короткой шнурованной плетью.

Они уже были на полпути к вершине холма, когда Брек услышал позади цоканье подков.

Он обернулся. Его мускулистая рука опустилась на рукоять меча, украшенную драгоценными камнями. Их преследователь оказался человеком среднего роста, с бледным лицом. Он был в серой мантии с капюшоном и в плаще, какого Брек никогда раньше не видел.

Конечно, талия незнакомца была подпоясана четками, и еще он носил маленький крест из точеного серого камня, который Брек считал запретным символом. Обе перекладины креста были равной длины.

Тяжело дыша, незнакомец натянул поводья своей лохматой клячи.

— Безымянный бог забыл тебя, Миранда, — сказал он. — Я вернулся в город лишь около полуночи и узнал, что ты собираешься сделать новую попытку.

Незнакомец поднял маленький крест, держа его за нижнюю часть вертикальной перекладины. Брек инстинктивно потянул назад своего осла.

— Прошу тебя, Миранда. — Незнакомец приблизился. — Умерь свою жадность. Не веди на смерть этого беспомощного раба.

— Беспомощного! — воскликнул Брек. — Несторианец ты или нет, но ни один человек еще не мог так назвать меня...

— Я никого не оскорбляю, — воскликнул незнакомец, чуть-чуть отодвинувшись. Потом он пристально посмотрел на Брека. — Меня зовут Фриар Бенедик. Ты что-нибудь знаешь о моем ордене?

Этот вопрос, заданный так наивно, вызвал кислую улыбку на губах варвара. На севере, в Ледяных болотах, впервые познакомился он со священником этого экзотического, с точки зрения северянина, учения — несторианцем, а также с доктриной Безымянного бога. Судя по словам того человека, которого звали Джером (вместе с ним Брек попал в опасное приключение), на земле постоянно сражались две могущественные силы: Йог-Саггот — Темный бог и Безымянный бог несторианцев. В своих приключениях Брек не раз сталкивался лицом к лицу с гневом Йог-Саггота — как с самим богом, так и со служителями его, бродящими среди людей. Брек понимал, что на каждом шагу по пути в золотистый божественный Курдистан служители Темного бога, в том числе ужасный Септенгундус, могут подстеречь его. В любой момент они могут заступить путь варвару и попытаться отомстить.

В существование Йог-Саггота Брек верил. К силе Безымянного бога он относился весьма

скептически, хотя видел несколько доказательств могущества сил, сокрытых в каменном кресте. Да, варвар раньше встречался с монахами-несторианцами, в том числе с одним из них, которого звали Пол, — тем, кто принял смерть в Городе Драгоценностей на болотах Логола до того, как город был разрушен.

Все это промелькнуло в голове варвара, но вслух он всего лишь сказал:

— Я знаю.

— Не утруждай себя, споря с безумным дураком, — разозлилась Миранда. Она втиснула своего осла между ослом Брека и лошадью несторианца.

— Убирайся, Бенедик! Забирай свои безбожные слова и ничтожные легенды и рассказывай их в другом месте. Идеи твоего учения мне чужды. Для меня реальность — то, что обитает в стенах дома Тысячи Когтей. А с этим может разделаться сильный человек — человек, знающий о реальной награде, которую получит, если выиграет, вместо детских и эфемерных наград из тех, что обещаешь ты. — Дернув за поводья своего осла, она отъехала. — Брек! Я приказываю, чтобы ты слушался меня и игнорировал этого болтуна.

Пристально посмотрев в глаза северянина, словно пытаясь убедить его в своей правоте, Фриар Бенедик сказал:

— Кем бы ты ни был, обрати внимание вот на что. Существа, живущие в стенах Гамура, — твари ямы. Души этих существ рождены проклятием, которое выдавила из человека всепожирающая страсть — месть. Если ты знаешь мой орден, как говоришь, то знаешь силу этого символа. — Монах поднял крест. — Меч в стенах

дворца станет простым ивовым прутот. Возьми крест вместо...

— Я не верю в это... — заявил Брек, почти не покрывив душой.

— Так или иначе, возьми его. Крест доказывал свою сверхъестественную силу много раз. Этот символ — концентрация Безымянного, чья божественная сила всемогуща...

С криком Миранда замахнулась плетью и хлестнула Фриара Бенедика по лицу.

Священник вскрикнул. Он пошатнулся и вывалился из седла, растянувшись на каменистой земле. Кровь потекла из длинной, глубокой раны на его лице. Однако у него хватило сил крикнуть ей:

— Каждый человек в городе знает: ты посылаешь невинного раба на смерть, так как твоя жадность не знает границ. Но Безымянный бог видит несправедливость! Это не пройдет тебе безнаказанно...

Миранда резко дернула за повод осла Брека. Крик несторианца затих позади, заглушенный топотом копыт, когда два осла помчались вверх по холму.

Брек догнал свою госпожу. Вуаль гнева окутала его разум. Он воскликнул:

— Что за бессердечие...

В ответ Миранда повернулась и хлестнула его по шее.

— Молчи! По закону ты — мой раб. Повинуйся не рассуждая, не спрашивая! — Пока Брек вытирал кровь со своей мускулистой шеи, Миранда прищипорила своего осла, гоня его дальше вверх по склону.

Наконец она спешила. Туман клубился и змеился над землей. Ворон взвился с кучи щебня,

покружил и исчез в тумане. Ко дворцу можно было пройти по прогнившим доскам старого подъемного моста. За ними лежала сломанная подъемная решетка. Вонь, идущая из руин, казалась отвратительной, зловещей.

Брек спешил. Он заглянул через край давно высохшего рва. Пара толстых крыс прошмыгнула по сухому дну. Брек заметил что-то еще — то, что, как казалось, недавно было человеческим телом. Труп вытянулся среди колючек диких растений, где когда-то журчала вода. Одежда и головной убор мертвеца выглядели безвкусными, но полностью еще не сгнили. Там, где на лице должно было быть мясо, Брек увидел лишь обнаженную белую кость.

— А... — протянула Миранда, проследив за взглядом Брека. — Его звали Акронос. Местный нищий. Вор. Он был последним, кто пытался войти во дворец в поисках сокровищ.

— Его одежды еще не выцвели, — задумался варвар. — Но кости голые, так, словно... словно он пролежал здесь столетия. — После паузы Брек спросил: — Когда этот вор отправился во дворец?

— Дня четыре назад.

— Четыре?.. — глаза Брека округлились. — Что случилось с его плотью? Ее расклевали... птицы?

— Нет, Брек. Его одежды не разорваны. Разве не видишь? Это — дьяволы в стенах... — Неожиданно Миранда прижалась к огромному северянину. Ее волосы с седыми прядями развевались на сыром ветру. Рот ее был крепко сжат, и впервые варвар заметил, что в это утро Миранда изрядно выпила. — Дьяволы убили его, Брек. Они могут убить и тебя. Но

этого не случится... если ты поведешь себя храбро и принесешь сокровища... тогда ты сможешь остаться со мной в награду, вместо того чтобы уезжать из города. — Ее пальцы погладили могучие мускулы на руке варвара. — Ты останешься здесь как свободный человек. За твою храбрость я награжу тебя всевозможными удовольствиями... — она попыталась поцеловать Брека, и ее глаза бешено сверкнули, когда он оттолкнул ее.

— Я уже заключил один договор, — проворчал он. — И не стану заключать еще один. — И, вытащив украшенный драгоценностями меч Принца Гамура, Брек ступил на подъемный мост, не оглядываясь.

Чувствуя, что Миранда следит за ним, он не поддался искушению взглянуть на злобную гримасу, исказившую ее лицо.

Варвар прошел по рухнувшей ржавой решетке и вступил на широкий внутренний двор, затянутый густым туманом. В полутьме тут и там сверкали человеческие кости.

Пока они поднимались на холм, Миранда дала варвару точные и тщательные инструкции, как найти главный зал. Без колебаний Брек нашел арку портала, который раньше служил главным входом во дворец. Однако даже воздух во дворе показался Бреку благовонным по сравнению с тем, какой был внутри.

Варвар прошел длинным коридором и пересек зал с очень высоким потолком, где грязными лохмотьями свисала со стен некогда богатая обивка. Крысы сновали и скреблись среди обломков, разбросанных на мозаичном полу. Длинные гирлянды пыли свисали с потолка. Они задевала лицо варвара, когда он проходил мимо. Неожиданно

над головой Брека захлопала крыльями черная тень.

С диким криком варвар выбросил вверх меч и нанес удар, рассекая надвое чье-то тело. Тварь упала, подергиваясь. Брек наклонился, рассматривая останки. Он обнаружил, что убил летучую мышь. Существо имело небольшую голову, а из пасти зловещего создания торчали кривые зубы.

Пройдя чуть дальше, огромный варвар оказался в сводчатой комнате с бассейном в центре. Внизу, в пустом бассейне, лежал труп человека с многочисленными отверстиями в черепе и костях торса. Брек затаил дыхание, тревожно оглядываясь. Что за дьяволы так дотошно ободрали тело и выгрызли дыры в твердой кости? Брек почувствовал, как нечто злое собирается вокруг него. Широким шагом обошел варвар бассейн.

Впереди неясно вырисовывались ступени. Когда-то это была великолепная лестница. Наверху, в конце ее, в соответствии с рассказом Миранды находился вход в главный зал дворца Принца Гамура.

Брек снова остановился. По спине у него, там, где кожи касалась длинная желтая коса, пробежали мурашки. Издалека до него донесся едва различимый шорох чьих-то шагов. Там бродил кто-то обутый в сандалии.

Варвар подождал. Шаги, едва различимые, вроде бы не приближались. Где-то капала вода.

Брек взобрался на упавшую статую у основания лестницы. Его рот раскрылся от удивления, когда он понял, что раньше скульптура изображала непристойный акт совокупления мужчины и женщины. Крепко сжимая в руках меч, варвар стал подниматься по ступеням.

Взобравшись наверх, он обернулся. Он мог поклясться, что снова слышит шаги невидимого спутника.

— Кто здесь? — закричал Брек. — Кто тут прячется?

— Прячется, прячется, прячется, — пробежалось эхо по бесконечным мертвым комнатам. — Прячется, прячется, прячется...

Брек встал лицом к лестнице. Позади он услышал потаенное движение, сухой, злой звук — шорох, какой ничто смертное издать не может. Пальцы варвара сжались.

Внезапно откуда-то издалека донесся голос:

— Варвар? Ты слышишь меня?

— Кто говорит? — прогремел в ответ Брек.

— Твой дорогой друг Залдеб, который следит за каждым твоим шагом.

— Вонючий работороговец! Где ты? Покажи свое лицо, чтобы я мог подправить его мечом.

Где-то далеко раздался тошнотворный смех.

— Эй, чужеземец, я спрятался там, где ты меня не найдешь. И еще я прихватил с собой могучий лук. Под этими руинами прячутся шесть леопардов Гамура. Они до сих пор живы. Я уже выпустил их из загон. Когда они разорвут тебя на куски, я убью их издалека своими стрелами. Потом я возьму сокровища себе.

— Ты неожиданно стал храбрым, — поддразнил Брек. — У тебя кишка тонка выйти сюда...

— Миранда никогда раньше ни на кого не смотрела с такой страстью...

Брек зло рассмеялся.

— И ты жаждешь ее? И ревнуешь?..

— Сегодня я докажу, что я — мужчина! — отозвался издалека работороговец. — Я заставлю

ее посмотреть на меня, а не сквозь меня, не так, как женщина смотрит на бутылку с вином! Когда я подарю ей драгоценности и одно из твоих обглоданных бедер, она увидит, что Залдеб достоин любви...

Дикий, резкий звук, долетев издалека, нарушил тишину.

Брек прикусил губу. Залдеб, обезумев от любви, выпустил леопардов. В этом Брек был уверен. Не так далеко от него звери, возможно не кормленные, точили о мозаику пола длинные когти и тихо рычали.

Брек обернулся и рубанул мечом складку грязно-зеленой занавески. Гнилая ткань отлетела. Перед ним лежал главный зал.

Это была круглая палата с множеством дверей. Поднимающиеся вверх высокие стены, маленькие круглые оконца, серая полутьма. Брек стал осторожно продвигаться к центру комнаты, где на боку лежало огромное каменное кресло.

Под ногой у варвара хрустнула серебряная чаша. Она перевернулась и загремела. Брек посмотрел себе под ноги и резко, глубоко вздохнул.

Украшения и драгоценности из серебра, золота, меди, бронзы, железа были разбросаны по полу. Драгоценные камни — зеленые, фиолетовые, янтарные и красные — тускло искрились. Добычу Принца Тысячи Когтей давным-давно опрометчиво разбросали вокруг сгнивших развалившихся сундуков и тюков. Сокровищ казалось так много, что их стоимость Брек и вообразить себе не мог. Он шел словно по ковру из драгоценностей.

Неожиданно снова послышался сухой шорох. Раздался долгий пронзительный крик.

Брек отвел взгляд от равнины драгоценностей и посмотрел на стены. Он пошел чуть быстрее.

Когда он только вошел в зал, то заметил лишь огромные пятна на стенах — темные пятна. Брек принял их за следы времени. Теперь же пятна начали мерцать и светиться бледно-красным светом. Послышались стоны, словно души мертвых в муках зывали, пытаясь выбраться из стен. Огромные кляксы загорелись на стенах («Кровь жертв Гамура», — неожиданно подумал Брек), расплылись и задвигались, пульсируя красноватым сиянием.

Стены ожили.

Черный туман стал собираться над каждым пятном, а потом начал расползаться по залу. Крики стали громче, резче, словно невидимые демоны, перестав жаловаться, запели о том, как жаждут заполучить жизнь варвара.

Черный туман за клубился и стал собираться в большие облака. Эти облака застыли с разных сторон от Брека, становясь гуще с каждой секундой. Усики одного из них прикоснулись к варвару. От них исходил нечеловеческий холод...

Брек закашлялся. У него сперло дыхание...

Он скривился. Первый леопард, прокравшись по ступеням, замер у входа в зал.

В мгновение ока появились пять его компаньонов. Все они были невероятно большими, приземистыми, смертоносными. Ребра выпирали у них из-под шкуры. Огромные желтые глаза зло смотрели на варвара. Однако облака, вытекающие из стен, сдерживали зверей, и, несмотря на то, что от голода у них подвело животы, они остановились, жалобно скуля.

Усик тумана оплел руку Брека. Неожиданно ужасная боль резанула варвара по руке.

Он отпрыгнул от облака. Его ноги скользнули по гряде драгоценных доспехов, и варвар с ужасным грохотом рухнул среди сокровищ.

Первый леопард метнулся было вперед, но остановился. Шесть животных топтались на месте, рычали и исходили слюной, царапая пол когтями. Но облака из стен сдерживали их. Нечеловеческие, пронзительные крики становились все громче.

Брек знал, что смерть рядом.

Где-то в глубине своего затуманенного страхом разума варвар понимал, что единственная его надежда выжить — уничтожить демоническую жизнь, клубами вырывавшуюся из стен. Облака были живыми. Они кипели по обе стороны от него. Брек снова отпрыгнул, когда еще один усик коснулся его ноги.

Варвар прикинул, что смог бы прорубить себе дорогу через шесть леопардов-убийц. Но пока он будет убивать зверей, демонические потоки обрушатся на него, поймут, задуют, убьют его...

Облака приближались, смыкаясь. Вой проклятых душ оглушал.

Использовать меч против демонов?

Бесполезно.

Согнувшись, рыча с варварской дикостью, Брек чувствовал, как холодеет все внутри у него. Выхода не было...

Потом, словно во сне, перед ним возник образ.

Фриар Бенедик, вытянувший маленький каменный крест.

Брек облизал губы, засмеялся. Раньше он уже видел, что символ Безымянного бога обладает

странный силой, властвуя над порождениями тьмы. Трясущейся рукой Брек поднял меч, прыгнул, побежал вперед, прямо к ближайшему облаку, крича, словно берсеркер.

В тот миг, когда валы облаков сомкнулись, жуткий рев достиг невероятной, умопомрачительной силы. И тут Брек понял, что кинул жребий и проиграл. Он не мог заставить себя исполнить задуманное. Невидимые, ненавистные духи, сокрытые в тумане, пополняли свои силы, высасывая его. Варвар чувствовал, как немеет его тело, чувствовал холод древней земли...

Ноги, руки и тело его сотрясало от боли почти в экстазе. Брек покачнулся и сделал еще один шаг вперед. Он закричал во всю силу легких — дико, пронзительно закричал, как в степи кричит воин, охваченный безумием богов убийства.

Брек споткнулся. Адский туман захлестнул и сбил его с ног. Его разум затуманился, легкие горели, голова была готова взорваться от боли. Потом неожиданно Брек обнаружил, что стоит у самой стены.

Но стена больше не казалась твердой, она стала мягкой. Она вибрировала, испуская зловоние смерти. На ощупь она напоминала губку.

Обе руки варвара легли на рукоять меча. Он высоко поднял клинок и изо всех обрушил его вниз. Его меч оставил глубокую вертикальную зарубку на трепещущей поверхности.

Казалось, удар получили одновременно сотни тысяч людей — крик был так силен, что у варвара заложило уши. Беспомощные демоны метнулись назад в стену, на которой поверх древнего кровавого следа легла белая зарубка — отметина, оставленная мечом варвара.

Рот северянина скривился в злорадной усмешке. Темный туман начал редеть. Облака стали втягиваться в стены, там, где меч оставил метку на камне.

Каждая жилка дрожала в огромном теле Брека, когда он поднял широкий меч и снова ударил изо всех сил. Клинок прочертил горизонтальную черту, которая пересекла первую чуть выше середины.

Белый, как вечность, крест Безымянного бога засверкал на стене перед Бреком.

Не в силах сдержать крик берсеркера, Брек заорал — испустил долгий улюлюкающий вопль, вложив в него все силы...

Потом его, красного от напряжения, заколотило от ужаса.

Вокруг несторианского креста черное облако расступилось.

С новым диким криком Брек повернулся и бросился бежать вдоль стены, останавливаясь лишь для того, чтобы начертить очередной крест двумя ударами меча.

Так он обошел зал, рубя стены и гоня перед собой дьявольское облако. Облако кипело и испарялось. В конце концов часть его осталась лишь у самого входа в зал.

Мучительные крики дьяволов стали совсем иными, превратились в надоедливый, злобный визг. Неожиданно адское облако исчезло. Шесть изготовившихся к прыжку леопардов набросились друг на друга, прыгая и разрывая друг другу бока.

Облако обволокло их. Брек увидел призрачное видение: как бы ни подлы были духи мести, как бы ни ненавидели людей живущие в этих стенах, они ударили по тому живому существу, что нахо-

дилось ближе к ним. Мстительные духи жертв Гамура не смогли добраться до варвара, но они выпили горячую кровь леопардов...

Когти рвали плоть. Желтые глаза сверкали. Леопарды превратились в единую массу ужасного, трепещущего мяса. Шкуры зверей пропитались кровью.

Но вот хитросплетение тел замерло. Последний зверь дернулся и застыл. Черное облако исчезло.

Брек вытер пот с глаз. Он пошатываясь шагнул вперед.

Самый большой леопард, весь заляпанный кровью, приподнялся, и кишки вывалились из его распоротого живота — зверь посмотрел на Брека.

Пасть леопарда открылась. Брек увидел влажные от крови клыки. Леопард заревел, но это был не победный крик торжествующего хищника.

Из пасти леопарда вырвался крик, переполненный жаждой крови...

Одержимый злом, леопард прыгнул.

Брек вонзил меч в горячее, зловонное животное, летящее на него. «Я убил уже мертвую тварь», — пронеслось в голове варвара. Однако разбираться в происходящем времени не было. Брек едва успел прыгнуть, уворачиваясь от щелкающих челюстей. Он отскочил, и тело зверя врезалось в землю. Тогда варвар повернулся, качнулся и с влажным хлопком отсек огромную голову.

Теперь поднялся другой леопард. Он понесся по разбросанным сокроищам, мертвый, но оживший на какое-то время. Брек вонзил меч в его бок, вытащил клинок из туши и снова протаранил зверю бок, отразив выпад челюстей. Он рубил и рубил...

Четыре оставшихся леопарда тоже поднялись на ноги. Голоса демонов стен трубили в их глотках. Меч Брека взлетал и падал, вычерчивая сверкающую дугу — назад и вперед, вверх и вниз, разбрызгивая кровь...

Когда наконец Брек остановился, он был насквозь пропитан кровью — с головы до ног.

Из недр его груди вырвалось рычание. Его губы растянулись в улыбке настоящей бестии.

Последние из леопардов Гамура, скорчившись, лежали в грязи у ног Брека. Вдалеке тысяча проклятых голосов кричала из глубины земли. Их крики постепенно стихали.

И тут варвар услышал скрежет камней. Когда он еще только поворачивался, чтобы увидеть источник звука, он уже знал, в чем дело. Покрытые пятнами стены палаты Гамура потрескались, стали осыпаться. Посыпалась пыль. Единственное место, где мог найти убежище Брек, — под опрокинутым тронем.

Живые стены, лишившись владельцев, крошились и ломались. Они трескались и оседали во многих местах, осыпаясь, рушились секция за секцией, крошась, крошась, крошась...

Когда Брек через какое-то время выбрался из-под трона, он удивился — дышать в зале стало легче. К счастью, огромное кресло послужило ему хорошей защитой. Находясь в центре зала, оно оказалось в стороне от рухнувших каменных блоков. Вокруг, вдоль стен, выросли огромные насыпи щебня. Если бы трон стоял ближе к одной из стен, Брек был бы раздавлен.

Слева варвар заметил секцию стены, которая упала, но не рассыпалась, потому что на этом обломке был вырублен несторианский крест. Знак креста остался нетронутым.

Брек быстро повернулся, боясь силы, которую не мог понять разумом варвара.

Осторожно побрел он назад среди груд щебня. Стены зала наполовину обрушились. Многие большие секции попадали с потолка. Пробираясь между сокровищами, Брек чувствовал, что пол под его ногами качается. Неожиданно огромный блок у него над головой завибрировал и в потоках пыли рухнул вниз, кроша мозаику пола и разбивая вдребезги драгоценности.

Холодный, туманный воздух хлынул в помещение, смывая гнилое зловоние.

Брек подобрал несколько драгоценностей — столько, сколько смог унести, — семь предметов. Потом он скатился по ступеням, промчался вниз длинным коридором и выскочил за подъемный мост.

Миранда ждала его. Теперь она казалась еще менее красивой — старой и усталой каргой. Ее волосы растрепал ветер, словно это и не волосы были, а гнездо белых и черных змей.

Позади нее, на некотором расстоянии, появилось несколько незваных гостей — почти все население городка, Йарах-Бык и Фриар Бенедик.

Миранда обвила руками шею Брека. Но варвар тряхнул могучими плечами, освобождаясь от ее объятий. Он пошел к толпе, не обращая внимания на широко открытые рты и знаки, которые делали люди, спасаясь от дурного глаза. Брек был огромным воином со спутанной и окровавленной длинной косой. Его набедренная повязка из шкуры льва тоже была измазана кровью. Его грудь и лицо, руки и ноги — все было покрыто алыми пятнами. Он положил семь драгоценностей к ногам остолбеневшего несторианца.

Миранда подбежала к варвару и впилась ногтями ему в спину. Брек повернулся, зарывав.

— Добыча моя! — выдохнула женщина. — Эти сокровища принадлежат моему отцу. Наш договор...

— Договор был о том, чтобы я принес сокровища Гамура, — ответил Брек. — Но больше мы ни о чем не договаривались. Вот — сокровища Гамура... — он потряс отделанную изумрудами чашу. — А остальное внутри, и все можно спокойно забирать. — Игнорируя странный, злобный взгляд женщины, он повернулся к несторианцу. — Священник, знак, который ты носишь... — тут Брек протянул руку к маленькому каменному кресту в руке Бенедика, но не коснулся его, — ...имеет силу, которая выше моего понимания. Но я видел, как эта сила сработала во дворце. Крест разогнал демонов и спас меня. Так что эта добыча — твоя. Я добыл эти драгоценности и вправе поступить с ними, как пожелаю. Если для тебя сейчас наступили тяжелые времена, то, продав сокровища, ты сможешь купить в этом городе дом. Хотя местные жители кажутся тупыми, и я думаю, что они ничуть не лучше, чем эта женщина, что прятала последние диншасы, вместо того чтобы облегчить жизнь своим слугам. — Варвар повернулся и внимательно посмотрел на Миранду сквозь дымку боли, затуманившей его взгляд. — Ты, женщина, попала в ловушку собственного договора. Я принес драгоценности Гамура, и теперь я свободен.

С криком Миранда прыгнула на варвара. В ее руке был зажат крохотный кривой кинжал.

Брек отшатнулся назад, потерял равновесие. Кто-то выкрикнул его имя. Рука Миранды с ножом дернулась, целясь в его грудь...

А потом женщина странно изогнулась. Она упала рядом с варваром на семь драгоценностей. Лезвие ее кинжала скользнуло по серебряному шлему, инкрустированному рубинами. Ее невидящий взгляд уставился куда-то в небо, кинжал выпал из руки...

Стрела торчала у нее из спины.

Брек плечом раздвинул толпу. Он схватил пику одного из воинов Йараха-Быка. Люди испуганно вздохнули, удивленные таким поворотом дела. Брек повернулся и швырнул пику далеко-далеко.

Над разрушенным парпетом дворца, над рвом стоял работородец Залдеб. Он изящно повернулся... Вся толпа видела, как пика ударила в его тело, пробила грудь и вышла из спины.

Нетвердо шагнув вперед, Залдеб выронил лук. Он качнулся и рухнул в сухой ров. Крысы метнулись над краем рва, убегая прочь.

Брек вытер рукой лоб, потом посмотрел на Йараха-Быка.

— Я хочу вымыться. Я хочу коня, на котором смог бы отправиться в Курдистан. — Он с трудом вздохнул. — Думаю, никто не станет оспаривать мое право на свободу?..

— Никто, — за всех ответил Фриар Бенедик со странным выражением на лице.

— Во имя богов, никто! — воскликнул Йарах-Бык. Он пыхтя спешил и заковылял вперед. — Мой дом открыт для тебя, чужеземец. Скромное животное, на котором я езжу, — твое. — Потом он с жадностью посмотрел на драгоценности, лежащие под телом Миранды, и, повернувшись, пошел через подъемный мост во дворец Гамура Тысячи Когтей. Перейдя подъемный мост, он побежал.

Неожиданно толпа с криками рванулась следом за ним. Смеясь, люди яростно толкались, спеша к награбленным сокровищам. Брек посмотрел вслед воюющей толпе, растаявшей среди руин.

Улыбнувшись, Брек нагнулся и запустил пальцы в волосы Миранды. Он снял ее тело с семи драгоценностей и, положив ее рядом, сказал Бенедику, одиноко стоящему рядом:

— Я думаю, на этих безделушках уже достаточно крови.

Вскочив на низкорослую лошадь Йараха-Быка, варвар поехал с холма в сторону города. Бросив прощальный взгляд на дворец Гамура, священник пошел за ним следом.

К. А. Мур

ПОЦЕЛУЙ ЧЕРНОГО БОГА

Глава 1

В зал ввели пленного командира защитников только что павшего замка Джойри. Двое солдат-конвоиров с трудом удерживали его, даже крепко связанного поверх доспехов толстыми веревками. Главный церемониальный зал замка был завален трупами. Перешагивая через мертвые тела, скользя в лужах растекшейся по каменным плитам пола крови, пленника медленно провели к ступеням, ведущим на помост, где на троне восседал только что взойшедший на него победитель. Когда конвоиры остановились перед ступенями, бывший хозяин замка Джойри разразился проклятиями. Его голос, хриплый от гнева и горечи поражения лай, приглушенный забралом тяжелого шлема, прокатился под сводами тронного зала.

Победитель — Гийом — наклонился вперед и облокотился на рукоять тяжелого меча, острие клинка которого упиралось в каменный пол прямо перед троном. Положив обе руки на рукоять меча, Гийом внимательно смотрел на все еще не сдававшегося пленника. Победитель был высоким, крупным человеком могучего сложения. В своих роскошных тяжелых доспехах он выглядел

еще огромное. Его покрытое давними и свежими шрамами лицо было залито кровью, а сквозь короткую, но густую кудрявую бороду и усы в торжествующей ухмылке сверкали белоснежные зубы. Гийом выглядел действительно роскошно и грозно — могучий воин; опершись на меч, он неподвижно смотрел на хозяина замка Джойри, пытающегося вырваться из рук крепко держащих его стражников.

— Выковыряйте-ка мне этого омара из панциря, — раздался глухой, ленивый голос Гийома. — Посмотрим, каков из себя этот парень, победить которого нам стоило таких усилий. Эй, вы, снять с него шлем, живо!

Выполнить приказ Гийома поспешил один из его стражей, потому что двое воинов, державших пленника, с трудом справлялись со своей задачей и не могли ни на миг отвлечься. Наконец, после короткой борьбы, застежки на затылке пленника были разорваны, и сбитый с головы шлем со звоном покатился по каменному полу.

Возглас удивления вырвался из груди Гийома, а в следующий миг его челюсти крепко сжались. Победитель, словно не веря своим глазам, рассматривал побежденного. А снизу на Гийома устремила гневный взгляд янтарно-золотых, как у льва, глаз рыжеволосая госпожа замка Джойри.

— Будь ты проклят! — процедила плененная хозяйка замка, едва разжимая словно судорогой стиснутые зубы. — Пусть Бог выжжет твое черное сердце!

Гийом почти не слышал ее проклятий. Он словно замороженный, широко раскрыв глаза, рассматривал Джарел — госпожу замка Джой-

ри. Почти все мужчины, впервые увидев ее, смотрели на нее так. Высокая — не ниже среднего мужчины, — храбрая и отчаянная, словно надломившаяся от обрушившегося на нее удара — падения родового замка, — она стояла перед Гийомом, осыпая его проклятиями. Ее лицо, не блиставшее утонченной красотой и изяществом в пышных дамских нарядах, в обрамлении ворота кольчуги приобрело какую-то особую, наводящую страх красоту. Им можно было восхищаться, как восхищаются красотой формы клинка или отблесками света, играющими на его острие. Рыжие волосы женщины-воина были коротко подстрижены, а в глазах горел золотой огонь — словно расплавленный металл в тигле.

Наконец после долгого молчания неподвижные губы Гийома медленно расплылись в улыбке. Оторвавшись от янтарных глаз пленницы, его взгляд привычно оценивающе обошел скрытое под кольчугой тело Джарел. Улыбка победителя становилась все шире, и наконец Гийом взорвался торжествующим, довольным хохотом.

— Ну и дела! — прорычал он, давась от смеха. — Вот так славный воин! Ну? И какую плату ты мне предлагаешь за свою жизнь, красотка?

Джарел лишь выругалась в ответ.

— Что-что? Что за слова, столь неподходящие для таких прекрасных уст, моя госпожа? Да, признаюсь, вы дали мне достойный отпор. Вряд ли кто-нибудь из мужчин смог бы защищать замок лучше, а большинство справилось бы с делом куда хуже вас. Но против Гийома... — Он оборвал себя на полужае, довольно закатив глаза и почесав бороду. — Ну, иди же сюда,

красотка. Я надеюсь, твои губы будут ласковее, чем твои речи.

В этот момент Джарел резко ударила одного из своих конвоиров по голени металлической шпорой на пятке сапога, а затем изо всех сил пнула второго коленом в пах. Увернувшись от разжавших хватку солдат, Джарел бросилась к выходу из зала. Но не успела она сделать и трех отчаянных прыжков, как ее настиг метнувшийся вслед за ней Гийом. Она почувствовала, как сомкнулись кольцом вокруг ее тела его руки. Джарел безуспешно попыталась вырваться, извиваясь, как безумная, осыпая закованные в латы ноги Гийома градом бесполезных пинков и ударов, пытаясь сорвать с себя веревку, стянувшую ей руки. Разразившись победным хохотом, Гийом развернул Джарел лицом к себе, бесстрашно встретив пылающий взгляд львиных глаз, приподнял девушке подбородок и крепко прижал свои губы к ее губам. На миг хриплые проклятия Джарел смолкли.

— Видит Бог, это то же самое, что целовать лезвие меча, — выдохнул Гийом, оторвав свои губы от ее уст.

В ответ раздалось что-то похожее на змеиное шипение, и хозяйка замка резким, почти неумовимым движением отвела голову в сторону, а затем молниеносно вонзила зубы в горло воина, лишь на долю дюйма не попав в яремную вену.

Гийом не издал ни звука. Подняв руку, он сжал железными пальцами челюстной сустав девушки, и ее зубы непроизвольно разжались. Отведя ее голову в сторону, он мгновение глядел в бездонную огненную пропасть ее глаз, которые, казалось, вот-вот опалят даже его

лицо, выдубленное жарой и ветрами. Зловеще улыбнувшись, Гийом сжал в кулак свободную руку... От удара Джарел пролетела ползала и рухнула на каменные плиты, потеряв сознание.

Глава 2

Джарел пришла в себя в полной темноте. Она немного полежала без движения, собирая воедино хоровод мыслей и чувств. Мало-помалу все встало на свои места. Тяжелые воспоминания заставили приподнявшуюся на локте девушку пробормотать то ли молитву, то ли проклятье. Замок Джойри пал. А его хозяйка, наследница славного рыцарского рода, испытав невиданное унижение, не погибла в бою от стального клинка или стрелы, а попала в плен и потеряла сознание от удара тяжелым мужским кулаком.

Звуки шагов где-то по соседству вывели ее из состояния оцепенения. Джарел села и внимательно прислушалась, пытаясь определить, в какой части родного Джойри оказалась узницей его бывшая госпожа. Судя по непроглядной тьме вокруг, ее заперли в одной из камер подземной темницы под стенами замка, а мерно шагал за стеной скорее всего приставленный к ней стражник. Стиснув зубы, Джарел неслышно встала на ноги и чуть не упала от неожиданно сильного головокружения. Подождав, пока пол перестал уходить из-под ног, девушка обошла камеру. В одном углу она наткнулась на грубый деревянный табурет, от которого тут же отломала одну из ножек. Затем, двигаясь вдоль стены, Джарел добралась до двери.

Стражник затем вспоминал, что неожиданно услышал из камеры жалобные стоны и мольбы о помощи. Еще он помнил, как отодвигал засов. Открывающаяся дверь — его последнее воспоминание до того момента, когда его нашли в запертой камере с проломленной головой.

Джарел взбежала по каменным ступеням северной башни, сгорая от жажды мести. Девушка и раньше знала, что такое ненависть, но никогда такое чувство не испепеляло изнутри душу воительницы. В ночной темноте перед ее глазами вставало лицо смеющегося Гийома, густо обрамленное кудрявой бородой. Вкус его губ, казалось, навечно пропитал губы Джарел, а на плечах она по-прежнему ощущала тяжесть его рук. В какой-то миг приступ гнева и ненависти так скрутил Джарел, что ей даже пришлось остановиться и постоять неподвижно, прислонившись к стене. Двигаясь дальше в кроваво-красной пелене гнева, она вдруг поняла, что в ее уже почти безумном сознании отпечатывается, формулируется в слова спасительное решение, способ достойно отомстить за перенесенные унижения. От этой мысли Джарел бросило в холодный пот, и она вновь остановилась, чтобы унять дрожь и обтереть с лица холодный пот.

Судя по звездам, сверкающим в узких бойницах, время шло к полуночи. Выбравшись из темницы, Джарел пока не встретила ни души. Ее небольшая спальня на вершине башни оказалась пустой. Даже постель горничной в комнатке, расположенной одним лестничным маршем ниже, оказалась нетронутой. Джарел пришлось самой, без посторонней помощи, снимать с себя доспехи, что стоило ей немалых трудов. Ее замшевая рубашка пропахла потом и кровью. Девушка стяну-

ла ее через голову и отшвырнула в угол. Пламя безумного гнева в золотых глаза сменилось решительным блеском взгляда заговорщика, знающего свое дело. Натянув свежую рубашку из оленьей кожи, Джарел улыбнулась своему отражению в зеркале. Поверх нее она набросила и плотно застегнула на талии легкую кольчугу. На ноги воительница прикрепила щитки какого-то безвестного legionera — реликвию тех, еще недавних дней, когда Рим правил миром. За пояс она заткнула кинжал, а в руки взяла, не убирая в ножны, собственный длинный двуручный меч. Не тратя ни единой минуты на отдых, Джарел вышла из спальни и стала спускаться к основанию башни.

Она знала, что в эту ночь победители должны были устроить в захваченном замке праздничный пир. Судя по тишине, царящей под каменными сводами, большинство неприятельских солдат уже спало беспробудным пьяным сном. В голове Джарел неожиданно для нее самой промелькнуло сожаление по поводу так по-дурачки потраченных десятков галлонов хорошего французского вина, хранившихся в погребах Джойри. Несомненно, отчаянная женщина с верным клинком в руках могла нанести немалый урон этой пьяной банде, прежде чем будет схвачена или убита. Но эту идею девушка решительно отбросила: наверняка Гийом выставил трезвую охрану, и добрать-ся до него будет невозможно. Джарел понимала, что второго шанса бежать победители ей не предоставят.

Она долго бродила по темным коридорам, сворачивая в залы, где вповалку лежали мертвецки пьяные солдаты Гийома. Перешагивая через них, она продолжала свой путь дальше, к маленькой

часовне, построенной в дальних закоулках замка Джойри. Там она рассчитывала найти отца Жервеза и не ошиблась. В комнате, освещенной лишь светом звезд, она увидела священника, стоящего на коленях перед алтарем и шепчущего молитвы.

— Дочь моя! — прошептал он, обернувшись и увидев стоящую на пороге Джарел. — Дочь моя! Как тебе удалось бежать? Господи, тебе срочно нужна лошадь. Если ты сумеешь прорваться через охрану у ворот, то к рассвету доберешься до замка твоего двоюродного брата.

Девушка жестом прервала его речь:

— Нет, святой отец. Этой ночью я не уеду из замка. Мне предстоит другой, еще более опасный путь. Благословите меня.

Священник удивленно поглядел на нее:

— Что ты задумала?

Опустившись перед священником на колени, Джарел крепко сжала в руках край его сутаны из грубого сукна:

— Благословите меня, я требую! Сегодня ночью я отправляюсь в преисподнюю, чтобы вымолить у дьявола нужное мне оружие. Может быть, я не смогу возвратиться.

Отец Жервез наклонился над ней и положил дрожащие руки ей на плечи.

— Посмотри мне в глаза! — потребовал священник. — Ты понимаешь, что говоришь? Неужели ты собираешься...

— Да! Туда, вниз! — твердо ответила Джарел. — Только мы с вами знаем про тот туннель. Что находится за ним? Но ради того, чтобы найти нужное мне оружие против унизившего меня и весь мой род человека, я готова и не на такое.

— Знаешь, мне следовало бы поднять шум и отдать тебя в руки Гийома, — прошептал отец

Жервез. — По сравнению с тем, что ты затеяла, это было бы более приятной участью.

— Нет, святой отец, я все рассчитала. Видит Бог, я не невинна, и грех свободной любви лежит на мне. Но чтобы стать подстилкой для любого мерзавца из этой банды, дожидаться, пока тебя убьют в пьяном гневном или продадут в рабство... Страшнее всего — быть отданной Гийому на потеху. Неужели вы не понимаете, святой отец?

— Да, это было бы страшным позором, — кивнул головой Жервез. — Но подумай, Джарел! Этому позору есть объяснение и искупление, это не помешает вратам Рая распахнуться перед тобой после смерти. Но то, на что ты решилась... Я не знаю, вернется ли когда-нибудь на землю или к Богу твоя душа или твое тело, если ты уйдешь туда, вниз.

Джарел пожала плечами:

— Чтобы отомстить Гийому, я готова на все, даже прямо сейчас отправиться навечно в Ад. Только бы знать, что мерзавец получит то, что заслужил!

— Но, Джарел, пойми. Это страшнее, чем Ад. Тебя ждет бездна глубже, чем глубины преисподней. Я думаю, самое жаркое пламя сатаны покажется райским дыханием по сравнению с тем, что может ожидать тебя там.

— Я знаю. Неужели я рискнула бы пойти на это, если бы не была уверена в том, что так оно и есть. Но поймите, святой отец, где еще я смогу найти нужное мне оружие, если не в том месте, которое лежит за пределами мира, созданного Творцом!

— Джарел, не надо, умоляю тебя!

— Отец Жервез, я все решила. Благословляете вы меня или нет?

В свете звезд блеснули гневным огнем янтарные глаза амазонки.

Мгновение спустя священник кивнул:

— Я благословляю тебя, дочь моя. Ты — моя госпожа здесь, на земле, и я не могу тебе отказать. Но учти, там тебе Божья милость не поможет.

Глава 3

Джарел, не выпуская из рук меча, снова спустилась в подземную тюрьму замка. Ее путь лежал по мрачным, черным коридорам, никогда не освещавшимся солнцем. От склизких камней пола поднимались зловонные испарения. В другой день Джарел, несмотря на всю свою храбрость, дошла бы так далеко, только собрав в кулак всю волю, чтобы преодолеть страх перед темнотой подземелья. Но сейчас горевшая в ней ненависть служила ей путеводным факелом. Госпоже замка Джойри не удавалось изгнать из памяти лицо ухмыляющегося Гийома, прижимающего свои губы к ее устам. Вновь и вновь волны гнева обжигающим пламенем пробегали в ее душе, заставляя сжать зубы и двигаться вперед.

Наконец она подошла к нужному месту и, постоянно оглядываясь, не выпуская меча, одной рукой стала разбирать кладку стены. Камни не были скреплены раствором, поэтому дело двигалось быстро. Джарел расчистила проход пошире и убрала с дороги вынутые камни: как знать, если ей суждено еще вернуться, не будет ли возвращение столь поспешным, что секундная заминка в узком лазе дорого обойдется ей, погубив все дело.

За проломом в стене начинался покатый спуск, пройдя по которому, Джарел опустилась на ко-

лени и пошарила на полу сужавшегося туннеля. Ее рука нащупала узкую щель в каменном полу. Щель шла по кругу. В самом центре этого круга в пол было вделано кольцо из полированного, очень гладкого на ощупь и страшно холодного металла. Джарел не знала, что это за металл, ибо никогда еще солнечный свет не касался этого кольца. На ощупь она ощущала только невероятный металлический холод.

Потянув рукой за кольцо, Джарел поняла, что придется попотеть. Отложив меч, девушка взялась за ледяной металл обеими руками и потянула всем телом, изо всех сил, хотя амазонка была ничуть не слабее здорового, крепкого мужчины. Пот выступил на ее лбу, руки начали дрожать — но вдруг каменный круг шевельнулся и неохотно пошел вверх. Раздался странный свистящий звук, а лицо Джарел засыпало пылью.

Вновь взяв в руки меч, девушка наклонилась над беспросветной темнотой открывшегося колодца. Однажды, но только один-единственный раз, она уже спускалась туда. Ей в голову не приходила мысль о том, что когда-нибудь возникнет такая ситуация, что ей вновь придется проделать весь этот путь. Это был самый странный коридор, когда-либо виденный ею в жизни, если, конечно, так можно назвать этот туннель. Наверное, он был единственным в своем роде. Выстроили его явно не для человеческих ног. Да и не для ног вообще. Это была узкая круглая шахта, спиралью, круг за кругом, уходящая вниз. Какая-нибудь змея могла бы воспользоваться этим туннелем, двигаться, извиваясь, вперед по бесконечным кольцам. Вот только не было на земле змей такого размера, чтобы заполнить собой этот туннель. Явно не человеческие ноги так отшлифова-

ли эти стены, и Джарел особо не задумывалась над тем, какие же существа так отполировали их и за сколько веков.

Она ни за что не согласилась бы спуститься в этот люк в тот, первый раз, если бы не следы человеческой деятельности — вырубленные в стенах выемки для рук и ног, свидетельствовавшие о том, что некогда люди уже спускались на дно этой шахты, и может быть — не один раз. Во всяком случае зарубки, расположенные не очень далеко одна от другой, были сделаны так, что попадались как раз под руки и под ноги спускавшегося, позволяя замедлить спуск. Кто и когда вырубил эти ступеньки — Джарел не могла и представить. А что до существ, создавших эту шахту, — что ж, дьяволы жили на Земле задолго до людей, а мир — штука древняя.

Перевернувшись на живот, Джарел скользнула в люк, двигаясь ногами вперед. В тот раз, когда она впервые проделывала этот путь с отцом Жервезом, они двигались вниз, обливаясь потом от страха перед тем, что могло встретиться за очередным изгибом туннеля. Сейчас же она скользила свободно, не заботясь о том, чтобы нащупать ногами зарубки, лишь изредка упираясь руками, чтобы замедлить движение. Так она и скользила — круг за кругом, виток за витком.

Путь был долгим. Вскоре Джарел почувствовала уже знакомое ей головокружение. Это ощущение возникало не из-за спирального движения, а шло откуда-то изнутри, словно не только сама девушка, но и все атомы вокруг начинали вибрировать, перестраиваться, менять структуру окружающего вещества. Спираль коридора была не простой земной спиралью. Амазонка не была знатоком геометрии, но интуитивно чувствовала,

что эти изгибы отличались от любой кривой, которую можно воспроизвести на Земле. Туннель вел в неведомую темноту, и девушка, не в силах сформулировать это в словах, все же догадывалась, что тьма скрывает нечто иное, незнакомое — какое-то многомерное пространство, не только сокрытое толщей земли, но, как знать, может быть, и временем. Все вокруг Джарел вибрировало в унисон с нею, и девушка, прикрыв глаза и стараясь не обращать внимания на подступающую к горлу тошноту, продолжала двигаться вперед.

Вниз, вниз, вниз... Совершая этот путь впервые, отец Жервез и Джарел боялись, что у них не хватит сил вскарабкаться по туннелю обратно вверх, и попытались остановиться, чуть не поплатившись за это жизнью. Оказалось, что остановить спуск на полпути невозможно. Затормозив, оба почувствовали, как каждая клеточка тела, сердца и мозга сопротивляется этому. Джарел запомнила, что, уже теряя сознание от боли, разжала руки и расслабила ноги и, лишь вновь набрав скорость, почувствовала себя лучше. Она ощутила, что, пытаясь остановить собственное движение, нарушает какой-то куда более сложный процесс и сама Природа начинает противиться этому.

Обратный путь, к их удивлению, вовсе не оказался изматывающе тяжел. Вместо бесконечного карабкания вверх по вырубленным ступенькам им пришлось всего лишь снова скользнуть в люк. Видимо, все эти сложные изгибы и повороты коридора служили для того, чтобы каким-то образом перехитрить силу тяжести. Разум отказывался понимать и объяснять это, но вверх они скользили столь же легко и плавно, как и вниз.

Впрочем, для этого туннеля понятия верха и низа, наверное, и вовсе не существовало.

Постепенно шахта выпрямилась. Начался самый трудный для человека участок. Видимо, неведомые существа, построившие эту непостижимую «лестницу», замедляли здесь скорость. Туннель сузился, и, не имея возможности развернуться, Джарел продолжала двигаться, отталкиваясь от стен руками. Туннель совсем выровнялся, и наконец ноги девушки повисли в воздухе без опоры. Оттолкнувшись в последний раз, она, словно пробка из бутылки, выскочила из горловины шахты и вскочила на ноги, прислушиваясь. Вокруг царила крошечная мгла.

Немного постояв, Джарел принялась ощупывать пол и стены вокруг и пришла к выводу, что попала в тот же самый длинный прямой коридор, по которому они с отцом Жервезом прошли во время предыдущей экспедиции. Лишь по чистой случайности нашли они в подземелье замка вход в туннель, и лишь дерзость и исследовательский дух погнало их вниз. В тот раз святой отец прошел дальше по этому темному коридору. Тогда Джарел была моложе и послушнее. Отец Жервез вернулся к ней, бледный как полотно, и, ничего не объясняя, заставил ее срочно лезть обратно в шахту.

На этот раз Джарел была одна. С содроганием вспоминая то, что ей довелось самой увидеть в тот раз, она двинулась вперед по коридору, гадая про себя, что же могло так напугать священника, из сбивчивых и туманных объяснений которого она так ничего и не поняла. Где и кого он встретил? Здесь? Или еще дальше?

Темнота впереди задвигалась. Нет, не какое-то существо в темноте, а сама непроглядная тьма

пришла в движение. Господи! Этого только не хватало! Одной рукой девушка крепче сжала рукоять меча, а второй схватила висевшее на груди распятие. И вот ураган плотной, осязаемой тьмы налетел на нее — черный, дикий циклон, мечущийся между стенами. Этот порыв несущейся со страшной скоростью мглы наполнил воздух вокруг воительницы тысячами стонов неведомых, оплакивающих себя или кого-то другого душ. словно одновременно заплакали тысячи заблудившихся в лесу детей. Слезы полились из глаз Джарел, уже давно забывшей о том, что есть на свете сострадание, и старавшейся не вспоминать, что в мире есть боль, страдания и отчаяние. Этот черный ветер, дувший там, где ветра быть вообще не могло, не трепал волосы, не сбивал с ног. Нет, он, словно узкий острый стилет, вонзался в сердце, наполняя его болью и неутешным горем сонма безымянных душ.

Неожиданно все стихло. Сгусток стонущей мглы распался, растворился, и через мгновение уже ничто в этом подземном коридоре не напоминало о нем. Порыв ветра унес горькие стоны и безутешный плач. Джарел вдруг обнаружила, что стоит все в том же коридоре, выставив перед собой оказавшийся ненужным меч, а по ее щекам все текут и текут горькие слезы. Господи, мелькнуло в ее голове, неужели бывает в мире такая тоска! Вытерев лицо, амазонка крепко сжала зубы и попыталась перестать думать об этом. Но прошло добрых пять минут, прежде чем чуть унялась дрожь в ногах и Джарел смогла отправиться дальше по темному коридору.

Пол под ногами ее был сухим и гладким. Он шел чуть под уклон, и Джарел гадала, в какие еще бездонные глубины суждено ей спуститься по

этому дьявольскому коридору. Тишина навалилась на нее, и девушка поймала себя на том, что пытается, напрягая слух, расслышать хоть какой-нибудь звук, кроме собственных шагов. Неожиданно один ее сапог ступил во что-то влажное. Джарел нагнулась и попыталась на ощупь определить, что представляет собой это липкой, влажное пятно. Ей почему-то казалось, что, будь у нее факел, она увидела бы на полу лужу кроваво-красного цвета. Внимательно обведя контуры мокрого пятна рукой, она убедилась, что перед ней — след. Трехпалый след, похожий на лягушачий, но чудовищного размера. Словно молнией пронеслось в голове Джарел воспоминание о том, как во время ее первого путешествия сюда в свете факела метнулась от нее прочь по туннелю тень какого-то огромного, уродливого существа. Тогда у нее был с собой факел, а теперь она оказалась здесь в темноте — привычной, родной для чудовища.

На какой-то миг Джарел превратилась из хозяйки павшего замка Джойри, в гнев и жажду мщения готовой идти на поклон к самому дьяволу, в испуганную женщину, оказавшуюся в одиночестве, в полной темноте... Но вот перед ее глазами снова встало довольное, торжествующее лицо Гийома, курчавая жесткая борода коснулась ее лица, тяжелые руки сдавили тело, а на устах вспыхнул огнем вкус его губ — и Джарел снова стала отважной наследницей славного рыцарского рода Джойри, жаждущей мести за перенесенные унижения. Она вновь пошла вперед; через каждые два шага ее меч описывал полукруг, чтобы предотвратить неожиданное нападение твари, бродившей где-то поблизости. При этом Джарел сама себе не признавалась, что волосы у нее на

голове стоят дыбом, а по спине ручьем льется холодный пот.

Коридор уводил ее все дальше и дальше. Джарел могла одновременно коснуться разведенными руками обеих стен, а поднятым мечом она доставала до потолка. Она шла словно по туннелю, проложенному в толще земли каким-то гигантским червем. Бесчисленные тонны нависшего камня почти осязаемо давили на амазонку, и она почувствовала, что мечтает о том, чтобы этот туннель поскорее закончился, пусть даже выход из него окажется еще страшнее.

Неожиданно ощущение давящей неподъемной тяжести исчезло. Как будто подевались куда-то тонны нависшей над головой земли. Джарел опирала мечом полукруг. Стен вокруг не было, потолок тоже исчез. Под ногами вместо полированного пола оказалась каменистая, неровная поверхность. Но и с окружающей темнотой тоже что-то произошло. Она не была больше просто темнотой, а превратилась в пустоту. Не отсутствие света, а ничто... Джарел находилась не в узком коридоре, а на краю большого открытого пространства. Девушка чувствовала это, так же как присутствие рядом каких-то существ, но слух и зрение отказывались служить ей.

Не сразу она, подавленная окружавшей ее пустотой, почувствовала вибрацию и жжение на груди. Подняв руку, Джарел нащупала быстро нагревающеся, подергивающееся в такт ее сердцебиению распятие. Цепочка, на которой висел крест, тоже явственно подергивалась и потрескивала. Губы Джарел расплылись в улыбке. Крест. Распятие. С трудом нащупав дрожащими руками застежку, она растянула цепочку и положила крест на землю.

Вздых удивления вырвался из ее груди. Пустота исчезла, уступив место ощущению бескрайнего простора. Джарел стояла на самой вершине холма под небом, на котором горели странные, незнакомые звезды. Вокруг раскинулись покрытые пеленой тумана равнины, на горизонте вздымались к небу горные пики. А прямо у ног кружились целой стайей какие-то небольшие, но зубастые, явно хищные и до омерзения отвратительные существа.

На темном фоне склона холма эти оскалившиеся жадными пастьми уродцы были едва различимы. Но шум они подняли невероятный. Меч Джарел сам собой взлетел в воздух и обрушился на головы отвратительных порождений ночных кошмаров. Умирая, они, словно лопающиеся пузыри, забрызгивали ноги воительницы отвратительно пахнущим, жгущим кожу гноем. После того как несколько из них остались лежать на земле, оставшиеся в живых бросились наутек куда-то вдоль склона холма. Долго еще слышался цокот маленьких копыт по камням и испуганные крики.

Джарел сорвала пучок жесткой травы, росшей на склоне, и стерла с ног зловонный гной. Затем она уже спокойнее рассмотрела окружающий ее мир — настолько нечистый, безбожный, что тот, кто просто нес на себе крест, не мог даже увидеть его. Да, если нужно ей оружие где-нибудь и существует, найти его можно будет только здесь. За спиной Джарел на склоне холма открывался вход в низкий туннель, через который она сюда и попала. Странные звезды мерцали на небе над ее головой. Ни одного созвездия девушка узнать не смогла. А если предположить, что самые яркие огоньки — это планеты, то они горели странными отсветами — фиолетовым, зеленым, оранже-

вым... Одна, самая крупная, пылала кроваво-красным пятном на фоне черного неба. Вдалеке, на равнине, Джарел увидела поднимающуюся высоко над землей колонну света. Этот могучий столб не искрился, не переливался, не освещал окружающую местность и не давал тени. Просто огромная колонна яркого света возвышалась в окружающей темноте. Сооружение выглядело искусственным, быть может, оно даже было выстроено людьми. Хотя Джарел не надеялась встретить здесь людей.

По правде говоря, амазонка все же почти надеялась увидеть вокруг столь знакомый по бесчисленным проповедям и картинам огнедышащий Ад. А эта спокойная земля, раскинувшаяся под звездным, пусть и незнакомым, небом, настораживала ее еще больше. Туннель, по которому она сюда попала, был выстроен явно не людьми. Ожидать встретить здесь людей — будь то живых или умерших — не приходилось. Да еще это странное небо с незнакомыми звездами. У Джарел хватило мужества признать, что ни одна, даже самая огромная пещера на Земле не смогла бы вместить в себя этот небосвод. Но во времена Джарел люди быстрее смирялись с неизвестным, не требуя излишних объяснений. Поверить в то, что видишь, — вот что главное. Джарел не оставалось ничего другого, как поверить в то, что она оказалась в каком-то черном мире. Этот факт несколько разочаровал ее. Ей казалось, что в огненной, пылающей преисподней она скорее бы нашла подходящее для ее цели оружие, чем в этой мирно спящей в ночи стране.

Обтерев ноги и меч травой, она стала спускаться к подножию холма. Далекая светящаяся колонна притягивала ее, и после недолгих колеба-

ний Джарел направилась к ней. Времени на раздумья не было, а то, что ей нужно, она скорее всего сможет найти именно там.

Жесткая трава неохотно расступалась под ее ногами. Несколько раз девушка споткнулась, наступив на невидимые в траве камни, но до подножия холма она добралась без хлопот и приключений. Теперь ей предстоял долгий путь по гладкой, как стол, равнине к далекой светящейся башне. Неожиданно для самой себя Джарел обнаружила, что идет намного легче и быстрее, чем привыкла. Вскоре она приспособилась и полетела вперед широкими шагами, почти прыжками, едва касаясь травы. Видимо, сила притяжения в этом мире была слабее, чем на Земле, но Джарел, не зная, как объяснить это, чувствовала себя так, словно у нее за спиной выросли крылья, которые, не в силах понести ее по воздуху, все же помогали мчаться вперед с огромной скоростью.

На пути Джарел раза два пересекла небольшие ручейки, журчавшие не так, как журчит вода на Земле, а издававшие почти членораздельные звуки, словно говорившие сами с собой. Неожиданно для самой себя девушка ворвалась в пятно черной пустоты, скрывшей от нее окружающий мир. Ей пришлось пробираться в этой мгле на ощупь, ощущая рядом присутствие каких-то недобрых, кровожадных тварей. Постепенно она стала понимать, что эта страна не столь уж мирная и безмятежная, какой показалась сначала.

Джарел продолжала бежать вперед — к горячей колонне. Теперь она уже различала точеные контуры башни, чьи стены из твердого пламени вырастали прямо из земли. Это пламя, в отличие

от любого земного огня, было неподвижным, словно застывшим в воздухе. При этом огромный неподвижный факел не давал ни единого отблеска, сполоха на черном ночном небе.

Двигаясь быстро, как во сне, Джарел вскоре добралась до своей цели. Неожиданно почва под ногами стала топкой, а в ноздри девушки ударил запах стоячего, затхлого болота. Оказалось, что башня со всех сторон окружена кольцом вязкой трясины, по которой в разных местах двигались какие-то белые пятна. Были ли это живые существа или просто ключья тумана — этого Джарел в неясном свете звезд не разглядела.

Разобравшись, что густые пучки травы растут на торчащих из трясины более или менее сухих кочках, она стала пробираться к башне, перепрыгивая с кочки на кочку, словно в какой-то детской игре. Благодаря меньшей силе тяжести ей удавалось, едва коснувшись ногой травы, перелетать через широкие заросшие мхом поляны и озера, наполненные темной болотной водой.

Примерно посреди болота Джарел увидела, что к ней странными беспорядочными прыжками приближается одно из белых пятен. Эти прыжки выглядели настолько странно, что Джарел поначалу приняла белый силуэт за какое-то природное явление. Но мало-помалу светлое пятно приближалось к ней, чавкая болотной грязью при каждом прыжке, и вдруг Джарел стало ясно, что оно собой представляет. Сердце ее сжалось, к горлу подступил сухой комок. В звездном свете к ней приближалась женская фигура — прекрасное женское тело белого цвета, словно мраморная статуя. Женщина сидела по-лягушачьи, на корточках, и вдруг, резко распрямив ноги, как-то неловко прыгнула, пролетела немного по воздуху и

приземлилась, подняв фонтан болотной жижи. Джарел она не видела или не замечала. Залепанное грязью лицо женщины было таким же мраморно-белым, как и ее тело. Так она и передвигалась по болоту беспорядочными, неуклюжими прыжками, без какой-либо видимой цели. Джарел проводила ее взглядом, пока женщина вновь не превратилась в неясный белый силуэт на фоне черного болота. Во второй раз за эту ночь глаза хозяйки замка Джойри наполнились непривычными для нее слезами — она с тоской и печалью подумала о той силе, что смогла превратить прекрасное создание в подобие лягушки, бесцельно скачущей по бескрайнему болоту.

Правда, это страшное зрелище дало Джарел понять, что люди, по крайней мере человеческая форма тела, известны в этом мире. Может быть, черти с рогами и копытами тоже поджидают ее где-то поблизости, но в любом случае она не будет здесь единственной в своем человеческом обличье. Хотя, если все люди здесь лишены разума, как эта женщина, Джарел не хотела бы встречаться с ними. Слишком уж печально было такое зрелище. Девушка с облегчением вздохнула, когда болото осталось позади, и она больше не рисковала встретить на пути одну из движущихся по трясине лягушачьими прыжками белых фигур.

Джарел быстро преодолела оставшееся расстояние, отделявшее ее от башни, и остановилась, изумленно рассматривая ее вблизи. Несомненно, башня была искусственным сооружением, и материалом для стен, сводов и крыши послужил яркий свет. Воительница не могла понять и объяснить этого, но это было так, и ей приходилось верить своим глазам. Колонны, стены башни были созданы из твердых, точно очерченных, не

расходящихся в воздухе постепенно затухающим сиянием кусков, листов или блоков чистого света. Этот свет исходил из какого-то источника под землей. Отдаленно сооружение напоминало бьющий из-под земли подсвеченный водяной фонтан. Но Джарел интуитивно понимала, что вода здесь ни при чем. Башня состояла из твердого света.

Девушка нерешительно подошла поближе к башне, инстинктивно сжимая рукоять меча, понимая при этом, что клинок вряд ли сможет помочь ей в схватке с обитателями такого сооружения, кем бы они ни оказались. Площадка у подножия башни была вымощена гладкими черными плитами, не отражавшими свет. Линия границы между камнем и огнем, словно прочерченная циркулем, резко отделяла рвущийся из-под земли свет от черноты. Джарел, словно замороженная, еще и еще раз обежала башню взглядом, силясь понять, как такое возможно. Если и существует твердый, ничего не освещающий и не расходящийся лучами свет, то именно из него была выстроена эта неподвижная башня.

Глава 4

Очень медленно, останавливаясь после каждого шага, Джарел подходила к огненной башне. В одном месте сплошной частокол расступался, освобождая место для единственного огромного портала, словно вырубленного в стене плененного каким-то колдовством света. Около входа девушка почему-то остановилась, почувствовав, что не сможет пройти внутрь башни, даже если осмелится ступить на пол, сложенный из плит неподвижного, твердого света.

Прямо напротив портала, в самом центре открывшегося взгляду Джарел зала в форме шара, напоминавшего мыльный пузырь, висела в воздухе вторая сфера — сотканная из еще более яркого, чем основные стены башни, розоватого, пульсирующего света. Этот огненный шар сверкал так сильно, что воительница едва могла смотреть на него.

Джарел стояла на пороге, не решаясь войти внутрь огненного пузыря. Вдруг яркий шар в центре зала стал меняться: розовый цвет пламени сгустился, превращаясь в алый, а затем в кроваво-бордовый. Участилась пульсация сферы, она вытянулась вертикально, приняв форму зерна; вслед за двумя яркими вспышками нижняя часть этого зерна разделилась на две половины, а из верхней протянулись в разные стороны две багровые ветви. Еще одна ослепительная вспышка, сопровождающаяся громовым раскатом, — и кроваво-красный свет стал тускнеть, а сквозь него проступила какая-то тень, висящая в воздухе. Сжав до боли в руке меч и почти не дыша, Джарел наблюдала за происходящим. Она с трудом верила своим глазам: тень принимала форму человеческого тела, женского тела — высокой женщины в кольчуге с распущенными по плечам рыжими волосами. Янтарно-золотые глаза колдовского создания уставились в глаза ее двойнику, замершему у порога башни.

— Приветствую тебя, — произнесла Джарел, висящая в воздухе посреди огненного шара.

Ее голос, несмотря на большое расстояние, разделявшее их, доносился до земной девушки, стоявшей у входа, ясно и четко. Этот голос и вид своего двойника изрядно напугал Джарел, которая словно приросла к черным каменным плитам, не в силах сделать хоть шаг назад или вперед. Та

женщина в башне — это она, Джарел, повторенная в мельчайших подробностях. Лишь легкое дрожание контуров фигуры внутри башни различало их и напоминало девушке, что лишь каким-то невероятным усилием чьей-то воли этот силуэт сохраняет форму человека. Дай пламени волю — и оно тотчас же вновь превратится в сверкающий нестерпимо ярким светом, висящий в воздухе шар.

Голос огненной копии Джарел не был похож на ее собственный. Казалось, он принадлежит тому, кто создал этот слепок, — существу или силе, знающей и понимающей намного больше, чем дано смертному человеку. Казалось, этот голос издевается над ней.

— Ну, что ты стоишь? Входи! Входи же, женщина!

Обежав еще раз взглядом огненный портал и зал в форме пылающего шара, Джарел инстинктивно попятилась.

— Входи, входи! — потребовал голос, исходящий из уст, как две капли воды походивших на ее собственные.

Что-то в этом голосе не нравилось Джарел, пугало и настораживало ее.

— Входи! — прозвучал тот же голос, уже приказывая.

Джарел прищурилась. Затем, выждав несколько мгновений, она сделала шаг назад, резким движением выхватила из-за пояса кинжал и, размахнувшись, метнула его в проем портала, в круглый огненный зал. Клинок не успел даже коснуться вогнутого пола, вспыхнув прямо в воздухе нестерпимо ярким языком пламени. Девушке показалось, что кинжал сильно увеличился в размерах, а затем как-то обмяк, растекся, а на пол

упало лишь несколько шипящих, пузырящихся капель расплавленной стали. Вскоре и эти остатки ножа испарились и растаяли в воздухе легкими облачками светящегося пара. Джарел и глазом не успела моргнуть, как перед нею осталась лишь ровная, вогнутая чаша горящего пола в огненном зале.

Вторая Джарел взорвалась раскатами зловещего смеха.

— Ну что ж, стой там, снаружи, — прогремел ее голос. — Ты умнее, чем я думала. Итак, что привело тебя сюда?

Джарел стоило труда заставить себя говорить.

— Мне нужно оружие, — наконец выдохнула она. — Оружие против человека, которого я ненавижу так, что на земле нет ничего достаточно ужасного, чтобы выразить мою ненависть.

— Ты так сильно его ненавидишь? — издевательски переспросил голос.

— Всем сердцем!

— Ах, всем сердцем! — передразнила Джарел ее копия.

Затем под сводом зала опять прокатились раскаты дьявольского смеха. Отсмеявшись, рожденный из пламени двойник холодно сказал:

— Дашь своему врагу то, что найдешь в храме на озере. Я дарю тебе это.

Не успели губы второй Джарел произнести эти слова и вновь скривиться в презрительной улыбке, как весь ее силуэт задрожал и начал расплываться в воздухе. Одновременно свечение вокруг него стало ярче, и через несколько мгновений вместо человеческой фигуры в центре башни вновь засверкала багровая, медленно розовеющая огненная сфера.

* * *

Джарел машинально, прикрыв рукой глаза от нестерпимого света, повернулась и отошла от башни. Не успела она дойти до края черной, выложенной камнем площадки, как вспомнила, что понятия не имеет о том, где находится то озеро, где ее ждет подаренное ей оружие. Вслед за этой мыслью в ее голове, словно молния, пронеслось слово «подарок». Нет ничего страшнее, чем принимать дар от демона. Купить, отнять, выкрасть — куда ни шло, но принять в подарок! Ну что ж, — пожалала плечами Джарел, — все равно она будет проклята Богом за то, что добровольно отправилась сюда с нечестивой целью. Душу теряют один раз.

Подняв голову к звездному небу, воительница задумалась, в какую сторону ей теперь идти. Неожиданно прямо на ее глазах по небу пролетела огненная стрела. Джарел посчитала упавшую звезду за достаточное указание и направилась в ту сторону, куда летела яркая огненная точка. В той стороне болота не оказалось, и девушка, быстро набрав скорость, понеслась как на крыльях, широкими прыжками, по бескрайней, поросшей жесткой травой равнине. Вновь перед ее мысленным взором возникло лицо ненавистного ей мужчины, вновь вспомнила она вкус его губ. Что же за страшное оружие поджидало ее в неведомом храме, какая страшная кара падет из ее собственных рук на голову Гийома? Пусть ценой за это оружие будет ее душа. Джарел была согласна на эту сделку. Лишь бы быть уверенной, что это оружие сумеет согнать с ненавистного лица ухмылку победителя и зажечь в насмешливых глазах огонь ужаса!

Она не заметила, сколько времени прошло с тех пор, как огненная башня осталась за ее спи-

ной. Джарел даже не задумывалась об одиночестве, ни тени страха не было в ее сердце. Она шагала через лужи, почти не касаясь их ногами, словно в детском сне. Временами ей казалось, что сама она стоит на месте, а земля несется навстречу ей — так легки и плавны были ее движения. Теперь Джарел была уверена, что движется в нужном направлении — ибо еще две звезды скатились по небу к горизонту, указывая в ту сторону, куда она направлялась.

На лугах этих жили странные существа. Время от времени Джарел чувствовала чье-то присутствие рядом, а один раз наступила прямо на гнездо таких же отвратительных зубастых тварей, каких она уже видела на склоне холма. Чудовища яростно набросились на амазонку, скрежеща зубами по щиткам на ее голених. Лишь потеряв половину стаи убитыми, оставшиеся в живых обратились в бегство. Джарел было бы не так трудно разобраться с этой сворой, если бы ей не приходилось бороться еще и с тошнотой, подступающей к горлу, — таких отвратительных и мерзко пахнущих существ ей в жизни видеть еще не приходилось.

Перепрыгнув через очередной ручей, что-то бормочущий сам себе на непонятном языке, Джарел остановилась и прислушалась. Земля под ее ногами дрожала от приближавшегося топота множества копыт. Вскоре по левую руку от нее проступило из темноты быстро увеличивающееся в размерах белое облако. К дрожанию земли добавился гул несущегося на полной скорости табуна. И действительно — вскоре облако тумана распалось на множество силуэтов снежно-белых лошадей. Это было восхитительное зрелище — развевающиеся на ветру гривы и хвосты, отбивающие

сумасшедший ритм длинные стройные ноги. У Джарел перехватило дыхание. Лошади пронеслись рядом с нею, трясая головами, вспарывая землю копытами.

Но когда лошади поравнялись с нею, Джарел вдруг увидела, как один из скакунов споткнулся и чуть не упал, а другой пронесся через ручей, даже не опустив голову. Все они слепы! — осенило девушку — и неслись сломя голову в еще более непроглядной тьме, чем та, через которую пришла сюда она. Позже Джарел разглядела, что спины коней взмокли от пота, бока тяжело вздымаются, с губ клочьями слетает пена, а из ноздрей струйками бежит кровь. То одна лошадь, то другая, оступившись, падали и уже не могли подняться от усталости, но остальные продолжали нестись вперед, подгоняемые чем-то, неподвластным их разуму.

Последний из державшихся на ногах коней поравнялся с Джарел, чуть дыша в изнеможении от безумной скачки. Запрокинув голову, он жалобно и протяжно заржал. Что-то показалось девушке странным в этом звуке. Слишком четко прозвучал он, слишком похоже на человеческий крик. Джарел была готова поклясться, что эхо разнесло по лугам в этом ржании протяжный отчаянный призыв.

— Жюльен! Жюльен!

Столько горечи, безысходной тоски было вложено в этот крик-ржание, что в третий раз за эту ночь на глазах Джарел выступили слезы.

Ужасный крик долго еще эхом звенел в ушах Джарел. Но вот она отправилась дальше, глотая слезы, не в силах выбросить из памяти прекрасное слепое животное, измученное долгой отчаянной скачкой, безнадежно выкрикивающее девичье имя на бескрайней туманной равнине.

Еще одна звезда прочертила небо, скатываясь к горизонту, словно напоминая Джарел о цели ее путешествия и подгоняя ее. Хозяйка замка Джойри ускорила шаг, продолжая размышлять о том, что эта страна кошмарных видений ничуть не менее страшная, чем рисовавшийся ей раньше образ Ада в виде раскаленной огненной бездны.

* * *

Взбежав на небольшой пригорок, Джарел увидела, как впереди что-то сверкнуло. Чтобы приблизиться к источнику таинственного блеска, девушке пришлось спуститься в низину, где ее тотчас же окружили какие-то зловещие тени. Не сбавляя скорости, Джарел промчалась мимо них, так и не узнав, что за существа обитали у подножия холмов, что, впрочем, ничуть ее не расстроило. Новый гребень холма — и вновь что-то сверкнуло, но уже ближе. Сердце Джарел учащенно забилося.

Интуиция ее не обманула. Впереди действительно раскинулось большое озеро.

Девушка нерешительно подошла к берегу, гадая, верно ли она определила место, о котором говорил ей огненный демон. Черная, глянцевая водная гладь расстилалась перед нею; рябь, пробежавшая по озеру, двигалась совсем не так, как на земной воде. А в черной глубине озера мерцали тысячи неподвижных огоньков. Пока Джарел рассматривала подводных светлячков, что-то со свистом пролетело мимо ее головы и упало в озеро. Девушка успела заметить лишь огненную точку, порхнувшую по черному ночному небу, а затем в центре расходящихся кругов ряби на дне озера засверкал еще один огонек. Подбежавшие к берегу мелкие волны одна за другой разбились

о камни, причем звук черной плещущейся воды напомнил Джарел лепет ребенка: каждая волна словно произносила слово или слог на каком-то известном только ей языке.

Покрутив головой, чтобы понять, откуда сваливаются в озеро эти таинственные огоньки, Джарел не заметила ничего нового и решила отложить выяснение этого вопроса, сосредоточившись на поисках храма, о котором говорил огненный демон.

Через несколько мгновений Джарел показала, что она видит какое-то темное пятно посреди озера. Присмотревшись, она разглядела силуэт некоего сооружения со сводчатым куполом, вырисовывавшийся черным пятном на фоне подсвеченного звездами неба и освещенный лежащими на дне огоньками воды. Девушка пошла вдоль берега озера в поисках места, откуда этот храм был бы виден лучше. То, что это здание и есть храм, о котором говорил демон, она не сомневалась. Оставалось решить лишь одну проблему: как попасть в темное здание, стоящее посередине широкого озера.

Идя вдоль края воды, Джарел вдруг споткнулась обо что-то невидимое в густой прибрежной траве. Нагнувшись, она разглядела странную, едва заметную темную ленту, уходящую от берега к центру озера. На ощупь этот таинственный предмет определить было легко: он имел четкие границы и вполне осязаемую форму. Но при этом Джарел никак не удавалось сфокусировать на нем взгляд. Ей казалось, что она пытается разглядеть нечто несуществующее, сгусток пустоты, спрятанный в траве. Эта лента имела ступени, и, присмотревшись, Джарел поняла, что это — сотканный из пустоты узкий мостик, перекинутый

от берега к центру озера. В темноте было очень трудно разглядеть это сооружение, отличавшееся от окружающего фона лишь большей чернотой на фоне звездного неба. Но вел этот мост именно туда, куда было нужно Джарел. Она, попробовав ногой мост на прочность, ступила на него и направилась к центру озера. Теперь девушка была еще больше уверена в том, что черное сооружение впереди — именно тот храм, который она ищет.

Сжав зубы, Джарел осторожно шла по твердому, как камень, но узкому — не больше фута в ширину — мосту без перил. Не успела она сделать и нескольких шагов, как почувствовала головокружение: шевелящаяся гладь воды под ногами, тысячи чуть вздрагивающих под пробегающей рябью огоньков, звезды над головой — все это, да к тому же совершенно невидимая в темноте опора под ногами, заставляло сердце сжиматься в груди. Не осмеливаясь посмотреть вниз — в воду или вверх — на небо, Джарел, покачиваясь, шаг за шагом приближалась к храму. Порой ей начинало казаться, что узкий невидимый мост пружинит, качается с каждым ее шагом и вот-вот рухнет в искрящуюся черную воду.

Расстояние до храма на островке хоть и понемногу сокращалось, но темное сооружение не стало лучше видно. Все тот же контур пустоты, вырезанный на фоне густой россыпи звезд. Лишь оказавшись совсем рядом, Джарел рассмотрела поднимавшиеся прямо из воды стены и поддерживающие высокий купол колонны. Узкий мост вел прямо к центральному входу в черное здание. Преодолев последние ярды моста бегом, Джарел нерешительно остановилась на пороге таинственного сооружения, которое демон назвал храмом.

Напряженно вслушиваясь в окружающую тишину, внимательно оглядывая все закоулки здания, видимые от входа, держа меч наготове, Джарел ждала чьего-то появления. Ибо, несмотря на кажущуюся пустоту и необитаемость островка, она почувствовала, что тут есть кто-то живой, пусть даже чуждый и враждебный человеку.

Странное это было место. Словно огненная башня, только наоборот. Черная пустота стен поднималась прямо из воды. Там, где над ними возвышались колонны, на небе просто виднелись черные, без звезд полосы. В промежутки между колоннами проникал мерцающий свет, дающий возможность разглядеть небольшой, всего в несколько квадратных ярдов, зал — пятно черной плотной пустоты посреди водной глади озера. В центре этого зала возвышалась статуя, идол, образ...

Джарел, увидев эту фигуру, уже не могла оторвать от нее взгляд, рассматривая ее, словно за гипнотизированная. Идол был сделан из какого-то черного материала, не похожего на все то, что до сих пор встречалось девушке в этом мире. Даже в ночной темноте черный силуэт был отлично виден. Получеловеческая, наклонившаяся вперед бесполой фигура глядела на Джарел единственным глазом, горящим посреди лба, и вытянула в ее сторону приготовленные для поцелуя губы. И хотя это была всего лишь статуя, Джарел снова показалось, что кто-то кроме нее есть в этом странном месте, какая-то незнакомая, чуждая ей жизнь.

Стоя на пороге, Джарел боролась с желанием войти в храм. Словно кто-то невидимый толкал ее сзади и шептал в ухо: «Входи, входи...» Вскоре девушке стало ясно, что весь храм, каждая его

колонна, каждый изгиб стен — все построено так, чтобы сделать центром внимания страшную черную фигуру. Даже звездный свет, проникавший в храм между колоннами, фокусировался на статуе. Мост с берега озера подводил к храму так, что путник немедленно попадал под это магнетическое притяжение статуи в центре зала — черного идола с вытянутыми навстречу пришельцу губами.

Джарел слишком поздно поняла, что, действуя постепенно, геометрия и магия сделали свое дело — она уже не могла противиться силе, влекущей ее к черной фигуре. Понимая, что поступает против собственной воли, воительница сделала первый шаг под свод храма. Рубеж был перейден. Здесь, под куполом, все таинственные силы притяжения заработали в полную мощь. Шаг за шагом приближалась Джарел к центру храма, и с каждым шагом росло в ее душе ощущение безумия совершаемого ею поступка. Где-то в глубине сознания осталось желание сопротивляться подавляющей воле дьявольской силе, но было уже поздно. Руки Джарел, выпустив меч, легли на плечи черной статуи. Наследница рода Джойри тряхнула головой и, отбросив рыжие локоны с лица, припала к раскрытому для поцелуя рту безымянного черного бога.

Словно во сне ощутила Джарел этот поцелуй. У нее закружилась голова, мир, казалось, полетел куда-то в бездну. Холодные, как сталь на морозе, губы статуи затрепетали под ее губами. И через это соединение в поцелуе живой человеческой крови и ледяного напряжения неизвестного камня что-то незнакомое, пугающее вошло в самое сердце, в душу девушки-воина. Эта незнакомая тяжесть ледяной пустотой придавила ее

сердце, поселив в нем не выразимые словами ужас и тоску, которые, в свою очередь, были лишь оболочкой для чего-то еще более горького и страшного, чему нет названия ни в словах, ни в мыслях, ни в чувствах человека.

Поцелуй длился, наверное, какое-то мгновение. Но Джарел он показался нескончаемо долгим. Уже почти потеряв сознание, она почувствовала, как ослабли колдовские силы, притягивающие ее к статуе. Оторвав свои губы от ледяного камня, девушка, словно сомнамбула, на ощупь нашла меч, упавший на каменный пол, подняла его и, не глядя на черную статую, направилась к выходу из храма. Чувство безграничной тоски и ужаса не ослабло в ее сердце, а наоборот, с каждой секундой проникало все глубже и глубже, пропитывая душу насквозь, проникая во все уголки сознания.

И вот, в какой-то момент точивший Джарел изнутри страх вдруг выплеснулся наружу. Отважная наследница рода Джойри задрожала. Страх — перед черным богом, перед храмом, выстроенным из твердой пустоты, перед черным, подсвеченным снизу озером и перед всем этим чужим, дьявольским, покрытым мраком миром, раскинувшимся вокруг нее. Джарел ощутила, что ее отчаянно тянет назад, в свой мир, в свой павший и полуразрушенный замок, в мир, пусть даже отравленный навеки вкусом губ Гийома. Все что угодно, только не этот мрачный ад. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Джарел побежала. В два счета она, даже не почувствовав головокружения, пересекла узкий черный мост через озеро. Оказавшись на твердой земле, девушка огляделась: впереди горела неподвижным светом огненная башня, а дальше за ней вырисовывался на

фоне звездного неба силуэт холма, с вершины которого она попала в этот мир.

Джарел побежала, стараясь обогнать свист ветра в ушах, порождаемый ее собственным быстрым движением. Она постаралась убежать сама от себя, обогнать свое тело, отяжеленное теперь неизъяснимой тоской и ужасом.

Позади Джарел осталась долина, населенная невидимыми злобными призраками, а она все бежала и бежала, не сбавляя скорости, подгоняемая страхом. Джарел неслась быстрее, чем испуганная лань. И как убегающая лань, уже ушедшая от погони, она все бежала и бежала, не в силах остановиться, поверить, что опасность миновала.

Мало-помалу панический ужас в сердце Джарел рассеялся, но откуда-то появилось чувство поражения. Девушка мучительно пыталась найти ему причину, и вдруг ее осенило. Оружие против Гийома! Возмездие! Она ведь ничего не взяла в том черном храме. Хотя... Нет... Если только этот страшный поцелуй? Значит, именно поцелуй она и должна передать Гийому? Зловещая улыбка расплылась по лицу Джарел. Ее поражение обернулось победой. Какая-то холодная внутренняя уверенность говорила ей, что поцелуй черной статуи станет тем самым оружием против ненавистного человека, за которое она согласилась продать душу дьяволу.

Когда за спиной Джарел остались и башня, и болото, по которому все так же слепо и бесцельно беспорядочными прыжками перемещались белые фигуры, небо на горизонте начало бледнеть. И с этими первыми проблесками приближающегося рассвета новый острый приступ ужаса охватил Джарел. Она не знала, чего больше боится — самих лучей неизвестного светила или того, что

высветят они в этом страшном мире, того, что до сих пор было скрыто ночной темнотой. Но в любом случае Джарел твердо знала одно: если ей дороги ее рассудок и сама жизнь — она должна до рассвета покинуть эту страну.

Гонка была отчаянной. Джарел, надрываясь, напрягаясь, изо всех сил неслась к спасительному холму. Но и рассвет, казалось, торопился догнать ее. Вот уже звезды на небосклоне стали бледнеть и меркнуть. Само небо меняло черный цвет на мертвенное зеленоватое свечение, а воздух вокруг превращался в неприятную серую мглу.

Джарел, ни на секунду не останавливаясь, стала взбираться по отлогому склону холма. В это время она заметила, что на земле под ее ногами появилось, пока нечеткое, пятно ее собственной тени. Волосы на голове Джарел встали дыбом. Она не могла объяснить себе, почему больше всего боялась смотреть на свою тень. Ей казалось, что черный силуэт, неотступно следующий за ней, станет последней каплей, и она вот-вот сойдет с ума.

Черная вершина холма четко вырисовывалась на фоне быстро светлеющего неба. Джарел, закусив губу, карабкалась вверх по склону. Больше всего она боялась вновь, как в прошлый раз, наткнуться на свору отвратительных зловонных хищников. Не их острые зубы пугали бесстрашную женщину, не мерзкий вид и запах бесов — просто Джарел была уверена, что если, вступив в бой с ними, она обернется и бросит взгляд на расстилавшуюся позади нее равнину, то тотчас же упадет на землю и зайдется в безутешной истерике.

Словно спасительная крепость, впереди показался черный вход в пещеру. Шею Джарел от

напряжения свело судорогой. Изю всех сил противилась она искушению оглянуться. Вдруг где-то рядом застучали по камням маленькие острые копытца, воздух наполнился мерзким зловонием. Джарел закусил нижнюю губу с такой силой, что по ее подбородку побежали две тонкие струйки крови. Не глядя по сторонам, она вслепую наносила удары мечом, лишь приблизительно ориентируясь по слуху. Время от времени острые зубы тварей скрежетали по щиткам на ее голених или впивались в не прикрытые металлом ноги выше колен. Несколько раз клинок Джарел попадал точно в цель. Знакомое ощущение в руке, держащей меч, вонзающийся в плоть, а также крики боли и предсмертные хрипы подтверждали удачный удар. Вскоре, потеряв чуть не половину стаи, отвратительные хищные твари бросились враспынную, как и в прошлый раз, а Джарел, ни на миг не останавливаясь, продолжала бежать к спасительному черному жерлу пещеры. Она даже не разжала стиснутые зубы, чтобы ослабить боль в прокушенной губе, — так велик был ее страх, что готовый сорваться с языка стон собьет дыхание, даст волю испугу, и она упадет на камни, потеряв последнюю надежду когда-нибудь вернуться назад, в свой мир. Джарел понимала, что этот первый стон не окажется единственным. Издай она его — и ей суждено рыдать и стенать, пока ее горло не перегрызут острые зубы зловонных бесов или не перережет клинок кого-нибудь из дневных обитателей этой дьявольской страны.

У самого входа в пещеру в траве сверкнуло что-то до боли родное и спасительно-теплое. Распятие. Со слезами и стоном облегчения Джарел подняла и поцеловала маленький крестик, который она оставила на пороге этого мира. И как

только ее кулак сжался, пространство, окружавшее ее, сам мир — все исчезло. Джарел сделала последние два шага, отделявшие ее от пещеры.

Темнота обступила ее со всех сторон. Девушка с благодарностью ощутила, как глаза ее прикрыло знакомое бархатистое одеяло, вспомнив, как пугающе, жутко выглядела на камнях склона холма ее собственная тень в мертвенно-зеленоватых лучах рассвета. Пробираясь в темном коридоре, Джарел быстро взяла себя в руки, восстановила дыхание, усилием воли прекратила дрожь в ногах и поборол в душе панику, которая охватила ее при первых признаках восхода. Но стоило страху уйти, как его место в сердце Джарел заняла холодная тяжесть, о которой она почти забыла во время безумной гонки. Чувствуя, что обречена принести Гийому дьявольскую кару и, скорее всего, смерть, Джарел снова ощутила уже испытанную ею беспросветную тревогу и тоску.

Ничто не преграждало ей путь. Несмотря на все пережитые потрясения и сильную подавленность, Джарел не забывала прислушиваться к темноте, чтобы не дать обитателям подземелья застать себя врасплох. Лишь один раз до ее слуха донеслось хриплое дыхание какого-то большого существа и шуршание покрытой чешуей кожи по каменной стене. Но, к счастью для нее, оставшееся невидимым в темноте чудовище прошло где-то неподалеку, не заметив ее.

Добравшись до лаза в стене, из которого веяло неземным холодом, девушка почти машинально вошла в него и поползла на четвереньках, пока сузившийся туннель не заставил ее лечь. Оттапливаясь ступнями и ладонями, она проползла еще немного, а затем неожиданно поменявшееся на-

правление тяготения сделало ее движение свободным и легким, словно чуть заторможенное падение. Джарел почувствовала уже знакомое головокружение и ощущение вибрации в каждой клеточке, каждом атоме своего тела. Виток за витком, безо всякого усилия скользила она по гигантской спирали. Снова смешались для нее верх и низ. Снова возникло ощущение, что это кружение по спирали будет длиться вечно.

Наконец пальцы Джарел коснулись края отверстия в подземелье замка Джойри. Легко подтянувшись, Джарел вылезла из туннеля и осталась лежать рядом с люком. Некоторое время она лежала неподвижно, ожидая, пока рассеется туманная пелена перед глазами, пока уйдет головокружение. Джарел уже не надеялась, что вместе с этим исчезнет и тяжесть дьявольского подарка-оружия из ее груди. Когда туман в глазах растаял, а пол перестал уходить из-под ног, девушка легким движением вскочила на ноги, закрыла тяжелой каменной крышкой вход в колдовской туннель, неприязненно поежившись, ощутив ледяной холод металлического кольца, никогда не видевшего солнечных лучей.

Покончив с этим делом, Джарел сделала несколько шагов вперед и стала гадать о причинах неверного, колеблющегося свечения наверху, за проломом в стене, который она заботливо расчистила от вынутых камней. Господи, как давно это было? Неделью, месяц, сто лет назад? После долгого путешествия в почти полной пустоте даже неяркий свет чуть не ослепил ее. Девушка постояла немного, держась одной рукой за стену коридора, а другой прикрывая глаза от света, словно глядя на яркое солнце. Не сразу она сообразила, что впереди маячит свет всего лишь нескольких

факелов. Кто бы это мог быть? Отец Жервез, несомненно, молится за нее и ждет ее возвращения. Но вряд ли он отправился бы ей навстречу — во-первых, испытывая непреодолимый ужас перед дьявольским туннелем, а во-вторых, не желая привлечь излишнего внимания солдат Гийома, бродя по подземельям замка с факелом в руках.

Джарел понимала, что должна чувствовать радость и облегчение, вернувшись из черного ада в свой родной мир живой и невредимой. Но ледяная тяжесть в груди подавляла в ней все остальные чувства.

Наконец она шагнула в коридор темницы замка сквозь проделанное в стене отверстие. Невесело улыбнувшись, она вспомнила, как старательно расчищала от камней себе путь, боясь, что возвращаться ей придется бегом, спасаясь от погони... К сожалению, от ужаса, поселившегося в ней самой, спастись бегством было бесполезно. Амазонке казалось, что не только она сама идет медленно, еле переставляя ноги, но и ее сердце начинает замедлять свое биение, которое становится все реже и реже, словно дыхание измученного, сошедшего с дистанции бегуна.

Наконец она вступила в круг света, образованный несколькими факелами. Две тонкие струйки крови стекали из прокушенной нижней губы по ее подбородку. Щитки на голених, колени, бедра, а также клинок меча были заляпаны ихором погибших отвратительных созданий, больше похожим на высыхающий гной. Из-под огненно-рыжей шевелюры наследницы рода Джойри сверкали холодным огнем глаза человека, не только много повидавшего, но и познавшего то, что называется за гранью, разделяющей жизнь и смерть.

Особая, необычная красота Джарел изменилась, куда-то ушла. Так, некогда прекрасный меч после долгого боя покрывается зазубринами; политый кислотой — теряет гладкость клинка; оставленный в сырости — ржавеет; а испачканный болотной грязью или сажей — становится неузнаваемым и отталкивающим на вид. Посмотрев в глаза девушки, отец Жервез вздрогнул и трижды перекрестился.

Глава 5

Они ждали ее. Священник — мрачный и встревоженный, Гийом — высокий, дерзкий, эффектно выглядевший в колеблющемся свете факелов. С ним было с дюжину вооруженных солдат с факелами в руках, нетерпеливо и опасно переминавшихся с ноги на ногу. Джарел, увидев Гийома, ощутила, что ее почти остановившееся сердце вдруг застучало, как копыта прищипоренной лошади. Свет в ее глазах сначала померк, а затем вдруг взорвался яркой вспышкой. Кровь, подгоняемая бешено стучащим сердцем, быстрее побежала по венам. Гийом! Гийом, величественно оперевшись на меч, внимательно разглядывающий ее. Гийом, захвативший замок Джойри. Гийом, оскорбивший и униживший ее. Гийом...

То, что Джарел несла в своем сердце, было тяжелее всех бед и невзгод этого мира. Под этой тяжестью подгибались колени, изнемогало работающее из последних сил сердце. Джарел едва сдерживала желание поддаться этой силе, лечь на пол, замереть и остаться лежать так навеки, с закрытыми глазами, плыть в серых облаках, кружащихся вокруг, обволакивающих ее со всех сто-

рон. Но вот он, Гийом, — прямо перед нею. Этот человек нанес ей страшное оскорбление. Всей душой ненавидела она его до того момента, когда слилась в поцелуе со статуей черного бога. Всем тем, что осталось у нее вместо души, ненавидела она его сейчас. Нужно было сделать последнее усилие. Она должна довести дело до конца, разрядить натянутый лук... выполнить то, ради чего пожертвовала душой... А кроме того, Джарел была уверена, что обретенное ею оружие — обоюдоостро. Оно может поразить и того, кто несет его, если слишком долго откладывать решающий удар. Все это она проговаривала про себя, преодолевая густую, вязкую мглу, обволакивающую ее разум, замедляющую, затрудняющую движение мыслей. Невероятных усилий и напряжения воли стоили Джарел несколько шагов в сторону Гийома. Но вот наконец она оказалась рядом со своим врагом. Меч выпал из рук Джарел. Со звоном ударился он о мокрый каменный пол подземелья. И вот Джарел протянула руки навстречу Гийому.

Он принял ее в свои сильные объятия, обдав запахом пота и винным перегаром. Она слышала его победный и в то же время полный ненависти смех. В следующий миг навстречу его губам потянулся ее раскрытый для поцелуя рот. Их уста почти слились, когда Гийом вдруг заметил радостный блеск в янтарных глазах рыжеволосой девушки-воина из рода Джойри. Это удивило его, но Гийом был не из тех, кто позволяет случайным сомнениям взять верх над собою. Его губы впились в уста Джарел.

Поцелуй был долгим. Вдруг девушка почувствовала, что Гийом вздрогнул в ее объятиях. Губы, касавшиеся ее уст, за долю секунды похолодели.

Медленно-медленно тяжесть, давившая на нее изнутри стала уменьшаться, исчезая, оставляя свободными ее сердце и разум. Сила вновь наполнила ее тело. Мир снова ожил, вернулись краски, звуки, ощущения. Поняв, что дело сделано, Джарел оторвалась от губ Гийома и сделала шаг назад, с любопытством и с победной улыбкой глядя на него.

Румянец слетел с лица Гийома, превратившегося в лик каменной статуи — неподвижный, холодный и бесцветно-серый. Лишь глаза остались живыми на мертвом лице. Взгляд завоевателя был смесью страдания и удивления. Джарел была счастлива. Она мечтала о том, чтобы этот человек понял, что значит, без ее согласия, получить ее поцелуй — поцелуй Джарел из рода Джойри. Теперь воительница, улыбаясь, глядела в округлившиеся от ужаса глаза своего врага. Она увидела, как что-то холодное и чужое проникло в тело и душу Гийома, вызвав не имеющее названия страдание, которое не суждено было до этого познать ни одному человеку на Земле. Джарел не смогла бы описать это чувство, но она видела, что это такое, по глазам Гийома, — нечто смертельно тяжелое, созданное не для существ из плоти и крови; незнакомое, беспросветное и безнадежное отчаяние, которое могло почувствовать лишь существо из того, покрытого тьмой мира серой мглы и тумана. Слишком чуждо и невыносимо остро было это чувство даже для самого сильного человека. Джарел вздрогнула и отшатнулась, увидев застывший в глазах Гийома ледяной ужас. В этот миг она поняла, что в колдовском мире было очень много боли, ужаса и страха, испытав которые, человек из земного мира не сможет жить. Джарел мрачно следила, как проклятье проника-

ет в душу Гийома, как все его тело, каждая частичка его вздрагивает под наваливающейся на них неподъемной чугунной тяжестью.

Затем пришел черед видимых, физических перемен. Джарел поразились тому, что в своем теле и в своей душе несла семя такого ужаса. Неудивительно, что ее сердце изнемогало, готовое остановиться под тяжестью такого груза. Гийом на мгновение неподвижно застыл с поднятыми, согнутыми руками — так, как оставила его выскользнувшая из объятий Джарел. А затем его тело стало вздрагивать и извиваться в диких судорогах. Теперь он напоминал привидение с серым лицом, закованное в стальные доспехи. Лоб Гийома покрылся липкой испариной. Из рта потекла кровь. Затем последняя судорожная волна пробежала по его телу с ног до головы, Гийом запрокинул голову, и, мучимый новым, непостижимым чувством, издал долгий низкий стон, вой, рев. Таким нечеловечески страшным и раздирающим душу был этот звук, что даже Джарел, не выдержав, закрыла уши руками, чтобы не слышать его. Этот отчаянный крик выражал некое страшное чувство, которое не было ни скорбью, ни отчаянием, ни гневом, но чем-то непередаваемо, невыразимо чужим человеку, далеким и унылым. Крик оборвался. Ноги Гийома подкосились. Гремя доспехами, рухнул он на пол и неподвижно застыл.

То, в каком положении он остался лежать, не оставляло сомнений: Гийом был мертв. Джарел стояла неподвижно, устремив взгляд на поверженного врага, и вдруг ей показалось, что все огни в мире разом погасли, весь свет померк. Сначала она не придала этому значения, пораженная силой данного ей демонами оружия. Ведь

еще несколько минут назад этот человек был силен, уверен в себе и величественно красовался в свете факелов. Девушка все еще чувствовала вкус его губ, тепло его рук. Она сделала шаг вперед и нагнулась, чтобы взглянуть в стекленеющие, застывшие глаза Гийома...

Но тут-то она и поняла, что совершила, отправившись к дьяволу за орудием собственной мести. Да, ее душа, тело, губы пропитались страшной, несущей смерть силой. Отмщение свершилось. Но теперь Джарел знала, почему так зловеще смеялся огненный демон, принявший на время форму ее тела. Поняла она и то, какую цену придется ей заплатить за подарок дьявола: с того момента, как сердце Гийома остановилось, мир для Джарел погрузился в непроницаемую тьму, без единого огонька.

Отец Жервез аккуратно и нежно взял девушку за руку. Нетерпеливо оттолкнув его, она вздрогнула, опустилась на одно колено перед трупом Гийома и склонила голову — так, чтобы упавшие на лоб огненно-рыжие волосы скрыли от чужих взглядов слезы льющиеся из янтарно-золотых глаз.

МИР КОНАНА

РАССКАЗЫ

Рэй Капелла
МОСТ ЛЬВА

Лев Митры в море колдовства
У в Ад ведущего моста.
Цепь Жизни вызывает гнев,
И Смерти жаждет страшный лев.

Строки заклęcia разнеслись по ущелью, когда их громко произнес посланник из Тарантии. Бериг натянул поводья жеребца, остановившись рядом со своим спутником, и рассмеялся грохочущим басом. Его смех, подхваченный эхом, стих где-то впереди.

Путники остановили коней у входа в лощину. Перед ними, почти сливаясь с дикой природой, вывышались огромные, вырезанные из камня головы — каменные боги, монолиты, загроздившие все ущелье. Их огромные задумчивые лица взирали на двух путешественников, в то время как один из них изучал надпись, вырезанную высоко над бровями ближайшей к ним головы.

Бериг, наемник, нервно обернулся, когда эхо стихло до шепота, и посмотрел на сияющее в вышине солнце. Он поправил стальной шлем на своей бритой голове.

— Значит, ты можешь читать древние письмена, — громко сказал он. — И что же там написано? Какие-нибудь старые поверья?.. Мы до конца дня будем торчать на солнцепеке?

Спутник Берига печально посмотрел на наемника. Его зеленые глаза сверкнули из-под гребенчатого шлема. Беригу показалось, что он смотрит на дикого зверя. Потом чужеземец жестом предложил наемнику ехать дальше.

Бериг прищипнул коня, петляя среди статуй. Некоторое время он спиной чувствовал взгляд своего спутника, следовавшего за ним. Бериг всех людей рассматривал как потенциальных предателей и не спешил предоставить кому-то шанс себя подловить. Что нужно от него посланнику, наемник и не догадывался. Далеко на юго-востоке при помощи предательства и коварства враги разбили войска варвара — короля Аквилонии. Теперь же город Шамар, находящийся на территории Аквилонии, оказался осажден армией Кофа. Быть может, этот избалованный молодой нисец несет известия в столицу Тарантии, хотя приехал-то он с севера. Бериг повнимательнее присмотрелся к своему спутнику.

Что-то в чужеземце раздражало Берига. При росте чуть выше среднего незнакомец сильно сутулился, словно ученый, которым скорее всего и был. Очевидно, он мог читать древние надписи. Его посадка в седле и характер также противоречили упряжи его коня, которая скорее подошла бы какому-нибудь придворному и позолоченной легкой броне. Лицо у него было темным, орлиным... Такой же аквилонец, как король или сам Бериг.

— Почему вы выбрали меня в сопровождающие, господин? — последнее слово Бериг произнес с глубоким сарказмом, а потом прибавил: — Ведь в гарнизоне многие знают эту дорогу. Некоторые даже лучше меня.

— Я выбрал тебя, потому что у тебя репутация убийцы, — искренне сказал его спутник. — Мне нужен... настоящий воин.

Бериг рассмеялся. Он был скорее польщен, чем оскорблен. Теперь он стал больше доверять придворному. В любом случае этот человечек был в два раза меньше в объёме, чем наемник, и Бериг жалел его, потому что он-то сам имел силу колесничьего, а другие-то нет. Однако...

— Если вам нужна защита, почему же вы не взяли отряд... или вы не заметили большую заставу у подножья холмов?

— Мое дело слишком деликатное, чтобы развезжать по горам с большим отрядом, — объяснил посланник. — К тому же, когда я проезжал мимо, на заставе никого не было. Похоже, шемы короля Кофа уже захватили большую часть страны. Уверен, что и до той заставы добрался или сам король Кофа, или его проклятый колдун. В любом случае, перед тем как отправиться дальше, я рассказал обо всем капитану твоего гарнизона.

Наемник опешил. Если цитадель у подножия горной цепи обезлюдела, дорога на Тарантию открыта. Любая достаточно большая армия, совершив обходной маневр и войдя в Аквилонию через северные границы королевства, могла с легкостью смять слабые гарнизоны оставшиеся на их пути. Несколько человек, служивших на посту Берига, на плато за спиной путников, никогда бы не выстояли против большого отряда.

— Где этот Мост льва? — спросил посланник так, словно спрашивал о каком-то пустяке.

— На две мили отъедем от ущелья, и вы его увидите, — усмехнулся Бериг.

Каменные головы теперь остались позади, и путники ехали по узкой полоске грязи с неприступными стенами по обеим сторонам. Наемник снова прищипорил коня, подумав о том, что, быть может, вражеская армия уже напала на его гарнизон. Неожиданно он резко натянул поводья. Конь его встал на дыбы. Когда подъехал посланник, воин загородил ему дорогу своим конем и выставил перед собой обнаженный меч.

— Кто ты? — спросил Бериг. Его меч предупреждающе сверкнул, когда его спутник, натянув поводья, остановил своего коня. — Держись на безопасном расстоянии и отвечай.

— Меня зовут Аркюэл. Родился я аргосцем, но стал аквилонцем по собственному выбору, — улыбнулся посланник. Он не вытащил меч, а снял с руки широкий браслет и передал его наемнику. — Как ты знаешь, я придворный писец, и в данный момент — посланник.

На орнаменте браслета были отчеканены символы власти Аквилонии. Бериг слышал, что такие браслеты носит только придворная стража, но он не спешил. С огорчением спрятал он свое оружие, ведь его спутник так и не обнажил меча, и вернул браслет посланнику.

— Слишком долгий путь проделал ты, чтобы быть простым курьером, — заметил наемник. — Долгий путь от границы до заставы. Нам осталось лишь пересечь эти горы... возможно, указывая путь вражеским колоннам.

— Если бы я был шпионом, я бы не сказал тебе, что Тарантия осталась без защиты, — возразил Аркюэл. Он оставался совершенно спокоен. — Ты правильно решил... Если враги пойдут на Тарантию, то это — единственный путь. Я не

путешествую просто так, потому что не этому меня учили. Враги хотят как можно быстрее захватить столицу, напав на нее с севера, потому что самые последние слухи говорят о том, что наш король бежал из Кофа.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше? — упорствовал Бериг. То, как Аркюэл повел плечами, подсказало наемнику, что не стоит доверять объяснениям этого человека. Но сделав вид, словно ничего не замечает, наемник прибавил: — Значит, нам ничего не остается, кроме как бежать. Точно так же, наверное, поступит и мой гарнизон.

— Нет, если они послушают своего капитана, — сухо ответил Аркюэл. — При мне он поклялся на мече задержать врага. Быть может, уже сейчас они ведут безнадежный бой... Показывай дорогу!

— Ладно, но теперь ты поедешь впереди. Я тебе не доверяю.

Аркюэл из Аргоса проехал мимо наемника. Странная улыбка играла на его темном лице.

— Аркюэл-аргосец, — пробормотал про себя Бериг, пока они ехали по гористому ущелью. Солнце теперь стояло в зените, и круто поднимающиеся стены не давали защиты от его ослепительных лучей. Бериг присматривался к человеку, ехавшему впереди. — Ты был принцем воров в Поитане. Они называли тебя леопардом.

Посланник кивнул. Бериг слышал о странном человеке, который чувствовал себя как дома в библиотеке Тамары и который, согласно слухам, долго жил в одиночестве в темных джунглях Шема. Потом наемник недоверчиво фыркнул. Разве мог этот золоченый щеголь выжить в диких краях?

Он уже собирался с привычной грубостью задать Аркюэлу очередной вопрос, когда они достигли конца ущелья. Дорога превратилась в широкий тракт, обвивающий стену огромного утеса. В сотне ярдов на другой стороне огромной пропасти поднималась совершенно голая скала, белая в солнечном свете. Тысячью футами ниже ревела узкая речушка, пробившая себе дорогу через плато.

Дорога вела только в одну сторону — вправо, к огромному каменному мосту, перекинутому над пропастью. Он имел только один огромный пролет и был достаточно массивен и прочен, чтобы выдержать армию, достаточно широк, чтобы на нем могли разъехаться две колесницы. Когда путники приблизились к нему на крепких, но испуганных конях, они увидели огромного льва, вырезанного из камня слева от дороги, там, где мост упирался в противоположную сторону ущелья.

Переехав через мост, Аркюэл из Аргоса спешился и повел коня в поводу. Сняв шлем, он прицепил его к седлу.

— Ведь это — единственный путь через горы?

— Конечно, другого нет, — усмехнулся наемник. — Остальная часть горного хребта — непреодолимый барьер. Его называют Адом Митры. Посмотри на эти скалы... Какая армия сможет через них перебраться? Только сыны богов могли проложить этот путь, и они так и сделали. Поехали, не стоит здесь задерживаться!

Аркюэл подошел поближе к статуе присевшего льва. Зверь выглядел массивным, много больше лошади, и был вытесан из белого камня. Посланник поднял руку. В этом жесте проявилась вся его властная натура. Он приказал воину:

— Послушай!

Наемник спешился, и оба путника прислушались. Эхо цокота копыт доносилось сзади, из ущелья, откуда они недавно выехали. Враги, очевидно, находились уже возле каменных голов в начале ущелья.

— Давай, дурак, — выругался Бериг и потянулся за мечом. — Аквилония обречена, а ты стоишь, восхищаясь пейзажем! Ты аквилонец не больше, чем я. Еще раз застрянешь, и я тебя прирежу.

— Да ведь мы уже пришли, — заявил Аркюэл. Одним быстрым движением он сбросил короткий плащ и хлестнул им по бокам жеребцов, которые, испугавшись, промчались мимо статуи и понеслись дальше по ущелью с обрывистыми склонами.

— Слабоумный! — закричал Бериг, замерев от удивления, когда посланник бросил плащ и выхватил меч. — Ты хочешь в одиночестве сражаться против отряда кавалерии Кофа?

— Нет, я заставляю исполниться старинное проклятие, — спокойно ответил Аркюэл. Он усмехнулся, и глаза его засверкали словно изумруды. — Я уже прочитал его тебе. Вот то место, куда я стремился. Один из нас должен здесь умереть. Потому я и выбрал тебя.

— Так умри же сам, пес поганый! — выплюнул Бериг и прыгнул вперед. Аргосец сделал шаг в сторону, прижался спиной к статуе и отбил удар клинка наемника. Мечи засверкали на солнце. Пара сражающихся стала двигаться туда-сюда, обмениваясь ударами.

Аркюэл оборонялся, с легкостью парируя каждый могучий выпад наемника. Через несколько мгновений аргосец понял, что в искусстве фехто-

вания он превосходит противника. Он задел бедро Берига, чтобы доказать это самому себе, и яростный вой наемника прибавился к звону мечей.

Аргосец знал о древнем пророчестве задолго до того, как приехал сюда. Он прочитал о нем в истрепанном временем свитке, хранившемся в подвалах дворца в Тарантии. Даже став свидетелем многих чудес, он скептически относился к сверхъестественному, однако — как и сказал Беригу — он затеял рискованное предприятие — единственное, что могло остановить армию Кофа.

Бериг усмехнулся и выругался, поняв, что его противник лишь тянет время. Как только отряд всадников оказался в поле зрения, вынырнув из ущелья, наемник насад на Аркюэла.

Аргосец неожиданно перестал защищаться и, рубя сплеча, кинулся на своего противника, отгоняя его туда, где, присев на корточки и повернув голову, застыл каменный лев. Они остановились, задыхаясь, в тени возле статуи, в то время как армия Кофа вступила на гранитную арку моста.

Закованные в броню рыцари, направив было своих коней через мост, натянули поводья в пятидесяти ярдах перед львом по приказу бородастого предводителя, поднявшего руку. Сняв черный шлем, воин внимательно посмотрел на двух сражающихся.

Бериг взглянул на отряды всадников. Он резко отступил на шаг и, сняв шлем, в отчаянии бросил его в лицо врагу.

Аргосец отбил клинком шлем в сторону, но в его обороне открылась брешь. Он оказался прижатым спиной к подножию льва. Бериг сде-

лал смертоносный выпад, но посланец проворно запрыгнул на лапу каменного зверя и, оказавшись чуть сбоку, ударил наемника мечом сзади по шее.

Тут же аргосец выронил меч, который со звоном упал на каменную лапу. Его левая рука метнулась и сжала пояс наемника, едва не рухнувшего в пропасть. Аркюэл покачнулся, но не дал тяжелому телу наемника полететь вниз. Когда мертвый Бериг повалился на землю, посланник повернулся к предводителю кофийцев, одетому в черное.

— Достаточно, — проговорил всадник без какого-либо восхищения. — Тебе не повезло, потому что ты одет в платье аквилонского придворного. Почему ты не дал этой туше исчезнуть в пропасти?

— Наш друг, кстати, тоже служил Аквилонии, — усмехнулся Аркюэл, толкнув носком сапога тело Берига.

Два рыцаря вышли вперед, повинувшись жесту чернородого, но аргосец отвернулся, не обращая на них внимания. Он приподнял тело наемника, взвалил на плечо, подтащил его назад и, прилагая нечеловеческие усилия, положил перед мордой льва, обрызгав кровью огромную голову и гриву.

— Да ведь это жертва, — рассмеялся чернородый. Два рыцаря как по команде остановились, когда Аркюэл повернулся и, наклонившись, подобрал свой меч.

Потом наступила короткая пауза. Кофийцы знали: или этот человек сам сдастся, или они его убьют. Но в любом случае он умрет, потому что небольшой авангард армии не мог позволить себе брать пленных. Всадники не двигались, замерев

в облаке пыли, которое подняли копыта их коней. Их племени и копыта сверкали в солнечном свете. Позвякивание брони и стук копыт нервно переступающих с ноги на ногу коней лишь подчеркивали тишину гор.

За эти несколько секунд аргосец о многом успел подумать. Он чувствовал, что свалил дурака, рискнув всем из-за древней чепухи. Только его собственная жизнь имела значение. А королевство, где он был чужестранцем, могущественный король Конан, правящий им, — ничего не значили. Приближающаяся смерть была намного реальнее, точно так же, как прикосновение теплого солнечного луча к его лицу, меч в его руке, грязная каменистая дорога, на которой он стоял.

И тут что-то зашевелилось у него за спиной. Волосы у Аркюэла встали дыбом. Он почувствовал, как высвобождается огромная колдовская сила.

Еще в детском возрасте Аркюэл испугался ветви, которая неожиданно взмыла в воздух, превратившись в насекомое, которым и была на самом деле. С тех пор ему часто казалось, что стоит попристальнее посмотреть на неподвижный предмет, и тот начнет двигаться. Сейчас же — сверхъестественным образом — Аркюэл почувствовал, что ему снова придется сыграть в эту детскую игру... Если он повернется и посмотрит на льва... Но... он не смел шевельнуться.

— Ожил! Ожил! — послышались крики солдат. Два лейтенанта, вышедшие было вперед, отступили.

— Солнце! — закричал предводитель кофийцев. — Это всего лишь блеск солнца! Замолчите!

Словно в ответ на слова чернобородого Аркюэла почувствовал движение у себя за спиной. Посланник упал плашмя, когда гигантская тень нависла над ним. Адский рев пронесся по ущелью.

Лев Митры с грохотом встал над Аркюэлом. Его огромный хвост разбил меч посланника, так что только двухдюймовый обломок остался в его руке. Люди и лошади слетели с моста, словно листья, которые стряхнула с себя ветвь дерева. Воины вопили от ужаса, давя друг друга в головокругоном бегстве, устремившись назад по ущелью. Даже те, кто был далеко от льва, толкались, сбрасывая друг друга в бездну.

Аркюэл метнулся в сторону, к мосту, и обнаружил дыру в утесе, футов пятнадцати в диаметре, на том месте, где раньше восседал колосс. Поток воздуха с такой силой врывался в отверстие, словно в пещере по ту сторону дыры был вакуум. Посланник, попытавшись проскользнуть мимо, но почувствовал, как его затягивает в дыру.

Его сбило с ног и поволокло к отверстию, к которому на самом деле и вел мост. Тропинка, уходящая от моста на равнины, была случайной игрой природы или делом рук людей. Посланец цеплялся за каждый выступ на краю темной бездны.

Посмотрев по сторонам, Аркюэл увидел белого каменного льва, напавшего на воинов на дороге, выходящей вдоль противоположного склона ущелья. Копья и мечи тех, кто повернулся и вынужден был сражаться с чудовищем, разбивались о каменную шкуру твари, в то время как чудовище победоносно шествовало сквозь их ряды. Холка льва находилась на одном уровне с головой всадника.

А ветер затягивал Аркюэла в открывшуюся дыру, и посланник знал, что эта дыра никогда не заполнится. Он чувствовал, что по ту сторону нет никакой земли. Та тьма была совсем иным местом — местом большим, чем мир, принадлежащий людям.

Мускулы Аркюэла напряглись. Он пытался подтянуться на руках. Бедрями и ногами, раскачивающимися в воздухе, он чувствовал холод и боролся изо всех сил, пытаясь выбраться из дыры, чувствуя себя мухой, попавшей в паутину. То, что скрывалось в утесе у него за спиной (Аркюэл ощущал это всем своим существом), было обширнее самой глубокой бездны. Там в злобной радости веселилась какая-то тварь. Звук не звук, а что-то такое Аркюэл чувствовал. Неведомое создание ждало там, за порталом, разделяющим миры.

Но вот он ударился коленями о камень, зацепился за него и рванулся вперед, распластавшись по земле, словно ящерица. Воздух, завывая, омывал его тело. Аркюэл боролся изо всех сил.

За спиной у него было место, которое не могло осветить солнце, и Аркюэл знал — это граница входа в странный мир. Еще он знал, что дверь эта старается закрыться, потому что арка каменного свода над ней уже дрожала, начиная обваливаться. Казалось, сама природа хочет прекратить то, что начал он.

Аркюэл увидел, как закачались и задрожали утесы.

Посланник вжался в землю всем телом, цепляясь за нее, словно она могла помочь ему спастись от чего-то чуждого человеку, да и пожалуй для самой Смерти. Сильный ветер хлестал и бил его тело, но Аркюэл оставался на месте.

Согревшись в лучах солнца, он, откинув осторожность, подобрал ноги к животу, а потом метнулся в сторону. Какое-то мгновение он опасно балансировал, противопоставив ветру всю свою силу, повиснув на руках. Он пытался отыскать опору для ног... Наконец ему это удалось и он выскользнул из смертоносного потока.

Аргосец отполз на безопасное расстояние и попытался встать на ноги. Утесы вокруг дрожали и раскачивались. Мускулы на спине и руках Аркюэла тоже дрожали, но он этого не замечал. Волна дрожи прошла по земле, словно проснулся какой-то великан.

На той стороне ущелья лев все еще сражался с врагами Аквилонии. Он загнал нескольких солдат в расселину, но его собственные размеры не позволяли ему преследовать их дальше. Огромный каменный зверь снова протяжно зарычал и попытался добраться до врагов, но расселина оказалась слишком узкой. Лев стал царапать утесы, вставал на задние лапы, извивался, так что дрожали скалы. Наконец он неудачно повернулся у самого края бездны и полетел вниз, в бурлящий поток, разваливаясь на куски при ударах о стенки пропасти.

Аркюэл из Аргоса не видел, как рассыпавшаяся статуя упала в реку. В поисках убежища он направился по дороге в сторону равнин, и тут слева от него обрушилась скала, снова запечатав дверь в темный мир, похоронив его под тоннами камня. После обвала Аркюэл долго откашливался от пыли и уворачивался от валунов, скатившихся на дорогу. Он забился в расселину в скале и замер там, ожидая, пока дрожь земли не уймется.

Потом он медленно подошел к устью, ведущему в сторону Тарантии, которое превратилось в опасную дорогу, потому что теперь пологий склон справа обрывался в бездонную пропасть. Массивный мост до сих пор связывал утесы, но местами обвалился. Постамент на котором стоял каменный страж, больше не существовало...

Через несколько часов Аркюэл поднялся на плато. Отсюда дорога уходила дальше на юг. Хорошо утоптанная, она кружила по плечам гор. У подножия поросшего деревьями склона паслись два коня. Стерев грязь с лица, аргосец направился прямо к ним.

Джон Бордмен

ЗАВЕЩАНИЕ СНЕФРИ

Я, Снефри, сын Месю, рыбака из Кеми, что расположен в Стигии, диктую эти слова писцу Гапусенебу со своего предсмертного ложа в далеком Замбуле. Перед смертью я проклинаю Конана, короля Аквилонии, за те несчастья, что обрушил он на меня и моего ребенка, став причиной моего нищенского существования вдали от земли, где я родился. Из-за него придется мне умереть в изгнании.

Все произошло осенью в шестнадцатый год правления короля Ктефона IV, когда Тот-Амон, наставший на меня зло, стал Верховным священником Сета. В тот день я возвращался домой, так и не поймав никакой рыбы. Неожиданно из потайной бухточки выскользнуло судно, и четверо черных корсаров взяли меня в плен. Я сильно испугался, потому что на всем океанском побережье известно: корсары — настоящие демоны. Они пытаются и убивают всех, кто попадет к ним в лапы. Под командой капитана Амры они однажды обрушились на прибрежный дворец принца Таманеба, предав всех мечу. Мои братья Тету и Меру, служившие в охране принца, были убиты демоном Амрой.

Но корсары не убили меня. Разговаривая на своем варварском языке, они подняли меня и мою

бедную лодочку на борт пиратской галеры. Все это случилось в Мангровом заливе. Когда меня подняли на борт корабля, то поставили на колени перед самым Амрой, явившимся из ада мучить людей, поклоняющихся Сету. Конан — так Амра называл себя — король варварского королевства Аквилонии, лежащего далеко на севере, там, где люди презирают святого Сета и поклоняются таким дьяволам, как Митра и Кром.

Амра расспрашивал меня. Его интересовало, чем занимается великий священник Татотмис, вернувшись из путешествия в Мессантию. Но откуда же бедняку знать что-то о деяниях и мыслях священника Сета? Так я Амре и сказал. Однако он и его корсары посмеялись надо мной. А потом Амра надел мои одежды, забрал мою лодку и куда-то уплыл. Всю ночь я оставался пленником черных корсаров и не мог спать от страха. Эти морские демоны похвалялись тем, сколько стигийцев они убили и сколько обесчестили женщин, и я уже решил, что они будут пытаться и убьют меня.

Но на рассвете Амра вернулся. Его нож был обгажен кровью бедных стигийцев. Ликуя, показал он огромный красный драгоценный камень своим черным дьяволам и проревел о том, что теперь они поплывут в Зингару. Потом он подал мне полную шапку золота, отдал одежду и лодку.

Вернувшись в Кеми, я понял, что в эту ночь Сет был со мной. Я попал в руки корсаров и не только сохранил жизнь, но и получил больше золотых монет, чем у десяти человек пальцев на руках и ногах. Однако эта призрачная удача стала лишь первым шагом моего падения, которое и привело меня в нынешнее бедственное положение.

Привязав свою лодку у берега, я вернулся в хижину. Моя жена Нефри и шестеро моих детей обрадовались, увидев меня снова, так как боялись, что я утонул. Нефри рассказала мне о том, что случилось в Кеми этой ночью. Варвар-язычник убил одного из священных сынов Кеми — может быть, ту самую змею, которая в тот год взяла одного из моих сыновей (семья моя этим очень гордилась). И еще в сердце священной пирамиды был убит священник Татотмис и десять или двенадцать жрецов. Там же нашли трупы четырех желтых демонов. Еще говорили, что язычник похитил у священника драгоценность огромной магической силы.

Я показал Нефри золото, и она обрадовалась тому, что больше мы не будем жить в бедности. Однако это были нечестивые деньги, потому что дал их мне язычник Амра, убийца жрецов. На монетах был отчеканен не Сет и лик короля, как на нормальных стигийских деньгах, а какие-то луны, корабли и незнакомые варварские короли далеких, населенных демонами земель. Так что мы спрятали золото в горшок, и я отнес одну монету на базар к меняльщикам, обменять ее на серебряные сети и медные гюрахы.

Я зашел в палатку меняльщика Оуна и дал ему монету. Тот внимательно осмотрел ее и попробовал на зуб.

— Это аргосианский пол-арго, — сказал он. — Редко приходится их видеть, но несколько таких монет уже попадалось мне.

Он дал за нею мне шесть сетей и два гюраха, а я не торговался с ним, чтобы он не стал выспрашивать меня, где я взял эту монету.

Домой я вернулся в хорошем настроении, потому что сети — плата за день тяжелого труда, и

самый большой мой улов стоил на рынке два с половиной сети.

Нефри просила меня о многом: чтобы мы переехали в новый дом в престижном квартале Замлек, чтобы я попробовал стать торговцем, чтобы наш старший сын Готпи смог выучиться на жреца.

Приободренный, я на следующий день отнес Оуну самую большую из монет, в то время как Нефри отправилась в квартал Замлек посмотреть, не прибил ли кто к своим воротам птичьи крылья. Такой знак означал, что человек хочет продать свой дом. Оун посмотрел на монету, но в этот раз он нахмурился.

— Рыбак, откуда у тебя аквилонская луна? — спросил он меня.

— Луна, почтенный Оун?

— Монета из Аквилонии, где люди поклоняются дьяволице Митре и клянутся до самой смерти ненавидеть священного Сета. Эй, стража! — закричал он. — Этот человек принес мне аквилонское золото.

На базаре недалеко от меняльчиков всегда дежурил отряд королевской стражи. В палатку вошли трое стражников с мечами наготове. Оун показал им монету. Капитан стражи покосился на нее.

— Точно, — сказал он. — С одной стороны луна, а с другой выбит лик отвратительной Митры, топчущей святого Сета. Пойдем со мной, рыбак.

Меня забрали в пыточную короля, и там Верховный жрец Тот-Амон сам расспросил меня, в то время как его палачи работали над моим телом. Они забрали золото из хижины и обвинили меня, назвав сообщником Конана, убившего сына Сета

и жрецов. Нефри и детей тоже посадили в тюрьму и пытали — так законы Стигии предписывают поступать с предателями и их семьями.

Через год я предстал перед королем Ктефonom и Верховным жрецом. Они судили меня. Нефри и только один из моих сыновей выжили после пыток. Но жена моя потеряла все волосы. Нам зачитали законы короля Татамона VIII, где говорилось о помощи врагам Сета и Стигии, и по этим законам Высший жрец вынес нам приговор.

— Снефри, сын Месю, — сказал он мне. — С твоей помощью язычник Амра, зовущийся Конаном, королем Аквилонии, старый враг Истинной Веры и народа Стигии, убил сына Сета, убил двенадцать святых жрецов и украл Сердце Ахримана. Ты отдал ему свою одежду и получил золото за предательство. Наш приговор таков: твоя жена и ребенок и все твои родственники до пятого колена будут принесены в жертву великому богу Сету как возмещение за твое нечестивое деяние против нашего бога. А ты — Снефри, сын Месю, отправишься вверх по реке Стикс до Святого Города-Без-Названия и там примешь такое наказание, какое не знали в Стигии тысячу лет.

Я упал в обморок прямо в Судебной палате, потому что меня послали в сердце Стиши, в дом святого Сета, к священникам, знающим пытки, при помощи которых уничтожалось тело злоумышленника, а его душа отправлялась в черную пучину по ту сторону звезд. Придя в себя, я громко проклял язычника Конана, который направил меня по пути греха и по дороге измены. Но проклятия мне не помогли, и в тот день меня заковали в цепи и отправили вверх по течению на речном судне.

Однако это был не конец моих мучений. Когда мыплыли вверх по реке, на нас напали туранские грабители. Все жрецы оказались убиты, а меня и моряков забрали в рабство и продали в Замбуле. Изуродованный и павший духом, я проработал три года носильщиком у уличного торговца, таская по улицам огромные связки шкур. Все стигийцы избегают меня из-за моего великого преступления, люди других народов сторонятся, так как я стигиец и поклоняюсь Сету. Теперь же я умираю и попросил позвать писца, чтобы мое проклятие тому, кто виноват в моих несчастьях, было записано на века. Я прошу всех вас, помолитесь Сету, чтобы он смиростивился над моей душой!

Фриц Лейбер

КОГДА ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО БЕЖАТЬ

После столетий страхов и слухов хайборейские племена потекли на юг, уничтожая все на своем пути и завоеывая новые земли. Северные пограничные районы государства Сета оказались захвачены и разграблены армиями Татотмиса XX, и защитники их бежали. Войска захватчиков не встречали сопротивления, пока не достигли Стикса и древнего Кеми — величайшего столпа, спасшего старое южное королевство. Но богатые северные провинции Сета погибли...

Натмекри, малоизвестный скульптор, решил никуда не уезжать, в то время как все остальные великие искусники бежали... Весь день в замке царила суматоха. Слуги хозяина Магшастеса готовились к бегству на юг, но господа слишком долго медлили. Торопливые шаги, топот, пытящие от напряжения рабы, которых заставляли нести слишком много вещей и двигаться слишком быстро, равнодушное ржание и топот лошадей во дворе, скрип перегруженных фургонов и глухой треск рвущихся ремней, слишком туго затянутых на горах пожиток... крики, проклятия, завывания и приказы... Когда же все уехали, стало восхитительно тихо.

Только одну маленькую статуэтку подготовил к отливке Натмекри. Песчаная форма была гото-

ва, маленький горн пылал, и теперь Натмекри потянулся за брусом бронзы. Но его ожидало разочарование. Его сундук для металла оказался пуст. Должно быть, какой-то раб ограбил его прошлой ночью, пока скульптор гулял по лугам вокруг замка. Возможно, парень слышал, что больше всего завоеватели жаждут завладеть бронзой и помилуют тех, кто им ее даст.

Задумчивый взгляд Натмекри скользнул по стенам его маленькой комнаты, расположенной в одной из башен замка. На полках стояло несколько статуэток, инструмент и милая домашняя утварь. Тогда искусник задрал голову. Высоко на голой стене висел древний бронзовый меч, пыльный, почти черный и покрытый паутиной. Поставив стул на стол, Натмекри забрался повыше и достал клинок.

Держа в руке древнее оружие, Натмекри подошел к окну. Через узкую амбразуру он увидел вершину соседнего холма, залитого лучами горячего солнца, и дорогу, пересекающую его. Неожиданно взметнулось облако пыли, и на дороге появились всадники — оборванные воины на маленьких, тощих скакунах. У них были луки, круглые щиты и копья, зазубренные острия которых, как показалось Натмекри, заржавели от крови. Всадники приближались, скульптор услышал их крики.

Натмекри напрягся и на мгновение, словно воин, сжал старый меч. Потом мастер горько улыбнулся и покачал головой. Когда орда потекла через вершину холма, он отвернулся от окна и стал постепенно опускать меч в узкий мерцающий тигель.

Тонкий, изящный предмет плавился долго. Снова в замке поднялся шум — дикий смех,

топот, гогот, слышно было, как бьют стекла и ломают мебель. Рычащие проклятия разочарования говорили о том, что начался грабеж. И сам ограбленный — непростительно подло и мелочно ограбленный, — посочувствовал грабителям. Когда на свет извлекли съестные припасы и напитки, грабители взвыли, выражая воем те свои чувства, понять которые мог только варвар...

Но вот перекрестье старого меча исчезло в тигле. Когда же алые губы проглотили и гарду, Натмекри взял щипцы и приготовился лить металл.

По лестнице башни загрохотали тяжелые шаги, раздались громкие голоса, а потом кто-то стал колотить в дверь. Она не была заперта, просто сначала ее попытались открыть не в ту сторону: толкнули, вместо того чтобы потянуть. В центре комнаты ярким солнцем пылал тигель. От него поднимались жидкие клубы ослепительного белого пара.

Дверь резко распахнулась. Мгновение варвары стояли на пороге, озадаченные. Потом один из них — возможно, предводитель, который привел воинов в замок, — шагнул вперед и одним широким взмахом зазубренного, но местами еще острого, как бритва, длинного меча отрубил Натмекри голову.

Пульсирующий красный фонтан, неспешно выгнувшись, обрушил поток крови на готовую форму. Шипящий и дымящийся поток. Варвар сделал шаг назад. Потом что-то задело его примитивное чувство юмора. Долго, громко и грубо смеялся он.

Песчаная форма заполнилась кровью и развалилась, оставив крошечную темно-красную фигурку стройной женщины, одетой в длинные

одежды. Она загадочно смотрела на завоевателей. Ее голова казалась гвоздиком из металла — из того, что успел залить в форму Натмекри.

Безголовое тело Натмекри какое-то время еще стояло, дрожа в агонии. Но вот пальцы мертвеца разжались, выпустив щипцы. Тонкий ручеек металла от упавшего тигля пробежал по руке мастера и тотчас застыл.

А убийца скульптора смеялся как никогда. Что-то очень забавное привиделось ему в том, как дымящаяся кровь, брызнув фонтаном из перерубленной хайборейским мечом шеи скульптора, в три удара сердца заполнила форму и, застыв, превратилась в последнюю статуэтку Натмекри.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Майкл Резник
«РЫЖЕБОРОДЫЙ»
Перевод Л. Михайловой
5

КОНАН-КЛУБ
Гарднер Фокс
«ПРОКЛЯТИЕ ДЕМОНОВ»
Перевод А. Коломейцева
221

Джон Джейкс
«ДЬЯВОЛЫ В СТЕНАХ»
Перевод А. Тишинина
321

Кэтрин Мур
«ПОЦЕЛУЙ ЧЕРНОГО БОГА»
Перевод В. Правосудова
355

МИР КОНАНА
Рэй Капелла
«МОСТ ЛЬВА»
Перевод А. Фредерикса
403

Джон Бордмен
«ЗАВЕЩАНИЕ СНЕФРИ»
Перевод А. Фредерикса
417

Фриц Лейбер
«КОГДА ОСТАЕТСЯ ТОЛЬКО БЕЖАТЬ»
Перевод А. Фредерикса
423

*Литературно-художественное
издание*

**Майкл Резник
РЫЖЕБОРОДЫЙ**

Перевод с английского

Ответственный редактор
Александр Тишинин

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
*Татьяна Бородулина
Елена Омельяненко*

Верстка
Антон Вальский

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 17.07.96.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 30 000 экз. Усл. печ. л. 22,6.

Изд. № 79. Заказ № 1927.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука»
представляет новый проект

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысла жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и конечно же повести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»

Том 1. «Черный ястреб»

Том 2. «Царство Теней»

Майкл Резник. «Торир Рыжебородый»

Готовится к выпуску сериал

— КОРМАК —

Его создатель — замечательный американский писатель, ученик Роберта Говарда, автор романов о Конане-киммерийце ЭНДРЮ ОФФУТТ.

Цикл романов о свирепом воине Кормаке МакАрте – прямое продолжение уже знакомых читателям повестей Говарда «Тигры морей» и «Ночной волк».

КТО НЕ С НАМИ – ТОТ ПРОТИВ НАС!

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

БРЭК

Читатели откроют для себя писателя, имя которого овеяно множеством легенд. Это знаменитый американский фантаст **ДЖОН ДЖЕЙКС**.

В рамках серии «Сага о Бессмертных Героях» выходят в свет романы Джона Джейкса под общим названием «БРЭК-ВАРВАР». Летопись о приключениях отважного варвара множество раз переиздавалась на Западе — и вот наконец-то переведена на русский язык.

Джейкс создал свой неповторимый, удивительный мир, населил его самыми загадочными племенами и народами. И самое главное — автор создал великолепного Героя. Сказание о странствиях и подвигах могучего Брэка — это один из лучших образцов героического фэнтези. Это подлинный подарок тем, кто не привык скушать над книжными страницами, кто жаждет стать участником головокружительных приключений, испытать свою волю и ощутить вкус настоящей борьбы.

*Не пропустите двухтомник
Джона Джейкса «БРЭК-ВАРВАР»!*

ТАКОГО ГЕРОЯ ВАМ НЕ ЗАБЫТЬ
НИКОГДА!

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

КЕЙН

Создатель всемирно известного сериала о Кейне Меченосце — американский фантаст Карл Эдвард Вагнер, признанный ученик Роберта Говарда, автор блестящего романа о Конане «Дорога Королей».

Изгнанный безжалостными властителями воин-колдун Кейн — скорее сторонний наблюдатель, чем активный участник необычайных событий, происходящих в мире, где правит черная магия.

Но стоит только подуть Ветру Ночи, как бессмертный воин, обнажив свой сверкающий клинок, бросается в битву против сил Зла. Ужасные оборотни, безымянные чудовища Хаоса, незнющие жалости убийцы... никто не может противостоять Кейну Меченосцу.

Читайте первые два тома
«Сказания о Кейне»:

Том 1. «Ветер Ночи»
Том 2. «Ангел Смерти»

ПРИГЛАШАЕМ ВАС В ДАЛЕКОЕ СТРАНСТВИЕ!

Издательство «Азбука» представляет новый издательский проект – ретроспективу лучших произведений зарубежных фантастов под общим названием

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Внимание, все истинные поклонники фэнтези! Вам будут предложены самые лучшие романы, написанные за последнее десятилетие и прочно занявшие лидирующие места во всех хит-парадах фантастической литературы. Вас ждет грандиозное путешествие в десятки удивительных, неповторимых миров, созданных безудержной фантазией знаменитых фантастов. Каждый роман – своеобразная панорама загадочных, лежащих за пределами нашей привычной реальности, неведомых земель. Земель, где разворачивается невиданная по своему размаху битва между силами Добра и Зла, между воинами Света и отвратительными порождениями Тьмы.

Открыв любую книгу из серии «САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ», вы позабудете, что такое скука. Вы сами не заметите, как очутитесь в прекрасном, чарующем мире оживших легенд и преданий седой древности. Рядом с вами, плечом к плечу встанут закованные в броню бесстрашные витязи. Вы услышите, как звенят, скреживаясь в смертоносном единоборстве, сверкающие клинки. Вы увидите таинственное свечение невесомой паутины колдовских заклятий. Вы почувствуете холодное дуновение ветра, что поднимают огромные крылья взмывающего к небесам дракона.

**МЫ СТАНЕМ ВАШИМ ПРОВОДНИКОМ
ПО НЕВЕДОМЫМ ЗЕМЛЯМ!**

Не пропустите ни одной книги!

196105, Санкт-Петербург, а/я 192
Издательство «Азбука». Редакция фантастики.

Имя автора этой книги не нуждается в дополнительной рекламе.
Лауреат многочисленных премий

МАЙКЛ РЕЗНИК

давно уже прочно занимает лидирующее место во всех
хит-парадах фантастической литературы.

У вас в руках замечательный роман Майкла Резника,
всемирно известный фэнтези-боевик

РЫЖЕБОРОДЫЙ

Эта замечательная сага повествует о приключениях могучего
воина-варвара по прозвищу Торир Рыжебородый.

Всю свою жизнь Торир боролся против
отвратительного колдуна Гарета Кола.

Колдун задумал уничтожить всех нормальных Людей
и населить континенты Уродами.

Страшную цену пришлось заплатить Рыжебородому,
чтобы сорвать планы чародея...

Кроме того, всех любителей фэнтези ожидает сюрприз —
новый выпуск «Вестника Конан-Клуба».

Мы рады предложить вам рассказы
самых известных зарубежных фантастов.

Это такие мастера, как Кэтрин Мур, Джон Джейкс и Гарднер Фокс.

Также на страницах «Вестника» вы найдете
блок рассказов под рубрикой

МИР КОНАНА.